

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ Д. РЯЗАНОВА и И. СТЕПАНОВА

КАРЛ МАРКС

КАПИТАЛ

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТОМ ТРЕТИЙ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА III

ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ

ГЛАВЫ XXIX—LII

Издание, подготовленное Ф. ЭНГЕЛЬСОМ
Перевод под редакцией В. БАЗАРОВА и И. СТЕПАНОВА
пересмотренный И. СТЕПАНОВЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Содержание.

Книга третья.

Процесс капиталистического производства, взятый в целом.

Отдел пятый.

Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход.
Капитал, приносящий проценты.

	<i>Стр.</i>
Глава двадцать девятая. Составные части банкового капитала.	1
Глава тридцатая. Денежный капитал и действительный капитал. I. (Коммерческий кредит. Денежный капитал и действительный капитал в различных фазах промышленного цикла).	14
Глава тридцать первая. Денежный капитал и действительный капитал. II. (Превращение денег в ссудный капитал. — Масса ссудного капитала независима от наличного количества денег. — Превращение дохода или капитала в деньги, которые должны превращаться в ссудный капитал).	33
Глава тридцать вторая. Денежный капитал и действительный капитал. III. (Образование ссудного капитала вследствие освобождения действительного капитала. — Общие замечания. — Выводы.)	43
Глава тридцать третья. Средства обращения при кредитной системе	59
Глава тридцать четвертая. Currency principle и английское банковое законодательство 1844 года	86
Глава тридцать пятая. Благородный металл и вексельный курс	104
I. Движение золотой наличности	104
II. Вексельный курс	114
Глава тридцать шестая. Доканталистические отношения	133

Отдел шестой.

Превращение добавочной прибыли в земельную ренту.

Глава тридцать седьмая. Предварительные замечания	154
Глава тридцать восьмая. Дифференциальная рента. Общие замечания	180
Глава тридцать девятая. Первая форма дифференциальной ренты (Дифференциальная рента I.)	189
Глава сороковая. Вторая форма дифференциальной ренты. (Дифференциальная рента II). Общие замечания	213
Глава сорок первая. Дифференциальная рента II. Первый случай: постоянная цена производства	225

Глава сорок вторая. Дифференциальная рента II. Второй случай: понижающаяся цена производства	232
Глава сорок третья. Дифференциальная рента II. Третий случай: повышающаяся цена производства. Выводы	248
Глава сорок четвертая. Дифференциальная рента с наихудшей из возделываемых земель	274
Глава сорок пятая. Абсолютная земельная рента	283
Глава сорок шестая. Рента за строительные участки. Рента за рудники. Цена земли	309
Глава сорок седьмая. Генезис капиталистической земельной ренты	313
I. Предварительные замечания	318
II. Отработочная рента	325
III. Рента продуктами	330
IV. Денежная рента	333
V. Издольное хозяйство и крестьянская парцеллярная собственность	339

Отдел седьмой.

Д о х о д ы.

Глава сорок восьмая. Трехдневная формула	351
Глава сорок девятая. К анализу процесса производства	369
Глава пятидесятая. Кажущаяся роль конкуренции	376
Глава пятьдесят первая. Распределительные отношения и производственные отношения	415
Глава пятьдесят вторая. Классы	423

Отдел пятый.

Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты.

(Продолжение.)

Глава двадцать девятая.

Составные части банкового капитала.

Теперь мы должны рассмотреть ближе, из чего состоит банковый капитал.

Мы только что видели, что Фуллартон и другие превращают различие между деньгами как средством обращения и деньгами как платежным средством (а также мировыми деньгами, поскольку принимается в расчет отлив золота) в различие между обращением (*circulation*) и капиталом.

Особенная роль, выполняемая здесь капиталом, приводит к тому, что с такою же старательностью, с какою просвещенная экономия пыталась внушить, что деньги не капитал,—с такою же старательностью эта экономия банкиров внушает, что деньги являются действительно капиталом *par excellence*.

Однако в дальнейшем исследовании мы покажем, что денежный капитал здесь смешивается с *moneyed capital* в смысле капитала, приносящего проценты, тогда как в первом случае денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую с точки зрения ее отличия от других форм капитала, т.-е. от товарного капитала и производительного капитала.

Банковский капитал состоит: 1) из наличных денег, золота или банковых билетов; 2) из ценных бумаг. Эти последние мы опять-таки разделяем на две части: торговые бумаги, текущие векселя, для которых время от времени истекает срок и в учете которых состоит собственно деятельность банкира; и общественные ценные бумаги, как государственные бумаги, свидетельства государственного казначейства, всякого рода акции,—короче, различные бумаги, приносящие проценты, но существенно отличающиеся от векселей. Сюда могут

быть причислены также ипотеки. Капитал, состоящий из этих вещественных составных частей, разделяется опять-таки на капитал, вложенный самим банкиром, и вклады, составляющие его banking capital, или капитал, полученный им в ссуду. В банках, выпускающих билеты, сюда же относятся эти банкноты. Вклады и банкноты мы пока оставим в стороне. Ясно во всяком случае, что действительные составные части банкирского капитала—деньги, векселя, процентные бумаги—нисколько не изменяются от того, представляют ли эти различные элементы собственный капитал банкира, или же являются вкладами, т.-е. капиталом других людей. Разделение капитала на части остается неизменным как в том случае, если банкир ведет дело только при помощи своего собственного капитала, так и в том случае, если он располагает только капиталом, составившимся из вкладов.

Уже самая форма капитала, приносящего проценты, приводит к тому, что каждый определенный и регулярный денежный доход представляется процентом на капитал независимо от того, возникает ли этот доход из капитала или нет. Сначала денежный доход превращается в процент, а затем, раз имеется процент, найдется уж и капитал, из которого процент возникает. Равным образом при наличности капитала, приносящего проценты, всякая сумма стоимости представляется капиталом, раз она не расходуется как доход, — именно, представляется основной суммой, капиталом (principal), в противоположность тому проценту, который она может приносить или приносить в действительности.

Суть дела проста. Пусть средний размер процента 5% в год. Следовательно, сумма в 500 £, превращенная в капитал, приносящий проценты, доставляла бы ежегодно 25 £. Каждый постоянный ежегодный доход в 25 £ рассматривается поэтому как процент на капитал в 500 £. Однако это чисто иллюзорное представление, за исключением того случая, когда источник дохода в 25 £ — представляет ли он простой титул собственности, или долговое требование, или же действительный элемент производства, как, напр., земельный участок,—может быть непосредственно передан из рук в руки или же приобретает форму, в которой он способен к такой передаче. Возьмем для примера государственный долг и заработную плату.

Государство должно ежегодно выплачивать своим кредиторам определенный процент за занятый им капитал. Здесь кредитор не может требовать от должника возвращения своего капитала, он может только продать свое долговое требование, свое право собственности. Самый капитал потреблен, затрачен государством. Он более не существует. Что касается кредитора государства, то он: 1) обладает долговым обязательством государства, скажем, на 100 £; 2) получает в силу

этого обязательства право на известную часть годовых доходов государства, т.-е. на известную часть годовых налогов, в размере, скажем, 5 £ или 5%; 3) может продать это долговое обязательство на 100 £ всякому другому лицу. Если размер процента 5% и если платежеспособность государства не возбуждает сомнений, то владелец А может, вообще говоря, продать долговое обязательство В за 100 £; потому что для В совершенно безразлично, ссужает ли он 100 £ за 5% годовых, или же путем уплаты 100 £ обеспечивает себе ежегодную дань со стороны государства в размере 5 £. Но во всех этих случаях капитал, отпрыском (процентом) которого считаются государственные платежи, остается иллюзорным, фиктивным капиталом. И не только потому, что сумма, данная в ссуду государству, вообще уже не существует. Сумма эта никогда вообще не предназначалась для того, чтобы ее израсходовать, вложить как капитал, а между тем только применение ее в качестве капитала могло бы превратить ее в самосохраняющуюся стоимость. Для первоначального кредитора А причитающаяся ему доля ежегодных налогов представляет процент на его капитал, — совершенно так же, как для ростовщика процентом на капитал представляется причитающаяся ему часть имущества мота, хотя в обоих случаях денежная сумма, данная взаймы, была израсходована не как капитал. Возможность продать долговое обязательство государства представляет для А возможность вернуть основную сумму. Что касается В, то с его частной точки зрения капитал его вложен как капитал, приносящий проценты. По существу же дела В только стал на место А и купил принадлежащее последнему долговое обязательство государства. Как бы ни умножались сделки этого рода, капитал государственного долга во всяком случае остается чисто фиктивным, и если долговые обязательства перестанут находить себе покупателей, то с этого момента исчезнет даже внешняя видимость этого капитала. Тем не менее, как мы сейчас увидим, этот фиктивный капитал обладает своим собственным движением.

Теперь мы рассмотрим рабочую силу в противоположность капиталу государственного долга, где в качестве капитала выступает отрицательная величина, — как и вообще капитал, приносящий проценты, есть мать всех слепо извращенных форм, так что, напр., долги в представлении банкира могут казаться товарами. Заработная плата рассматривается здесь как процент, а следовательно, рабочая сила — как капитал, приносящий эти проценты. Если, например, годовая заработная плата = 50 £, а размер процента 5%, то годовая рабочая сила считается равной капиталу в 1.000 £. Нелепость капиталистического способа представления достигает здесь своего апогея: вместо

того чтобы возрастание стоимости капитала объяснять эксплуатацией рабочей силы, производительность рабочей силы объясняется, наоборот, тем, что сама эта рабочая сила — мистическая вещь, капитал, приносящий проценты. Во второй половине XVII века (напр., у Петти) это было излюбленным представлением, но и в наши дни его с полной серьезностью придерживаются отчасти вульгарные экономисты, отчасти же и главным образом немецкие статистики ¹⁾. К сожалению, имеются два неприятные обстоятельства, нарушающие это бессмысленное представление: во-первых, рабочий должен работать, чтобы получать свои проценты, и, во-вторых, он не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем ее передачи другому. В действительности годовая стоимость его рабочей силы равна его средней годовой заработной плате, и своим трудом он должен возместить для покупателя его рабочей силы именно эту стоимость плюс прибавочная стоимость, результат ее возрастания. При системе рабства рабочий представляет сам капитальную стоимость, имеет покупную цену. И если его берут в наем, то наниматель должен, во-первых, уплатить процент на его покупную цену и, кроме того, возместить ежегодное снашивание капитала.

Образование фиктивного капитала называют капитализацией. Капитализируется каждый регулярно повторяющийся доход, при чем его исчисляют по среднему размеру процента как доход, который приносил бы капитал, отданный в ссуду из этого процента; если, например, годовой доход $\hat{=}$ 100 £ и размер процента $=$ 5%, то 100 £ представляют головой процент на 2.000 £, и эти 2.000 £ считаются теперь капитальной стоимостью юридического титула собственности на доход в 100 £ ежегодно. Для того, кто купил это право собственности, 100 £ действительно представляют процент на капитал, вложенный из 5%. Таким образом здесь утрачиваются последние следы зависимости от действительного процесса возрастания капитала, и представление о капитале как о стоимости, самовозрастающей автоматически, окончательно упрочивается.

Даже там, где долговое обязательство — ценная бумага — не представляет чисто иллюзорного капитала, как в случае с государственными долгами, капитальная стоимость этой бумаги все же совершенно

¹⁾ «Рабочий имеет капитальную стоимость, величина которой определится, если мы будем рассматривать денежную стоимость его ежегодного заработка как процент искомого капитала... Если... капитализировать из 4% средний дневной заработок, то получатся следующие средние величины капитала одного сельскохозяйственного рабочего мужского пола: для немецкой Австрии 1.500 талеров, для Пруссии 1.500, для Англии 3.750, для Франции 2.000, для внутренней России 750 талеров» (Von Reden, Vergleichende Kulturstatistik, Berlin 1848, S. 134).

иллюзорная. Мы видели выше, каким образом кредитное дело создает ассоциированный капитал. Бумаги служат титулами собственности, представляющими собою данный капитал. Акции железнодорожных, горных, пароходных и др. обществ представляют действительный капитал, именно капитал, вложенный и функционирующий в этих предприятиях, или денежную сумму, авансированную участниками с целью затратить ее в этих предприятиях как капитал. При этом, конечно, отнюдь не исключена возможность, что акции представляют лишь дутое предприятие. Во всяком случае капитал существует не вдвойне,— с одной стороны, как капитальная стоимость права собственности, акций, и, с другой стороны, как капитал, действительно вложенный или подлежащий вложению в упомянутые предприятия. Капитал существует лишь в этой последней форме, и акция есть лишь титул собственности, *pro rata*, на реализуемую им прибавочную стоимость. А может продать это право В, В может продать его С. Такие сделки ничего не изменят в существе дела. А или В превращает в таком случае свой юридический титул в капитал, а С свой капитал—в простой титул собственности на прибавочную стоимость, ожидаемую от акционерного капитала.

Самостоятельное движение стоимости этих титулов собственности—не только государственных фондов, но и акций—подтверждает иллюзию, что они образуют действительный капитал наряду с тем капиталом или с тем притязанием, титулы которых они, может быть, представляют. А именно, они становятся товарами, цена которых самостоятельно устанавливается и изменяется. Их рыночная стоимость получает отличное от их номинальной стоимости определение, не связанное с изменением стоимости действительного капитала (хотя и связанное с изменением интенсивности возрастания этой стоимости). С одной стороны, рыночная стоимость акций изменяется вместе с высотой и обеспеченностью доходов, на которые они дают право. Если номинальная стоимость акции, т.-е. действительно затраченная сумма, которую она первоначально представляла, есть 100 £, и если впоследствии предприятие вместо 5% стало приносить 10%, то рыночная стоимость акции при прочих равных условиях и при размере процента в 5% поднимается до 200 £, потому что, капитализированная из 5%, она представляет теперь фиктивный капитал в 200 £. Тот, кто покупает ее за 200 £, получает 5% дохода с этой затраты капитала. Обратное имеет место, если доход предприятия уменьшается. Рыночная стоимость этих бумаг носит отчасти спекулятивный характер, так как она определяется не только действительным, уже полученным доходом, но и ожидаемым, заранее исчисленным. Но если мы предположим, что интенсивность возрастания стоимости действи-

тельного капитала является постоянной, или же возьмем такие случаи, где, как в случае государственного долга, никакого капитала не существует, и предположим, что ежегодный доход фиксирован законом и вообще достаточно обеспечен, то цена этих ценных бумаг будет повышаться и понижаться в обратном направлении с движением процента. Если размер процента с 5 повышается до 10⁰/₀, то ценная бумага, обеспечивающая доход в 5 £, будет представлять капитал всего в 50 £. Если же уровень процента понижается до 2¹/₂⁰/₀, та же самая ценная бумага представляет капитал в 200 £. Ее стоимость есть всегда лишь капитализированный доход, т.-е. доход, исчисленный на фиктивный капитал в соответствии с существующим размером процента. Таким образом в периоды стеснения на денежном рынке эти ценные бумаги должны вдвойне падать в цене: во-первых, потому, что повышается размер процента, и, во-вторых, потому, что их массами выбрасывают на рынок с целью реализовать в деньгах. Это падение цен имеет место и в том случае, если доход, обеспечиваемый этими бумагами их владельцу, остается постоянным, как при государственных фондах, и в том случае, если интенсивность возрастания действительного капитала, представляемого бумагами, будет затронута нарушениями процесса воспроизводства,—как это может случиться с промышленными предприятиями. В последнем случае к вышеупомянутому обесценению присоединяется только еще новое. После того как буря миновала, бумаги снова достигают своего прежнего уровня, поскольку они не представляют собою предприятий, потерпевших крах или дутых. Их обесценение во время кризиса действует как мощное средство централизации денежного имущества ²⁾).

Поскольку обесценение или повышение стоимости этих бумаг независимо от движения стоимости действительного капитала, который они представляют, богатство нации после такого обесценения или повышения стоимости остается таким же, каким оно было до него. «К 23 октября 1847 года государственные фонды и акции каналов и железных дорог упали уже в стоимости на 114.725.225 £» (Моррис, управляющий Английского банка, показание в отчете о Commercial

²⁾ [Непосредственно после февральской революции, когда в Париже товары и ценные бумаги были в высшей степени обесценены и вовсе не находили себе покупателей, один швейцарский купец в Ливерпуле, г. Р. Цильхенбарт (рассказавший этот случай моему отцу), обратил в наличные деньги все, что было можно, отправился с этими деньгами в Париж и обратился к Ротшильду с предложением совместно предпринять аферу. Ротшильд пристально посмотрел на него и, бросившись к нему, схватил его за оба плеча: «Avez-vous de l'argent sur vous?—Oui, M. le baron!—Alors] vous êtes mon homme!» («А у вас есть наличные?—Да, г. барон!—Ну, тогда вы тот, кого мне нужно!»)—И оба они действительно совершили блестящую аферу.—Ф. Э.

Distress 1847—48). Поскольку их обесценение не выражало действительного застоя производства и транспорта по железным дорогам и каналам, или прекращения уже начатых предприятий, или отбрасывания капитала в предприятия, действительно ничего не стоящие, нация не стала беднее ни на грош от того, что полопались эти мыльные пузыри номинального денежного капитала.

В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, — их денежная или капитальная стоимость вовсе не представляет собою никакого капитала, как при государственных долгах, или регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который они представляют.

Во всех странах капиталистического производства имеется огромное количество так называемого приносящего проценты капитала, или *moneyed capital* в этой форме. И под накоплением денежного капитала во многих случаях разумеется именно накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний.

И вот часть банкирского капитала вложена в эти так называемые процентные бумаги. Это часть запасного капитала, который не функционирует в самом банковом предприятии. Значительная часть его состоит из векселей, т.-е. платежных обязательств промышленных капиталистов или купцов. Для лица, ссужающего деньги, векселя эти являются процентными бумагами; т.-е., покупая эти бумаги, он вычитает проценты за время, остающееся до срока платежа. В этом состоит то, что называют учетом. Следовательно, от той высоты, на которой стоит в каждый данный момент уровень процента, зависит, как велик вычет из суммы, представляемой векселем.

Наконец последняя часть капитала банкира состоит из его денежного запаса в золоте или банкнотах. Вклады, если только их более или менее продолжительное пребывание в банке не обусловлено договором, во всякий момент должны быть выданы по требованию вкладчика. Они находятся в состоянии постоянных приливов и отливов. Но, извлеченные одним, они возмещаются другим, так что в периоды нормального хода дел их средняя величина мало колеблется.

В странах с развитым капиталистическим производством резервные фонды банков всегда служат выражением среднего количества денег, находящихся в форме сокровища, при чем часть этого последнего опять-таки состоит из бумаг, из простых удостоверений на получение золота, не имеющих никакой собственной стоимости. Поэтому в большей своей части банкирский капитал совершенно фиктивен и состоит из долговых требований (векселей), государственных бумаг

(представляющих прошлый капитал) и акций (удостоверений на получение будущего дохода). При этом не следует забывать, что денежная стоимость того капитала, который представлен этими бумагами, находящимися в несоразмерных шкафах банкиров, является совершенно фиктивной даже в том случае, если они суть удостоверения на вполне обеспеченный доход (как государственные бумаги) или служат титулом собственности на действительный капитал (как акции), и что денежная стоимость эта регулируется независимо от стоимости действительного капитала, который упомянутые бумаги, по крайней мере отчасти, представляют собою; если же они представляют не капитал а простое требование на доходы, то требование на один и тот же доход выражается в постоянно изменяющемся фиктивном денежном капитале. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что этот фиктивный капитал банкира представляет по большей части не собственный его капитал, а капитал публики, которая с процентами или без них вкладывает его в банк.

Вклады производятся всегда деньгами, золотом или банкнотами, или удостоверениями на них. За исключением запасного фонда, который в зависимости от потребностей действительного обращения то сокращается, то расширяется, вклады эти на деле всегда находятся в руках, с одной стороны, промышленных капиталистов и купцов, которые за счет вкладов учитывают свои векселя и получают ссуды; с другой стороны, в руках торговцев ценными бумагами (биржевых маклеров) или в руках частных лиц, продавших свои ценные бумаги, или в руках правительства (в случаях с свидетельствами государственного казначейства и новыми займами). Самые вклады играют двойную роль. С одной стороны, они, как было уже упомянуто, даются в ссуду в качестве капитала, приносящего проценты, и, следовательно, не находятся в кассах банков, а лишь фигурируют в их книгах как имущество вкладчиков. С другой стороны, они функционируют как такие простые записи в книгах, поскольку взаимные долговые обязательства вкладчиков погашаются путем чеков на вклады и списываются с взаимных счетов; при этом совершенно безразлично, находятся ли вклады у одного и того же банкира, так что этот последний списывает сумму со счета одного и переносит ее на счет другого вкладчика, или же это происходит между различными банками, которые взаимно обмениваются своими чеками, уплачивая лишь разницу.

С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы весь капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие различных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое

требование в различных руках появляется в различных формах ³⁾. Большая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна. Все вклады за исключением резервного фонда представляют не что иное, как долговые обязательства банкира, и никогда не имеются в наличности. Поскольку они служат для переводных операций, они функционируют как капитал для банкиров, после того как эти последние отдадут их в ссуду. Банкиры расплачиваются друг с другом удостоверениями на несуществующие вклады, взаимно списывая со счетов эти долговые требования.

А. Смит говорит следующее о той роли, которую играет капитал при денежных ссудах: «Даже при сделках на наличные, деньги играют роль как бы удостоверения, при помощи которого капиталы, не находящие себе применения у своего владельца, переносятся из рук в руки. Эти капиталы могут почти неограниченно превышать по своей величине денежную сумму, служащую орудием их передачи; те же самые монеты последовательно служат при многих различных займах, точно так же, как и при многих различных покупках. Например, А ссужает W 1.000 £, на которые W тотчас же закупает у В товаров на 1.000 £. Так как В не находит применения для денег, он ссужает ту же сумму X, а X при помощи нее опять-таки немедленно покупает у С товаров на 1.000 £. Таким же образом и на том же основании С ссужает свои деньги Y, который снова покупает на них товаров у D. Итак, одни и те же золотые монеты или бумаги

³⁾ [Это удвоение и утроение капитала за последние годы развилось значительно шире благодаря таким причинам, как, например, финансовые тресты, занимающие уже в лондонских биржевых отчетах особую рубрику. Образуется общество для закупки известного рода процентных бумаг, скажем, иностранных государственных бумаг, английских городских или американских государственных долговых обязательств, железнодорожных акций и т. д. Капитал, скажем, в 2 миллиона £ собирается путем подписки на акции; дирекция покупает соответственные ценности, при случае более или менее энергично спекулирует на них и распределяет годовые проценты за вычетом издержек между акционерами в качестве дивиденда.—Далее, у некоторых акционерных обществ вошло в обыкновение разделять обыкновенные акции на два класса: *preferred* и *deferred*. Акции *preferred* приносят фиксированный процентный доход, скажем, 5%, предполагая, конечно, что это допускает общая прибыль предприятия; если сверх того остается некоторый избыток, он распределяется между акциями *deferred*. Таким путем «солидные» затраты капитала в *preferred* более или менее изолируются от спекуляции в собственном смысле слова, оперирующей с *deferred*. Но так как отдельные крупные предприятия не желают усвоить себе эту новую моду, то начали образовываться общества, которые, вложив несколько миллионов £ в акции этих предприятий, выпускают затем на номинальную стоимость этих акций новые акции, но уже на-половину *preferred*, на-половину *deferred*. В этом случае количество первоначально выпущенных акций удваивается, так как они служат основанием для нового выпуска акций.—Ф. Э.]

могут в течение немногих дней послужить посредниками для трех различных займов и трех различных покупок, при чем каждая из этих сделок по своей стоимости равна всей совокупности этих денежных знаков. Владельцы денег А, В и С передали трем заемщикам W, X и Y только власть совершить эти закупки. В получении этой власти состоит как ценность, так и полезность этих займов. Капитал, данный в ссуду тремя капиталистами, равен стоимости товаров, которые могут быть на него куплены, и втрое больше, чем стоимость денег, при помощи которых совершаются эти покупки. Тем не менее возврат всех этих займов может быть вполне обеспечен, так как товары, купленные должниками на занятые деньги, употребляются таким способом, что по прошествии известного срока они возвращают свою стоимость с прибылью в виде золотых или бумажных денег. И подобно тому как одни и те же монеты могут служить средством для различных займов, превышающих в общей сложности их стоимость в три или даже в тридцать раз, равным образом они могут последовательно послужить средством для обратного возвращения этих займов» (Book II, ch. IV).

Так как одна и та же монета может совершить несколько различных покупок, смотря по быстроте ее обращения, то она может также совершить несколько различных займов, потому что акты купли передают ее из одних рук в другие, а заем есть не что иное, как передача из рук в руки, совершающаяся без посредства купли. Для каждого из продавцов деньги представляют превращенную форму его товара; в настоящее время, когда всякая стоимость принимает вид капитальной стоимости, деньги в различных займах представляют последовательный ряд различных капиталов, что является лишь иным выражением того установленного выше положения, что деньги могут последовательно реализовать различные товарные стоимости. Наряду с этим деньги как средство обращения служат для того, чтобы переместить вещественные капиталы из одних рук в другие. При займе деньги переходят из рук в руки не как средство обращения. Пока они остаются в руках заемщика, они в его руках не средство обращения, а форма существования стоимости его капитала. И в этой форме он передает их при займе третьему лицу. Если бы А ссудил деньги В, а В ссудил их С, без посредства актов купли, то данная сумма денег представляла бы не три капитала, а один, только одну капитальную стоимость. Сколько капиталов деньги действительно представляют, зависит от того, насколько часто функционируют они как форма стоимости различных товарных капиталов.

То, что А. Смит говорит о ссудах вообще, приложимо и к вкладам, так как последние представляют лишь особое название для ссуд,

которые публика делает банкиру. Одна и та же сумма может служить в качестве орудия для произвольного числа вкладов.

«Бесспорно справедливо, что 1.000 £, помещенные кем-либо как вклад сегодня у А, завтра будут выдапы обратно и образуют вклад у В. День спустя, выплаченные В, они могут явиться вкладом у С и т. д. до бесконечности. Поэтому одна и та же денежная сумма в 1.000 £ может путем ряда передач умножиться, образуя абсолютно неопределимую сумму вкладов. Возможно таким образом, что $\frac{9}{10}$ всех вкладов Соединенного Королевства существуют только в виде удостоверяющих их записей в книгах банкиров, которые должны производить взаимные расчеты... Так, например, в Шотландии, где количество денег, находящихся в обращении, никогда не превышало 3 миллионов £, сумма вкладов достигает 27 миллионов. И если не возникает паники, заставляющей всех требовать свои вклады обратно из банков, то те же самые 1.000 £, проделывая свой обратный путь, с прежней легкостью могут снова и снова компенсировать столь же неопределенно большую сумму. Так как те же самые 1.000 £, которыми сегодня уплачен долг лавочнику, завтра служат для погашения долга этого последнего купцу, а еще через день покрывают долг купца банку и т. д. до бесконечности, то одни и те же 1.000 £, переходя из рук в руки, из банка в банк, способны покрыть всякую сумму вкладов, какую только можно себе представить» (The Currency Question Reviewed, p. 162, 163).

И так как в этой кредитной системе все удваивается, утрачивается и превращается в простой призрак, то это справедливо и по отношению к «запасному фонду», в котором надеются, наконец, нащупать нечто солидное.

Послушаем опять г. Морриса, управляющего Английским Банком: «Запасные фонды частных банков находятся в руках Английского банка в форме вкладов. Отлив золота может, повидимому, сначала затронуть лишь Английский банк; в действительности однако отлив золота в такой же степени затронул бы и резервы других банков, так как он означал бы отлив части резервов, которые они имеют в нашем банке. Совершенно такое же влияние оказал бы он на резервы всех провинциальных банков» (Commercial Distress 1847—48). Итак, в конце концов оказывается, что запасные фонды частных банков растворяются в запасном фонде Английского банка ⁴⁾. Но и этот за-

⁴⁾ [Насколько широкое развитие получила с тех пор эта практика, доказывают следующие официальные данные относительно запасов в пятнадцати крупнейших лондонских банках в ноябре 1892 г. (мы заимствуем их из Daily News 15 декабря 1892 г.):

паспой фонд существует опять-таки в двоякой форме. Резервный фонд банкового отделения (banking department) равняется избытку всего количества банкнот, которое банк имеет право выпустить, над тем их количеством, которое находится в обращении. Установленный законом максимум банкнот, подлежащих выпуску, = 14 миллионам (для которых не требуется металлического резерва; это равняется приблизительно величине государственного долга банку) плюс сумма, покрываемая металлическим резервом банка. Таким образом, если этот резерв = 14 миллионам £, то банк имеет право выпустить на 28 миллионов £ банковых билетов, и, если из этой последней суммы 20 миллионов находятся в обращении, то резервный фонд banking department (банковского отделения) = 8 миллионам. Эти 8 миллионов банкнотами составляют в таком случае законный банкирский капитал, которым банк может распоряжаться, и в то же время являются резервным фондом для его вкладов. Если теперь наступит отлив золота, уменьшающий металлический запас на 6 миллионов—при чем банк на эту же сумму должен уничтожить банкнот,—то запас banking department упадет с 8 до 2 миллионов. С одной стороны, банк должен был бы значительно повысить взимаемый им процент; с другой стороны, значительно уменьшился бы запасной фонд, служащий для покрытия долговых обязательств Английского банка по отношению к банкам, имеющим у него вклады, и к другим вкладчикам. В 1857 году четыре

Название банка.	П а с с и в.	Наличн. запасы.	В процентах.
City	£ 9.317.629	£ 746.551	8,01
Capital and Counties .	» 11.392.744	» 1.307.483	11,47
Imperial.	» 3.987.400	» 447.157	11,21
Lloyds	» 23.800.937	» 2.966.806	12,46
Lon. and Westminster.	» 24.671.559	» 3.818.885	15,50
Lon. and S. Western .	» 5.570.268	» 812.353	13,58
London Joint Stock . .	» 12.127.993	» 1.288.977	10,62
London and Midland .	» 8.814.499	» 1.127.280	12,79
London and County .	» 37.111.035	» 3.600.374	9,70
National	» 11.163.829	» 1.426.225	12,77
National Provincial. .	» 41.907.384	» 4.614.780	11,01
Parrs and the Alliance.	» 12.794.489	» 1.532.707	11,93
Prescott and C ^o . . .	» 4.041.058	» 538.517	13,07
Union of London . . .	» 15.502.618	» 2.300.084	14,84
Williams, Deacon and Manchester and C ^o . .	» 10.452.381	» 1.317.623	12,60
Итого	£ 232.655.823	£ 27.845.807	11,97

Из этих почти 28 миллионов запасов по меньшей мере 25 миллионов помещены вкладом в Английский банк, и самое большее 3 миллиона имеются наличными деньгами в кассах самих 15 банков. Между тем наличный запасной фонд банкового отделения Английского банка в том же самом ноябре 1892 года ни разу не достигал полных 16 миллионов! — Ф. Э.]

крупнейших акционерных банка в Лондоне угрожали, что, если Английский банк не добьется правительственного указа, приостанавливающего действие банкового акта 1844 года ⁵⁾, то они потребуют назад свои вклады, что привело бы к банкротству banking department. Таким образом, banking department может, как в 1847 г., обанкротиться, в то время как в issue department (эмиссионном отделе) лежат многие миллионы (напр., в 1847 г. до 8 милл.) как обеспечение разменности банкнот. Но и это последнее, в свою очередь, иллюзорно.

«Значительная часть вкладов, которые непосредственно не нужны самим банкирам, попадает в руки billbrokers (буквально—вексельных маклеров, по существу дела полубанкиров), которые в качестве обеспечения данной им ссуды предлагают банкиру торговые векселя, уже дисконтированные ими для разных лиц в Лондоне или провинции. Billbroker ответствен перед банкиром за уплату этого money at call (т.-е. денег, которые по первому требованию должны быть возвращены); и этого рода операции совершаются в таких обширных размерах, что г. Neave, теперешний управляющий банка [Английского], говорит в своем свидетельском показании: «Как нам известно, один broker имел 5 миллионов, и мы имеем основание предположить, что у другого было 8—10 миллионов; один имел 4, другой 3¹/₂, третий более 8 миллионов. Я говорю о вкладах, перешедших в руки brokers» (Report of Committee on Bank Acts, 1857—58, p. 5, отдел № 8).

«Лондонские billbrokers... вели свои колоссальные операции без всякого наличного резерва; они рассчитывали на получения по имеющимся у них векселям, сроки которых мало-по-малу истекают, или, в случае нужды, на возможность получить ссуду из Английского банка под обеспечение дисконтированных ими векселей».—Две фирмы лондонских billbrokers приостановили платежи в 1847 году; обе впоследствии возобновили дело. В 1857 году они снова приостановили платежи. Пассив одной фирмы в 1847 году был в круглых цифрах 2.683.000 £ при капитале в 180.000 £; ее пассив в 1857 году был 5.300.000 £, в то время как капитал равнялся, по всей вероятности, не более, чем одной четверти того, что она имела в 1847 году. Пассивы другой фирмы колебались в обоих случаях между 3 и 4 миллионами при капитале, не превышавшем 45.000 £ (ibidem, p. XXI, отдел № 52).

⁵⁾ Приостановка банкового акта 1844 года позволяет банку выпускать произвольное количество банкнот, не заботясь о покрытии их находящеюся в руках банка золотом наличностью, следовательно, позволяет создавать произвольные количества фиктивного бумажного денежного капитала и при помощи последнего давать ссуды банкам и вексельным маклерам, а через них и торговле.

Глава тридцатая.

Денежный капитал и действительный капитал. I.

Единственные трудные вопросы, к которым мы теперь подходим в нашем исследовании кредита, суть следующие:

Во-первых. Накопление собственно денежного капитала. В каких пределах оно является и в каких не является признаком действительного накопления капитала, т.-е. воспроизводства в расширенном масштабе? Представляет ли так называемая *plethora*, избыток капитала,—выражение, применяемое только к капиталу, приносящему проценты, т.-е. к денежному капиталу,—лишь особый способ выражения промышленного перепроизводства, или же составляет особое явление на-ряду с этим последним? Совпадает ли этот избыток, это избыточное предложение денежного капитала с наличностью денежных масс (слитков, золотых денег и банкнот), находящихся в состоянии застоя, и можно ли поэтому рассматривать этот избыток действительных денег как выражение и форму проявления указанного избытка в ссудном капитале?

И, во-вторых: в какой степени денежное стеснение, т.-е. недостаток в ссудном капитале, выражает недостаток в действительном капитале (товарном капитале и производительном капитале)? В какой степени, с другой стороны, оно совпадает с недостатком денег как таковых, с недостатком средств обращения?

Поскольку мы рассматривали до сих пор специфическую форму накопления денежного капитала и денежного имущества вообще, мы видели, что эта форма накопления сводится к накоплению притязаний собственности на труд. Накопление капитала государственного долга означает, как оказалось, лишь увеличение класса кредиторов государства, которые получают право присваивать себе известные суммы из ежегодно взимаемых налогов⁶⁾. В том факте, что даже накопление

⁶⁾ «Государственные фонды суть не что иное, как воображаемый капитал, представляющий часть ежегодного дохода, предназначенную для уплаты долга. Соответствующий ей капитал уже растрочен; он определил собою сумму займа, но не его представляют государственные бумаги, так как капитал этот уже совершенно не существует. Между тем новые богатства должны быть созданы промышленным трудом; каждый год часть этих богатств заранее предназначается тем, которые ссудили капитал, в данный момент уже уничтоженный; часть эта при помощи налогов отнимается от производителей богатств, чтобы быть переданной кредиторам государства, при чем, согласно обычному для данной страны отношению между капиталом и приносимыми им процентами, предполагается воображаемый капитал, равновеликий тому, который мог бы произвести ежегодную ренту, получаемую кредиторами». (Sismondi, Nouveaux Principes II, p. 230.)

долгов может являться как бы накоплением капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение реальных отношений, которое совершается в системе кредита. Эти долговые обязательства, выданные за первоначально данный в ссуду и давно уже израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются пригодными для продажи товарами и, следовательно, могут быть обратно превращены в капитал.

Правда, как мы только что видели, титулы собственности на общественные предприятия, железные дороги, рудники и т. п. являются в то же время фактически титулами на действительный капитал. Однако здесь не дается возможности распоряжаться этим капиталом. Его нельзя извлечь. Эти титулы дают только юридически санкционированное притязание на получение части прибавочной стоимости, добываемой этим капиталом. Но эти титулы становятся вместе с тем бумажными дубликатами действительного капитала; дело происходит таким образом, как если бы накладная приобрела стоимость рядом с самим грузом и одновременно с ним. Они становятся номинальными представителями несуществующего капитала. Потому что действительный капитал существует рядом с ними и, конечно, не перемещается от того, что эти дубликаты переходят из рук в руки. Они делаются формой капитала, приносящего проценты, не только потому, что обеспечивают известный доход, но и потому также, что при продаже за них может быть уплачено действительными капитальными стоимостями. Поскольку накопление этих бумаг выражает собою накопление железных дорог, рудников, пароходов и т. п., оно выражает расширение действительного процесса воспроизводства,— совершенно так же, как увеличенное поступление налога, напр., на движимое имущество свидетельствует о возрастании этой движимости. Но подобно дубликатам, которые сами могут быть продаваемы как товары, а потому обращаются как капитальные стоимости, они иллюзорны, и величина их стоимости может повышаться и падать совершенно независимо от движения стоимости действительного капитала, титулы на который они представляют. Величина их стоимости, т.-е. их курс на бирже, необходимо имеет тенденцию повышаться по мере того, как падает размер процента, поскольку этот последний процесс совершается независимо от специфического движения денежного капитала, являясь простым следствием тенденции нормы прибыли к понижению. Таким образом уже в силу одной этой причины с развитием капиталистического производства расширяется это фиктивное богатство, получающее такое выражение для своей стоимости, что каждая

зоставная часть его имеет определенную первоначальную номинальную стоимость 7).

Выигрыш и потеря благодаря колебаниям цен этих титулов собственности, а также их централизация в руках железнодорожных королей и т. п. по самому существу дела все более и более становятся результатом игры, которая оказывается таким образом вместо труда первоначальным способом приобретения капиталистической собственности и в то же время становится на место прямого насилия. Этот вид фиктивного денежного имущества составляет очень значительную часть денежного имущества не только частных лиц, но также и банкирского капитала, как мы уже упоминали выше.

Можно было бы — мы упоминаем об этом лишь затем, чтобы поскорее покончить с этим вопросом — под накоплением денежного капитала разуместь также накопление богатства в руках банкиров (заимодавцев по профессии) как посредников между частными денежными капиталистами с одной стороны и государством, общинами и воспроизводящими заемщиками с другой; при чем колоссально разросшаяся кредитная система, вся вообще совокупность кредита эксплуатируется этими банкирами как их частный капитал. Эти господа имеют капитал и доходы всегда в денежной форме или в форме прямых требований на деньги. Накопление имущества в этом классе может совершаться в направлении, очень отличном от действительного накопления, но во всяком случае доказывает, что класс этот прибирает к рукам добрую долю последнего.

Сведем рассматриваемый вопрос к более узким пределам. Государственные фонды, равно как и акции и всякого рода иные ценные бумаги, суть сферы помещения для капитала, предназначенного к ссуде, предназначенного функционировать в качестве капитала, приносящего проценты. Они суть формы, в которых капитал может быть отдан в ссуду. Но сами они не суть тот ссужаемый капитал, который в них вложен. С другой стороны, поскольку кредит играет прямую роль в процессе воспроизводства, необходимо иметь в виду следующее: когда промышленник или купец хочет дисконтировать вексель или заключить заем, ему нужны вовсе не акции или госу-

7) Часть накопленного денежного капитала, служащего для ссуд, в действительности является простым выражением промышленного капитала. Так, например, когда Англия в 1857 году вложила в американские железные дороги и др. предприятия 80 миллионов £, то это совершилось почти исключительно на счет вывоза английских товаров, которые американцам вовсе не пришлось оплачивать. Английские экспортеры брали взамен этих товаров векселя на Америку, которые раскупались английскими подписчиками на акции и посылались обратно в Америку в качестве деплаты за стоимость акций.

дарственные бумаги. Ему нужны деньги. Поэтому он закладывает или продает эти ценные бумаги, раз иным способом не может добыть себе денег. Вот о накоплении-то этого ссужаемого капитала у нас и идет здесь речь, и притом в частности о накоплении ссужаемого денежного капитала. Мы не говорим здесь о займах домов, машин и прочего основного капитала. Мы не говорим также о тех ссудах, которые промышленники и торговцы делают друг другу товарами в пределах процесса воспроизводства, хотя и этот пункт нам придется еще рассмотреть ближе; мы говорим исключительно о денежных займах, которые совершаются промышленниками и купцами через банкиров-посредников.

Итак, анализируем сначала коммерческий кредит, т. - е. кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он составляет основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое обязательство с определенным сроком платежа, *document of deferred payment*. Каждый оказывает кредит одной рукой и получает кредит другой. Отвлечемся пока от банкирского кредита, который образует иной, существенно отличный момент. Поскольку эти векселя снова обращаются среди самих купцов как средство платежа, при помощи передаточных надписей одного на другого, без посредства учета, мы имеем перед собою лишь перенесение долгового обязательства с А на В, что совершенно не изменяет исследуемых соотношений. Одно лицо только становится на место другого. Но даже и в этом случае ликвидация может иметь место без вмешательства денег. Например, прядильщик А должен уплатить по векселю хлопковому маклеру В, а этот последний импортеру С. Если С в то же время экспортирует пряжу, что случается довольно часто, то он может в обмен на вексель купить у А пряжи, а прядильщик А погашает свой долг маклеру В собственным векселем последнего, полученным А от С в счет платежа, при чем деньгами приходится уплатить только разницу. Вся эта сделка обслуживает в таком случае лишь обмен хлопка на пряжу. Экспортер представляет только прядильщика, хлопковый маклер — плантатора, разводящего хлопок.

Рассматривая кругооборот этого чисто коммерческого кредита, необходимо отметить две вещи.

Во-первых. Уплата разницы по этим взаимным долговым обязательствам зависит от обратного притока капитала, т. - е. от акта Т—Д, который только отсрочен. Если прядильщик получил вексель от

фабриканта ситца, то ситцевый фабрикант может уплатить, если он до срока уплаты успеет продать свой ситец, находящийся на рынке. Если спекулянт хлебом выдал вексель на своего фактора, то фактор может уплатить деньги, если к надлежащему сроку ему удастся продать хлеб по ожидаемой цене. Таким образом эти уплаты зависят от течения воспроизводства, т. - е. процесса производства и потребления. Но так как кредит носит взаимный характер, то платежеспособность одного зависит от платежеспособности другого; ведь тот, кто подписывает свой вексель, может рассчитывать или на возврат капитала в его собственном предприятии, или на возврат капитала в предприятии третьего лица, которое к данному сроку должно уплатить ему по векселю. Оставляя же в стороне расчеты на возврат капитала, платеж может состояться только на счет резервного капитала, которым располагает векселедатель для погашения своих обязательств в случае замедленного возвращения капитала.

Во-вторых. Эта кредитная система не уничтожает необходимости уплаты наличными. Прежде всего значительная часть затрат должна всегда производиться наличными, как, напр., выдача заработной платы, уплата налогов и т. д. Но и кроме того. Представим себе, напр., что В, получивший от С в счет платежа вексель, срок которого еще не истек, сам должен уплатить D по векселю, для которого уже наступил срок платежа; он должен иметь для этого наличные деньги. Такой совершенный кругооборот воспроизводства, какой выше предположен между плантатором, возделывающим хлопок, и прядильщиком, и наоборот, может явиться только в виде исключения; в действительности он постоянно должен прерываться во многих местах. При рассмотрении процесса воспроизводства (книга II, отдел III) мы видели, что производители постоянного капитала отчасти обменивают постоянный капитал между собою. Следовательно, они могут в большей или меньшей степени погашать векселя друг на друга. То же самое имеет место в восходящей линии производства, если, напр., торговец хлопком пишет вексель на прядильщика, прядильщик на фабриканта ситца, этот последний на экспортера, экспортер на импортера (быть может, опять-таки на импортера хлопка). Однако здесь эти сделки не замыкаются в круг и потому ряд требований не возвращается обратно. Например, требование прядильщика, обращенное к ткачу, не может быть компенсировано требованием поставщика угля, обращенным к фабриканту машин; прядильщик в своем предприятии никогда не может создать встречного требования на фабриканта машин, так как его продукт, пряжа, никогда не может войти в качестве составного элемента в процесс воспроизводства машин. Поэтому такие требования должны быть погашены деньгами.

Границы этого коммерческого кредита, если их рассматривать самих по себе, определяются: 1) богатством промышленников и купцов, т.-е. резервным капиталом, находящимся в их распоряжении на случай замедленного обратного притока капитала; 2) самым этим обратным притоком. Этот последний может замедлиться на известный период времени, или товарные цены могут в течение этого периода времени понизиться, или товар может вдруг оказаться непроданным вследствие застоя на рынке. Чем долгосрочнее вексель, тем больше должен быть резервный капитал и тем значительнее вероятность сокращения и запоздания обратного притока вследствие падения цен или переполнения рынка. И далее, возврат тем менее обеспечен, чем более первоначальная сделка определялась спекуляцией на повышение или падение товарных цен. Ясно однако, что с развитием производительной силы труда, а следовательно, и производства в крупном масштабе: 1) рынки расширяются и удаляются от места производства, 2) кредит поэтому должен стать более долгосрочным, а следовательно, 3) спекулятивный элемент все сильнее должен обнаруживать свое господство в сделках. Производство в крупном масштабе и для отдаленных рынков выбрасывает весь продукт в руки торговцев; невозможно однако, чтобы капитал нации удвоился, так что торговцы сами по себе были бы в состоянии закупить на свой собственный капитал весь национальный продукт и затем снова продать его. Следовательно, кредит здесь неизбежен,—кредит, увеличивающийся в размере вместе с ростом стоимости производства и делающийся все более долгосрочным по мере увеличивающейся отдаленности рынков сбыта. Здесь имеет место взаимодействие. Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций.

Если рассматривать этот кредит отдельно от банкирского кредита, то очевидно, что он растет вместе с ростом самого промышленного капитала. Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; ссуженные капиталы суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления, или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь представляется ссуженным капиталом, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но посредством купли и продажи переходящий из одних рук в другие, при чем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, напр., хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель попадает к экспортеру, от экспортера,

считать-таки в обмен на вексель, идет к индийскому торговцу, который продает его, покупая взамен индиго, и т. д. В течение этого перехода из рук в руки хлопок совершает свое превращение в ситец, ситец в конце концов транспортируется в Индию, обменивается на индиго, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства обслуживаются здесь при посредстве кредита, так что прядильщик не оплачивает наличными хлопок, фабрикант ситца—пряжи, купец—ситца и т. д. В первых актах процесса товар-хлопок проходит различные фазы производства, и переход этот обслуживается кредитом. Но как только хлопок получил в производстве свою заключительную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые обслуживают транспорт на отдаленный рынок, и последний из которых продает его в конце концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления, или в процесс воспроизводства. Следовательно, здесь надо различать два периода: в течение первого кредит обслуживает действительные последовательные фазы в производстве данного предмета; в течение второго он обслуживает лишь переход из рук одного купца в руки другого, куда включается и транспорт, т. е. обслуживает акт Т—Д. Но и здесь товар все же находится по крайней мере в акте обращения, следовательно, в известной фазе процесса воспроизводства.

Итак, то, что здесь ссужается, отнюдь не является занятым капиталом, — это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который для владельца существует в такой форме, в которой он представляет для него просто товарный капитал, т. е. капитал, который должен совершить обратное превращение и по крайней мере прежде всего превратиться в деньги. Итак, это метаморфоз товара, совершающийся в данном случае при посредстве кредита; не только Т—Д, но также Д—Т, т. е. действительный процесс производства. Если оставить в стороне банкирский кредит, то обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает обилия свободных капиталов, ищущих прибыльного помещения и потому предлагаемых в ссуду, — оно означает обилие капиталов, занятых в процессе воспроизводства. Итак, при посредстве кредита обслуживается: 1) поскольку дело идет о промышленных капиталистах, — переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и торгующимися одна в другую сферами производства; 2) поскольку дело идет о купцах, — транспорт и переход товаров из одних рук в другие вплоть до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другие товары,

Максимум кредита равнозначаш здесь наиболее полному поглощению промышленного капитала производством, т.-е. высшему напряжению его воспроизводительной силы, независимо от границ потребления. Эти границы потребления раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами, с другой стороны напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производительного потребления.

Пока процесс воспроизводства протекает регулярно, а потому обратный приток капитала является обеспеченным, этот кредит стоит прочно и расширяется, при чем расширение его опирается на расширение самого процесса воспроизводства. Как только наступает застой, так вследствие замедленного обратного притока, переполненных рынков, понизившихся цен обнаруживается избыток промышленного капитала, но в такой форме, в какой этот капитал не в состоянии выполнять свои функции. Масса товарного капитала, но на него нет покупателей. Масса основного капитала, но благодаря застою воспроизводства он по большей части находится без дела. Кредит сокращается: 1) потому что этот капитал не занят, т.-е. остановился в одной из фаз своего воспроизводства, потому что он не может совершить своего метаморфоза, 2) потому что подорвано доверие к непрерывному течению процесса воспроизводства, 3) потому что уменьшается спрос на этот коммерческий кредит. Прядильщик, который сокращает свое производство и имеет на складе массу непроданной пряжи, не станет прибегать к кредиту для закупки новых партий хлопка; купец не станет покупать в кредит товаров, так как у него на руках их и без того более, чем достаточно.

Следовательно, если нарушается это расширение или хотя бы только нормальная интенсивность процесса воспроизводства, вместе с тем является и недостаток в кредите; становится труднее получить товары в кредит. Требование платежа наличными и осторожность в продаже в кредит в особенности характерны для той фазы промышленного цикла, которая следует непосредственно за крахом. Во время же самого кризиса, когда каждому есть что продать, но никто не может продать и в то же время должен продать, чтобы заплатить,—в этот период масса капитала—не свободного и ищущего помещения, а стесненного в процессе своего воспроизводства,—наиболее значительна как раз тогда, когда всего сильнее также недостаток в кредите (и поэтому всего выше учетный процент при банкротском кредите). Капитал, уже вложенный в дело, в это время действительно остается незанятым целыми массами, так как приостановился процесс воспроизводства. Фабрики не работают, сырые материалы нако-

пляются в складах, готовые продукты переполняют товарный рынок. В высшей степени неправильно поэтому приписывать такое положение дел недостатку производительного капитала. Как раз именно в этот период имеется избыток производительного капитала и по сравнению с нормальным, но в данный момент сокращенным масштабом воспроизводства, и по сравнению с понижением потреблением.

Представим себе, что всё общество состоит только из капиталистов и наемных рабочих. Далее, оставим в стороне колебания цен, которые препятствуют значительным частям всего капитала возмещаться согласно своим средним соотношениям и неизбежно должны вызывать время от времени всеобщий застой при той универсальной зависимости между различными частями процесса воспроизводства, какая развивается в особенности благодаря кредиту. Оставим в стороне также фиктивные предприятия и спекулятивные операции, поощряемые кредитной системой. Тогда кризис мог бы быть объяснен только диспропорциональностью производства в различных отраслях и несоответствием между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Но при данном положении вещей возмещение капиталов, вложенных в производство, зависит главным образом от размеров потребительной способности непродуцируемых классов, тогда как потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть употреблены в дело с выгодой для класса капиталистов. Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества.

О действительном недостатке производительного капитала, по крайней мере у капиталистически развитых наций, речь может идти лишь при всеобщих неурожаях как главных пищевых средств, так и важнейших промышленных сырых материалов.

Но к этому коммерческому кредиту присоединяется денежный кредит в собственном смысле этого слова. Взаимные ссуды, даваемые друг другу промышленниками и купцами, переплетаются с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов. При дисконтировании векселя ссуда является лишь номинальной. Фабрикант продает свой продукт в обмен на вексель и дисконтирует этот вексель у *billbroker's*. В действительности последний ссужает фабриканту лишь кредит своего банкира, который в свою очередь ссужает ему денежный капитал своих вкладчиков, каковыми являются сами

промышленники и купцы, но также и рабочие (при посредстве сберегательных касс), получатели земельной ренты и др. непродовольственные классы. Таким образом для каждого индивидуального фабриканта или купца устраняется необходимость иметь солидный резервный капитал, устраняется также зависимость от действительного обратного притока капитала. Но с другой стороны, частью благодаря дутым векселям, частью же благодаря торговым предприятиям, имеющим целью простую фабрикацию векселей, весь процесс настолько усложняется, что внешняя видимость очень солидного предприятия с энергичным обратным притоком капиталов может спокойно сохраняться долгое время после того, как в действительности обратный приток достигается лишь за счет частью обманутых денежных кредиторов, частью обманутых производителей. Потому-то непосредственно перед крахом предприятие всегда имеет почти преувеличенно здоровый вид. Прекрасное доказательство этому дают, например, Reports on Bank Acts 1857 и 1858 годов, где все директора банков, купцы, одним словом, все приглашенные в качестве экспертов, с лордом Оверстоном во главе, поздравляли друг друга с цветущим и здоровым развитием предприятий,—как раз за месяц до того, как в августе 1857 года разразился кризис. И поразительно, что Тук в своей History of Prices снова поддается этой иллюзии при историческом описании каждого отдельного кризиса. Предприятия всегда в высшей степени здоровы и дела идут самым блестящим образом, пока вдруг не разражается катастрофа.

Теперь мы возвратимся к накоплению денежного капитала.

Не всякое увеличение денежного капитала, предназначенного для ссуд, указывает на действительное накопление капитала или расширение процесса воспроизводства. Яснее всего это обнаруживается в той фазе промышленного цикла, которая непосредственно следует за кризисом, когда ссудный капитал массами лежит без дела. Когда процесс производства ограничен (в английских промышленных округах после кризиса 1847 года производство сократилось на одну треть), когда цены товаров достигают своего низшего уровня, когда дух предприимчивости подавлен, в такие моменты господствует низкий уровень процента, что в данном случае указывает лишь на увеличение ссудного капитала как раз вследствие сокращения и бездеятельности промышленного капитала. При падении товарных цен, уменьшении оборотов, сокращении капитала, вложенного в заработную плату, требуется, конечно, меньше средств обращения; с другой стороны, после того как ликвидированы заграничные долги, частью при помощи

отлива золота, частью при помощи банкротств, нет уже надобности в добавочных деньгах для функции в качестве мировых денег; наконец, размеры предприятий, занимающихся учетом векселей, сокращаются вместе с сокращением числа и валюты самих этих векселей—все это очевидно само собою. Спрос на ссужаемый денежный капитал—и как на средства обращения, и как на платежные средства—таким образом уменьшается (о новых затратах капитала еще нет речи), и потому количество капитала, предназначенного для ссуд, становится сравнительно обильным. Но в то же время, как будет показано впоследствии, предложение денежного капитала, предназначенного для ссуд, при таких обстоятельствах увеличивается и положительно.

Так, после кризиса 1847 года имело место «сокращение оборотов и значительный избыток денег» (Comm. Distress, 1847—48, Evid. № 1664). Размер процента был очень низок вследствие «почти совершенного уничтожения торговли и почти полного отсутствия возможности производительно вложить деньги» (1. с., р. 45. Показание Hodgson'a, директора Royal Bank of Liverpool). Какие неслепости сочинили эти господа (а Hodgson еще один из лучших), чтобы объяснить себе это, видно из следующей фразы: «Стеснение (1847 года) обуславливалось действительным уменьшением денежного капитала в стране, вызванным отчасти необходимостью оплачивать золотом ввоз из всех стран света, отчасти превращением оборотного капитала (floating capital) в основной». Каким образом превращение оборотного капитала в основной может уменьшить денежный капитал страны, совершенно нельзя понять; ведь, например, при постройке железных дорог, куда в то время главным образом вкладывался капитал, ни золото, ни бумажки не употребляются как материал для устройства виадуктов или изготовления рельс, а деньги, вырученные от продажи железнодорожных акций, поскольку они вкладывались просто в оплату этих акций, функционировали как и всякие другие вложенные в банк деньги и, как было показано выше, даже увеличивали на некоторое время количество денежного капитала, предназначенного для ссуд; поскольку же деньги действительно затрачивались на постройку, они циркулировали в стране как покупательные и платежные средства. Превращение оборотного капитала в основной могло бы отразиться на размерах денежного капитала лишь постольку, поскольку основной капитал представляет продукты, которые не могут быть экспортированы; в таком случае благодаря невозможности вывоза отпадает тот свободный капитал, который мог бы быть добыт путем получения за вывезенные продукты, отпадают и самые получения за последние наличными деньгами или слитками. Но в рассматриваемый период даже предметы английского экспорта, не находя покупателей,

массами лежали в складах на заграничных рынках. Правда, так как купцы и фабриканты Манчестера и др. мест вложили часть нормального капитала своих предприятий в железнодорожные акции и потому в дальнейшем ведении своего дела попали в зависимость от заемного капитала, то у них действительно «floating capital» оказался фиксированным, последствия чего и пришлось им нести. Но результат получился бы тот же самый, если бы капитал, принадлежащий их предприятиям, но извлеченный из них, они вложили не в железные дороги, а, например, в горное дело, продукты которого — железо, уголь, медь и т. д. — сами представляют floating capital. — Действительное уменьшение свободного депозитного капитала вследствие неурожая, ввоза зерна и вывоза золота, само собою разумеется, не стояло ни в какой связи с железнодорожными спекуляциями. — «Почти все торговые дома начали более или менее истощать свои предприятия, чтобы вложить деньги в железные дороги». — «Столь обширные ссуды, данные железным дорогам торговыми домами, побудили эти последние для дальнейшего ведения своих предприятий слишком сильно опираться на банки путем учета векселей» (Тот же Hodgson, 1. с., р. 67). «В Манчестере в результате железнодорожных спекуляций многие потеряли громадные убытки» (R. Gardner, неоднократно цитированный в книге I, гл. XIII 3, с и др. местах, № показаний 4877, 1. с.).

Главной причиной кризиса 1847 года было колоссальное переполнение рынка и безграничная спекуляция в торговле ост-индскими товарами. Но и другие обстоятельства привели к краху очень богатые фирмы этой отрасли: «Они имели обильные средства, но не могли ими свободно распоряжаться. Весь их капитал был закреплен в земельной собственности на острове Маврикия или в сахарных, или индиговых фабриках. Когда они затем взяли на себя обязательства в размере 500.000—600.000 £, у них не оказалось никаких оборотных средств для оплаты своих векселей, и в конце концов выяснилось, что для оплаты своих векселей они всецело должны рассчитывать на кредит» (Ch. Turner, крупный ост-индский купец в Ливерпуле, № 730, 1. с.). Далее мы имеем показания Гарднера (№ 4872, 1. с.): «Тотчас же по заключении китайского договора для страны открылись столь широкие перспективы могучего расширения нашей торговли с Китаем, что многие крупные фабрики были построены исключительно с целью изготовлять наиболее ходкие на китайском рынке хлопчатобумажные ткани, и вот они-то присоединились ко всем нашим, уже существовавшим раньше фабрикам. — 4874. К каким результатам привели эти предприятия? — Результатом было величайшее разорение, едва ли поддающееся описанию; я не думаю, чтобы из стоимости всей массы товаров, отправленных в Китай в 1844 и 1845 годах, вернулось назад более $\frac{2}{3}$; так, как чай

является главным предметом обратного экспорта и так как в нас породили столь великие ожидания, то мы, фабриканты, с уверенностью рассчитывали на крупное понижение пошлины на чай». И вот перед нами в самой наивной формулировке характерное сгredo английских фабрикантов: «Наша торговля на иностранном рынке не ограничивается способностью последнего покупать товары, но она ограничена здесь, в нашей стране, нашей способностью потреблять продукты, которые мы получаем в возврат за наши промышленные изделия». (Сравнительно бедные страны, с которыми ведет торговлю Англия, могли бы без сомнения оплатить и потребить любое количество английских фабрикантов, а вот богатая Англия, к сожалению, не способна переварить продукты, полученные в обмен за ее экспорт.) «4876. Я сначала вывез некоторые свои товары и продал последние с убытком около 15%. При этом я был вполне убежден, что агенты мои закупят чай по такой цене, при которой перепродажа даст прибыль, достаточно большую для покрытия этого убытка; но вместо прибыли я получал опять убыток, достигавший порой 25 и даже 50%.—4877. Экспортируют ли фабриканты за свой счет?—Обыкновенно да; купцы, как видно, быстро убедились, что из этого дела ничего не выходит, и более поощряли фабрикантов к самостоятельной отправке продуктов, чем сами принимали в ней участие».—Напротив, в 1857 году убытки и банкротства выпали преимущественно на долю купцов, так как на этот раз фабриканты предоставили им переполнять чужие рынки «за собственный счет».

Денежный капитал может увеличиться благодаря тому, что вследствие расширения банковского дела (см. ниже пример Ипсвича, где в течение немногих лет непосредственно перед 1857 годом вклады фермеров учетверились) то, что раньше было сокровищем частного лица или монетным запасом, превращается на определенный срок в ссудный капитал. Но такое возрастание денежного капитала столь же мало выражает собою рост производительного капитала, как, напр., увеличение вкладов в лондонских акционерных банках после того, как эти банки начали платить проценты на вклады. Пока масштаб производства остается неизменным, это возрастание вызывает лишь обилие ссудного денежного капитала по сравнению с производительным. Отсюда низкий размер процента.

Если затем процесс воспроизводства снова достигает расцвета, предшествующего новому чрезмерному напряжению, то коммерческий кредит достигает чрезвычайно сильного расширения, которое в таком случае действительно находит вновь «здоровый» базис для облегченного обратного притока капиталов и расширения производства. При

таком состоянии дел размер процента все еще низок, хотя уже превышает свой минимум. Это единственный период, когда в самом деле можно сказать, что низкий размер процента и, следовательно, относительное обилие ссудного капитала совпадает с действительным расширением промышленного капитала. Легкость и правильность, с которою совершается обратный приток капитала в связи с расширением коммерческого кредита, обеспечивает, несмотря на усилившийся спрос, достаточное предложение ссудного капитала и препятствует повышению размера процента. С другой стороны, только теперь начинают играть заметную роль спекулянты, ведущие дела без запасного, а то и вообще без всякого капитала, и потому оперирующие всецело при помощи денежного кредита. К этому присоединяется еще крупный рост основного капитала во всех его формах и открытие массы новых широко поставленных предприятий. Процент повышается теперь до своей средней высоты. Своего максимума он достигает опять тогда, когда разражается новый кризис, кредит внезапно иссякает, платежи прекращаются, процесс воспроизводства парализуется и, за упомянутыми выше исключениями, наряду с почти абсолютным недостатком ссудного капитала, наступает избыток остающегося бездейственным промышленного капитала.

Следовательно, движение ссудного капитала, как оно выражается в колебаниях размера процента, в общем протекает в направлении, обратном движению промышленного капитала. Фаза, в которой низкий, но превышающий свой минимум размер процента совпадает с «улучшением» дел и растущим по окончании кризиса доверием, и в особенности фаза, когда он достигает своей средней величины, — середины, одинаково удаленной от минимума и максимума, — только эти два момента служат выражением совпадения между обилием ссудного капитала и значительным расширением промышленного капитала. Но в начале промышленного цикла низкий размер процента совпадает с сокращением, а в конце цикла высокий процент совпадает с избытком промышленного капитала. Низкий размер процента, сопровождающий «улучшение» дел, свидетельствует о том, что коммерческий кредит лишь в небольшой степени нуждается в банковом кредите, что он все еще стоит на своих собственных ногах.

Характерная особенность этого промышленного цикла состоит в том, что, раз дан первый толчок, один и тот же кругооборот неизбежно воспроизводится периодически⁸⁾. В фазе ослабления производ-

⁸⁾ [Как уже упомянуто в другом месте, со времени последнего большого всеобщего кризиса здесь совершилось некоторое изменение. Острая форма периодического процесса с ее до сих пор десятилетним циклом уступила, повидимому, место более

ство падает ниже той ступени, которой оно достигло в предшествующем цикле и для которой теперь заложен технический базис. В фазе расцвета—среднем периоде—производство развивается далее на этом базисе. В периоде перепроизводства и спекуляции производительные силы достигают наивысшего напряжения, выходя за пределы капиталистических границ производственного процесса.

Что в период кризиса ощущается недостаток в платежных средствах, очевидно само собою. Метаморфозы векселей заступили место метаморфоза самих товаров, и как раз в такое время тем более, чем больше торговых фирм оперировало только в кредит. Невежественное и нелепое банковое законодательство—вроде законов 1844—45 года—может усилить этот денежный кризис. Но никакое банковое законодательство не может устранить кризиса.

При такой системе производства, когда все взаимоотношения процесса воспроизводства покоятся на кредите, в случае внезапного прекращения кредита и необходимости производить все платежи лишь наличными деньгами, должен очевидно наступить кризис, необычайная погоня за платежными средствами. Поэтому на первый взгляд весь кризис представляется только кредитным кризисом и денежным кризисом. И в самом деле, вопрос заключается только в том, как превратить векселя в деньги. Но эти векселя представляют в большинстве

хронической, затяжной и притом затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно коротких и слабых периодов оживления и сравнительно длинных, и разрешающихся периодов угнетения. Возможно однако, что мы имеем перед собою лишь увеличение продолжительности цикла. В период младенчества мировой торговли, 1815—1847 годов, промежуток между последовательными кризисами можно определить приблизительно в пять лет; за время с 1847 по 1867 год цикл является определенно десятилетием; не находимся ли мы в периоде приготовления нового мирового краха неслыханной силы? На это, по видимому, указывает многое. Со времени последнего всеобщего кризиса 1867 года наступили крупные изменения. Колоссальный рост средств сообщения—океанические пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, Суэцкий канал—впервые создал действительно мировой рынок. Наряду с Англией, которая раньше монополизировала производство, выступил целый ряд конкурирующих промышленных стран; затратам избыточного европейского капитала во всех странах света раскрылись бесконечно более обширные и разнообразные области, так что капитал распределяется гораздо шире и местная чрезмерная спекуляция преодолевается легче. Благодаря всему этому большинство старых очагов кризиса или доводов к кризису устранено или сильно ослаблено. Наряду с этим конкуренция на внутреннем рынке отступает назад перед картелями и трестами, в то время как на внешнем рынке она ограничивается таможенными пошлинами, которыми оградили себя все промышленные страны, кроме Англии. Но сами эти таможенные пошлины представляют не что иное, как оружие для заключительной всеобщей промышленной войны за господство на мировом рынке. Таким образом каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса. — Ф. Э.]

случаев действительные купли и продажи, расширение которых далеко за пределы общественной потребности и лежит в конце концов в основе всего кризиса. Однако наряду с этим громадная масса этих векселей представляет просто дутые операции, которые теперь просто обнаруживают свой истинный характер и лопаются; далее, спекуляции, предпринятые с чужим капиталом и потерпевшие неудачу; наконец, товарные капиталы, которые обесценены или даже вовсе не могут быть проданы; или обратный приток капиталов, который фактически никогда уже не совершится. Всю эту искусственную систему насильственного расширения процесса воспроизводства нельзя, конечно, оздоровить тем, что какой-либо банк, напр., Английский банк, при помощи своих бумаг снабдит своих спекулянтов недостающим им капиталом и купит все обесцененные товары по их прежней номинальной стоимости. Впрочем, здесь все представляется в искаженном виде, так как в этом бумажном мире нигде не выступает реальная цена и ее реальные моменты, а фигурируют лишь слитки золота, металлические деньги, банкноты, векселя, пенные бумаги. Это извращение особенно сильно сказывается в центрах, где скучены денежные предприятия страны, каков, напр., Лондон; весь процесс становится здесь непонятным; уже в меньшей степени это наблюдается в центрах промышленности.

Впрочем, по поводу чрезмерного изобилия промышленного капитала, обнаруживающегося во время кризисов, следует заметить следующее: товарный капитал сам по себе является в то же время денежным капиталом, т.-е. определенной суммой стоимости, выраженной в цене товара. Как потребительная стоимость, он есть определенное количество определенных предметов потребления, которые в момент кризиса оказываются в избытке. Но как денежный капитал сам по себе, как потенциальный денежный капитал, он подвержен постоянным расширениям и сокращениям. Накануне кризиса и в продолжение его товарный капитал сокращается, поскольку он функционирует как потенциальный денежный капитал. Для своих владельцев и их кредиторов (а также в качестве обеспечения векселей и займов) он представляет меньшее количество денежного капитала, чем в тот период, когда он закупался и когда совершались основанные на нем учетные и залоговые операции. Если именно такой смысл придается утверждению, что денежный капитал страны в период угнетения уменьшается, то утверждение это тождественно с констатированием того факта, что цены товаров упали. Впрочем, такое крушение цен только уравнивает их прежний вздутый подъем.

Доходы непродуцируемых классов и всех тех, кто живет на счет постоянных доходов, остаются по большей части неизменными в

период вздутия цен, идущего рука об руку с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией. Поэтому их потребительная способность относительно понижается, а вместе с тем понижается и способность возмещать ту часть общей суммы воспроизводства, которая нормально должна была бы войти в их потребление. Даже в том случае, если номинально спрос их остается неизменным, в действительности он понижается.

Относительно ввоза и вывоза необходимо заметить, что одна за другой все страны втягиваются в кризис, и тогда обнаруживается, что все они, за немногими исключениями, слишком много вывезли и ввезли, и, следовательно, платежный баланс одинаково неблагоприятен для всех, и что таким образом причина заключается в действительности не в платежном балансе. Например, Англия страдает от отлива золота. Она слишком много ввезла. Но в то же время все другие страны переполнены английскими товарами. Следовательно, они также слишком много ввезли или в них ввезли слишком много. (Конечно, есть разница между страной, которая вывозит в кредит, и странами, которые мало или вовсе не вывозят в кредит. Но последние зато ввозят в кредит; это не имеет места лишь в том случае, если товары посылаются туда на комиссию.) В первую голову кризис может разразиться в Англии, в стране, которая больше всего оказывает кредита и меньше всего пользуется им, так как платежный баланс, баланс платежей, которым наступает срок и которые немедленно должны быть ликвидированы, для нее неблагоприятен, хотя общий торговый баланс благоприятен. Это последнее обстоятельство объясняется отчасти оказываемым ею кредитом, отчасти массой ссуженных ею за границей капиталов, вследствие чего имеет место значительный обратный приток товарами независимо от обратного притока, обусловленного собственно торговыми операциями. (Иногда кризис начинается также в Америке, стране, которая более всех других пользуется английским торговым и капитальным кредитом.) Крах в Англии, начинающийся и сопровождающийся отливом золота, уравнивает платежный баланс Англии, частью путем банкротства ее импортеров (о чем ниже), частью тем, что ее товарный капитал по дешевым ценам выбрасывается за границу, частью путем продажи иностранных ценных бумаг, купли английских бумаг и т. д. Но вот настает очередь какой-либо другой страны. Платежный баланс для нее в данный момент был благоприятен; но промежуток времени, отделяющий в обычное время подведение платежного баланса и торгового баланса, теперь отпадает или во всяком случае сокращается благодаря кризису; все платежи должны быть произведены сразу. Та же история повторяется теперь здесь. Англия испытывает теперь прилив золота,

другая страна—отлив золота. То, что в одной стране проявляется как избыточный ввоз, в другой оказывается избыточным вывозом, и наоборот. Но избыточный ввоз и избыточный вывоз имел место во всех странах (мы говорим здесь не о таких явлениях, как неурожай и т. п., а о всеобщем кризисе), т.-е. имело место перепроизводство, поощряемое кредитом и сопровождающим последний всеобщим вздутием цен.

В 1857 году кризис разразился в Соединенных Штатах. Произошел отлив золота из Англии в Америку. Но как только вздутые цены в Америке лопнули, последовал кризис в Англии и отлив золота из Америки в Англию. То же самое произошло между Англией и континентом. Платежный баланс в период всеобщего кризиса неблагоприятен для каждой нации, по крайней мере для каждой коммерчески развитой нации, но этот неблагоприятный платежный баланс всегда, как при стрельбе взводами, обнаруживается у одной нации через известный промежуток после другой, когда до нее доходит очередь платежа, и кризис, раз он разразился в какой-либо стране, например в Англии, втискивает эти промежутки в очень короткий период времени. Тогда-то и выясняется, что все эти нации одновременно и слишком много вывезли (следовательно, перепроизвели) и слишком много ввезли (следовательно, переторговали), что во всех них цены были чрезмерно вздуты, а кредит перенапряжен. И везде происходит одинаковый крах. Явление отлива золота обнаруживается затем во всех странах по порядку и именно своею всеобщностью доказывает: 1) что отлив золота представляет лишь феномен кризиса, а не причину его, 2) что тот порядок, в котором он наступает у различных наций, лишь отмечает время, когда для каждой из них приходит очередь закончить свои счета с небом, когда наступает срок кризиса и скрытые элементы его приходят к взрыву.

Для английских экономических писателей характерно—а заслуживающая упоминания экономическая литература после 1830 года сводится главным образом к литературе о суррепсу, кредите, кризисах,— что литература эта рассматривает вывоз благородных металлов в период кризиса, несмотря на изменение вексельного курса, исключительно с точки зрения Англии, как чисто национальное явление, и совершенно закрывает глаза на тот факт, что, если Английский банк в период кризиса повышает размер процента, то и все другие европейские банки делают то же самое, и что если сегодня в Англии раздаются жалобы на отлив золота, завтра они раздадутся в Америке, послезавтра в Германии и Франции.

В 1847 году «Англии пришлось погашать текущие обязательства» [главным образом за хлеб]. «К несчастью, они по большей части по-

гашались путем банкротства». [Богатая Англия развязала себе руки при помощи банкротства по отношению к континенту и Америке.] «А поскольку с ними не было покончено путем банкротства, их погашали вывозом благородных металлов» (Report of Committee on Bank Acts, 1857). Итак, поскольку кризис в Англии обостряется благодаря банковому законодательству, законодательство это является средством для того, чтобы в период голода надувать нации, вывозящие хлеб, сначала вытягивая их хлеб, а потом не платя денег за их хлеб. Таким образом запрещение вывоза хлеба в такие периоды является для стран, которые сами более или менее страдают от дороговизны, очень рациональным средством бороться с этим планом Английского банка «погашать обязательства», вызванные ввозом хлеба, «посредством банкротства». Гораздо лучше, если производители хлеба и спекулянты потеряют часть своей прибыли к выгоде страны, чем если они потеряют свой капитал к выгоде Англии.

Из сказанного видно, что товарный капитал во время кризиса и вообще во время промышленного застоя в значительной степени теряет свое свойство быть представителем потенциального денежного капитала. То же самое приходится сказать и о фиктивном капитале, процентных бумагах, поскольку они сами обращаются на бирже как денежные капиталы. При повышении процента падает их цена. Она падает, далее, при общем недостатке кредита, который побуждает их собственников массами выбрасывать их на рынок, чтобы добыть себе денег. Она падает, наконец, для акций, частью вследствие уменьшения доходов, требованием на которые они служат, частью вследствие того, что предприятия, которые они представляют, довольно часто имеют дутый характер. Во время кризиса фиктивный денежный капитал чрезвычайно уменьшается, а вместе с тем уменьшается и способность его собственника получать под него деньги на рынке. Уменьшение денежных наименований этих ценных бумаг в курсовом бюллетене совершенно не затрагивает однако того действительного капитала, который они представляют, но весьма сильно затрагивает платежеспособность их владельцев.

Глава тридцать первая

Денежный капитал и действительный капитал. II.

(Продолжение.)

Мы все еще не покончили с вопросом, в какой степени накопление капитала в форме ссудного денежного капитала совпадает с действительным накоплением, с расширением процесса воспроизводства,

Превращение денег в ссудный денежный капитал—история, гораздо более простая, чем превращение денег в производительный капитал. Но нам приходится здесь различать две вещи:

- 1) Простое превращение денег в ссудный капитал,
- 2) Превращение капитала или дохода в деньги, которые превращаются в свою очередь в ссудный капитал.

Только при условиях, указанных в последнем пункте, может иметь место положительное накопление ссудного капитала, совпадающее с действительным накоплением промышленного капитала

1) Превращение денег в ссудный капитал.

Мы уже видели, что возможно скопление, чрезмерное изобилие ссудного капитала, лишь постольку связанное с производительным накоплением, поскольку оно находится к этому последнему в отношении обратной пропорциональности. Это имеет место в двух фазах промышленного цикла, а именно, во-первых, в тот период, когда промышленный капитал в обеих своих формах—производительного и товарного капитала—сокращается, следовательно, в начале цикла, открывающегося после кризиса; и, во-вторых, в период, когда уже началось улучшение, но коммерческий кредит еще мало прибегает к банковому кредиту. В первом случае денежный капитал, раньше применявшийся в производстве и торговле, выступает как свободный ссудный капитал; во втором случае он выступает как капитал, все более и более вкладываемый в дело, но по очень низкому проценту, так как теперь промышленный и торговый капиталист диктует условия денежному капиталисту. Избыток ссудного капитала в первом случае выражает застой промышленного капитала, во втором случае сравнительную независимость коммерческого кредита от банкового кредита, покоящуюся на беспрепятственном обратном притоке капитала, краткосрочности кредита и преобладающем ведении предприятий собственным капиталом. Спекулянты, рассчитывающие на чужой кредитный капитал, еще не выступили в поход; люди, ведущие предприятия на собственные капиталы, еще далеки от чисто кредитных операций. В первом случае избыток ссудного капитала выражает прямую противоположность действительного накопления. Во втором случае он совпадает с новым расширением процесса воспроизводства, сопровождает его, однако не является его причиной. Избыток ссудного капитала уже уменьшается, он является только относительным по сравнению со спросом. В обоих случаях расширению действительного процесса накопления благоприятствует то обстоятельство, что понижение процента, которое в первом случае совпадает с низкими ценами, во втором—с медленно

растущими ценами, увеличивает ту часть прибыли, которая превращается в предпринимательскую прибыль. В еще большей степени это имеет место при повышении процента до его среднего уровня в период максимального расцвета, так как тут, хотя процент и возрастает, но менее значительно, чем прибыль.

С другой стороны мы видели, что накопление ссудного капитала может быть достигнуто без всякого действительного накопления, при помощи чисто технических средств, каковы расширение и концентрация банкового дела, сбережение оборотного резерва или резервного фонда принадлежащих частным лицам платежных средств, которые вследствие этого постоянно превращаются на короткие сроки в ссудный капитал. Хотя этот ссудный капитал, который так и называется текучим капиталом (*floating capital*), сохраняет всегда лишь на короткие периоды форму ссудного капитала (и точно также лишь на короткие периоды может послужить для дисконтных операций), но он зато постоянно приливает и отливает. Если один извлекает его, то другой доставляет. Таким образом масса ссудного денежного капитала (мы говорим здесь вообще не о займах на годы, но лишь о краткосрочных займах под векселя и залоги) на самом деле растет совершенно независимо от действительного накопления.

В. С. 1857. Вопрос 501. «Что понимаете вы под *floating capital*? [Г-н Вегелин, управляющий Английского банка:] «Это капитал, употребляемый для денежных ссуд на короткие сроки... (502) банкноты Английского банка... провинциальных банков и сумма денег, находящихся в стране.— [Вопрос:] Если вы понимаете под *floating capital* активное обращение [именно банкноты Английского банка], то, судя по тем показаниям, которые имеются по этому поводу у комиссии, в этом активном обращении не происходит, повидимому, очень значительных колебаний? [Однако весьма существенное различие заключается в том, кем именно делается авансирование на это активное обращение, денежным кредитором или самим воспроизводящим капиталистом.— Ответ Вегелина:] Я включаю в *floating capital* запасы банкиров, в которых наблюдаются значительные колебания». Это значит, следовательно, что значительные колебания имеют место по отношению к той части вкладов, которую банкиры не употребили для новых ссуд, но которая фигурирует как их резерв, по большей части, также как резерв Английского банка, куда они вложены. Наконец, тот же самый господин говорит: *floating capital* есть *bullion*, то-есть слитки и металлические деньги (503). Поразительно вообще, насколько иной смысл и иную форму приобретают все категории политической экономии в этой кредитной тарабарщине денежного рынка. *Floating capital* является здесь иным выражением для *circulating capital* (обо-

ротный капитал), что, конечно, совершенно не то, и money (деньги) есть capital, и bullion (слитки) есть capital, и банкноты суть circulation (обращение), и капитал есть a commodity (товар), и долги суть commodities, и fixed capital (основной капитал) есть деньги, вложенные в трудно продаваемые бумаги!

«Лондонские акционерные банки... увеличили свои вклады с 8.850.774 £ в 1847 году до 43.100.724 £ в 1857 году... Данные и показания, имеющиеся в комиссии, позволяют сделать следующие заключения: значительная часть этой громадной суммы взята из источников, которые раньше не применялись для этой цели; обычай открывать счет у банкира и вкладывать деньги в его банк распространился на многочисленные классы, которые раньше не применяли своего капитала (!) таким образом; г-н Родуэлл, президент ассоциации провинциальных частных банков [в отличие от акционерных банков], делегированный ею, чтобы давать показания перед комиссией, сообщает, что в районе Иисвича среди фермеров и мелких торговцев этого округа обычай этот в последнее время увеличился в четыре раза; что почти все фермеры, даже те из них, которые уплачивают всего 50 £ годовой арендной платы, имеют теперь вклады в банках. Масса этих вкладов находит, конечно, себе дорогу к применению в предприятиях и тяготеет в особенности к Лондону, центру коммерческой деятельности, где она прежде всего находит применение в учете векселей и других ссудах клиентам лондонских банкиров. Однако значительная часть этих вкладов, в которой сами банкиры не нуждаются, попадает в руки billbrokers, выдающих банкирам взамен этого торговые векселя, уже учтенные ими для разных лиц в Лондоне и провинции» (В. С. 1858, р. 8).

Когда банкир дает ссуду billbroker'у взамен векселя, который этот billbroker уже раз учел, то фактически он еще раз переучитывает этот вексель; однако в действительности многие из этих векселей уже были подвергнуты переучету самими billbroker'ами, и на те же самые деньги, которые банкир выдает billbroker'у за переучтенные векселя, последний переучитывает новые векселя. Вот к чему это приводит: «Расширение фиктивного кредита было создано учетом векселей и бланковым кредитом, что значительно облегчалось образом действий провинциальных акционерных банков, которые учитывали такие векселя и переучитывали их затем у billbroker'ов на лондонском рынке, при чем гарантией являлась исключительно кредитоспособность банка и совершенно оставались без внимания все прочие качества векселей» (1. с.).

Относительно этого переучета и поощрения кредитных спекуляций при помощи такого чисто технического увеличения ссудного денежного

капитала интересно следующее место из Economist'a: «В течение многих лет в некоторых округах страны накопление капитала [здесь имеется в виду ссудный денежный капитал] шло быстрее, чем он мог найти применение, в то время как в других округах средства его применения росли быстрее, чем сам капитал. В то время как в земледельческих округах банкиры лишены были возможности поместить свои вклады на местах в доходные и солидные предприятия, у банкиров промышленных округов и торговых городов спрос на их капитал был больше, чем они могли предложить. Результатом этих различных условий в различных округах явилось за последние годы возникновение и стремительно быстрое расширение нового класса фирм, занятых распределением капитала, — фирм, которые хотя и называются обыкновенно *billbrokers*, в действительности представляют крупнейшие банки. Фирмы эти занимаются тем, что, взяв на определенный срок и за определенные проценты избыточный капитал у банкиров таких округов, где капитал этот не находит себе применения, а также средства акционерных обществ и крупных торговых домов, лежащие временно без дела, ссужают полученные таким образом деньги за повышенный процент банкам тех округов, где спрос на капитал значительно; обыкновенно путем переучета векселей своих клиентов... Таким образом *Lombardstreet* стала большим центром, в котором совершается перенесение капитала, лежащего без употребления, из одной части страны, где он не может найти полезного применения, в другую, где существует на него спрос; при чем это относится как к различным частям страны, так и к отдельным лицам, находящимся в аналогичном положении. Первоначально эти предприятия ограничивались почти исключительно ссудами и займами под залоги, практикуемые в банках. Но по мере того, как капитал страны быстро возрастал и все более и более экономизировался благодаря учреждению банков, фонды, находящиеся в распоряжении этих учетных фирм, стали настолько велики, что указанные фирмы перешли к ссудам, сначала под *dock warrants* (квитанции на товары, хранящиеся на доках), а потом и под накладные, представляющие продукты, которые еще вовсе не получены, но под которые тем не менее зачастую, хотя и не как общее правило, уже выдавались векселя на товарных маклеров. Развитие этих новых операций скоро изменило весь характер английского кредитного дела. Облегчения, представляемые таким образом со стороны *Lombardstreet*, чрезвычайно усилили положение товарных маклеров на *Mincing Lane*; товарные маклеры в свою очередь предоставили все преимущества купцам-импортерам; эти последние воспользовались ими настолько широко, что в то время как 25 лет тому назад заем под накладную или хотя бы под *dock warrants* совершенно подо-

рвал бы кредит данного купца, теперь такого рода операции получили широкое распространение, так что они являются уже правилом, а не редким исключением, как это было 25 лет тому назад. Мало того, система эта распространилась настолько широко, что в Lombardstreet крупные суммы берутся под векселя, выданные под находящийся еще на корню урожай отдаленных колоний. Результат таких облегченных кредита был тот, что купцы-импортеры расширили свои заграничные операции и закрепили свой текущий (floating) капитал, при помощи которого они до сих пор вели дело, в самых ненадежных из всех предприятий, в колониальных плантациях, ведение которых они могут лишь в ничтожной степени или даже вовсе не могут контролировать. Мы видим таким образом непосредственное сплетение кредитов. Капитал страны, собранный в наших земледельческих округах, вносится в качестве вкладов мелкими взносами в провинциальные банки и централизуется для употребления в дело на Lombardstreet. Но то дело, на которое он утилизируется, состоит, во-первых, в расширении предприятий наших горных и промышленных округов путем переучета векселей, выданных на тамошние банки; во-вторых, в обеспечении больших льгот импортерам заграничных продуктов при помощи ссуд под dock warrants и накладные, вследствие чего «лояльный» капитал торговых фирм в заграничных и колониальных предприятиях освобождается и употребляется для самого плохого применения в за океанских плантациях» (Esopon., 1847, p. 1334). Таково это «прекрасное» сплетение кредитов. Сельский вкладчик воображает, что он дает вклад лишь своему банкиру, воображает далее, что банкир этот, раз он дает ссуду, делает это лишь известному для банкира частному лицу. Но он не имеет ни малейшего представления о том, что его банкир предоставляет свои вклады в распоряжение лондонского billbroker'a, операции которого совершенно ускользают от контроля их обоих.

Мы уже видели, что крупные общественные предприятия, напр., железнодорожное строительство, могут на время увеличивать ссужаемый капитал, предоставляя на известные сроки в распоряжение банкиров вносимые акционерными суммами до их действительного употребления на предприятие.

Впрочем масса ссудного капитала несомненно отлична от количества обращения. Под количеством обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов. Часть этого количества составляет непрерывно изменяющийся по величине запас банков.

«12 ноября 1857 года [день отмены банкового акта 1844 года] запас Английского банка вместе со всеми его отделениями составлял в общей сложности всего 580.751 £; сумма вкладов равнялась в то же время 22½ миллионам £, из которых около 6½ миллионов принадлежало лондонским банкирам» (В. А. 1858, р. LVII).

Изменения размера процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия размера процента в различных странах; первые обусловлены изменениями общей нормы прибыли, вторые — различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как, напр., прочность кредита и т. п.), т.-е. капитала, который сужается в форме денег, металлических денег или банкнот, в отличие от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме, сужается при помощи торгового кредита между самими агентами производства.

И все-таки масса этого сужаемого капитала отлична и независима от массы обращающихся денег.

Если, напр., 20 £ будут даны в ссуду пять раз в день, то в общей сложности ссуженный капитал будет 100 £, и это предполагало бы в то же время, что эти 20 £, по меньшей мере, 4 раза функционировали как покупательные или платежные средства; потому что, если бы дело обошлось без посредства купли и платежа, так что 20 £ не представляли бы по меньшей мере четыре раза превращенную форму капитала (т.-е. товара, включая сюда и рабочую силу), то они составили бы не капитал в 100 £, а лишь пять требований на 20 £ каждое.

Для стран с развитым кредитом мы можем допустить, что весь денежный капитал, предназначенный для ссудных операций, существует в форме вкладов в банках и у лиц, ссужающих деньги. По крайней мере, это справедливо для кредитных операций в общем и целом. К тому же в периоды благоприятного положения дел, пока еще не разразилась спекуляция в собственном смысле слова, при легкости кредита и возрастающем доверии, значительнейшая часть функций обращения сводится к простой передаче кредита, без посредствующей роли металлических или бумажных денег.

Простая возможность образования крупных вкладов, при сравнительно небольшом количестве средств обращения, зависит исключительно от:

1) числа покупок и платежей, совершаемых при помощи одного и того же денежного знака,

2) числа его обратных возвращений в банк в качестве вклада, при чем его повторная функция платежного и покупательного средства осуществляется при посредстве возобновляемого превращения в банковый вклад. Напр., мелкий торговец еженедельно вкладывает у своего банкира 100 £ деньгами; банкир выплачивает ими часть вклада фабриканта; последний платит ими своим рабочим; рабочие платят ими мелкому торговцу, который снова вносит их в банк. Вложенные мелким торговцем 100 £ послужили таким образом, во-первых, для уплаты вклада фабриканту, во-вторых, для оплаты рабочих, в-третьих, для платежа самому мелкому торговцу, в-четвертых, для того, чтобы вложить в банк новую часть денежного капитала того же самого розничного торговца; таким образом, если он сам не будет пользоваться вложенными им в банк деньгами, то по истечении 20 недель его вклад при помощи одних и тех же 100 £ достигнет 2.000 £.

В какой степени этот денежный капитал остается незанятым, показывает лишь прилив и отлив запасного фонда банков. Отсюда г-н Вегелин, управлявший в 1857 году Английским банком, выводит заключение, что золото является «единственным» запасным капиталом Английского банка: «1258. По моему мнению учетный процент фактически определяется количеством незанятого капитала, имеющегося в стране. Количество незанятого капитала получает выражение в запасе Английского банка, который фактически является золотым запасом. Поэтому, когда золото отливает, уменьшается количество незанятого капитала в стране, и вследствие этого повышается стоимость остальной его части.—1364. Золотой запас Английского банка есть в действительности центральный запас, или та свободная наличность, на основе которой ведут свои дела все предприятия страны... Это тот запас или резервуар, на котором всегда сказывается влияние заграничного вексельного курса» (Report on Bank Acts. 1857).

Масштаб для накопления действительного, т.е. производительного и товарного капитала дает статистика ввоза и вывоза. И тут всегда обнаруживается, что для английской промышленности с ее десятилетними циклами развития (1815—1870) максимум последнего периода расцвета перед кризисом каждый раз оказывается минимумом ближайшего следующего периода расцвета, затем поднимается до нового более высокого максимума.

Действительная или объявленная стоимость продуктов, вывезенных из Великобритании и Ирландии в 1824 году, в эпоху расцвета, была 40.396.300 £. С наступлением кризиса 1825 года размер вывоза

падает ниже этой суммы и колеблется между 35 — 39 миллионами в год. При возобновлении расцвета в 1834 году он превосходит предыдущий высший уровень, поднимался до 41.649.191 £, и в 1836 году достигает нового максимума в 53.368.571 £. В 1837 году он снова падает до 42 миллионов, так что новый минимум стоит уже выше старого максимума, и колеблется затем между 50 и 53 миллионами. Новый период расцвета поднимает затем в 1844 году размеры вывоза до 58½ миллионов, что опять-таки значительно превышает максимум 1836 года. В 1845 году вывоз достигает 60.111.082 £; затем падает до 57 слишком миллионов в 1846 году, почти до 59 миллионов в 1847 году, до 53 миллионов в 1848 году, повышается в 1849 году до 63½ миллионов, в 1853 году почти до 99 миллионов, в 1854 году 97 миллионов, в 1855 году 94½ миллионов, в 1856 году почти до 116 миллионов и в 1857 году достигает максимума в 122 миллиона. В 1858 году вывоз падает до 116 миллионов, но уже в 1859 году повышается до 130 миллионов, в 1860 году почти до 136 миллионов, в 1861 г. составляет всего 125 миллионов (здесь новый минимум опять выше предшествующего максимума), в 1863 году 146½ миллионов.

То же самое могло бы быть, конечно, обнаружено и по отношению к ввозу, который является показателем расширения рынка; здесь мы имеем дело лишь с масштабом производства. [Само собою разумеется, это справедливо по отношению к Англии лишь в эпоху фактической промышленной монополии; но это справедливо также по отношению ко всей вообще совокупности стран с современной крупной промышленностью, пока мировой рынок еще расширяется. — Ф. Э.]

2) Превращение капитала или дохода в деньги, превращающиеся в ссудный капитал.

Мы рассматриваем здесь накопление денежного капитала, поскольку оно не является выражением приостановки в обычном течении коммерческого кредита или же экономизирования как на действительно функционирующих средствах обращения, так и на запасном капитале агентов, занятых воспроизводством.

Кроме обоих этих случаев накопление денежного капитала может возникнуть вследствие необычного притока золота, как это имело место в 1852 и 1853 г.г., когда были открыты новые золотые прииски в Австралии и Калифорнии. Это золото помещалось вкладами в Английский банк. Вкладчики брали вместо него банкноты, которые непосредственно вслед за тем не вкладывались ими в банки. Таким образом чрезвычайно увеличивалось количество средств обращения.

(Показания Вегелипа, В. С. 1857, № 1329). Банк старался использовать эти вклады, понизив учетный процент до 2⁰/₀. Накопленная банком масса золота в течение шести месяцев 1853 г. да возрасла до 22 — 23 миллионов.

Накопление у всех капиталистов, ссужающих деньги, происходит, само собою понятно, непосредственно в денежной форме, в то время как действительное накопление промышленного капитала совершается обыкновенно, как мы уже видели, путем увеличения элементов самого воспроизводительного капитала. Таким образом развитие кредита и колоссальная концентрация предприятий, ссужающих деньги, в руках крупных банков должна уже сама по себе ускорять накопление ссужаемого капитала как особую, отличную от действительного накопления, форму. Следовательно, это быстрое развитие ссудного капитала есть результат действительного накопления, так как оно является следствием развития процесса воспроизводства, а прибыль, образующая источник накопления для таких денежных капиталистов, есть лишь вычет из прибавочной стоимости, выколачиваемой капиталистами, занимающимися воспроизводством (и в то же время присвоение части процентов на чужие сбережения). Ссудный капитал накапливается за счет промышленников и купцов одновременно. Мы уже видели, что в неблагоприятных фазах промышленного цикла размер процента может подняться настолько высоко, что он временно совершенно поглощает прибыль некоторых отраслей производства, поставленных в особенно невыгодные условия. Вместе с тем падают цены государственных фондов и других ценных бумаг. Это тот момент, когда денежные капиталисты массами скупают обесцененные бумаги, которые в дальнейших фазах снова быстро поднимаются в цене выше своего нормального уровня. Тогда бумаги эти снова сбываются и таким образом присваивается часть денежного капитала публики. Та часть бумаг, которая остается на руках скупивших их капиталистов, приносит им избыточные проценты, так как они куплены по пониженной цене. Но денежные капиталисты всю прибыль, полученную ими, превращают обратно в капитал и прежде всего в ссудный денежный капитал. Следовательно, накопление последнего, как отличное от действительного накопления, хотя и обусловленное им, выступает уже, раз мы рассматриваем только денежных капиталистов, банкиров и т. д., как накопление этого особого класса капиталистов. И оно должно расти при всяком расширении кредитного дела, сопровождающем действительное расширение процесса воспроизводства.

Если уровень процента низок, то это обесценение денежного капитала поражает главным образом вкладчиков, а не банки. До развития акционерных банков в Англии $\frac{3}{4}$ всех вкладов лежали, не при-

нося процентов. Если в настоящее время за них и уплачивается процент, то последний по меньшей мере на 1% ниже уровня процента в данное время.

Что касается накопления денег остальными классами капиталистов, то мы оставим в стороне ту часть их капитала, которая вкладывается в процентные бумаги и накапливается в этой форме. Мы рассматриваем только ту часть, которая выбрасывается на рынок, как сужаемый денежный капитал.

Здесь мы имеем прежде всего часть прибыли, которая не расходуется как доход, а предназначена для накопления, но для которой не находится употребления в предприятии самих промышленных капиталистов. Прибыль эта существует непосредственно в товарном капитале, часть стоимости которого она составляет, и вместе с ним реализуется в деньгах. Если она (купца мы пока оставляем в стороне, о нем мы будем говорить особо) не превращается обратно в элементы производства товарного капитала, то в течение некоторого времени она должна застыть в форме денег. Масса эта растет вместе с массой самого капитала, даже при уменьшающейся норме прибыли. Часть, которая должна быть израсходована как доход, мало-по-малу потребляется, но в промежутке образует в качестве вклада ссудный капитал у банкира. Таким образом даже рост части прибыли, расходуемой как доход, выражается в постепенном, постоянно повторяющемся накоплении ссудного капитала. То же самое надо сказать и о другой части, предназначенной для накопления. Итак, с развитием кредита и его организации даже рост дохода, т.-е. потребления промышленных и торговых капиталистов, получает выражение как накопление ссудного капитала. И это справедливо по отношению ко всем доходам, поскольку они мало-по-малу потребляются, следовательно, по отношению к земельной ренте, заработной плате в ее высших формах, доходу непродуцируемых классов и т. д. Все они на известное время принимают форму денежного дохода и, следовательно, могут быть превращены в вклады, а потому и в ссудный капитал. По отношению ко всякому доходу, предназначен ли он для потребления или для накопления, раз он существует в какой бы то ни было денежной форме, справедливо то положение, что доход есть превращенная в деньги часть стоимости товарного капитала, а следовательно — выражение и результат действительного накопления, а не самый производительный капитал. Если прядильщик обменял свою пряжу на хлопок, а часть, составляющую доход, на деньги, то его промышленный капитал реально существует в пряже, перешедшей теперь в руки ткача или, быть может, индивидуального потребителя, и притом в пряже этой — назначена ли она для воспроизводства, или для потребления — существует

как капитальная стоимость, так и присоединенная к последней прибавочная стоимость. Величина прибавочной стоимости, превратившейся в деньги, зависит от величины прибавочной стоимости, заключающейся в пряже. Но раз прибавочная стоимость превратилась в деньги, деньги являются лишь формой существования этой прибавочной стоимости. И как форма существования прибавочной стоимости они становятся моментом ссудного капитала. Для этого требуется только, чтобы они были превращены в вклад, если только они не выданы в ссуду уже самим их собственником. Напротив, чтобы превратиться обратно в производительный капитал, количество накопленной прибавочной стоимости должно достигнуть сначала известной минимальной границы.

Глава тридцать вторая.

Денежный капитал и действительный капитал. III.

(Заключение.)

Масса денег, подлежащих такому обратному превращению в капитал, есть результат массового процесса воспроизводства, но рассматриваемая сама по себе, как ссудный капитал, она не является самой массой воспроизводительного капитала.

Самый важный из выводов предшествующего исследования состоит в том, что расширение части дохода, предназначенной для потребления (при чем мы оставляем в стороне рабочего, так как его доход = переменному капиталу), прежде всего проявляется как накопление денежного капитала. Следовательно, в накопление денежного капитала входит один момент, существенно отличающий его от действительного накопления промышленного капитала; потому что часть годового продукта, предназначенная для потребления, отнюдь не становится капиталом. Известная доля ее возмещает капитал, а именно, постоянный капитал производителей средств потребления, но поскольку она действительно превращается в капитал, она существует в натуральной форме дохода производителей этого постоянного капитала. Те же самые деньги, которые представляют доход, которые служат простыми посредниками потребления, регулярно превращаются на некоторое время в ссудный денежный капитал. Поскольку деньги эти представляют заработную плату, они являются в то же время денежной формой переменного капитала; а поскольку они возмещают постоянный капитал производителей средств потребления, они являются денежной формой, которую временно принимает постоянный капитал, и служат для закупки элементов этого подлежа-

щего возмещению *in natura* постоянного капитала. Ни в той, ни в другой форме они сами по себе не выражают накопления, хотя масса их и растет с расширением процесса воспроизводства. Однако временно они выполняют функции ссужаемых денег, т.-е. денежного капитала. Следовательно, с этой точки зрения накопление денежного капитала всегда отражает в себе более значительное накопление капитала, чем то, которое совершается в действительности, так как расширение индивидуального потребления, благодаря тому, что оно осуществляется при посредстве денег, выступает как накопление денежного капитала, доставляя денежную форму для действительного накопления, для денег, открывающих новые сферы приложения капитала.

Итак, накопление ссудного денежного капитала выражает прежде всего лишь тот факт, что всякие деньги, в которые превращается промышленный капитал в процессе своего кругооборота, принимают форму не денег, которые авансируют агенты воспроизводства, а денег, которые они занимают; таким образом то авансирование денег, которое должно происходить в процессе воспроизводства, представляется авансированием заложенных денег. В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства. Но это соотношение принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, с своей стороны ссужает их другой части агентов воспроизводства, при чем банкир этот оказывается в роли источника всяких благ и в то же время в качестве посредника совершенно забирает в свои руки распоряжение этим капиталом.

Нам остается лишь указать некоторые особые формы накопления денежного капитала. Освобождение капитала происходит, напр., вследствие понижения цены элементов производства, сырых материалов и т. д. Если промышленник не может непосредственно расширить свой процесс воспроизводства, то часть его денежного капитала, как избыточная, выталкивается из кругооборота и превращается в ссудный денежный капитал. Но кроме того, раз наступают перерывы в ходе дела, освобождается капитал в денежной форме, именно у купца. Если купец совершил ряд операций и вследствие таких перерывов может начать новый ряд операций лишь позднее, то реализованные деньги представляют для него лишь сокровище, избыточный капитал. Однако в то же время они непосредственно представляют накопление ссудного денежного капитала. В первом случае накопление денежного капитала выражает повторение процесса воспроизводства при более благоприятных условиях, действительное освобождение части раньше связанного капитала, следовательно, возможность расширения процес-

ся воспроизводства при тех же самых денежных средствах. Во втором случае—простой перерыв в ходе сделок. Но в обоих случаях деньги превращаются в ссудный денежный капитал, представляют накопление этого последнего, оказывают влияние в одинаковой степени на денежный рынок и размер процента, хотя в первом случае в этом находят себе выражение более благоприятные условия, во втором—препятствия для действительного процесса накопления. Наконец, накоплению денежного капитала способствуют те люди, которые, сколотив себе состояньице, удаляются от сферы воспроизводства. Чем больше прибыли создается в течение промышленного цикла, тем значительнее число таких людей. Тут накопление ссужаемого денежного капитала служит выражением с одной стороны действительного накопления (его относительных размеров), с другой стороны только степени превращения промышленных капиталистов в простых денежных капиталистов.

Что касается остальной части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение предприятия в той сфере производства, в которой она создана. Последнее может происходить от двух причин. Или данная сфера производства уже насыщена капиталом. Или же накопленная сумма, для того чтобы функционировать как капитал, должна сначала достигнуть известных размеров, определяемых количественными отношениями новых затрат капитала в данном определенном предприятии. Таким образом в этих случаях накопленная сумма превращается сначала в ссужаемый денежный капитал и служит для расширения производства в других сферах. При прочих равных условиях масса прибыли, предназначенная для обратного превращения в капитал, зависит от массы всей созданной прибыли и, следовательно, от расширения самого процесса воспроизводства. Если же эта вновь накопленная сумма встречает препятствия на пути своего применения к делу, наталкивается на недостаток сфер приложения, если, следовательно, имеет место переполнение отраслей производства и избыточное предложение ссудного капитала, то такой избыток предназначенного для ссуд денежного капитала указывает лишь на ограниченность капиталистического производства. Наступающий затем период кредитного ажиотажа обнаруживает, что не существует никаких положительных препятствий для применения этого избыточного капитала. Но существуют препятствия, возникающие вследствие законов возрастания капитальной стоимости, вследствие тех границ, в которых стоимость капитала как капитала может возрастать. Избыток денежного капитала как такового не выражает необходимо перепроизводства или хотя бы только недостатка сфер для приложения капитала.

Накопление ссудного капитала состоит просто в том, что деньги осаждаются как деньги, предназначенные для ссуд. Этот процесс совершенно отличен от действительного превращения в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может, как было показано, служить выражением моментов, весьма отличных от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления, это расширенное накопление денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления. Уже по одному тому, что накопление ссудного капитала расширяется под влиянием таких независимых от действительного накопления, но все же сопровождающих его моментов, уже по одному этому в известных фазах цикла должен всегда иметь место избыток денежного капитала, и этот избыток должен развиваться по мере развития кредита. Вместе с тем должна также усиливаться необходимость расширить процесс производства за его капиталистические границы: возникает избыточная торговля, избыточное производство, избыточный кредит. В то же время это неизбежно совершается в формах, вызывающих обратное движение.

Что касается накопления денежного капитала из земельной ренты, заработной платы и т. п., то здесь нет надобности останавливаться на этом вопросе. Следует указать только один момент, именно то обстоятельство, что благодаря разделению труда, прогрессирующему с развитием капиталистического производства, дело действительного сбережения и воздержания (в среде лиц, собирающих сокровища), поскольку оно дает элементы для накопления, выпадает на долю тех, которые получают минимальное количество этих элементов и зачастую еще теряют свои сбережения, как, напр., рабочие при крахе банков. С одной стороны промышленный капиталист не сам «сберегает» свой капитал, а распоряжается чужими сбережениями в количестве, пропорциональном величине своего капитала; с другой стороны денежный капиталист делает чужие сбережения своим капиталом, а кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занимающиеся воспроизводством, и который дает им публика, превращает в источник своего частного обогащения. Вместе с тем рушатся последние иллюзии капиталистической системы относительно того, будто капитал порождается собственным трудом и сбережением. Не только прибыль состоит в присвоении чужого труда, но и капитал, при помощи которого приводится в движение и эксплуатируется чужой труд, состоит из чужой собственности, которую денежный капиталист предоставляет в

распоряжение промышленного капиталиста, эксплуатируя его за это в свою очередь.

Нам остается сделать еще несколько замечаний относительно кредитного капитала.

Насколько часто один и тот же денежный знак может фигурировать в качестве ссудного капитала, всецело зависит, как было показано выше, от того,

1) насколько часто он реализует товарные стоимости в процессах продажи и платежа, т.-е. переносит капитал, и от того далее, насколько часто он реализует доход. Насколько часто он переходит в другие руки в качестве реализованной стоимости, будет ли это стоимость капитала или дохода, зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2) это зависит от экономии в платежах и от развития и организации кредитного дела;

3) наконец, от взаимной связи между различными кредитами и быстроты их функционирования, при чем денежная сумма, осевшая в одном месте в виде вклада, тотчас же снова выходит в другом в виде займа.

Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра, товаров, вещество которых служит мерилом стоимостей, то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, т.-е. простыми титулами стоимости, совершенно так же, как знаки стоимости. Поскольку деньги функционируют в кругообороте капитала, они, конечно, в известные моменты образуют денежный капитал; однако они не превращаются в ссудный денежный капитал, но или обмениваются на элементы производительного капитала, или же выплачиваются как средство обращения при реализации дохода и, следовательно, не могут опять превратиться в ссудный капитал для своего владельца. Поскольку же они превращаются в ссудный капитал,—а одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал,—ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал. Накопление этих притязаний, согласно предположению, происходит из действительного накопления, т.-е. из превращения стоимости товарного капитала и т. д. в деньги; и тем не менее накопление этих притязаний или титулов стоимости как таковое отлично и от действительного накопления, которым оно порождается, и от будущего накопления (нового процесса производства), которое обслуживается выдачею денег в ссуду.

Prima facie ссудный капитал всегда существует в форме денег⁹⁾, впоследствии в форме требования денег, при чем деньги, в виде которых он первоначально существует, принимают теперь в руках заемщика действительную денежную форму. Для кредитора ссудный капитал превратился в право на получение денег, в титул собственности. Одна и та же масса действительных денег может поэтому представлять весьма различные массы денежного капитала. Деньги, представляют ли они реализованный капитал или реализованный доход, становятся ссудным капиталом при помощи простого акта ссуды, при помощи превращения их в вклад, раз мы предположим развитую систему кредита в ее общей форме. Вклад есть денежный капитал для вкладчика. Однако в руках банкира он может быть лишь потенциальным денежным капиталом, лежащим без употребления в его кассе вместо того, чтобы лежать в кассе собственника этого капитала¹⁰⁾.

9) В. А. 1857. Показание банкира Twells'a: «4516. Как банкир, ведете ли вы операции с капиталом или с деньгами?—Мы оперируем с ден.гами.—4517. В какой форме вносятся вклады в ваш банк?—Деньгами.—4518. В какой форме выплачиваются они?—Деньгами.—Следовательно, можно ли сказать, что они представляют нечто отличное от денег?—Нет».

Оверстон (см. гл. XXVI) постоянно путает понятия «capital» и «money». Value of money означает у него также процент, но лишь постольку, поскольку последний определяется массой денег; value of capital обозначает процент, поскольку он определяется спросом на производительный капитал и приносимой им прибылью. Он говорит: «4140. Слово капитал следует употреблять с осторожностью.—4148. Вывоз золота из Англии означает уменьшение количества денег в стране, что должно, конечно, вообще говоря, вызывать увеличенный спрос на денежном рынке [следовательно, по его мнению, не на рынке капитала].—4112. По мере того, как деньги уходят из страны, количество их в стране уменьшается. Это уменьшение количества денег остающихся в стране, вызывает повышение стоимости этих денег». [Первоначально по его теории это означало повышение стоимости денег как денег, вызванное сокращением обращения сравнительно со стоимостью товаров, при чем это повышение стоимости денег равняется, следовательно, понижению стоимости товаров. Но так как с течением времени даже для него стало несомненным, что масса обращающихся денег не определяет цен, то теперь уменьшение денег как орудия обращения является для него причиной, обуславливающей повышение их стоимости как капитала, приносящего проценты, и повышение самого размера процента.] «И это возрастание стоимости еще остающихся денег задерживает дальнейший отлив их и продолжается до тех пор, пока не притечет обратно столько денег, сколько их необходимо, чтобы опять восстановить равновесие».—Ниже дальнейшее развитие противоречий, в которые впадает Оверстон.

10) Здесь-то и выступает путаница понятий, происходящая вследствие того, что «деньгами» является и то, и другое: и вклад, как требование на платеж со стороны банкира, и вложенные деньги в руках самого банкира. Банкнот Twells, давая показания перед банковской комиссией 1857 года, берет следующий пример: «Я начинаю свое дело с 10.000 £. На 5.000 £ я покупаю товаров и помещаю их в свой склад. Остальные 5.000 £ я помещаю у банкира вкладом, чтобы пользоваться ими по мере

С ростом вещественного богатства растет класс денежных капиталистов; в одной стороны растет число и богатство капиталистов, устранившихся от активного участия в делах, т.-е. рантье; с другой стороны поощряется развитие кредитной системы и вместе с тем растет число банкиров, ростовщиков, финансистов и т. п.—С развитием свободного денежного капитала увеличивается, как было показано выше, число процентных бумаг, государственных бумаг, акций и т. д. Но вместе с тем увеличивается спрос на свободный денежный капитал, при чем маклеры, спекулирующие с этими бумагами, начинают играть главную роль на денежном рынке. Если бы все покупки и продажи этих бумаг были лишь выражением действительных приложений капитала, то мы имели бы право сказать, что они не могут влиять на спрос ссудного капитала, так как, если А продает свои бумаги, то он извлекает при этом ровно столько же денег, сколько В вкладывает в бумаги. Между тем даже там, где бумага хотя и существует, но уже не существует того капитала (по крайней мере как денежного капитала), который она первоначально представляла, она всегда вызывает pro tanto новый спрос на такой денежный капитал. Но во всяком случае это тот денежный капитал, которым раньше располагал В, а теперь располагает А.

надобности. Но я все-таки рассматриваю всю сумму как мой капитал, хотя из нее, 5.000 £ находятся в форме вклада или денег (4528)». Отсюда возникают следующие занятные дебаты: «4531. Следовательно, вы передали ваши 5.000 £ в банкнотах кому-то другому?—Да.—4532. А потому этот другой имеет теперь вклад в 5.000 £?—Да, конечно.—4533. Но и вы имеете вклад в 5.000 £?—Совершенно верно.—4534. Он имеет 5.000 £ деньгами, и вы имеете 5.000 £ деньгами?—Конечно.—4535. Но, ведь, в конце концов, это не что иное, как просто сумма денег?—Нет».—Путаница происходит здесь между прочим по следующей причине: А, который сделал вклад в 5.000 £ может пользоваться, распоряжаться им совершенно так же, как если бы эти деньги находились еще у него. В этом смысле они функционируют для него как потенциальные деньги. Но каждый раз, как он пользуется ими, он pro tanto уничтожает сумму своего вклада. Если он берет из банка действительные деньги, при чем его деньги уже отданы в новую ссуду, то ему платит не его собственными деньгами, но деньгами, вложенными в банк кем-либо другим. Если он уплачивает В долг чеком на своего банкира, при чем В вкладывает этот чек у своего банкира и банкир вкладчика А также имеет чек на банкира вкладчика В, так что оба банкира только обмениваются чеками, то деньги, вложенные А, дважды выполнили денежную функцию: во-первых, в руках того, кто получил деньги, вложенные А, и, во-вторых, в руках самого А. Другая функция состояла в том, что вклад взаимно погасил долговые требования (долговое требование А на своего банкира и долговое требование последнего на банкира В) без средства денег. Здесь вклад дважды функционирует как деньги, именно один раз как действительные деньги, и другой раз как право на получение денег. Простое право на получение денег может замещать действительные деньги лишь в том случае, если долговые требования уравниваются.

В. А. 1857. № 4886: «Будет ли это по вашему мнению правильным указанием причин, определяющих высоту учета, если я скажу, что она регулируется количеством находящегося на рынке капитала, употребляемого для учета торговых векселей, в отличие от других видов ценных бумаг?—[Чарман:] Нет; я держусь того взгляда, что на размер процента влияют все легко превращаемые в деньги процентные бумаги (all convertible securities of a current character); было бы неправильно ограничивать вопрос только учетом векселей; потому что, если существует большой спрос на деньги под [обеспечение] консоли или даже под свидетельства государственного казначейства, как это имело место за последнее время, и притом под проценты, значительно превышающие размер торгового процента, то было бы абсурдно сказать, что наш торговый мир не затрагивается этим; он весьма существенно затрагивается этим.—4890. Если на рынке имеются хорошие и ходкие ценные бумаги, признаваемые банкирами как таковые, и если собственники хотят получить за них деньги, то это без всякого сомнения окажет влияние на торговые векселя; я не могу, например, ожидать, что мне дадут под торговый вексель деньги из 5%, если эти деньги можно в данное время ссудить под консоли и т. п. за 6%; такое же влияние это оказывает и на меня; никто не может требовать от меня, чтобы я учел его вексель из 5½%, раз я могу ссудить мои деньги из 6%.—4892. Относительно людей, которые на 2.000 £, 5.000 £ или 10.000 £ покупают ценные бумаги в качестве прочного помещения капитала, мы не скажем, что они оказывают существенное влияние на денежный рынок. Если вы меня спрашиваете о размере процента [в обеспечение] под консоли, то я имею в виду людей, которые совершают операции на сотни тысяч, так называемых jobbers (маклеров), подписывающих или покупающих на рынке общественные займы на значительную сумму и вынужденных затем выжидать, пока можно будет освободиться от этих бумаг с прибылью; эти люди должны для этой цели занимать деньги».

С развитием кредитного дела создаются крупные концентрированные денежные рынки вроде Лондона, которые в то же время являются средоточием торговли этими бумагами. Банкиры предоставляют в распоряжение шайки таких торговцев громадные массы денежного капитала публики, и благодаря этому растет это отродье игроков. «На фондовой бирже деньги обыкновенно дешевле, чем где бы то ни было», говорил в 1848 году тогдашний управляющий Английского банка, давая показания перед тайным комитетом лордов (С. D. 1848, printed 1858, № 219).

При рассмотрении капитала, приносящего проценты, было уже показано, что средний процент для более или менее длинного ряда

лет, при прочих равных условиях, определяется средней нормой прибыли,—не предпринимательского дохода, так как последний сам есть не что иное, как прибыль минус процент.

Равным образом и для колебаний торгового процента—процента, исчисляемого в пределах торгового мира для учета и ссуд капиталистами, кредитующими деньги,—в ходе промышленного цикла наступает фаза, когда размер процента превосходит свой минимум и достигает средней высоты (которую потом, впоследствии, он превышает), при чем движение это является результатом повышения прибыли; все это также было уже упомянуто и обстоятельнее будет исследовано впоследствии.

Здесь мы ограничимся следующими двумя замечаниями.

Во-первых. Если размер процента в течение продолжительного времени держится высоко (мы говорим о размере процента в определенной стране, напр., в Англии, где дан за более или менее продолжительный период средний размер процента, находящий себе выражение и в том проценте, который уплачивается по долгосрочным займам и который можно назвать частным процентом), то это *prima facie* доказывает, что за этот период норма прибыли стоит высоко, хотя это еще вовсе не доказывает, что высока и норма предпринимательского дохода. Это последнее различие более или менее отпадает для капиталистов, которые работают преимущественно с собственным капиталом; они реализуют высокую норму прибыли, так как сами выплачивают себе процент. Возможность устойчивого высокого уровня процента—мы не говорим здесь о фазе настоящего угнетения—дается высокой нормой прибыли. Возможно однако, что эта высокая норма прибыли за вычетом из нее высокой нормы процента оставляет лишь низкую норму предпринимательского дохода. Последний может сокращаться, в то время как высокая норма прибыли продолжает существовать. Это возможно благодаря тому, что предприятия, раз они функционируют, необходимо продолжать во что бы то ни стало. В рассматриваемой фазе значительное число предприятий работает исключительно на счет кредитного (т.-е. чужого) капитала; и высокая норма прибыли местами может быть чисто спекулятивной, базирующейся на ожидании будущих выгод. Высокая норма процента может выплачиваться при высокой норме прибыли, но уменьшающемся предпринимательском доходе. Она может выплачиваться—и это действительно имеет место в периоды спекуляции—не из прибыли, а из самого занятого чужого капитала, и такое положение дел может продолжаться в течение некоторого времени.

Во-вторых. Положение, что спрос на денежный капитал, а следовательно, и норма процента растут вследствие того, что норма

прибыли стоит высоко, не тождественно с положением, что спрос на промышленный капитал растет, а потому норма процента высока.

В периоды кризиса спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и норма процента достигают своего максимума; между тем норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал почти совершенно исчезают. В такое время каждый занимает лишь для того, чтобы произвести платежи, чтобы выпутаться из обязательств, уже принятых на себя. Напротив, в периоды нового оживления после кризиса ссудный капитал требуется для того, чтобы покупать, чтобы превращать денежный капитал в производительный или торговый капитал. И он требуется тогда или промышленным капиталистом, или купцом. Промышленный капиталист вкладывает его в средства производства и в рабочую силу.

Растущий спрос на рабочую силу сам по себе отнюдь еще не является основой для повышения размера процента, поскольку последний определяется нормой прибыли. Повышение заработной платы никогда не бывает причиной повышения прибыли, хотя—в известные фазы промышленного цикла—может быть одним из его последствий.

Спрос на рабочую силу может повышаться вследствие того, что эксплуатация труда совершается при особо благоприятных условиях, но повышающийся спрос на рабочую силу и, следовательно, на переменный капитал сам по себе не увеличивает прибыли, а уменьшает ее *pro tanto*. И тем не менее благодаря этому может возрастать спрос на переменный капитал, а потому и спрос на денежный капитал, что способно повышать уровень процента. Рыночная цена рабочей силы поднимается тогда выше ее средней величины, работу находит более чем среднее число рабочих, и одновременно растет размер процента, так как при данных обстоятельствах повышается спрос на денежный капитал. Повышающийся спрос на рабочую силу удорожает этот товар, как всякий другой, повышает ее цену, но не повышает прибыли, которая основывается главным образом на относительной дешевизне как раз этого товара. Но в то же время—при предположенных обстоятельствах—он повышает норму процента, потому что повышает спрос на денежный капитал. Если бы денежный капиталист, вместо того чтобы давать свои деньги в ссуду, превратился в промышленника, то вследствие того обстоятельства, что ему приходится теперь платить дороже за труд, прибыль его от этой причины не повысилась бы *pro tanto*, а понизилась бы. Общая конъюнктура может сложиться так, что прибыль его все-таки возрастает, но, конечно, отнюдь не потому, что он дороже оплачивает труд. Однако это последнее обстоятельство, поскольку оно повышает спрос на денежный капитал, достаточно для того, чтобы повысить норму процента. Если бы по каким-либо

причинам повысилась заработная плата при конъюнктуре, в прочих отношениях не благоприятной, то такой рост заработной платы понизил бы норму прибыли, но повысил бы размер процента в той мере, в какой он увеличил бы спрос на денежный капитал.

То, что Оверстон называет «спросом на капитал», если оставить в стороне труд, состоит лишь в спросе на товары. Спрос на товары повышает их цену как в том случае, если спрос этот поднимается выше средней, так и в том случае, если предложение падает ниже средней. Если, например, промышленный капиталист или купец должен уплатить теперь 150 £ за ту же массу товаров, за которую он обыкновенно платил 100 £, то ему придется занять 150 £ вместо обычных 100 £ и, следовательно, при 5% придется платить 7½% процентов вместо прежних 5%. Масса уплачиваемых им процентов увеличится, так как увеличится масса занятого капитала.

Попытка господина Оверстона всецело сводится к тому, чтобы интересы ссудного и промышленного капитала представить тождественными, между тем как его банковый акт рассчитан именно на то, чтобы использовать разницу этих интересов к выгоде денежного капитала.

В том случае, если предложение товаров падает ниже среднего уровня, спрос на товары может и не поглощать денежного капитала в количестве большем, чем раньше. Приходится уплачивать ту же самую, быть может даже меньшую сумму за общую стоимость товаров, но за эту сумму можно получить теперь меньшее количество потребительных стоимостей. В этом случае спрос на ссудный денежный капитал остается неизменным, и, следовательно, размер процента не повышается, хотя повышается спрос на товар, по сравнению с его предложением, а потому повышается и цена товара. Размер процента может быть затронут лишь в том случае, если возрастет общий спрос на ссудный капитал, а при вышеуказанных предположениях это не имеет места.

Возможен однако и такой случай, что предложение известного товара падает ниже среднего уровня, как это бывает, напр., при неурожае хлеба, хлопка и т. п., но спрос на ссудный капитал растет, так как развивается спекуляция на еще большее повышение цен, а простейшее средство повысить цены состоит в том, чтобы временно устранить с рынка часть предложения. А для того, чтобы оплатить купленный товар, не продавая его, добываются деньги при помощи коммерческих «вексельных операций». В таком случае возрастает спрос на ссудный капитал, и размер процента может повыситься в результате такой попытки искусственно затруднить доступ товара к рынку. Более высокий размер процента выражает тогда искусственное уменьшение предложения товарного капитала.

С другой стороны спрос на известный товар может возрасти вследствие того, что возрасло его предложение и цена товара упала ниже ее среднего уровня.

В этом случае спрос на ссудный капитал может остаться неизменным или даже упасть, так как большее количество товаров может быть приобретено на ту же самую сумму денег. Возможно однако и спекулятивное образование запасов, частью с целью использовать благоприятный момент для целей производства, частью в ожидании позднейшего повышения цен. В этом случае спрос на ссудный капитал может возрасти, и повышенный размер процента будет свидетельствовать о затратах капитала на образование избыточных запасов из элементов производительного капитала. Мы рассматриваем здесь лишь спрос на ссудный капитал, поскольку на него оказывают влияние спрос и предложение товарного капитала. Уже ранее было показано, каким образом меняющееся состояние процесса воспроизводства влияет на предложение ссудного капитала в различных фазах промышленного цикла. Тривиальное положение, что рыночная норма процента определяется спросом и предложением (ссудного) капитала, хитрец Оверстон спутывает со своим собственным предположением, согласно которому ссудный капитал тождествен с капиталом вообще, и старается таким образом ростовщика превратить в единственного капиталиста, а его капитал—в единственный вид капитала.

В периоды угнетения спрос на ссудный капитал есть спрос на платежные средства и ничего более; это отнюдь не спрос на деньги как покупательные средства. Размер процента может подняться при этом очень высоко, независимо от того, имеется ли реальный капитал—производительный и товарный—в избытке или же его как раз в обрез. Поскольку купцы и производители могут доставить надежное обеспечение, спрос на платежные средства есть просто спрос на средства для того, чтобы превратить капитал в деньги: поскольку же этого нет, следовательно, поскольку авансирование платежных средств доставляет капиталистам не только денежную форму, необходимую для платежа, но также недостающий для этой цели эквивалент в какой бы то ни было форме, постольку спрос на платежные средства есть спрос на денежный капитал. Это тот пункт, в котором при обсуждении кризисов одинаково правы и неправы оба противоположные мнения ходячей теории. Те, кто говорит, что существует лишь недостаток в платежных средствах, или имеют в виду только лиц, владеющих действительным обеспечением, или же настолько глупы, что приписывают банкам силу и обязанность путем выпуска бумажек превращать всех обанкротившихся спекулянтов в солидных платежеспособных капиталистов. Те, кто говорит, что существует

просто недостаток в капитале, или ограничиваются простой игрой слов, так как в действительности в такое время вследствие избыточного ввоза и перепроизводства имеется всегда обилие капитала, неспособного превратиться в деньги, или же они говорят лишь о тех рыцарях кредита, которые действительно попадают в условия, когда они не в состоянии более добывать чужой капитал для своих операций и потому требуют, чтобы банк не только помог им возратить утраченный капитал, но и дал возможность продолжать спекуляции.

Основу капиталистического производства составляет тот факт, что деньги как самостоятельная форма стоимости противостоят товарам, другими словами, меновая стоимость должна получить самостоятельную форму существования в деньгах, а это возможно лишь в том случае, если данный определенный товар становится материалом, в стоимости которого измеряют свою стоимость все другие товары, и который именно поэтому становится всеобщим товаром, товаром *par excellence* в противоположность всем другим товарам. Это обнаруживается в двояком направлении, особенно среди капиталистически развитых наций, которые в широких размерах возмещают деньги с одной стороны кредитными операциями, с другой стороны кредитными деньгами. В периоды угнетения, когда кредит суживается или совершенно прекращается, деньги внезапно противопоставляются всем товарам как единственное платежное средство и истинная форма существования стоимости. Отсюда всеобщее обесценение товаров, трудность, даже невозможность превратить их в деньги, т.-е. в их собственную совершенно фантастическую форму. Но, с другой стороны, сами кредитные деньги лишь постольку являются деньгами, поскольку они представляют действительные деньги в количестве, соответствующем абсолютной величине их номинальной стоимости. Вместе с отливом золота возможность превратить их в деньги становится проблематичной, т.-е. становится проблематичным их тожество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение размера процента и т. д. с целью обеспечить условия обмена на золото. Такое положение дел может быть обострено до крайности при помощи ошибочного законодательства, покоящегося на ложных теориях денег и навязанного нации интересами торговцев деньгами, Оверстонов и компании. Но основа этих денег дана в основе самого способа производства. Обесценение кредитных денег (не говоря уже об утрате ими денежных свойств, утрате, впрочем, лишь мнимой) распатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное существование этой стоимости в виде денег. Как денежная стоимость она обес-

печена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради одного-двух миллионов денег должны быть принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неустраимо при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При более ранних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, ни кредит, ни кредитные деньги не развиваются. Пока общественный характер труда проявляется как денежная форма существования товаров, т. е. как вещь, существующая вне действительного производства, неустраимы денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. Очевидно, с другой стороны, что, пока не поколеблен кредит данного банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, путем сокращения его увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри каждой страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает прекращение платежей наличными со стороны так называемых национальных банков, — средство, к которому прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению.

По отношению к двум лицам, связанным взаимными сделками, было бы смешно сказать, что оба они имеют платежный баланс против себя. Если каждый из них является и должником и кредитором по отношению к другому и если требования их не уравниваются взаимно, то очевидно, что в конце концов лишь один оказывается должником другого на сумму всей разницы. Но дело обстоит иначе, раз речь идет о нациях. И что оно обстоит иначе, признают все экономисты, выдвигая положение, согласно которому платежный баланс данной нации может быть благоприятен и неблагоприятен для нее, несмотря на то, что ее торговый баланс в конце концов достигает равновесия. Платежный баланс тем отличается от торгового баланса, что он есть торговый баланс, который должен быть ликвидирован в определенное время. Роль кризисов состоит в том, что они сводят разницу между торговым и платежным балансом к короткому промежутку времени; и характерные явления, развивающиеся среди нации, которая охвачена кризисом, для которой, следовательно, как раз наступил срок платежа, — явления эти уже сами по себе вызывают сокращение периода, в течение которого должно быть произведено уравнение платежей. Во-первых, отсылка благородных металлов; затем распродажа по пониженной цене товаров, взятых на комиссию;

экспорт товаров с целью сбыть их или добыть под них денежную ссуду внутри страны; повышение размера процента, отказ в кредите, падение курса ценных бумаг, распродажа иностранных ценных бумаг, привлечение иностранного капитала с целью вложить его в эти обезцененные бумаги, наконец, банкротство, погашающее массу требований. При этом зачастую металл отправляется в страну, в которой разразился кризис, так как векселя на нее утрачивают доверие и наиболее надежным представляется платеж звонкой монетой. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношению к Азии все капиталистические нации оказываются обыкновенно одновременно ее прямыми или косвенными должниками. Как только все эти различные обстоятельства окажут свое полное влияние на другую заинтересованную нацию, тотчас же и у последней начинается экспорт золота и серебра, короче, наступает период платежей, и те же самые явления повторяются снова.

При коммерческом кредите процент, составляющий разницу между ценою в кредит и ценою на наличные деньги, лишь постольку входит в цену товаров, поскольку векселя выдаются на срок более продолжительный, чем обыкновенный срок. В противном случае это не имеет места. Объясняется это тем, что каждый одною рукой получает такой кредит, другой оказывает его. [Это не согласуется с моими наблюдениями.— Ф. Э.] Поскольку же в этой форме входит сюда учет векселей, он регулируется не таким коммерческим кредитом, а состоянием денежного рынка.

Если бы спрос и предложение денежного капитала, определяющие размер процента, были тождественны со спросом и предложением действительного капитала, как это утверждает Оверстон, то процент должен был бы одновременно стоять и низко и высоко по отношению к различным товарам или по отношению к одному и тому же товару в его различных стадиях (сырой материал, полуфабрикат, готовый продукт). В 1844 году уровень процента в Английском банке колебался между 4% (от января до сентября) и 2½ — 3% (от ноября до конца года). В 1845 году он был 2½, 2¾, 3% от января до октября, между 3 и 5% в последние месяцы. Средняя цена чистого орлеанского хлопка была в 1844 году 6¼ пенсов, а в 1845 году 4⅞ пенса. 3 марта 1844 года запас хлопка в Ливерпуле составлял 627.042 кипы, а 3 марта 1845 года 773.800 кип. Если судить по низкой цене хлопка, то в 1845 году размер процента должен был бы стоять низко, что фактически и наблюдалось в течение большей части этого периода. Но если судить по цене пряжи, то процент должен был бы стоять высоко, так как цены были относительно, а прибыли абсолютно высоки. Из хлопка по 4 пенса за фунт в 1845 году можно было с 4 пенсами

издержек прядения выпрясть пряжу (№ 40 good secunda mule twist), которая прядильщику обошлась бы таким образом в 8 пенсов и которую он в сентябре и октябре 1845 года мог бы продать за $10\frac{1}{2}$ или $11\frac{1}{2}$ пенсов за фунт. (См. ниже показания Wylie.)

Весь вопрос разрешается следующим образом:

Спрос и предложение ссудного капитала были бы тождественны со спросом и предложением капитала вообще (впрочем последняя фраза нелепа: для промышленника или купца товар есть форма его капитала, тем не менее он никогда не нуждается в капитале как таковом, но всегда лишь в специальном товаре как таковом, покупает и оплачивает его как данный товар—хлеб или хлопок—независимо от той роли, которую товар сыграет в кругообороте его капитала) лишь в том случае, если бы вовсе не существовало денежных кредиторов, а вместо них имелись бы капиталисты, владеющие машинами, сырыми материалами и т. п. и отдающие эту свою собственность в ссуду или внаем—подобно тому, как теперь сдаются дома,—промышленным капиталистам, которые сами являются собственниками части этих предметов. При таких обстоятельствах предложение ссудного капитала было бы тождественно с предложением элементов производства промышленным капиталистам или товаров купцам. Но совершенно ясно, что в этом случае распределение прибыли между кредитором и заемщиком всецело определялось бы в первую очередь отношением между капиталом, данным в ссуду, и капиталом, составляющим собственность того, кто его применяет к делу.

Согласно господину Вегелину (В. А. 1857) размер процента определяется «массою незанятого капитала» (252); есть «лишь показатель массы незанятого капитала, ищущего себе приложения» (271); позже этот незанятый капитал называется у него «floating capital» (485), при чем под последним он понимает «банкноты Английского банка и другие средства обращения в стране; напр., банкноты провинциальных банков и имеющаяся в стране монета... я разумею под floating capital также запасы банков» (502, 503), наконец, сюда же он относит золото в слитках (503). Тот же Вегелин утверждает, что Английский банк оказывает сильное влияние на размер процента в те периоды, «когда мы» [т. е. Английский банк] фактически имеем в своих руках большую часть незанятого капитала (1198), между тем как согласно выше цитированным показаниям господина Оверстона Английский банк «не место для капитала». Далее Вегелин говорит: «По моему мнению норма учета регулируется количеством незанятого капитала в стране. Количество незанятого капитала представлено запасом Английского банка, который фактически есть металлический запас. Таким образом, если запас благородного металла уменьшается, то это

уменьшает количество незанятого капитала в стране и, следовательно, повышает стоимость остающейся его части» (1258). Дж.-Стюарт Милль говорит (1102): «Для поддержания нормального функционирования своего banking department (банковского отделения) банк вынужден делать все возможное, чтобы пополнить запас этого department; поэтому, как только он замечает, что наступает отлив, он должен обеспечить себе запас и или сократить учетные операции, или начать продажу ценных бумаг». — Запас, поскольку дело идет только о banking department, есть исключительно запас для операций по вкладам. По Оверстону banking department должен действовать просто как банкир, не считаясь с «автоматическим» выпуском банкнот. Но в периоды действительного угнетения Английский банк независимо от запаса в banking department, состоящего исключительно из банкнот, очень зорко следит за состоянием металлического запаса, и должен следить, раз он не хочет потерпеть крах. Потому что в той же самой степени, в какой исчезает металлический запас, исчезает и запас банкнот, и господину Оверстону, который столь мудро устроил это своим банковым актом 1844 года, это должно бы быть известно лучше, чем кому-либо другому.

Глава тридцать третья.

Средства обращения при кредитной системе.

«Кредит есть великий регулятор быстроты обращения. Отсюда понятно, почему период острого угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с переполнением сферы обращения» (The Currency Question Reviewed, p. 65). Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы, сберегающие средства обращения, построены на кредите. А с другой стороны возьмем для примера банкноту в 500 £. А отдает ее сегодня В в уплату по векселю; В вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для С; С уплачивает ее своему банку, банк отдает ее billbroker'у в виде ссуды и т. д. Быстрота, с которою обращается здесь банкнота, служа для покупок и платежей, определяется той быстротой, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада, чтобы затем опять перейти в другие руки в форме ссуды. Простое экономизирование средств обращения достигает наивысшего развития в Clearing House (Расчетной Палате), в простом обмене векселей, которым

истек срок, и в преобладающей функции денег как платежного средства только для погашения излишков. Но самое существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, и, следовательно, становится менее действительным этот метод уравнивать платежи. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устраниении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как платежного средства, при чем эта последняя функция в свою очередь покоится на кредите (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей): или встречные долговые требования, представленные векселями и чеками, взаимно погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает требование со счета одного на счет другого; или же различные банкиры погашают их в своих расчетах между собою ¹¹⁾. Концентрация 8—10 миллионов векселей в руках одного billbroker'a, напр., фирмы Overend, Gurney and Co, была одним из главных средств локально расширить масштаб такого погашения платежей. Посредством этого экономизирования повышается дееспособность средств обращения, требуется меньшее их количество исключительно для уплаты разниц по балансу. С другой стороны быстрота движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит способствует быстроте обращения и, следовательно, повышает ее. Так, например, отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, дольше остается в каждой отдельных руках, если А, ее первоначальный владелец, делает покупку у В, В у С, С у D, D

¹¹⁾ Среднее число дней, в течение которых находилась в обращении банкнота:

Годы.	Банкнота в 5 £	10 £	20—100 £	200—500 £	1.000 £
1798	?	236	209	31	22
1818	148	137	121	18	13
1846	79	71	34	12	8
1856	70	58	27	9	7

у Е, Е у F, и, следовательно, ее переход из одних рук в другие происходит лишь при посредстве действительных покупок и продаж. Если же В помещает деньги, уплаченные ему А, у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает их С, дисконтируя его вексель, С делает покупку у D, D снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их Е, который совершает покупку у F, то самая быстрота движения денег в качестве простого средства обращения (покупательного средства) обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: В помещает деньги вкладом у банкира, последний дисконтирует вексель для С, D делает вклад у своего банкира, банкир дисконтирует вексель для Е,—следовательно, мы имеем четыре кредитных операции. Без этих кредитных операций данный денежный знак не был бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другою пять отдельных покупок. Благодаря тому, что данная сумма денег переходила из рук в руки—в качестве вклада и дисконта—без посредства действительных покупок и продаж, благодаря этому ускорилось ее движение в ряде действительных торговых актов купли-продажи.

Мы уже видели выше, что одна и та же банкнота может фигурировать в виде вкладов у различных банкиров. Равным образом она может фигурировать в виде различных вкладов у одного и того же банкира. Банкир учитывает вексель В банкнотой, вложенной А, В уплачивает ее С, С вносит в виде вклада ту же самую банкноту тому же самому банкиру, который ее выдал.

При рассмотрении простого денежного обращения (книга I, гл. III, 2) было уже показано, что масса действительно обращающихся денег, предполагая быстроту обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок. Тот же самый закон имеет место при обращении банкнот.

В следующей таблице указана для каждого года средняя годовая сумма обращающихся билетов Английского банка, поскольку они находились в руках публики, при чем отдельно показаны суммы банкнот 5- и 10-фунтового достоинства, банкнот 20—100-фунтового и банкнот высшей стоимости 200—1.000-фунтового достоинства; равным образом приведено процентное отношение каждой рубрики к общему количеству обращающихся билетов. Суммы выражены в тысячах фунтов стерлингов, для чего последние три цифры зачеркнуты *).

*) Процентные отношения в некоторых строках указаны неправильно. Однако ошибки могли быть и в абсолютных числах, поэтому мы воспроизводим таблицу в неизменном виде, И, С.

Годы.	Банкноты в 5—10 £	Процентное отношение.	Банкноты в 20—100 £	Процентное отношение.	Банкноты в 200—1.000 £	Процентное отношение.	Всего £.
1844	£ 9.263	45,7	£ 5.735	28,3	£ 5.253	26,0	£ 20.241
1845	" 9.698	46,9	" 6.082	29,3	" 4.942	28,6	" 20.723
1846	" 9.918	48,9	" 5.771	28,5	" 4.590	22,6	" 20.286
1847	" 9.591	50,1	" 5.498	28,7	" 4.066	21,2	" 19.155
1848	" 8.732	48,3	" 5.046	27,9	" 4.307	23,8	" 18.085
1849	" 8.692	47,2	" 5.234	28,5	" 4.777	24,3	" 18.403
1850	" 9.164	47,2	" 5.587	28,8	" 4.646	24,0	" 19.398
1851	" 9.362	48,8	" 5.554	28,5	" 4.557	23,4	" 19.473
1852	" 9.839	45,0	" 6.161	28,2	" 5.856	26,8	" 21.856
1853	" 10.699	47,3	" 6.393	28,2	" 5.541	24,5	" 22.653
1854	" 10.565	51,0	" 5.910	28,5	" 4.234	20,5	" 20.709
1855	" 10.628	53,6	" 5.706	28,9	" 3.459	17,5	" 19.793
1856	" 10.680	54,4	" 5.645	28,7	" 3.324	16,9	" 19.648
1857	" 10.659	54,7	" 5.567	28,6	" 3.241	16,7	" 19.467

(В. А. 1858, р. I. II). Итак, за период с 1844 по 1857 годы общая сумма обращающихся банкнот уменьшилась, несмотря на то, что торговый оборот, как показывают цифры ввоза и вывоза, более чем удвоился. Сумма мелких банкнот в 5 £ и в 10 £ увеличилась, как видно из таблицы, с 9.263.000 £ в 1844 году до 10.659.000 £ в 1857 году. И это одновременно с увеличением количества обращаемого золота, которое как раз в то время было особенно значительным. Напротив, сумма банкнот более высокого достоинства (в 200—1.000 £) упала с 5.865.000 в 1852 году до 3.241.000 £ в 1857 году. Следовательно, уменьшение более чем на 2½ миллиона £. Это объясняется следующим образом: «8 июня 1854 года по инициативе частных лондонских банкиров акционерные банки приняли участие в учреждении Clearing House (Расчетной Палаты) и вскоре после этого окончательная операция сведения счетов (clearing) была введена в Английском банке. Ежедневный расчет совершается путем переписывания по счетам, которые различные банки имеют в Английском банке. Благодаря введению этой системы стали излишними банкноты высшего достоинства, которыми раньше банки пользовались для погашения взаимных счетов» (В. А. 1858, р. V).

К какому минимуму сводится применение денег в оптовой торговле, видно из таблицы, которая напечатана в книге I, гл. III, примеч. 103 и которая была доставлена банковской комиссией фирмой Morrison, Dillon and Co, одной из крупнейших лондонских фирм, снабжающей розничных торговцев полным комплектом самых различных товаров.

Согласно показанию В. Ньюмарча перед банковской комиссией 1857 г. (№ 1741), сбережению средств обращения способствовали еще и другие обстоятельства: почтовая такса в 1 пенни, железные дороги, телеграфы, одним словом, усовершенствование средств сообщения; благодаря всему этому Англия может в настоящее время почти при том же самом обращении банкнот делать в пять и шесть раз больше обороты, чем раньше. Те же самые причины сильно способствовали вытеснению из сферы обращения банкнот более чем 10-фунтового достоинства. Здесь же свидетель видит естественное объяснение того факта, что в Шотландии и Ирландии, где циркулируют даже билеты в 1 фунт, обращение банкнот возросло почти на 31% (1747). Сумма всех обращающихся в Соединенном Королевстве банкнот, включая и банкноты в 1 £, составляет, по его словам, 39 миллионов £ (1749). Сумма обращающегося золота = 70 миллионам £ (1750). В Шотландии в 1834 году было в обращении банкнот на 3.120.000 £; в 1844 году на 3.020.000 £; в 1854 году на 4.050.000 £ (1752).

Уже отсюда вытекает, что от произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот, раз должен быть всегда обеспечен обмен их на деньги. [О неразменных бумажных деньгах здесь вообще нет речи; неразменные банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как, напр., в настоящее время в России. Они подпадают таким образом под власть указанных выше (книга I, гл. III, 2, с: монета, знак стоимости) законов, управляющих движением неразменных государственных бумажных денег.—Ф. Э.]

Количество циркулирующих банкнот регулируется потребностями оборота и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению. Так как в Англии только билеты Английского банка имеют всеобщее распространение как признанное законом средство платежа, то мы можем здесь совершенно пренебречь значительным и исключительно местным обращением билетов провинциальных банков.

В своих показаниях перед банковской комиссией 1858 года г. Neave, управляющий Английского банка, говорит: «№ 947. (Вопрос:) Какие бы меры вы ни принимали, количество банкнот в руках пу-

блики остается, по вашим словам, тем же самым, т. е. приблизительно 20 миллионов £?—В обычное время потребности публики требуют, повидимому, приблизительно 20 миллионов. В известные периодически повторяющиеся времена года сумма эта повышается на 1 или 1½ миллиона. Если спрос публики увеличивается, он, как я сказал, всегда может быть удовлетворен Английским банком.—948. Вы сказали, что во время паники публика не позволяла вам уменьшать сумму банкнот; не потрудитесь ли вы объяснить это?—В периоды паники публика, как мне кажется, имеет полную возможность получать банкноты; и, конечно, пока банк имеет обязательства, публика, пользуясь такими обязательствами, может извлекать из банка банкноты.—949. Таким образом, повидимому, неизменно существует потребность приблизительно в 20 миллионах £ банкнотами Английского банка?—20 милл. £ банкнотами на руках у публики; сумма эта меняется. В отдельных случаях она равна 18½, 19, 20 миллионам и т. д.; но в среднем вы можете сказать: 19—20 миллионов».

Показание Томаса Тука перед комиссией лордов относительно Commercial Distress (C. D. 1848/57); № 3094: «Банк не имеет возможности произвольно увеличивать количество банкнот, находящихся в руках публики; он имеет возможность уменьшить количество банкнот, обращающихся среди публики, но лишь при помощи некоторой весьма насильственной операции».

J. C. Wright, поттипгамский банкир в течение последних 30 лет, обстоятельно выяснив, что провинциальные банки совершенно не в состоянии сохранять в обращении большее количество банкнот, чем то, в котором нуждается и которого хочет публика, говорит о билетах Английского банка (C. D. 1848/57) № 2844: «Я не представляю себе никаких границ (выпуска банкнот) для Английского банка, но всякий избыток обращения превратится в вклады и таким образом примет иную форму».

То же самое относится и к Шотландии, где обращаются почти исключительно бумажные деньги, так как здесь, как и в Ирландии, допущены билеты однофунтового достоинства и так как «the scotch hate gold» («шотландец ненавидит золото»). Кеннеди, директор одного шотландского банка, заявляет, что банки не в состоянии даже сократить обращение своих банкнот, и «придерживается того взгляда, что, пока сделки внутри страны могут осуществляться только при помощи банкнот или золота, банкиры должны доставлять столько средств обращения, сколько требуется для этих сделок,—по предложению ли своих вкладчиков, или как-либо иначе... Шотландские банки могут ограничить свои операции, но они не в состоянии контролировать выпуск банкнот» (ib. № 3446—48). В том же духе высказывается

Андерсон, директор Union Bank of Scotland (ib. № 3578): «Препятствует ли система взаимного обмена банкнотами [между шотландскими банками] чрезмерному выпуску банкнот со стороны отдельных банков?—Конечно; но мы имеем в своих руках средство более действительное, чем обмен банкнотами [который в действительности вовсе не способствует достижению данной цели, но обеспечивает обращение билетов каждого отдельного банка по всей Шотландии], и это—всеобщий обычай в Шотландии иметь счет в банке; каждый имеющий какие бы то ни было деньги, имеет также и счет в каком-либо банке и ежедневно вносит туда все деньги, в которых он не нуждается сам в данный момент, так что к концу каждого делового дня в банках оказываются все деньги за исключением тех, которые каждый имеет в кармане».

Так же обстоит дело и в Ирландии; см. показания перед той же самой парламентской комиссией управляющего ирландским банком Mac Donnell'я и директора провинциального банка Ирландии Murrey.

Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает обмен этих банкнот. «18 сентября 1846 года билетов Английского банка находилось в обращении на сумму 20.900.000 £, а его металлический запас составлял 16.273.000 £; 5 апреля 1847 г. сумма обращающихся билетов была 20.815.000 £, металлический запас 10.246.000 £. Следовательно, несмотря на вывоз 6 миллионов £ благородного металла, обращение банкнот несколько не сократилось» (J. G. Kinneir, The Crisis and the Currency, Ld. 1847, p. 5). Однако, само собою разумеется, что это справедливо лишь при господствующих в современной Англии условиях, да и там лишь постольку, поскольку законодательство не установит иного отношения между выпуском банкнот и металлическим запасом.

Следовательно, влияние на количество обращающихся денег—банкнот и золота—оказывают лишь потребности самого торгового оборота. Здесь прежде всего следует отметить периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет «в определенный месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц стоит низко, в третий определенный месяц занимает среднее место» (Newmarch, B. A. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов, по большей части золотом, извлекаются из Английского банка и поглощаются обращением внутри страны; деньги эти идут на оплату издержек урожая; так как здесь на первом плане стоит выдача заработных

плат, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. До окончания года эти деньги снова притекают затем в банк. В Шотландии вместо золотых монет имеются почти исключительно банкноты однофунтового достоинства; поэтому здесь в соответствующих случаях расширяется на 3—4 миллиона обращение банкнот, именно два раза в году, в мае и ноябре; спустя 14 дней начинается уже обратный приток, и в течение месяца он почти заканчивается (Андерсон, 1. с., № 3595 — 3600).

Обращение билетов Английского банка испытывает кроме того четыре раза в год преходящее колебание вследствие того, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», т. е. проценты по государственному долгу; при этом банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются в публичку; но очень быстро они опять притекают в банк. Вегелин (В. А. 1857, № 38) определяет размеры вызываемого этим колебания в обращении банкнот в 2½ миллиона. Напротив, г. Чагман, представитель известной фирмы Overend, Gurney and Co, оценивает обуславливаемое этим нарушение на денежном рынке значительно выше. «Если вы извлекаете из обращения в виде налогов 6 или 7 миллионов, чтобы выплатить ими дивиденды, то должен быть кто-нибудь, кто доставил бы на данный промежуток времени соответствующую сумму» (В. А. 1857, № 5196).

Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах средств обращения, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла. Вот что говорит об этом другой associé той же фирмы, достойный квакер Samuel Gurney (С. D. 1848/57, № 2645): «В конце октября (1847 года) в руках публики было банкнот на 20.800.000 £. В то время можно было лишь с большими трудностями получать банкноты на денежном рынке. Причиной этого являлось всеобщее опасение, что вследствие ограничения банковского акта 1844 года нельзя будет получать банкноты в достаточном количестве. В настоящее время [март 1848 года] в руках публики находится банкнот... 17.700.000 £; но так как теперь отсутствует коммерческая паника, это много больше, чем нужно. В Лондоне нет ни одного банкира или торговца деньгами, который не имел бы банкнот больше, чем ему в действительности требуется.—2650. Количество банкнот... за исключением находящихся в Английском банке является совершенно недостаточным показателем активного состояния обращения, если наряду с ним не принять во внимание... состояние торгового мира и кредита.—2651. Если в настоящее время чувствуется, что при данных размерах обращения в руках публики имеется избыток банкнот, то это в значительной степени объясняется современным состоянием сильного застоя. При высоких ценах и оживлении дел

эти же 17.700.000 £ вызвали бы у нас ощущение недостаточности денежных средств».

[Пока положение дел таково, что обратный приток сделанных авансирований совершается правильно и, следовательно, кредит остается непоколебленным, расширение и сокращение обращения регулируется просто потребностями промышленников и купцов. Так как золото, по крайней мере в Англии, не играет роли в оптовой торговле и так как обращение золота, если оставить в стороне колебания, происходящие в определенные времена года, может рассматриваться как величина постоянная в течение более или менее продолжительного времени, то обращение билетов Английского банка дает достаточно точный масштаб этих перемен. В период затишья после кризиса размеры обращения всего меньше, с новым оживлением спроса наблюдается также увеличенная потребность в средствах обращения, и потребность эта возрастает вместе с ростом расцвета; высшей точки количество средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения производства и чрезмерной спекуляции,— тогда разражается кризис и разом исчезают с рынка еще накануне столь обильные банкноты, исчезают вместе с ними дисконтеры векселей, лица, ссужающие под залог ценных бумаг, покупатели товаров. Английский банк призывается на помощь,—но и его силы скоро истощиваются, банковый акт 1844 года принуждает его ограничить обращение его банкнот как раз в такой момент, когда все требуют банкнот, когда товаровладельцы не могут продать и несмотря на это, должны платить, а потому готовы на всякие жертвы, только бы раздобыть банкнот. «Во время паники,—говорит упомянутый выше банкир Wright (I. c., № 2930),—страна пуждается в обращении, вдвое более обширном по сравнению с обычным временем, так как банкиры и другие лица запасают средства обращения».

Как только разражается кризис, дело идет лишь о платежных средствах. Но так как в поступлении этих платежных средств каждый зависит от других, и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за платежными средствами, находящимися на рынке, т. е. за банкнотами. Каждый старается сберечь в виде сокровища все банкноты, которые ему удастся получить, и таким образом банкноты исчезают из обращения в тот самый момент, когда потребность в них всего острее. Для октября 1847 года Samuel Gurney (C. D. 1848/57, № 1116) оценивает количество таких банкнот, находившихся под замком в момент паники, в 4—5 миллионов £.—Ф. Э.]

В этом отношении особенно интересны показания сотоварника Gurney, упомянутого выше Шарман'а, перед банковской комиссией

1857 года. Я передаю главное содержание их в связном изложении, хотя некоторые затронутые там пункты лишь позднее будут подлежать нашему исследованию.

Показание господина Шарман'а гласит:

«4968. Я без малейшего колебания заявляю, что я не считаю нормальным такой порядок вещей, при котором денежный рынок находится во власти любого индивидуального капиталиста (каких немало в Лондоне), имеющего возможность вызвать колоссальный недостаток в деньгах и стесненное положение как раз в то время, когда размеры обращения очень низки... Это возможно... имеется не один капиталист, который может извлечь из сферы обращения 1 или 2 миллиона £ банкнотами, раз это ему выгодно.—4995. Крупный спекулянт может продать на 1 или 2 миллиона консолей и таким образом извлечь деньги с рынка. Нечто подобное недавно фактически имело место, результатом чего явилось «в высшей степени острое угнетение».

4967. В таком случае банкноты, конечно, непроизводительны. «Но это не важно, раз достигается великая цель; его великая цель—уронить цены фондов, создать стесненное положение с деньгами, и он имеет полную возможность достигнуть этого» Вот пример: Однажды на фондовой бирже обнаружился сильный спрос на деньги; никто не знал причины; некто обратился к Шарман'у с просьбой ссудить 50.000 £ из 7⁰/₁₀. Шарман был поражен, так как процент, который он брал в то время, стоял значительно ниже; он согласился. Немедленно вслед за этим тот же человек явился снова, взял новые 50.000 £ из 7¹/₂⁰/₁₀, затем 100.000 £ из 8⁰/₁₀ и изъявил желание занять еще более крупную сумму из 8¹/₂⁰/₁₀. Тогда даже Шарман'ом овладели опасения. Впоследствии обнаружилось, что благодаря этому маневру значительная сумма денег была внезапно извлечена с рынка. Однако, рассказывает Шарман, «я все же ссудил значительную сумму из 8⁰/₁₀; итти дальше я опасался; я не знал, что из этого может выйти».

Хотя от 19 до 20 миллионов £ банкнот более или менее постоянно находятся будто бы в руках публики, тем не менее не следует забывать, что постоянно и значительно изменяется отношение между той частью этих банкнот, которая действительно обращается, и той их частью, которая как резерв лежит неподвижно в банках. Если этот резерв велик и, следовательно, уровень действительного обращения низок, то с точки зрения денежного рынка это означает, что сфера обращения наполнена («the circulation is full», «money is plentiful»); если резерв мал, следовательно, уровень действительного обращения высок, денежный рынок называет его низким («the circula-

tion is low», «money is scarce»); в действительности незначительны размеры лишь той части, которая представляет незанятый ссудный капитал. Действительное, независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения,—притом осуществляющееся без изменения той общей суммы, которая требуется публикой,—имеет место лишь вследствие чисто технических причин, напр., при наступлении срока уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в Английский банк в количестве, превышающем обычные размеры, и фактически сокращают обращение независимо от потребностей последнего. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с целью добыть средства обращения. Во втором случае уровень процента в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это не имеет никакого касательства к абсолютной сумме средств обращения; дело касается только банковской фирмы, которая фактически пускает эти средства в обращение; с точки зрения такой фирмы этот процесс представляет отчуждение ссудного капитала, следовательно, дает возможность положить в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и Английский банк уравнивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов или выдачи дивидендов за четверть года выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выброшенные таким образом в избыток банкноты сначала восполняют тот недостаток, который получается вследствие уплаты налогов, а вслед за тем их обратный приток, погашающий краткосрочные обязательства, уравнивает тот избыток банкнот, который является результатом выдачи дивидендов публике.

В другом случае низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, т.-е. орудием займов.

С другой стороны, если, напр., благодаря притоку золота в Английский банк увеличивается число выданных за него банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают назад в виде платежей по займам, так что абсолютная масса банкнот, находящихся в обращении, увеличивается лишь на короткий срок.

Если обращение полно вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то размер процента может стоять сравнительно высоко благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и открытием новых сфер приложения

капитала. Если размеры обращения незначительны вследствие сокращения дел или вследствие большей текучести кредита, то размер процента может стоять низко даже и при высоких ценах (См. Hubbard).

Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на размер процента только в периоды угнетения. При этом спрос на расширенное обращение выражает собою или спрос на средства накопления сокровищ (мы оставляем в стороне уменьшение скорости, с которою обращаются деньги и с которою один и тот же денежный знак снова и снова превращается в ссудный капитал), обнаруживающийся вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 году, когда приостановка банкового акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того, чтобы снова извлечь на свет божий накопленные в виде сокровища банкноты и бросить их в обращение. Или же, при известных обстоятельствах, может потребоваться действительно большее количество средств обращения, как в 1857 году, когда после приостановки банкового акта обращение на некоторое время действительно возросло.

В других случаях абсолютная величина обращения не влияет на размер процента, так как она—предполагая экономию и быстроту обращения постоянными,—во-первых, сама определяется ценою товаров, количеством сделок (при чем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и, наконец, состоянием кредита, а отнюдь не определяет эти последние факторы; так как, во-вторых, цены товаров и размер процента не находятся ни в какой необходимой зависимости.

При действии Bank Restriction Act'a (1797—1820) имел место избыток суррежу (средств обращения), уровень процента стоял всегда много выше, чем в то время, когда были восстановлены платежи наличными деньгами. Впоследствии, с ограничением выпуска банкнот и повышением вексельных курсов, он быстро упал. В 1822, 1823, 1832 годах общие размеры обращения были незначительны, уровень процента также низок. В 1824, 1825, 1836 годах размеры обращения были значительны, размер процента повысился. Летом 1830 года обращение стояло высоко, а уровень процента был низок. После открытия новых месторождений золота денежное обращение расширилось во всей Европе, уровень процента повысился. Размер процента не зависит таким образом от количества находящихся в обращении денег.

Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в процессе действительного воспроизводства. При анализе этого процесса (книга II, отдел III) мы ви-

дели, каким образом обмениваются различные составные части производства. Например, переменный капитал вещественно состоит из средств существования рабочих, представляет часть их собственного продукта. Но он выплачивается им по частям в форме денег. Капиталист должен авансировать эти деньги, и в значительной степени от организации кредитного дела зависит, в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, например, между средствами потребления и средствами производства средств потребления. Деньги для их обращения, как мы видели, должны быть авансированы одною или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но по завершении обмена снова и снова возвращаются к тому, кто их авансировал, так как они были авансированы сверх его действительно занятого в предприятии промышленного капитала (см. книга II, глава 20). При развитом кредитном деле, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние и являются, по крайней мере номинально, той стороной, которая авансирует деньги. Такого рода авансирование касается лишь денег, находящихся в обращении. Это—авансирование средств обращения, а не авансирование капиталов, приводимых благодаря этому в обращение.

Шарман: «5062. Может наступить период, когда банкноты в большом количестве находятся в руках публики и тем не менее ни одной невозможно достать». Деньги имеются в наличности и во время паники; но тогда каждый остерегается превращать их в ссудный капитал, в ссудные деньги; каждый удерживает их у себя на случай действительной необходимости платить.

«5099. Посылают ли банки сельских округов свои свободные избытки вам и другим лондонским фирмам?—Да.—5100. С другой стороны, дисконтируют ли у вас векселя для своих промышленных целей фабричные округа Ланкашира и Йоркшира?—Да.—5101. Так что этим путем избыточные деньги одной части страны утилизируются для удовлетворения потребностей другой части страны?—Совершенно верно».

Шарман утверждает, что обычай банков употреблять избыточный денежный капитал на короткие сроки на покупку консолей и свидетельств государственного казначейства стал практиковаться менее часто за последнее время, когда вошло в обычай ссужать эти деньги *at call* (со дня на день, с правом потребовать возвращения в любой момент). Сам он считает покупку такого рода бумаг для своего

предприятия в высшей степени нецелесообразной. Поэтому он вкладывает деньги в надежные векселя, для части которых ежедневно наступает срок, так что он всегда знает, на какое количество свободных денег он может в каждый данный день рассчитывать. [5001 — 5005].

Даже увеличение вывоза обнаруживается — до известной степени во всякой стране, особенно же в стране, оказывающей кредит, — как растущий спрос на внутреннем денежном рынке, при чем однако спрос этот начинает ощущаться как таковой лишь во времена застоя. В периоды, когда вывоз растет, британскими фабрикантами под английские фабрикаты выписываются обыкновенно долгосрочные векселя на экспортных торговцев (5126). «5127. Не заключается ли часто соглашение время от времени возобновлять такого рода векселя? — [Шарман:] Это они держат от нас в тайне; мы бы не приняли такого векселя... Конечно, это может случаться, но я не могу сказать об этом ничего определенного». [Невинный Шарман.] — «5123. Если имеет место значительное увеличение вывоза, как, напр., теперь, когда за один только прошлый год вывоз увеличился на 20 милл. £, не приводит ли это само собою к увеличенному спросу на капитал для учета векселей, представляющих этот вывоз? — Несомненно. — 5130. Так как Англия обыкновенно оказывает кредит за границе на всю сумму своего вывоза, то не может ли это вызывать поглощения соответственного добавочного капитала на все время, пока длится этот кредит? — Англия оказывает огромный кредит; но взамен этого она получает в кредит свои сырые материалы. Америка берет с нас всегда векселя на 60 дней, другие страны — на 90 дней. С другой стороны мы оказываем кредит; когда мы отсылаем товары в Германию, кредит этот длится 2 или 3 месяца».

Вильсон спрашивает Шарман'а (5131), не выписываются ли векселя на Англию под эти импортируемые сырые материалы и колониальные товары уже одновременно с их нагрузкой, и не получают ли они одновременно с накладными? Шарман полагает, что это так, но не знает ничего об этих «купеческих» делах и рекомендует спросить более осведомленных людей. — При экспорте в Америку, говорит Шарман, «товары символизируются в транзите»; эта тарабарщина должна означать, что английский экспортер-купец выписывает под товары четырехмесячный вексель на одну из крупных американских банковых фирм в Лондоне, а банк получает покрытие из Америки.

«5136. Не ведутся ли обыкновенно дела с отдаленными странами при помощи купцов, которые дожидаются возвращения своего капитала, пока не будут проданы товары? — Быть может, и существуют

фирмы настолько богатые, что они могут вкладывать в товары свой собственный капитал, не прибегая к ссудам под товары; однако в большинстве случаев эти товары превращаются в ссуды при посредстве акцепта известных фирм. — 5137. Такие фирмы учреждены... в Лондоне, Ливерпуле и других местах. — 5138. Итак, безразлично, затрачивает ли фабрикант свои собственные деньги, или же он находит в Лондоне или Ливерпуле купца, который ссужает ему деньги; во всяком случае мы имеем дело с займом, совершаемым в пределах Англии? — Совершенно верно. Фабрикант лишь в немногих случаях имеет к этому некоторое отношение [между тем в 1847 году так было почти во всех случаях]. Торговец фабрикатами, например, манчестерскими, закупает товары и транспортирует их на судах при помощи солидной лондонской фирмы; как только лондонская фирма убедилась, что погружено все согласно условию, торговец выписывает на лондонскую фирму шестимесячный вексель под эти направляемые в Индию, Китай или другую страну товары; тогда выступает на сцену банковый мир и дисконтирует ему этот вексель; так что к тому времени, когда торговцу необходимо платить за купленные им товары, он уже имеет наличные деньги, добытые путем учета этого векселя. — 5139. Но если он сам имеет эти деньги, то банкиру все же приходится выдавать ему ссуду? — У банкира имеется вексель; банкир купил вексель; он применяет свой банковый капитал в этой форме, в форме учета торговых векселей. [Следовательно, и Шарман рассматривает учет векселей не как ссуду, а как покупку товара. — Ф. Э.] — 5140. Но часть спроса на лондонском денежном рынке все же создается этими операциями? — Без сомнения; в этом существенное занятие денежного рынка и Английского банка. Английский банк с такою же охотою принимает такие векселя, как и мы, так как он знает, что это хорошее помещение денег. — 5141. По мере того, как растет экспортное дело, растет и спрос на денежном рынке? — Если возрастает процветание страны, то и мы [т.-е. господа Шарман'ы] принимаем в нем участие. — 5142. Итак, если эти различные области приложения капитала внезапно расширяются, то естественным последствием является рост размера прибыли? — Без всякого сомнения.

5143. Для Шарман'а «не совсем понятно, каким образом при нашем значительном вывозе мы находили такое широкое применение для золота».

5144. Достойный Wilson спрашивает: «Не может ли случиться, что тот кредит, который мы оказываем под наш вывоз, больше кредита, получаемого нами под наш ввоз? — Я сомневаюсь, чтобы это было так. Если кто-либо акцептует вексель под свой манчестерский товар, направленный в Индию, то нельзя акцептовать на срок более краткий, чем 10 месяцев. Нам приходится — и это уже во всяком

случае — платить Америке за ее хлопок несколько раньше, чем мы получаем платежи из Индии; но выяснить, какое влияние это оказывает, не так-то легко. — 5145. Если у нас, как это было в прошлом году, обнаруживается прирост вывоза мануфактурных товаров на 20 миллионов £, то раньше мы должны были иметь очень значительный прирост ввоза сырых материалов [и уже в этом обнаруживается тожество избыточного вывоза и избыточного ввоза, избыточного производства и избыточной торговли], чтобы произвести это увеличенное количество товаров? — Несомненно; мы должны были предварительно выплатить очень значительный баланс, то-есть неизбежно было, что в течение известного времени баланс был против нас; но за более длинный период вексельный курс в сделках с Америкой оказывается в нашу пользу, и мы в течение довольно продолжительного времени получали из Америки значительное количество благородного металла.

5148. Вильсон спрашивает архиростовщика Шарман'а, не рассматривает ли он свой высокий процент, как признак процветания и высокого уровня прибыли. Шарман, очевидно пораженный наивностью этого сикофанта, отвечает, разумеется, утвердительно, но в то же время находит в себе достаточно чистосердечия, чтобы сделать следующую оговорку: «Для некоторых нет иного выхода; они имеют обязательства, и они должны выполнить их, выгодно это, или нет; но если бы он [высокий уровень процента] оказался устойчивым, то это свидетельствовало бы о промышленном расцвете». Оба забывают, что это может свидетельствовать и о том, что страстно желающие рыцари кредита расшатывают финансовое положение страны, как было в 1857 году, что они могут платить высокие проценты, так как платят их из чужого кармана (чем, однако, способствуют установлению процента для всех других на данном уровне) и пока что ведут роскошную жизнь на счет предвосхищаемых прибылей. Впрочем, как раз это может доставить для фабрикантов и т. д. действительно очень прибыльное дело. Обратный приток капиталов благодаря системе ссуд становится совершенно иллюзорным. Этим объясняются следующие явления, которые, поскольку дело касается Английского банка, не нуждаются ни в каком объяснении, так как Английский банк при высоком размере процента дисконтирует из более низкого процента, чем другие.

«5156. Я могу утверждать, — говорит Шарман, — что в настоящий момент, после того, как у нас в течение столь продолжительного времени был высокий размер процента, сумма нашего учета достигает своего максимума». [Это Шарман говорил 21 июля 1857 года, за несколько месяцев до краха.] — «5157. В 1852 году [когда процент был низок] она далеко не была так велика». Так как в то время положение дел действительно было еще много нормальнее.

«5159. Если бы на рынке был крупный избыток денег... и банковый учет стоял низко, у нас уменьшилось бы число векселей... в 1852 году мы находились в совершенно иной фазе. Ввоз и вывоз страны тогда были ничто по сравнению с их теперешними размерами. — 5161. При этой высокой норме учета мы учли на такую же сумму, как и в 1854 году» [когда процент был 5 — 5½].

В показаниях Шарман'а в высшей степени забавно, что люди подобного сорта действительно считают деньги публики своей собственностью и уверены, что они имеют право во всякое время обменивать дисконтированные ими векселя на деньги. Наивность вопросов и ответов поразительна. Законодательству вменяется в обязанность обеспечить постоянный обмен на деньги векселей, акцептованных крупными фирмами; позаботиться о том, чтобы Английский банк при всяких обстоятельствах переучитывал их billbroker'ам. А между тем в 1857 г. три таких billbrokers обанкротились приблизительно на 8 миллионов, при чем их собственный капитал представлял по сравнению с этим долгом совершенно ничтожную величину. — 5177. Хотите ли вы этим сказать, что, по вашему мнению, они [векселя, акцептованные Baring'ами или Loyd'ами] должны подлежать обязательному учету вроде того, как в настоящее время билеты Английского банка подлежат обязательному размену на золото? — Я того мнения, что создалось бы очень печальное положение, если бы оказалось невозможным учитывать их; было бы в высшей степени странно, если бы кто-нибудь вынужден был прекратить платежи только потому, что он имеет акцепты фирм Smith, Payne and Co, или Jones, Loyd and Co и не в состоянии их учесть. — 5178. Но разве акцепт фирмы Baring не есть обязательство уплатить известную сумму денег, когда истечет срок векселя? — Это совершенно верно; но господа Baring, когда они принимают на себя такое обязательство, как и каждый купец, принимающий на себя обязательство этого рода, вовсе и не думают о том, что им придется оплатить его соверенами; они рассчитывают, что оплата произойдет в Clearing House (Расчетной Палате). — 5180. Полагаете ли вы, что следует измыслить особого рода механизм, при помощи которого публика получила бы право вырывать деньги до истечения срока векселя, при чем дисконтировать последний должен был бы кто-нибудь другой? — Нет, такое обязательство я не считаю возможным возлагать на акцептантов; но если вы хотите этим сказать, что мы должны обойтись без возможности осуществлять учет торговых векселей, то мы должны изменить весь порядок вещей. — 5182. Итак, вы полагаете, что для него [торгового векселя] должен быть обеспечен размен на деньги, совершенно так же, как для билета Английского банка должен быть обеспечен размен на золото? — Именно так, при извест-

ных условиях. — 5184. Вы, значит, думаете, что сипгенсу должно быть организовано таким образом, чтобы торговые векселя несомненной солидности обменивались на деньги так же легко, как и банкноты? — Да, я это думаю. — 5185. Вы не идете, однако, настолько далеко, чтобы утверждать, что Английский банк или какое-либо иное учреждение следует обязать законом обменивать их? — Я во всяком случае иду достаточно далеко для того, чтобы утверждать, что, раз мы будем составлять закон, регулирующий сипгенсу, мы должны принять меры, которые предотвратили бы возможность наступления такого момента, когда безусловно солидные и правильные туземные торговые векселя не могут быть обращены в деньги». — Это значит: размен торговых векселей в параллель размену банкнот.

«5189. Торговцы деньгами фактически представляют только публику страны» — как впоследствии г. Шарман перед ассизами в деле Дэвисона. См. *Great City Frauds*.

«5196. Каждую четверть года [когда уплачиваются дивиденды]... нам абсолютно необходимо прибегать к содействию Английского банка. Если вы извлекаете из обращения 6 или 7 миллионов государственных доходов ввиду предстоящей уплаты дивидендов, то должен же быть кто-нибудь, кто в течение промежуточного периода доставил бы соответственную сумму». — [Следовательно, в этом случае дело идет о предложении денег, а не капитала или ссудного капитала.]

«5169. Каждый знакомый с нашим торговым миром должен знать, что когда наступает такое положение дел, при котором обязательства государственного казначейства не находят покупателей, облигации ост-индской компании становятся совершенно бесполезными, самые надежные торговые векселя не могут быть дисконтированы, — каждый знает, что в такой период в очень затруднительное положение попадают все те, дела которых вызывают необходимость немедленных уплат обычными средствами обращения по простому требованию, — а в таком положении находятся все банкиры. Результат получается тот, что каждый удваивает свои запасы. Представьте же теперь себе, как это отзовется на всей стране, если каждый провинциальный банкир — а их имеется около 500 — предложит своему лондонскому корреспонденту перевести ему 5.000 £ банкнотами. Даже, если взять за среднее эту ничтожную сумму, — что уже само по себе абсурдно, — то и тогда мы придем к выводу, что всего должно быть извлечено из обращения 2½ миллиона £. Каким образом возместить их?»

С другой стороны, частные капиталисты, располагающие деньгами, не отдают их ни за какой процент, потому что согласно Шарману они рассуждают следующим образом: «5194. Мы скорее откажемся от вся-

кого процента, чем согласимся мириться с сомнениями, получим ли мы деньги во всякий момент, когда они нам потребуются».

«5173. Наша система такова: у нас имеется на 300 миллионов £ обязательств, уплата которых может быть потребована в определенный момент в деньгах, обращающихся в стране; таких денег, если мы даже все их употребим для этой цели, у нас 23 миллиона £ или что-нибудь в этом роде; разве такое положение дел не угрожает нам ежеминутно потрясениями?» Отсюда во время кризисов внезапное превращение кредитной системы в монетарную систему.

Оставляя в стороне панику внутри страны в период кризиса, о количестве денег речь может идти лишь постольку, поскольку имеется в виду металл, мировые деньги. Но как раз их исключает Шарман, он говорит лишь о 23 миллионах банкнотами

Тот же Шарман: «5218. Первоначальная причина расстройств на денежном рынке [в апреле и позднее в октябре 1847 года] заключалась без сомнения в том, что масса денег потребовалась для регулирования вексельного курса вследствие чрезвычайно значительных размеров ввоза в этом году».

Во-первых, этот запас денег мирового рынка был сведен тогда к своему минимуму. Во-вторых, он служил в то же время обеспечением размена кредитных денег, банкнот. Он выполнял таким образом сразу две совершенно различных функции, которые однако обе вытекают из природы денег, так как действительные деньги всегда являются деньгами мирового рынка, а кредитные деньги всегда опираются на деньги мирового рынка.

В 1847 году без приостановки действия банкового акта 1844 года «Clearing Houses (Расчетные Палаты) были бы не в состоянии вести свои дела (5221)».

Шарман имел все же некоторое предчувствие предстоящего кризиса: «5236. Складываются известные положения на денежном рынке (и современное положение не особенно далеко от этого), когда деньги очень трудно достать и приходится прибегать к банку».

«5239. Что касается сумм, взятых нами из банка в пятницу, субботу и понедельник, 19-го, 20-го и 22-го октября 1847 года, то в ближайшую среду мы были бы лишь в высшей степени благодарны, если бы могли получить обратно векселя; деньги тотчас же стали приливать к нам обратно, как только миновала паника». — Во вторник, 23 октября, действие банкового акта было приостановлено и тем самым кризис был сломен.

Шарман полагает (5274), что сумма текущих векселей на Лондон во всякий момент составляет 100—120 миллионов £. Сюда не включены местные векселя на провинциальные пункты.

«5287. Хотя в октябре 1856 года сумма банкнот, находящихся в руках публики, возросла до 21.155.000 £, тем не менее было чрезвычайно трудно получить деньги; несмотря на то, что в руках публики их было так много, мы не могли добыть их себе». А именно вследствие тревоги, вызванной стесненным положением, в котором некоторое время (март 1856) находился Eastern Bank.

5190 — 92. Как только паника миновала, «все банкиры, получающие свою прибыль из процента, начинают пускать в дело свои деньги».

5302. По мнению Шарман'а, беспокойство, вызванное уменьшением банкового резерва, объясняется не страхом за вклады, а совершенно иным обстоятельством, именно: все те, кто внезапно может оказаться в необходимости уплатить крупные денежные суммы, прекрасно знают, что при стесненном положении на денежном рынке они, быть может, окажутся вынужденными обратиться к банку, как к последнему прибежищу; и «если у банка имеется очень небольшой запас, он отнюдь не будет рад этому нашему обращению, совсем напротив».

Мило между прочим, что банковый резерв исчезает как фактическая величина. Банкиры держат часть у себя, часть в Английском банке лишь минимальные суммы, необходимые для их текущих дел. Billbroker'ы держат «свободные банковые деньги страны» без всякого резерва. И Английский банк имеет в обеспечение обязательств по вкладам лишь резервы банкиров и других, на-ряду с public deposits и т. д., которые он сокращает возможно более, напр.: до 2 милл. Таким образом, за исключением этих двух миллионов £ в бумагах. в периоды стеснения (а последнее уменьшает резерв, так как банкноты, поступающие взамен отливаемого металла, необходимо аннулировать) вся эта махинация не имеет никакого иного резерва, кроме металлического запаса, и, следовательно, каждое уменьшение последнего вследствие отлива золота усиливает кризис.

«5306. Если бы не оказалось денег для того, чтобы уплатить разницу при расчетах в Clearing House, то на мой взгляд нам не оставалось бы ничего другого, как собраться вместе и совершить наши платежи прямо-векселями, векселями на казначейство, на фирмы Smith, Payne and Co и т. д. — 5307. Следовательно, в том случае, если бы правительство не было в состоянии снабдить вас средствами обращения, вы сами создали бы их для себя? — Что же мы можем сделать? Приходит публика и берет у нас из рук средство обращения; оно не существует более. — 5308. Итак, вы сделали бы в Лондоне лишь то, что ежедневно делается в Манчестере? — Вот именно».

Очень недурен ответ Шарман'а на вопрос, который предложил ему Sauley (Birmingham-тан аттвудовской школы), имея в виду овертоновское представление о капитале: «5315. Перед комиссией выска-

зано было мнение, что в период стесненного положения, подобный 1847 году, ощущается недостаток не в деньгах, а в капитале; что вы думаете по этому поводу? — Я вас не понимаю; мы имеем дело только с деньгами; я не понимаю, что вы хотите сказать. — 5316. Если вы под этим [под коммерческим капиталом] понимаете сумму денег, вложенных в данное предприятие и принадлежащих самому предпринимателю, — если вы это называете капиталом, то я должен заметить, что указанная сумма в большинстве случаев составляет лишь ничтожную долю тех денег, которыми распорядится в своих операциях предприниматель, получая их при помощи кредита, который ему оказывает публика, — то-есть через посредство господ Шарпан'ов.

«5339. Свидетельствует ли это о недостатке богатства, если мы приостанавливаем наши платежи наличными? — Отнюдь нет;... у нас нет недостатка в богатстве, но мы возвращаемся в рамках системы, в высшей степени искусственной, и если нам угрожает колоссальный (*supercumbent*) спрос на наши средства обращения, то могут наступить обстоятельства, вследствие которых мы будем лишены возможности иметь в своем распоряжении эти средства обращения. Неужели же вследствие этого должна быть парализована вся коммерческая промышленность страны? Неужели мы должны закрыть всякий доступ к промыслу? — 5338. Если бы передо мной встал вопрос, что мы должны сбросить: платежи наличными или промышленность страны, то я уже знал бы, чем следует пожертвовать».

Относительно накопления банкнот «с целью обострить стесненное положение и извлечь из последствий этого выгоду» [5358] он утверждает, что такое явление легко может иметь место. Трех крупных банков было бы достаточно для достижения этого результата. «5383. Не известно ли вам, как человеку, осведомленному относительно крупных фирм нашей столицы, что капиталисты пользуются этими кризисами, чтобы извлечь огромные прибыли из разорения тех лиц, которые падают жертвою кризиса? — В этом не может быть сомнения». И господину Шарпан'у в данном случае мы вполне можем верить, хотя он в конце концов и сломал себе шею — в коммерческом смысле этого слова — при попытке «извлечь огромные прибыли из разорения жертв кризиса». Если его сотоварищ Gurney находит, что «всякое изменение в ходе дел выгодно для человека, сведущего в деле», — то Шарпан говорит: «одна часть общества ничего не знает о другой; вот, например, фабрикант, экспортирующий на континент или импортирующий свой сырой материал, — он ничего не знает о другом предпринимателе, оперирующем с золотыми слитками» (5046). Так и случилось, что в один прекрасный день сами Gurney и Шарпан оказались «не сведущими в деле» и потерпели постыдное банкротство.

Мы уже видели выше, что выпуск банкнот не всегда означает ссуду капитала. Нижеследующее показание Тука перед комиссией лордов в 1848 году доказывает только, что ссуда капитала даже в том случае, если она осуществляется банком при помощи выпуска новых банкнот, не означает еще непременно увеличения количества обращающихся банкнот.

«3099. Полагаете ли вы, что, например, Английский банк мог бы значительно расширить свои ссуды, не прибегая к увеличенному выпуску банкнот? — Факты, доказывающие это, имеются в избытке. Один из наиболее ярких примеров имел место в 1835 году, когда банк использовал вест-индские вклады и заем у ост-индской компании для того, чтобы увеличить ссуды публике; сумма банкнот, находящихся в руках публики, в это же время фактически несколько уменьшилась... Нечто аналогичное наблюдалось и в 1846 году, в то время, когда вносились в банк железнодорожные вклады; ценные бумаги [учтенные и в обеспечение] повысились приблизительно до 30 миллионов, что не оказало никакого заметного влияния на сумму банкнот в руках публики».

Но наряду с банкнотами оптовая торговля имеет другое и для нее гораздо более важное средство обращения: векселя. Господин Шарман показал нам, насколько существенно для правильного хода дел, чтобы надежные векселя принимались в уплату всегда и при всяких условиях. Если этого не будет, то в чем же спасение? В каком же отношении стоят друг к другу оба эти средства обращения?

Gilbart говорит относительно этого: «Ограничение размеров обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя двойного рода: торговые векселя и банкирские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят: «Пишите на нас вексель, и мы акцептуем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения» (G. W. Gilbert, An Inquiry in to the Causes of the Pressure etc., p. 31).

В несколько иной форме это подтверждает и Newmarch, В. А. 1857, № 1426:

«Не существует никакой зависимости между колебаниями количества находящихся в обращении векселей и колебаниями находящихся в обращении банкнот... единственный более или менее постоянный результат сводится к тому... что, как только на денежном рынке наступает хотя бы ничтожное стеснение, обнаруживаемое повышением

учетного процента, размеры обращения векселей значительно увеличиваются, и обратно».

Однако векселя, выданные в такие периоды, отнюдь не являются исключительно краткосрочными банковскими векселями, о которых упоминает Gilbart. Напротив: это по большей части векселя для получения ссуды, не представляющие никакой действительной операции или представляющие операции, которые были предприняты только для того, чтобы можно было написать под них вексель; мы дали достаточное количество примеров векселей того и другого рода. Поэтому Economist (в статье Wilson'a), сравнивая обеспеченность таких векселей и банкнот, пишет: «Банкноты, оплачиваемые по предъявлении, никогда не могут оставаться в избытке вне банка, так как избыток их неизбежно притекает бы обратно в банк для размена; между тем двухмесячные векселя могут быть выпущены в значительном избытке, так как нет средства контролировать их выпуск, пока не наступит срок платежа, а к этому моменту они могут быть уже снова замещены другими векселями. Для нас было бы совершенно непонятно, если бы нация доверяла обеспеченности обращающихся векселей, которые должны быть оплачены в определенный будущий срок, и в то же время относилась с сомнением к обращению бумажных денег, размениваемых по предъявлении» (Economist, 1847, p. 572).

Таким образом, количество обращающихся векселей, точно так же, как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения; в пятидесятых годах в обычное время в Соединенном Королевстве находилось в обращении банкнот на 39 миллионов £ и приблизительно на 300 миллионов векселей, в том числе 100—120 миллионов только на один Лондон. Размер обращения векселей не оказывает влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию со стороны этого последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно отказывается служить; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет в Англии, по крайней мере, до настоящего времени, постоянную способность к обращению, так как за Английским банком стоит нация со всем своим богатством

Мы видели, что даже господин Шарман, который в 1857 году сам был магнатом на денежном рынке, горько жалуется на то, что в Лондоне имеется несколько крупных денежных капиталистов, достаточно сильных для того, чтобы в известный момент привести в замешательство весь денежный рынок и таким, постыднейшим способом нагреть всех более мелких торговцев деньгами. Итак, имеется несколько

таких крупных акул, которые в состоянии значительно обострить стесненное положение, продав на 1—2 миллиона консолей и взяв, таким образом, с рынка соответственное количество банкнот (и вместе с тем свободного ссудного капитала). Чтобы превратить путем подобного маневра денежное стеснение в панику, было бы достаточно совместного действия трех крупных банков.

Крупнейшая сила в лондонском мире капитала, — это, конечно, Английский банк; но благодаря своему положению полугосударственного учреждения он не имеет возможности проявлять свое господство столь суровым образом. Тем не менее и в его распоряжении — особенно со времени банкового акта 1844 года — имеется достаточно средств и путей для того, чтобы выйти сухим из воды.

Английский банк имеет капитал в 14.553.000 £ и располагает кроме того приблизительно 3 миллионами £ «остатков», т.-е. нераспределенных прибылей, равно, как и всеми деньгами, которые поступают к правительству в форме налогов и так далее и должны вкладываться в Английский банк, пока не наступит нужда в них. Если причислить сюда еще сумму остальных денежных вкладов (в обычное время, около 30 миллионов £) и банкнот, выпускаемых без покрытия, то придется признать, что Newmarch дает еще сравнительно умеренную оценку, когда он утверждает следующее (В. А. 1857, № 1880): «Я убедился, что общая сумма денежных фондов, постоянно совершающих операции на [Лондонском] денежном рынке, должна быть определена приблизительно в 120 миллионов £; и из этих 120 миллионов Английский банк располагает очень значительной частью, около 15—20%».

Поскольку банк выпускает банкноты, не покрытые металлическим запасом, находящимся в его кладовых, он создает знаки стоимости, которые образуют не только средство обращения, но являются в то же время для него некоторым добавочным — хотя и фиктивным — капиталом на сумму, равную номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал доставляет банку добавочную прибыль. — Wilson спрашивает Newmarch'a (В. А. 1857): «1563. Обращающиеся билеты известного банка, т.-е. среднее количество их, находящееся в руках публики, составляет некоторый прибавок к действующему капиталу этого банка, не правда ли? — Совершенно верно. — 1564. Итак, вся та прибыль, которую извлекает банк из этого обращения, есть прибыль, порождаемая кредитом, а не тем капиталом, которым банк действительно владеет? — Совершенно верно».

То же самое относится, конечно, и к тем частным банкам, которые выпускают банкноты, В своих ответах №№ 1866—1868 Newmarch рассматривает две трети всех выпускаемых частными банками банкнот (для одной трети их эти банки обязаны иметь металлическое покры-

тие), как «создание равновеликого капитала», так как собирается соответственная сумма металлических денег. Прибыль банкира вследствие этого может и не быть больше, чем прибыль других капиталистов. Но факт тот, что банкир извлекает прибыль из этого национального сбережения металлических денег. То обстоятельство, что национальное сбережение является прибылью частного лица, несколько не шокирует буржуазного экономиста, так как прибыль есть вообще присвоение национального труда. Может ли быть что-либо более нелепое, чем, например, Английский банк 1797—1817 годов, банкноты которого пользовались доверием лишь благодаря государству и который вместе с тем заставлял государство, т.-е. публику, оплачивать в форме процентов по государственным займам предоставленную ему государством же способность превращать эти банкноты из бумаги в деньги и затем ссужать их государству?

Банки имеют, впрочем, и другие средства создавать капитал. По словам того же самого Newmarch'a провинциальные банки имеют, как уже упомянуто выше, обыкновенные посылать свои избыточные фонды (т.-е. банкноты Английского банка) лондонским *billbroker*'ам, которые взамен этого отсылают им дисконтированные векселя. Этими векселями банк обслуживает своих клиентов, так как он придерживается правила не выпускать из своих рук векселей, полученных от его местных клиентов, чтобы деловые операции этих клиентов не сделались известными в их округе. Эти полученные из Лондона векселя служат не только для того, чтобы выдавать их клиентам, которым предстоит сделать прямые платежи в Лондоне, если только они не предпочтут потребовать от банка собственного перевода на Лондон; векселя служат также для погашения платежей в провинции, так как передаточная надпись банкира. обеспечивает им местный кредит. Таким образом они, напр., в Ланкашире вытеснили из обращения все собственные банкноты местных банков и в значительной степени банкноты Английского банка (*ibid.*, 1568—74).

Мы видим таким образом, как банки создают кредит и капитал: 1) путем выпуска собственных билетов; 2) путем выдачи требований на Лондон сроком до 21 дня, при чем, однако, они сами, выдавая эти требования, получают немедленно наличными; 3) путем уплаты дисконтированными векселями, кредитоспособность которых прежде всего и преимущественно—по крайней мере для соответственного местного округа—обеспечивается передаточной надписью банка.

Сила Английского банка обнаруживается в том, что он регулирует рыночную норму процента. В периоды нормального хода дел может случиться, что Английский банк не в состоянии приостановить умренный отлив золота из своего металлического запаса путем повы-

шения нормы дисконта ¹²⁾, так как потребность в средствах обращения удовлетворяется частными и акционерными банками и billbroker'ами, которые за последние тридцать лет приобрели значительную коммерческую силу. Ему приходится применять тогда другие средства. Но для критических моментов все еще справедливо то, что банкир Glyn (из фирмы Glyn, Mills, Currie and Co.) показывал перед С. D. 1848/57: «1709. В периоды сильного стеснения в стране Английский банк диктует уровень процента.— 1710. В периоды чрезвычайного стеснения..., когда размеры учета, производимого частными банками или billbroker'ами, сравнительно ограничены, учетная операция остается за Английском банком, и он получает тогда силу устанавливать рыночную норму процента».

Во всяком случае, он, как официальное учреждение, пользующееся покровительством государства и государственными привилегиями, не может использовать эту свою силу с такой беспощадностью, как это позволяют себе частные предприятия. Это видно и из показаний Hubbard'a перед банковской комиссией (В. А. 1857): «2844. [Вопрос:] Не правда ли, когда учетный процент достигает максимальной высоты, то Английский банк обслуживает всего дешевле, когда же учетный процент спускается до минимума, всего дешевле берут брокеры?— [Hubbard:] Это действительно всегда так, потому что Английский банк никогда не понижает нормы учета до такой степени, как его конкуренты, и когда норма стоит на высшем уровне, никогда не поднимает ее так высоко, как они».

Тем не менее для делового мира является весьма серьезным событием, когда Английский банк в период стесненного положения начинает, выражаясь ходячим термином, «взвинчивать» процент, т.-е. уровень процента, уже перешедший среднюю норму, поднимает еще выше. «Как только Английский банк начинает взвинчивать, прекращаются всякие закупки для вывоза за границу... Экспортеры дожидаются, пока падение цен достигнет своей низшей точки, и только тогда, не ранее, снова начинают покупать. Но когда этот пункт достигнут, курс уже снова урегулирован,—золото перестает отливать за

¹²⁾ На общем собрании акционеров Union Bank of London 17 января 1894 года председатель господин Ritchie сообщил, что Английский банк повысил в 1893 году учетный процент с 2½% (в июле) до 3 и 4% (в августе) и затем, так как в течение четырех недель он потерял целые 4½ миллиона £ золотом, до 5%, после чего золото стало притекать обратно и норма банкового учета в сентябре была понижена до 4, в октябре до 3%. Но эта банковая норма не была признана на рынке «Когда банковая норма была 5%, рыночная норма была 3½%, норма для денег 2½%; когда банковая норма упала до 4%, учетный процент был 2¾%, и денежная норма 1¾%; когда банковая норма стала 3%, учетный процент был 1½%, денежная норма немного ниже» (Daily News 18 Jan. 1894).—Ф. Э.

границу ранее, чем достигнута эта низшая точка падения цен. Закупки товаров для экспорта могут, быть может, привести назад часть посланного за границу золота, но они совершаются слишком поздно для того, чтобы воспрепятствовать отливу» (G. W. Gilbert, An Inquiry into the Causes of the Pressure on the Money Market, London 1840, p. 37). «Другой результат регулирования средств обращения посредством заграничного вексельного курса обнаруживается в том, что в периоды стесненного положения уровень процента колоссально возрастает» (I. c., p. 40). Издержки, которых требует восстановление вексельного курса, падают на производительную промышленность страны, между тем в течение этого процесса прибыль Английского банка возрастает положительно благодаря тому, что он продолжает свое дело с ничтожным количеством благородного металла» (I. c., p. 52).

Но, говорит наш приятель Samuel Gurney, «эти крупные колебания уровня процента выгодны для банкиров и торговцев деньгами,—всякие колебания в ходе дел выгодны для того, кто сведущ в делах». И хотя господа Gurney снимают самые густые сливки, беззастенчиво эксплуатируя затруднения в делах, тогда как Английский банк не может позволить себе действовать с такою же свободой, тем не менее и на его долю выпадают очень недурные барыши,—не говоря уже о той частной прибыли, которая так сказать сама плывет в руки господ директоров вследствие их исключительно благоприятного положения для получения точных сведений об общем состоянии дел. По данным, собранным комиссией лордов, в 1817 году, при возобновлении платежей наличными, эти прибыли Английского банка за весь период 1797—1817 годов составляли:

Bonuses and increased dividends	7.451.136
New stock divided among proprietors	7.276.500
Increased value of capital	14.553.900
Итого	29.280.636

на капитал в 11.642.100 £ за 19 лет (D. Hardcastle. Banks and Bankers 2-nd ed., London 1843, p. 120). Если мы, руководствуясь теми же основаниями, определим общую прибыль Ирландского банка, который также приостановил платежи наличными в 1797 году, то получится следующий результат:

Dividends as by returns due 1821	4.736.085
Declared bonus	1.225.000
Increased assets	1.214.800
Increased value of capital	4.185.000
Итого	11.360.885

на капитал в 3 милл. £ (ibidem, p. 163).

А еще говорят о централизации! Кредитная система, имеющая свой центральный пункт в так называемых национальных банках и группирующихся вокруг них крупных торговцах деньгами и ростовщиках, представляет гигантскую централизацию, и дает этому классу паразитов сказочную силу не только периодически громить промышленных капиталистов, но и самым опасным образом вмешиваться в действительное производство,—и эта банда ничего не хочет знать о производстве, не имеет с ним ничего общего. Акты 1844 и 1845 годов служат доказательствами растущей силы этих бандитов, к которым примыкают финансисты и stockjobbers.

Но если кто-либо сомневается в том, что эти почтенные бандиты эксплуатируют национальное и интернациональное производство исключительно в интересах самого производства и самих объектов эксплуатации, то он почерпнет истинное представление о деле из следующего экскурса в область высоких нравственных доблестей банкиров. «Банки суть учреждения религиозно-нравственные. Как часто юный купец отвращался от общества шумливых и разгульных друзей из страха перед бдительным и неодобрительным взглядом банкира! Как боится он утратить доброе мнение банкира, как старается быть всегда respectable! Наморщенный лоб банкира оказывает на него более сильное влияние, чем все моральные проповеди его друзей; он трепещет при мысли, что к нему станут относиться подозрительно, если он окажется повинным в обмане или хотя бы малейшем уклонении от истины, он боится возбудить такое подозрение, так как в результате его кредит в банке может быть ограничен или даже совсем уничтожен! Совет банкира для него важнее, чем совет священника» (G. M. Bell, управляющий одного шотландского банка, *The Philosophy of Joint Stock Banking*, London 1840, p. 46, 47).

Глава тридцать четвертая.

Scarcity principle и английское банковое законодательство 1844 года.

[В одной из прежних работ ¹³⁾ уже была исследована теория Рикардо о стоимости денег в ее отношении к ценам товаров; поэтому мы можем здесь ограничиться лишь самым необходимым. По Рикардо стоимость денег—металлических—определяется овеществленным в них рабочим временем, однако лишь при том условии, если количество денег находится в нормальном отношении к массе и цене обращающихся товаров. Если количество денег поднимается выше-

¹³⁾ К. Магх. *Zur Kritik der politischen Oekonomie*, Berlin 1859, S. 150 ff.

нормы, определяемой этим отношением, то падает их стоимость, товарные цены повышаются; если оно опускается ниже этой нормы, то стоимость их повышается, товарные цены падают — при прочих равных условиях. В первом случае страна, где имеется такой избыток золота, будет вывозить золото, упавшее ниже своей стоимости, и ввозить товары; во втором случае золото будет притекать в страны, в которых оно расценивается выше его стоимости, в то время как расцениваемые ниже стоимости товары направятся оттуда на другие рынки, где их можно продать по нормальным ценам. Так как при таких предпосылках «само золото — в монете ли, в слитках ли — может стать знаком металлической стоимости, большей или меньшей, чем его собственная стоимость, то само собою понятно, эту судьбу разделяют с ним и находящиеся в обращении размениваемые банкноты. Хотя банкноты подлежат размену и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, тем не менее вся масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes), может повыситься в цене или обесцениться, смотря по тому, поднимается ли по вышеуказанным причинам их общее количество выше или падает ниже уровня определяемого меновой стоимостью обращающихся товаров и металлической стоимостью золота... Это обесценение, не кредитных денег по сравнению с золотом, а золота и бумажек вместе, другими словами обесценение всей массы средств обращения данной страны есть одно из главных изобретений Рикардо, которое лорд Оверстон и К^о заставили служить им и положили в основу банкового законодательства сэра Роберта Пила в 1844 и 1845 годах» (I. c., p. 155).

Нам нет надобности повторять здесь приведенное там же доказательство неправильности этой теории Рикардо. Нас интересует лишь тот способ, каким эти положения Рикардо переработала школа банковых теоретиков, продиктовавшая упомянутые банковые акты Пила.

«Торговые кризисы XIX столетия, особенно большие кризисы 1825 и 1836 годов, не вызвали дальнейшего развития рикардовской теории денег, но дали повод для ее нового применения. Дело теперь уже не в таких отдельных экономических явлениях, каким во времена Юма было обесценение благородных металлов в XVI и XVII столетиях, во времена Рикардо обесценение бумажных денег в XVIII и начале XIX столетия, — теперь разыгрываются великие бури, потрясающие мировой рынок, бури, в которых разряжается столкновение всех элементов буржуазного процесса производства; и вот источник этих-то бурь и средства борьбы с ними хотят найти в самой поверхностной и самой абстрактной сфере этого процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой

исходит эта школа экономических заклинателей погоды, фактически сводится к догмату, что Рикардо отырыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось только, по их мнению, подвести под эти законы кредитное обращение и обращение банкнот.

«Наиболее общее и бросающееся в глаза явление торговых кризисов есть внезапное общее падение товарных цен, следующее за более или менее продолжительным общим их повышением. Общее падение товарных цен может быть выражено как повышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а общее повышение цен, наоборот, как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения исследуемое явление только высказывается, а не объясняется... Различная фразеология столь же мало подвигает вперед решение вопроса, как, например, перевод его с немецкого языка на английский. Теория денег Рикардо явилась поэтому как нельзя более кстати, так как она придает тавтологии вид причинного соотношения. Чем объясняется периодическое общее падение товарных цен? Периодическим повышением относительной стоимости денег. Наоборот, чем объясняется периодическое общее повышение товарных цен? Периодическим падением относительной стоимости денег. Столь же правильно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит из их периодического повышения и падения... Раз допущено превращение тавтологии в причинное соотношение, все остальное выводится с большой легкостью. Повышение товарных цен вызывается падением стоимости денег. А падение стоимости денег, как нам сообщает Рикардо, переполнением обращения, т.-е. тем, что количество обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Равным образом и наоборот, общее падение товарных цен вызывается повышением стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие того, что обращение недостаточно наполнено. Итак, цены повышаются и падают периодически, так как периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег. И если бы даже было показано, что повышение цен совпало с пониженным обращением денег, а падение цен с повышенным обращением денег; то все же можно было бы утверждать, что вследствие некоторого, статистически неуловимого, уменьшения или увеличения массы обращающихся товаров количество обращающихся денег увеличилось или уменьшилось, правда, не абсолютно, а лишь относительно. Мы видели, что по Рикардо общие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но тут они попеременно уравниваются таким образом, что, напр., недостаточно полное обращение вызывает падение товарных цен, вывоз товаров за

границу, этот вывоз вызывает в свою очередь ввоз золота в страну, а такой прилив денег влечет за собой опять повышение товарных цен. Обратное при переполненном обращении, когда товары ввозятся, а золото вывозится. А так как, несмотря на эти общие колебания цен, вытекающие из самой природы рикардовского металлического обращения, их интенсивная и мощная форма, форма кризиса, относятся к периоду развитой кредитной системы, то совершенно очевидно, что выпуски банкнот не вполне регулируются законами металлического обращения. Металлическое обращение находит свою целебную силу в импорте и экспорте благородных металлов, которые немедленно вступают в обращение как монета и своими приливами и отливами понижают или повышают товарные цены. Перед банками встает теперь задача искусственно оказывать то же самое влияние на товарные цены, подражая законам металлического обращения. Если деньги приливают из-за границы, то это показывает, что обращение недостаточно полно, стоимость денег слишком высока и товарные цены слишком низки; следовательно, в обращение должны быть выпущены банкноты соразмерно с количеством вновь ввезенного золота. Наоборот, они должны быть в соответственном количестве извлечены из обращения, раз золото отливает из страны. Другими словами, выпуски банкнот должны регулироваться импортом и экспортом благородных металлов или вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, что золото есть только монета и, следовательно, всякий импорт золота увеличивает количество обращающихся денег и таким образом повышает цены, всякий экспорт золота уменьшает количество монеты и потому понижает цены, — эта теоретическая предпосылка превращается здесь в практическую попытку оставлять в каждый данный момент столько монеты в обращении, сколько имеется в наличности золота. Лорд Overstone (банкир фирмы Jones Loyd), полковник Torrens, Norman, Clay, Arbutnot и ряд других писателей, известных в Англии под именем школы «Currency principle», не только проповедывали эту доктрину, но при помощи банковых актов сэра Р. Пила (1844 и 1845 г.г.) сделали ее основой английского и шотландского банкового законодательства. Ее позорнейшее фиаско, теоретическое и практическое, после экспериментов в грандиознейшем национальном масштабе, может быть разобрано нами лишь в учении о кредите» (I. с., p. 165—168).

Критика этой школы была дана Томасом Туком, Джемсом Вильсоном (в Economist'e 1844—1847 годов) и Джоном Фуллартоном. Как плохо понимали и эти писатели природу золота, как смутно представляли они себе соотношение между деньгами и капиталом, мы видели уже неоднократно, особенно в главе XXVIII этой книги. Здесь

мы приведем еще несколько данных из трудов парламентской комиссии 1857 года относительно банковых актов Пиля. (В. С. 1857).—Ф. 9 1.

J. G. Hubbard, бывший управляющий Английского банка, дает следующие показания: <2400.—Вывоз золота... абсолютно не оказывает влияния на товарные цены. Но он оказывает очень значительное влияние на цены ценных бумаг, так как в той мере, в какой изменяется процент, неизбежно подвергается сильному влиянию и стоимость товаров, воплощающих этот процент». Он приводит две таблицы, относящиеся к 1834—1843 и 1845—1853 годам, показывающие, что движение цен пятнадцати наиболее важных предметов торговли происходило совершенно независимо от прилива и отлива золота и от уровня процента. Но зато они указывают на существование тесной зависимости между приливами и отливами золота, которое действительно является «представителем нашего ищущего помещения капитала», и размером процента.—«В 1847 году очень значительная сумма американских ценных бумаг была вывезена обратно в Америку, точно также русские ценные бумаги отливали в Россию, а другие континентальные бумаги в страны, из которых мы получаем наш хлеб».

15 главных предметов торговли, положенные в основу приводимых ниже таблиц Hubbard'a, следующие: хлопок, хлопчатобумажная пряжа, бумажные ткани, шерсть, сукно, лен, полотно, индиго, чугун, жемчуг, медь, сало, сахар, кофе, шелк.

I. С 1834 по 1843 год.

Время.	Металлическая наличность банка.	Рыночная норма учетного процента.	Из 15 главных предметов торговли		
			Повысились в цен.	Упали.	Остались без перемены.
1834, 1 марта	£ 9.104.000	2 ³ / ₄ %	—	—	—
1835, 1 "	" 6.274.000	3 ³ / ₄ "	7	7	1
1836, 1 "	" 7.918.000	3 ¹ / ₄ "	11	3	1
1837, 1 "	" 4.079.000	5 "	5	9	1
1838, 1 "	" 10.471.000	2 ³ / ₄ "	4	11	—
1839, 1 сент.	" 2.684.000	6 "	8	5	2
1840, 1 июня	" 4.571.000	4 ³ / ₄ "	5	9	1
1840, 1 декабря	" 3.642.000	5 ³ / ₄ "	7	6	2
1841, 1 "	" 4.873.000	5 "	3	12	—
1842, 1 "	" 10.603.000	2 ¹ / ₃ "	2	13	—
1843, 1 июня	" 11.566.000	2 ¹ / ₄ "	1	14	—

II. С 1844 по 1853 год.

Время.	Металлическая наличность банка.	Рыночная норма учетного процента.	Из 15 главных предметов торговли		
			Повысились в цене.	Упали.	Остались без перемены.
1844, 1 марта	£ 16.162.000	2 $\frac{1}{4}$ %	—	—	—
1845, 1 декабря	„ 13.237.000	4 $\frac{1}{2}$ „	11	4	—
1846, 1 сент.	„ 16.366.000	3 „	7	8	—
1847, 1 „	„ 9.140.000	6 „	6	6	3
1850, 1 марта	„ 17.126.000	2 $\frac{1}{2}$ „	5	9	1
1851, 1 июня	„ 13.705.000	3 „	2	11	2
1852, 1 сент.	„ 21.853.000	1 $\frac{3}{4}$ „	9	5	1
1853, 1 декабря	„ 15.093.000	5 „	14	—	1

Hubbard делает к этому такое замечание: «Как за десятилетие 1834—1843, так и за десятилетие 1844—1853 колебания золотой наличности банка всегда сопровождались возрастанием или уменьшением стоимости денег, ссужаемых под учет; и, с другой стороны, изменения товарных цен внутри страны обнаруживают полную независимость от размеров обращения, поскольку последние проявляются в колебаниях золотой наличности Английского банка» (Bank Acts Report, 1857, II, p. 290 и 291).

Так как спрос и предложение товаров регулируют их рыночные цены, то очевидно, насколько ошибочно оверстоновское отождествление спроса на ссудный денежный капитал (или скорее отклонений предложения от спроса), как он проявляется в норме учетного процента, и спроса на действительный «капитал». Утверждение, что товарные цены регулируются колебаниями в размерах обращения, скрывается теперь за фразой, что колебания нормы учетного процента выражают собой колебания спроса на действительный вещественный капитал, в отличие от денежного капитала. Мы уже видели, что и Норман и Оверстон действительно утверждали это перед той же самой парламентской комиссией; мы видели также, к каким жалким уверткам они вынуждены были при этом прибегать, в особенности Оверстон, пока он совсем не попался (глава XXVI). В самом деле, это старая побасенка, будто изменения в количестве наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то согласно этой теории обращения (Currency-Theorie) цены товаров должны возрастать в той стране, куда направ-

вляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта, вывозящей золото страны на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней страны на рынке первой должна падать, в то время, как она возрастает на родине экспортируемых товаров, куда приливает золото. На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь размер процента, тогда как увеличение его понижает последний; и если бы эти колебания размера процента не принимались в расчет при установлении издержек производства и не влияли бы на спрос и предложение, то товарные цены ими совершенно не затрогивались бы. —

В том же отчете N. Alexander, глава одной крупной фирмы, ведущей дела в Индии, следующим образом высказывается относительно сильного отлива серебра в Индию и Китай, имевшего место в половине 50-х годов частью вследствие китайской гражданской войны, которая затруднила сбыт английских тканей в Китай, частью вследствие болезней шелковичных червей в Европе, благодаря которой значительно сократилось итальянское и французское шелководство.

«4337. Наблюдается ли отлив в Китай, или в Индию? — Вы посылаете серебро в Индию и на значительную часть его покупаете опиум, который весь идет в Китай, образуя фонд для закупки шелка; и состояние рынков в Индии (несмотря на накопление там серебра) таково, что купцу выгоднее посылать туда серебро, чем ткани и другие английские фабрикаты. — 4338. Не имел ли место крупный отлив из Франции, вследствие чего мы получили серебро? — Конечно, он был очень велик. — 4344. Вместо того, чтобы вывозить шелк из Франции и Италии, мы пошлём его туда в значительных количествах, — как бенгальский, так и китайский».

Итак, в Азию посылалось серебро — денежный металл этой части света — вместо товаров не потому, что цены этих товаров поднялись в стране, которая их производит (в Англии), а потому, что они упали — упали благодаря чрезмерному ввозу — в стране, куда товары импортируются; и это несмотря на то, что серебро получено Англией из Франции и частью должно было оплачиваться золотом. По суггенс-теории при таком импорте цены в Англии должны были бы упасть, в Индии и Китае — повыситься.

Другой пример. Перед комиссией палаты лордов (С. D. 1848/1857) Wylie, один из первых ливерпульских купцов, дает следующие показания: «1994. В конце 1845 года не было более выгодного дела, которое давало бы столь же высокие прибыли [как бумагопрядение]. Запас хлопка был велик и хороший, пригодный к делу хлопок можно было получить по 4 пенса за фунт, при чем из такого хлопка можно было выпрясть хороший *secunda mule twist* № 40 с затратой также

в 4 пенса, следовательно, с общим расходом на прядильщика приблизительно в 8 пенсов. В сентябре и октябре 1845 года эта пряжа продавалась большими массами и заключались столь же крупные контракты на поставку по $10\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$ пенсов за фунт, так что в некоторых случаях прядильщики реализовали прибыль, равную покупной цене хлопка.—1996. Дело оставалось прибыльным до начала 1846 г.—2000. 3 марта 1844 года запас хлопка [627.042 кипы], более чем вдвое превышал его теперешнюю величину [7 марта 1848 года, когда запас равнялся 301.070 кипам], и тем не менее цена была на $1\frac{1}{4}$ п. на фунт выше [6 $\frac{1}{4}$ против 5 п.]. Вместе с тем пряжа — хороший *secunda mule twist* № 40 — упала с $11\frac{1}{2}$ — 12 п. до $9\frac{1}{2}$ п. за фунт в октябре и до $7\frac{3}{4}$ п. в конце декабря 1847 года; пряжа продавалась по покупной цене хлопка, из которого она выпрядена» (ib. №№ 2021, 2023). Это обнаруживает в истинном свете заинтересованную мудрость Оверстона, согласно которой деньги должны стать «дороги», так как капитал «редок». 3 марта 1844 года размер банкового процента был 3%; в октябре и ноябре 1847 года он достиг 8 и 9% и 7 марта 1848 года составлял еще 4%. Цены хлопка благодаря полной приостановке сбыта и панике, сопровождаемой, как всегда, высоким размером процента, упали значительно ниже той цены, которая соответствовала размерам предложения. Результатом этого было, с одной стороны, громадное уменьшение ввоза в 1848 г., и, с другой стороны, уменьшение производства в Америке; отсюда новое повышение цен хлопка в 1849 году. По Оверстону товары были слишком дороги потому, что в стране было слишком много денег.

«2002. Недавнее ухудшение положения дел в хлопчатобумажной промышленности нельзя приписать недостатку в сыром материале, так как цена понизилась, несмотря на то, что запасы хлопка-сырца значительно сократились». Как мило у Оверстона это смешение цены — соответственно стоимости — товара и стоимости денег, т. е. размера процента. В своем ответе на 2026 вопрос Wylie высказывает свое общее мнение о currency-теории, основываясь на которой Cardwell и сэр Charles Wood в мае 1847 года «настаивали на необходимости проводить банковый акт 1844 года во всем его содержании». «Эти принципы, по моему мнению, ведут к тому, чтобы придать деньгам искусственно высокую стоимость, а всем товарам искусственно разорительную низкую стоимость». — О влиянии этого банкового акта на общее положение дел он говорит далее следующее: «Так как лишь с большими пожертвованиями можно было бы учесть четырехмесячные векселя, которые представляют тратты, выдаваемые фабричными городами на купцов и банкиров под купленные и предназначенные для Соединенных Штатов товары, то выполнение заказов было в значи-

тельной мере затруднено вплоть до правительственного распоряжения от 25 октября (приостановка банкового акта), когда снова получилась возможность учитывать эти четырехмесячные векселя» (2097). Следовательно, и в провинции приостановка банкового акта ощущалась, как избавление. — 2102. В прошлом октябре [1847 года] почти все американские покупщики, закупающие здесь товары, немедленно же насколько возможно ограничили свои заказы; и как только в Америку пришло известие о вздорожании денег, все новые заказы прекратились. — 2134. Хлеб и сахар представляют особый случай. На хлебный рынок оказывали влияние виды на урожай, на сахар оказывали влияние огромные запасы и ввоз. — 2163. Из наших платежных обязательств по отношению к Америке... многие были ликвидированы путем принудительной продажи отправленных на комиссию товаров, и многие, я опасюсь, были аннулированы здешними банкротствами. — 2196. Если память не изменяет мне, на нашей фондовой бирже в октябре 1847 года платилось до 70%.

[Кризис 1837 года с его продолжительными болезненными последствиями, к которым в 1842 году присоединился еще настоящий добавочный кризис, и заинтересованное ослепление промышленников и купцов, которые ни за что не хотели признавать перепроизводства — ведь согласно вульгарной политической экономии оно есть нелепость и невозможность! — произвели, наконец, ту путаницу в головах, которая позволила школе суггесу-теоретиков применить свою догму на практике в национальном масштабе. Банковое законодательство 1844—1845 годов прошло в парламенте.

Банковый акт 1844 года разделяет Английский банк на отделение, выпускающее банкноты, и банковое отделение. Первое получает обеспечений — главным образом, свидетельств государственного долга — на 14 миллионов и весь металлический запас, который должен состоять из серебра не более, чем на $1\frac{1}{4}$, и выпускает на общую сумму того и другого банкноты. Поскольку эти последние не находятся в руках публики, они лежат в банковом отделении и образуют вместе с небольшим количеством необходимой для ежедневных потребностей монеты (около одного миллиона), всегда готовый запас банка. Эмиссионное отделение выдает публике банкноты за золото и золото за банкноты; остальные дела с публикой ведет банковое отделение. Частные банки, имевшие до 1844 г. право выпускать собственные банкноты в Англии и Уэльсе, сохранили за собой это право, только выпуск их банкнот был ограничен; если такой банк прекращает выпуск собственных банкнот, Английский банк имеет право увеличить сумму своих непокрытых банкнот на $\frac{2}{3}$ сделавшегося вакантным контингента; таким путем сумма эта к 1892 году повысилась с 14 до $16\frac{1}{2}$ миллионов £ (точнее до 16.450.000 £).

Итак, взамен каждых пяти фунтов золотом, уходящих из банковской наличности, в эмиссионное отделение поступает пятифунтовая банкнота и уничтожается там; взамен каждых пяти соверенов, поступивших в банк, в обращение выпускается новая пятифунтовая банкнота. Этим практически осуществляется оверстоновское идеальное бумажное обращение, совершенно точно приспособленное к законам металлического обращения, вследствие чего, по утверждению currency-теоретиков, кризисы становятся навсегда невозможными.

В действительности разделение банка на два независимых отделения отняло у дирекции возможность располагать в решительные моменты всеми доступными ей средствами, и таким образом могли наступить случаи, когда банковое отделение стояло перед банкротством, а эмиссионное отделение сохраняло нетронутыми миллионы золотом, не считая 14 миллионов обеспечения. И притом подобное положение дел могло наступать тем скорее, что почти каждый кризис имеет период, в течение которого наблюдается сильный отлив золота за границу, при чем покрывать эту убыль приходится, главным образом, из металлической наличности банка. Но взамен каждых пяти фунтов, уходящих затем за границу, из внутреннего обращения извлекается пятифунтовая банкнота, следовательно, количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего. Таким образом банковый акт 1844 года прямо провоцирует весь торговый мир к тому, чтобы при наступающем кризисе, пока еще есть время, откладывать запасы банкнот и, следовательно, ускорять и обострять кризис; таким искусственным наступающим в решительный момент повышением спроса на денежные ссуды, т.-е. на платежные средства, при одновременном ограничении их предложения, он вздувает во время кризиса размер процента до неслыханной до того времени высоты; итак, вместо того, чтобы устранить кризисы, их усиливают до такой степени, что должен потерпеть крах или весь торговый мир, или банковый акт. Два раза, 25 октября 1847 года и 12 ноября 1857 года, кризис достиг этой угрожающей высоты; тогда правительство освободило банк от ограничений в выпуске банкнот, приостановив действие акта 1844 года, и оба раза этого было достаточно для того, чтобы сломить кризис. В 1847 году достаточно было уверенности, что можно снова получать банкноты под солидное обеспечение, — и оказалось возможным извлечь на свет и вернуть обращению накопленные запасы банкнот на 4—5 миллионов £; в 1857 году было выпущено почти на миллион £ банкнотами свыше узаконенной нормы, но лишь на самое короткое время.

Необходимо, кроме того, упомянуть, что законодательство 1844 г. хранит еще следы воспоминания о первых двадцати годах столетия,

о времени приостановки платежей наличными и девальвации банкнот. Опасение, что банкноты могут лишиться кредита, проявляется здесь еще очень заметно; совершенно напрасное опасение, так как уже в 1825 году выпуск найденного старого запаса однофунтовых банкнот, изъятых из обращения, сломил кризис и тем самым доказал, что даже в то время всеобщего и сильнейшего недоверия доверие к банкнотам не было поколеблено. И это вполне понятно; ведь фактически за этими знаками стоимости стоит вся нация со всем ее кредитом.—Ф. Э.]

Выслушаем еще несколько показаний о влиянии банкового акта. Дж.-Ст. Милль полагает, что банковый акт 1844 года сдерживал спекуляцию. Этот мудрый муж, по счастливой случайности, давал свои показания как раз 12 июня 1857 года. Четыре месяца спустя разразился кризис. Милль буквально поздравляет «банковых директоров и коммерческую публику вообще» с тем, что они «понимают теперь много лучше, чем раньше, природу торгового кризиса и тот очень большой вред, который они причиняют сами себе и публике, поддерживая чрезмерную спекуляцию» (В. С. 1857, № 2031).

Мудрый Милль полагает, что если выпускаются однофунтовые банкноты, «как ссуды фабрикантам и др., выплачивающим заработные платы... то банкноты эти могут попасть в руки других лиц, которые затратят их на цели потребления, и в этом случае банкноты сами по себе конституируют спрос на товары и могут временно содействовать повышению цен». Следовательно, господин Милль допускает, что фабриканты будут выдавать более высокую заработную плату, если они будут расплачиваться банкнотами вместо золота? Или же он думает, что если фабрикант получит свою ссуду в форме стофунтовой банкноты и разменяет затем последнюю на золото, то заработная плата представит меньший спрос, чем в том случае, если бы она выдавалась прямо однофунтовыми банкнотами? И кто же не знает, что, напр., в некоторых горных округах заработная плата выдавалась банкнотами местных банков, так что несколько рабочих получали вместе одну пятифунтовую банкноту? Увеличивает это их спрос? Или, быть может, банкиры мелкими банкнотами легче дадут капиталистам ссуду и на более значительную сумму, чем крупными?

[Этот изумительный страх Милля перед однофунтовыми банкнотами был бы совершенно необъясним, если бы вся его работа по политической экономии не обнаруживала эклектизма, не останавливающегося ни перед какими противоречиями. С одной стороны, он соглашается со многими возражениями Тука против Оверстона, с другой стороны, верит в то, что товарные цены определяются количеством наличных денег. Следовательно, он отнюдь не разделяет убеждения, что вместо каждой выпущенной банкноты—при прочих равных условиях—в кассу

банка поступает один соверен; он опасается, что масса средств обращения может увеличиться и вследствие этого обесцениться то-есть поднять товарные цены. Только это и ничего больше не скрывается за приведенными выше опасениями. — Ф. Э.]

О разделении банка на два отделения и чрезмерной заботливости относительно обеспечения размена банкнот Тук высказывается следующим образом перед С. D. 1848/57:

Более крупные колебания размера процента в 1847 году по сравнению с 1837 и 1839 годами вызваны исключительно разделением банка на два отделения (3010). — Обеспеченность размена банкнот не была затронута ни в 1825, ни в 1837, ни в 1839 годах (3015). — Спрос на золото в 1825 году имел своей целью лишь заполнить пустое место, образовавшееся вследствие полного дискредитирования однофунтовых банкнот провинциальных банков; это пустое место могло быть заполнено только золотом, пока Английский банк не начал, в свою очередь, выпускать однофунтовые банкноты (3022). — В ноябре и декабре 1825 года не наблюдалось ни малейшего спроса на золото для вывоза (3023).

«Что касается дискредитирования банка внутри страны и за границей, то приостановка выдачи дивидендов и вкладов имела бы гораздо более тяжелые последствия, чем приостановка размена банкнот (3028)».

«3035. Не согласитесь ли вы признать, что каждое обстоятельство, угрожающее в последнем счете свободному размену банкнот, в момент коммерческого угнетения могло бы создать новые и серьезные затруднения? — Отнюдь нет».

В течение 1847 года «увеличенный выпуск банкнот, быть может, поспособствовал бы обратному наполнению золотых запасов банка, как это имело место в 1825 году» (3058).

Перед В. А. 1857 Newmarch говорит: «1357. Первое дурное последствие... этого разъединения двух отделений (банка) и неизбежно связанного с этим разделения золотого запаса состояло в том, что банковые операции Английского банка, то-есть вся та отрасль его операций, которая приводит его в непосредственную связь с торговлей страны, могли на будущее время вестись лишь с половинной суммой прежнего запаса. Вследствие этого разделения запаса получилось такое положение вещей, что банк вынужден был повышать норму учетного процента, при малейшем сокращении резерва банкового отделения. Этот уменьшенный запас вызвал поэтому ряд конвульсивных изменений в норме учетного процента. — 1358. Таких изменений с 1844 года [до июня 1857] было, пожалуй, до 60, тогда как до 1844 года за такой же период времени оно едва ли составило дюжину».

Особенно интересны показания перед С. Д. комиссией лордов (1848/52) Пальмера, бывшего с 1811 года директором и в течение некоторого времени управляющим Английского банка:

«828. В декабре 1825 года в банке оставалось золота всего на 1.100.000 £. Он несомненно потерпел бы полное банкротство, если бы этот акт [1844 года] существовал в то время. В декабре банк выпустил, как я думаю, на 5 или 6 миллионов банкнот в одну неделю, и это значительно смягчило тогдашнюю панику.

«825. Первый момент [с 1 июля 1825 года], когда современное банковое законодательство потерпело бы крах, если бы банк попытался довести до конца раз начатые операции, имел место 28 февраля 1837 года; из 3.900.000 — 4.000.000 £, бывших тогда в распоряжении банка, он сохранил бы всего каких-нибудь 650.000 £ в своем запасе. Другой такой период был в 1839 году и продолжался с 9 июля до 5 декабря. — 826. Каковы были размеры запаса в этом втором случае? На 5 сентября резерв состоял исключительно из дефицита на сумму 200.000 £ (the reserve was minus altogether 200.000 £). 5 ноября он возрос приблизительно до 1 — 1½ миллионов. — 830. Акт 1844 года воспрепятствовал бы банку поддерживать дела с Америкой. — 831. Три главнейших американских фирмы потерпели крах... Почти все фирмы, ведущие дела с Америкой, лишились кредита, и если бы в то время банк не пришел им на помощь, то я не думаю, что устояло бы более одной-двух фирм. — 836. Стесненное состояние в 1837 году нельзя сравнивать со стеснением 1847 года. Действие первого ограничивалось почти исключительно американскими операциями». — 838. (В начале июня 1837 года дирекция банка обсуждала вопрос, какими мерами помочь затруднению). «Некоторые защищали то мнение..., что наиболее правильным принципом было бы повысить размер процента, вследствие чего упали бы товарные цены, словом, удорожить деньги и удешевить товары, что дало бы возможность закончить заграничные платежи (by which the foreign payment would be accomplished). — 906. Искусственное ограничение полномочий банка актом 1844 года вместо старой и естественной границы его полномочий, определяемой действительными размерами его металлического запаса, вызывает искусственное затруднение в ходе дел и тем самым оказывает такое влияние на товарные цены, которое без этого акта было бы совершенно ненужным. — 968. При действии акта 1844 года нельзя при обычных условиях понизить металлический запас банка значительно ниже 9½ миллионов. Это оказало бы давление на цены и кредит, что, в свою очередь, вызвало бы такое изменение заграничных вексельных курсов, что ввоз золота возрос бы и увеличил сумму золота в эмиссионном отделении. — 996. При теперешнем ограничении вы

[то-есть банк] не можете управлять движением серебра, что необходимо в моменты, когда серебро требуется для воздействия на заграничный курс. — 999. Какова была цель предписания, ограничившего серебряный запас банка $\frac{1}{5}$ общей суммы его металлического запаса? — На этот вопрос я не могу ответить».

Цель была удорожить деньги; та же самая цель, которая, независимо от currenсу-теории, преследовалась при разделении банка на два отделения и при установлении для шотландских и ирландских банков обязательства держать в резерве золото для покрытия банкнот, выпускаемых свыше известной нормы. Таким образом возникла децентрализация национального металлического запаса, которая ослабила его способность исправлять неблагоприятный вексельный курс. К повышению размера процента направлены все следующие постановления: Английский банк имеет право выпускать банкноты на сумму большую, чем 14 миллионов £, не иначе, как при покрытии их золотым запасом; банковое отделение должно управляться, как обычный банк, понижая размер процента в периоды избытка денег, вздувая его в периоды угнетения; ограничение серебряного запаса, главного средства для регулирования вексельного курса с континентом и Азией; предписания относительно шотландских и ирландских банков, которые никогда не экспортируют денег, и все же должны хранить их в запасе под предлогом обеспечения, в действительности совершенно иллюзорного, размена банкнот. Факт тот, что акт 1844 года впервые вызвал в 1857 году массовый натиск на шотландские банки с требованием золота. Новое банковое законодательство не делает также никакого различия между отливом золота за границу и внутрь страны, хотя, само собою разумеется, последствия того и другого совершенно различны. Отсюда постоянные интенсивные колебания рыночной нормы процента. Два раза, в ответ на вопросы 992 и 994, Пальмер говорит, что Английский банк может покупать на банкноты серебро, лишь в том случае, если вексельный курс благоприятен для Англии и, следовательно, серебро излишне; потому что: «1003. Единственная цель, из-за которой можно держать значительную часть металлического запаса в серебре, состоит в стремлении облегчить заграничные платежи в периоды, когда вексельный курс неблагоприятен для Англии. — 1008. Серебро есть товар, который именно потому, что он является деньгами для всего остального мира, оказывается наиболее подходящим товаром... для этой цели [заграничных платежей]. Только Соединенные Штаты за последнее время остановились исключительно на золоте».

По его мнению, в периоды угнетения Английскому банку не было надобности повышать уровень процента выше старой нормы в 5%,

пока неблагоприятный вексельный курс не отвлекает золота за границу. Если бы не было акта 1844 года, то банк мог бы без всякого затруднения учесть все первоклассные векселя (first class bills), которые были ему предложены [1018—1020]. Но при существовании акта 1844 года и при том положении, в котором находился банк в октябре 1847 года, «не было такого процента, которого банк не мог бы потребовать от кредитоспособных фирм, и который бы они не согласились бы уплатить, чтобы не прекращать платежей». И этот высокий размер процента составлял как раз цель акта.

«1029. Я считаю необходимым строго разделять влияние размера процента на заграничный спрос [на благородные металлы] и повышение процента с целью ограничить наплыв требований, предъявляемых в банку в период недостатка в кредите внутри страны.—1023. Перед актом 1844 г., когда курсы были благоприятны для Англии, а в стране царствовало беспокойство и даже положительная паника, не было поставлено никакой границы для выпуска банкнот, который один только мог облегчить это стесненное состояние».

Так высказывается человек, который целые 39 лет сидел в дирекции Английского банка. Послушаем теперь частного банкира Twells'a, который с 1801 года участвовал в фирме Spooner, Attwoods and Co. Это единственный из всех свидетелей, дававших показания перед В. С. 1857 года, который видит действительное положение страны и предчувствует приближающийся кризис. В остальном он представляет разновидность бирмингемских little-shilling-теоретиков, подобно своим сотоварищам по фирме, братьям Аттвудам, которые являются основателями этой школы (см. Zur Kritik der pol. Oek., S. 59). Он говорит: «4488. Какое влияние, по вашему мнению, оказал акт 1844 года?—Если я должен отвечать на этот вопрос как банкир, то я скажу, что закон оказал самое превосходное действие, так как банкирам и [денежным] капиталистам всякого рода он доставил богатую жатву. Но он имел очень печальные результаты для честных трудолюбивых представителей делового мира, которые нуждаются в устойчивой норме учета, чтобы с уверенностью вести свои предприятия... закон сделал ссуду денег весьма прибыльной операцией.—4489. Он [банковский акт] позволяет лондонским акционерным банкам выплачивать акционерам 20 — 22⁰/₀?—Один из них уплатил недавно 18⁰/₀, а другой, насколько мне известно, 20⁰/₀; они имеют все основания самым решительным образом защищать акт.—4490. Мелкие деловые люди и уважаемые купцы, не обладающие крупным капиталом... их он сильно прижимает... Единственное средство, при помощи которого я могу узнать это, состоит в том, что я вижу изумительную массу их акцептов, остающихся непоплаченными. Эти акцепты всегда малы, приблизительно

в 20 — 100 £, многие из них не оплачены и вследствие этого возвращаются назад, во все части страны, что всегда служит признаком угнетенного положения... мелких торговцев». — 4494. Он заявляет, что в настоящее время операция не приносит достаточной прибыли. Следующие его замечания важны потому, что он видел кризис в скрытом состоянии, когда никто из остальных еще не предчувствовал его.

«4494. Цены на Mincing Lane еще более или менее держатся, но уже ничего не продается, нельзя продать ни за какую цену; цены держатся номинальные». — 4495. Он рассказывает один случай: некий француз посылает маклеру на Mincing Lane товары на сумму в 3.000 £ для продажи по определенной цене. Маклер не может получить назначенной цены, француз не может продать дешевле. Товар остается без движения, но французу нужны деньги. Маклер ссужает ему поэтому 1.000 £, так что француз под обеспечение товаров выписывает на маклера вексель на 1.000 £ сроком на 3 месяца. По истечении трех месяцев наступает срок платежа, а товары все еще не могут быть проданы. Следовательно, маклер должен оплатить вексель, и хотя он имел покрытие в 3.000 £, он не был в состоянии реализовать его и вследствие этого попал в затруднительное положение. Таким образом один увлекает с собой на дно другого. — 4496. «Что касается усиленного вывоза... если дела внутри страны находятся в угнетенном состоянии, то это неизбежно вызывает усиленный вывоз. — 4497. Полагаете ли вы, что потребление внутри страны уменьшилось? — Очень значительно... чрезвычайно... мелкие торговцы являются в этом отношении самым надежным авторитетом. — 4498. И все же ввоз очень велик; не указывает ли это на сильное потребление? — Конечно, если только вы имеете возможность продать; но многие товарные склады переполнены импортированными предметами; в том примере, который я только что приводил, товары на 3.000 £ были импортированы и остались непроданными.

«4514. Если деньги дороги, — не скажете ли вы, что, значит, капитал дешев? — Да, конечно». — Следовательно, он отнюдь не придерживается мнения Оверстона, что высокий размер процента — то же самое, что дорогой капитал.

Каким образом ведутся теперь дела: 4516... «Другие сильно зарываються, делают гигантские дела с ввозом и вывозом, значительно более крупные, чем позволяет их капитал, — в этом не может быть никакого сомнения. Это может удаться; благодаря какому-либо счастливому случаю они могут получить крупные суммы и со всем расплатиться. Такова во многих случаях система, по которой в настоящее время ведется значительная часть операций. Такие люди охотно теряют 20, 30 и 40% на одной отправке товара; следующая опера-

ция может вернуть им все потерянное. Но если они терпят неудачу два раза под-ряд, тогда им конец; и как раз за последнее время мы очень часто наблюдаем это; торговые фирмы банкротятся, не оставляя ни одного шиллинга в активе».

«4791. Пониженный уровень процента [за последние 10 лет] во всяком случае неблагоприятен банкирам, но без предъявления вам книг мне было бы очень трудно объяснить, насколько теперешняя прибыль [его собственная] выше по сравнению с прежним временем. Когда размер процента низок вследствие чрезмерного выпуска банкнот, мы имеем много вкладов; если размер процента высок, это припосит нам непосредственную выгоду.—4794. Если деньги можно получить за умеренный процент, у нас наблюдается бóльший спрос на них; мы больше ссужаем; таков результат [для нас, банкиров] в этом случае. Если процент повышается, мы получаем за ссуды больше, чем следует; мы получаем больше, чем мы должны бы иметь».

Мы уже видели, что в глазах всех компетентных лиц кредит билетов Английского банка непоколебим. Несмотря на это, банковый акт для обеспечения их размена закрепляет от 9 до 10 миллионов золотом. Святость и неприкосновенность запаса, этого сокровища, осуществляется совершенно иначе, чем у собирателей сокровищ прежнего времени. W. Brown (из Ливерпуля) показывает перед С. D. 1847/58, 2311: «Что касается той пользы, которую эти деньги [металлический запас эмиссионного отделения] приносили тогда, то с таким же успехом можно было бы бросить их в море; ведь даже ничтожнейшей части их нельзя было пускать в дело, не нарушая парламентского акта».

Предприниматель строительной промышленности E. Carrs, уже цитированный нами выше, тот самый, из показаний которого заимствовало описание современной лондонской строительной системы (книга II, гл. XII), следующим образом резюмирует свое мнение о банковом акте 1844 года (B. A. 1857). «5508. Следовательно, в общем вы того мнения, что современная система [банковского законодательства] наиболее приспособлена к тому, чтобы переключивать периодически в кошелек ростовщиков прибыль от промышленности?—Да, таково мое мнение. Я знаю, что в строительном деле влияние было такое».

Как уже было упомянуто, шотландские банки банковым актом 1845 года были вынуждены принять систему, приближающуюся к английской. На них было возложено обязательство иметь золотое покрытие для выпусков банкнот свыше суммы, установленной для каждого банка. Какие последствия это имело, видно из приводимых ниже показаний перед B. C. 1857.

Kennedy, управляющий одного шотландского банка: «3375. Имелось ли до введения акта 1845 года в Шотландии что-либо заслуживающее названия золотого обращения?—Ничего подобного.—3376. А с того времени увеличилось ли количество золота в обращении?—Нисколько; публика не любит золота (the people dislike gold)».—3450. Приблизительно 900.000 £ золотом, которые шотландские банки должны держать в запасе с 1845 года, по его мнению, приносят лишь вред, так как «непроизводительно поглощают соответственную часть капитала Шотландии».

Далее идет Андерсон, управляющий Union Bank of Scotland: «3558. Единственный случай сильного спроса на золото, предъявленного Английскому банку со стороны шотландских банков, имел место под влиянием иностранного вексельного курса?—Совершенно верно; и этот спрос не уменьшился от того, что мы держим золото в Эдинбурге.—3590. Пока мы имеем ту же самую сумму ценных бумаг в Английском банке [или в частных банках Англии], у нас остается та же, что и раньше, возможность вызвать отлив золота из Английского банка».

В заключение процитируем еще одну статью (Wilson's) из Economist'a: «Шотландские банки держат свободную наличность у своих лондонских агентов; последние держат ее в Английском банке. Это дает шотландским банкам возможность в пределах этой суммы распорядиться металлической наличностью Английского банка; а последняя всегда находится в том месте, где она пускается в дело, когда приходится производить заграничные платежи». Эта система была поколеблена актом 1845 года: «Вследствие издания для Шотландии акта 1845 года за последнее время имел место сильный отлив золотой монеты из Английского банка, при чем имелось в виду предупредить шотландский спрос, который являлся лишь возможным и, быть может, никогда не наступил бы на самом деле... С этого времени значительная сумма неизменно закреплена в Шотландии и другая значительная сумма постоянно путешествует туда и сюда между Лондоном и Шотландией. Если наступает время, когда шотландский банкир ожидает повышенного спроса на свои банкноты, то из Лондона посылаются ящик с золотом; раз этот период миновал, тот же самый ящик, обыкновенно даже не распакованный, отсылается обратно в Лондон» (Economist, 23 октября 1847).

[Что же говорит по поводу всего этого отец банкового акта, банкир Samuel Jones Loyd, alias лорд Overstone?

Он уже в 1848 году повторил перед С. D. комиссией лордов, что стесненное положение с деньгами и высокий процент, вызванные недостатком капитала, не могут быть облегчены путем усиленного выпуска банкнот» (1514), хотя уже одного разрешения прави-

тельствственным указом от 25 октября 1847 года увеличить выпуск банкнот было достаточно, чтобы сломить кризис.

Он продолжает настаивать на том, «что высокая норма процента и подавленное состояние фабричной промышленности являются необходимым результатом уменьшения материального капитала, применяемого для промышленных и коммерческих целей» (1604). А между тем угнетенное положение фабричной промышленности в течение целого ряда месяцев состояло как раз в том, что материальный товарный капитал в изобилии наполнял кладовые, не находя сбыта, и что именно поэтому материальный производительный капитал целиком или на половину бездействовал, чтобы не производить нового, не находящего покупателей товарного капитала.

А перед банковской комиссией 1857 года он говорил следующее: «Благодаря строгому и точному выполнению принципов акта 1844 года все совершается регулярно и без зацепок, денежная система прочна и непоколебима, процветание страны неоспоримо, доверие общества к акту 1844 года с каждым днем возрастает. Если бы комиссия пожелала дальнейших практических доказательств здравости принципов, на которых покоится этот акт, и тех благодетельных последствий, которые он обеспечивает, то достаточно было бы сказать: взгляните вокруг себя; посмотрите на теперешнее положение дел в нашей стране; посмотрите на довольство народа; посмотрите на богатство и процветание всех классов общества, — и после всего этого пусть комиссия решает, должна ли она воспрепятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие успехи» (В. С. 1857, № 4189).

На этот дифирамб, который Оверстон пропел перед комиссией 14 июля, ответом послужило письмо к дирекции банка от 12 ноября, которым правительство приостанавливало действие чудотворного закона 1844 года с целью спасти то, что еще можно было спасти.—Ф. Э.]

Глава тридцать пятая.

Благородный металл и вексельный курс.

1. Движение золотой наличности.

Про накопление банкнот в периоды стеснения следует заметить, что здесь повторяется то самое явление собирания сокровищ в благородном металле, которое в первоначальный период общественного развития всегда наблюдалось в тревожные времена. Влияние акта 1844 года представляет интерес потому, что акт этот стремится весь находящийся в стране благородный металл превратить в средства об-

ращения; он задается целью уравнивать отлив золота сокращением, прилив золота увеличением количества средств обращения. Но применение акта экспериментально доказало как раз противоположное тому, что он ставил своей задачей. За единственным исключением, о котором мы сейчас упомянем, масса находящихся в обращении билетов Английского банка после 1844 года никогда не достигала того максимума, который банк имел право выпускать. И с другой стороны кризис 1857 года показал, что при известных условиях этого максимума недостаточно. С 13 по 30 ноября 1857 года в обращении было банкнот в среднем ежедневно на 488.830 £ больше этого максимума (В. А. 1858, р. XI). Законный максимум был тогда 14.475.000 £ плюс сумма металлической наличности в кладовых банка.

Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее:

Во-первых, надо различать с одной стороны передвижение металла взад и вперед в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны поток золота и серебра, идущий от источников их производства через различные другие страны, и распределение этого добавочного металла между этими странами.

С начала текущего столетия — до тех пор, пока оказали своего влияния русские, калифорнские и австралийские золотые прииски, — предложения благородных металлов было достаточно лишь для возмещения снашивающейся монеты, для обычного потребления металлов как предмета роскоши и для вывоза серебра в Азию.

Однако с того времени вместе с ростом азиатской торговли Америки и Европы чрезвычайно возрос прежде всего вывоз серебра в Азию. Серебро, вывозимое из Европы, в значительной своей части замещалось добавочным золотом. Далее, часть вновь приливающего золота поглощалась внутренним денежным обращением. Считают, что до 1857 года приблизительно 30 миллионов добавочного золота вступило во внутреннее обращение Англии ¹⁴⁾. Затем, после 1844 года средний уровень металлических запасов во всех центральных банках Европы и Северной Америки повысился. В то же время рост внутреннего денежного обращения привел к тому, что по миновании паники, в следующий за нею период затишья, банковый запас стал возрастать быстрее, так

¹⁴⁾ Как подействовало это на денежный рынок, видно из следующего показания Newmarch'a: „1509. К концу 1853 года публика была охвачена серьезными опасениями; в сентябре Английский банк трижды, раз за разом, повышал учетный процент... в первых числах октября... обнаружилось значительное беспокойство и паника среди публики. Эти опасения и это беспокойство были по большей части устранимы к концу ноября и совершенно исчезли с появлением 5 миллионов благородного металла из Австралии. То же самое повторилось осенью 1854 года, когда — в октябре и

как увеличилась масса золотой монеты, исторгнутой внутренним обращением и потому иммобилизованной. Наконец, после того как были открыты новые месторождения золота, поднялось потребление благородного металла для предметов роскоши вследствие возросшего богатства.

Во-вторых. Поток благородного металла постоянно колеблется между странами, не производящими золота и серебра; одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает в конце концов, имеет ли место прилив или отлив благородного металла, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, когда обращают внимание на конечный результат, упускают из виду непрерывность и в общем параллельный ход обоих движений. Дело представляется всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла обуславливается соотношением между ввозом и вывозом товаров и выражает только это соотношение, тогда как в действительности он в то же время выражает соотношение между ввозом и вывозом самого благородного металла, независимое от товарной торговли.

В-третьих. Преобладание ввоза над вывозом и наоборот измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. В какой степени это мерило точно, зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковое дело вообще централизовано. Потому что от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет национальный металлический запас в целом. Но если даже это и так, указанное мерило все же не является точным, так как при известных условиях добавочный ввоз вызывается потребностями внутреннего обращения и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши, и так как, кроме того, без добавочного ввоза золото может извлекаться из банка внутренним обращением и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвертых. Вывоз металла принимает форму отлива (drain), если прогрессивное уменьшение его продолжается долгое время, так что

ноябре — было получено почти 6 миллионов благородного металла. То же самое повторилось осенью 1855 года — как известно, период беспокойства и возбуждения, — когда в течение сентября, октября и ноября было получено около 8 миллионов благородного металла. В конце 1856 года мы видим опять то же самое. Одним словом, я мог бы просто апеллировать к собственному опыту почти каждого члена комиссии; воль у нас уже сложилась привычка при каждом финансовом затруднении встречать корабль с возгом как естественное и несомненное спасение“.

уменьшение это становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия банкнот и т. п., в различных случаях оказывается различным. Относительно количественных границ, которых такой отлив может достигнуть в Англии, Newmarch говорит следующее (В. А. 1857, № 1494): «Если судить на основании опыта, то представляется в высшей степени неправдоподобным, чтобы отлив металла вследствие какого-либо колебания в заграничных делах мог превысить 3 или 4 миллиона £». В 1847 году наиболее низкий уровень золотого запаса в Английском банке имел место 23 октября, — по сравнению с 26 декабря 1846 года на 5.198.156 £ меньше и по сравнению с наивысшим уровнем в 1846 году (29 августа) на 6.453.748 £ меньше.

В-пятых. Металлический запас так называемого национального банка имеет тройное назначение, при чем однако надо помнить, что величина запаса регулируется отнюдь не исключительно его назначением, так как она может возрасти вследствие простой заминки в делах внутри или вне страны. Это тройное назначение запаса таково: 1) Запасной фонд для международных платежей, или, короче, запасной фонд мировых денег. 2) Запасной фонд для внутреннего металлического обращения, периодически расширяющегося и сокращающегося. 3) Запасной фонд, обеспечивающий уплату вкладов и размен банкнот, — эта последняя роль связана только с банковской функцией и не имеет никакого отношения к функциям денег как таковых. Поэтому резервный фонд может затрагиваться всеми теми условиями, которые влияют на каждую из этих трех функций; следовательно, он может быть затронут: как международный фонд — платежным балансом, какими бы причинами ни определялся этот последний и каково бы ни было его отношение к торговому балансу; как запасной фонд внутреннего металлического обращения — расширением или сокращением этого последнего. Третья функция, функция фонда обеспечения, не обуславливает, правда, самостоятельного движения металлического запаса, но проявляет свое влияние в двух направлениях. Если выпускаются банкноты, замещающие во внутреннем обращении металлические деньги (следовательно, также и серебряную монету в странах, где серебро является мерилем стоимости), то отпадает функция резервного фонда, отмеченная выше в пункте 2. Вместе с тем часть благородного металла, послужившая для этого, надолго остается за границей. В этом случае металлические деньги не извлекаются из банка для целей внутреннего обращения и вместе с тем отпадает необходимость периоди-

чески усиливать металлический запас, иммобилизируя часть обращающейся монеты. Далее, если необходимо при всяких обстоятельствах удерживать в запасе известный минимум для уплаты вкладов и размена банкнот, то это своеобразным путем сказывается на последствиях прилива и отлива золота; это влияет на ту часть запаса, которую банк вынужден удерживать при всяких обстоятельствах, или на ту его часть, от которой он в другое время стремился бы освободиться как от бесполезной. При чисто металлическом обращении и концентрации банковского дела банк также рассматривал бы свой металлический запас как гарантию для уплаты вкладов и при отливе золота могла бы наступить паника, подобная той, какая имела место в 1857 году в Гамбурге.

В-шестых. За исключением 1831 года действительный кризис всегда разражался уже после поворота вексельного курса, т.-е. в тот момент, когда ввоз благородного металла снова приобретал преобладание над вывозом.

В 1825 году наступил настоящий крах после того, как прекратился отлив золота. В 1839 году отлив золота имел место, но не привел к краху. В 1847 году отлив золота прекратился в апреле, а крах наступил в октябре. В 1857 году отлив золота за границу прекратился с начала ноября, и лишь позднее, в ноябре, наступил крах.

Особенно отчетливо выступает это в кризисе 1847 года, когда отлив золота прекратился уже в апреле, вызвав сравнительно небольшой предварительный кризис, а затем лишь в октябре разразился промышленный кризис в собственном смысле слова.

Приводимые ниже показания были даны перед Secret Committee of the House of Lords on Commercial Distress 1848; показания свидетелей (evidence) были отпечатаны только в 1857 году (мы их цитировали под обозначением С. D. 1848/57).

Показания Тука. В апреле 1847 года возникло угнетение, которое, строго говоря, было равносильно панике, но продолжалось сравнительно короткое время и не сопровождалось сколько-нибудь значительными коммерческими банкротствами. В октябре стеснение было значительно интенсивнее, чем в какой-либо момент апреля, при чем имело место почти неслыханное количество банкротств (2196).—В апреле вексельный курс—в особенности с Америкой—принудил нас экспортировать значительное количество золота для оплаты необычно возросшего импорта; только путем в высшей степени насильственного напряжения банк приостановил отлив золота и повысил курс (2197).—В октябре вексельный курс был благоприятен Англии (2198).—Поворот вексельного курса начался на третьей неделе апреля (3000).—Он колебался в июле и августе; с начала августа он все время был благоприятен

Англии (3001). — Отлив золота в августе соответствовал спросу для внутреннего обращения.

Ж. Morris, управляющий Английского банка: хотя с августа 1847 года вексельный курс сделался благоприятным для Англии и вследствие этого имел место ввоз золота, тем не менее металлический запас банка уменьшился. «2.200.000 £ золотом ушли из банка в страну вследствие внутреннего спроса» (137). — Это объясняется с одной стороны увеличением числа занятых рабочих на железнодорожных постройках, с другой стороны «желанием банкиров в период кризиса обладать собственным золотым запасом» (147).

Palmer, бывший управляющий и с 1811 года директор Английского банка: «684. За весь период с половины апреля 1847 года до дня приостановки банкового акта 1844 года вексельные курсы были благоприятны для Англии».

Следовательно, отлив металла в апреле 1847 года, самостоятельно вызвавший денежную панику, явился здесь, как и везде, лишь предшественником кризиса и успел уже смениться обратным движением раньше, чем разразился этот последний. В 1839 году при сильной по давленности в делах имел место значительный отлив металла для уплаты за хлеб и т. п. — но дело обошлось без кризиса и паники на денежном рынке.

В-седьмых. Как только всеобщий кризис закончится, золото и серебро — независимо от прилива нового благородного металла из стран его производства — распределяются снова между различными странами в тех соотношениях, в которых они раньше составляли сокровище этих стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях, относительная величина сокровища каждой страны определяется ее ролью на мировом рынке. Из страны, имеющей превышающую норму количество благородного металла, последний отливает в другие страны; эти движения прилива и отлива лишь восстанавливают первоначальное распределение благородного металла между сокровищами различных наций. Однако такое перераспределение совершается под влиянием различных обстоятельств, которые будут упомянуты при рассмотрении вексельного курса. Как только нормальное распределение снова восстановлено, то, начиная с этого момента, наступает сначала рост количества благородного металла, затем новый отлив его. [Последнее положение, само собой разумеется, справедливо лишь в применении к Англии, как средоточию мирового денежного рынка. — Ф. Э.]

В-восьмых. Отливы металла являются по большей части симптомами перемены в положении заграничной торговли, а эта перемена

есть в свою очередь предвестник того, что общее положение дел снова созревает для кризиса ¹⁵⁾.

В-девятых. Платежный баланс может быть благоприятен Азии и неблагоприятен Европе и Америке ¹⁶⁾.

Ввоз благородного металла имеет место преимущественно во время двух моментов. С одной стороны в первой фазе низкого уровня процента, которое следует за кризисом и выражает собою ограничение производства; и затем во второй фазе, когда уровень процента повышается, но еще не достигает своей средней высоты. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит обилен и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обеих фазах, при сравнительном обилии ссудного капитала, на уровень процента, а следовательно, и на темп общего хода дел, должен оказывать влияние избыточный приток капитала в форме золота и серебра, т.-е. в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал.

С другой стороны: отлив, непрерывный значительный вывоз благородного металла наступает, когда обратный приток капитала уже затруднен, рынки переполнены и кажущееся процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень усиленный спрос на ссудный капитал и потому уровень процента достигает по меньшей мере своей средней высоты. При этих условиях, отражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного извлечения капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссудный денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на уровень процента.

¹⁵⁾ По Newmarch'у отлив золота за границу может вызываться т.е. троякого рода причинами, а именно: 1) причинами чисто коммерческого характера, т.-е. превышением ввоза над вывозом, как это было между 1836 и 1844 годами и затем снова в 1847 году, когда был особенно велик ввоз хлеба; 2) необходимостью добыть средства для того, чтобы вложить английский капитал за границей, как, напр., в 1857 году, когда английские капиталы вкладывались в индийские железные дороги, и 3) окончательным израсходованием капитала за границей, как, напр., в 1853 и 1854 годах для военных целей на Востоке.

¹⁶⁾ 1918. Newmarch. „Если вы возьмете Индию и Китай вместе, если вы примете во внимание обороты между Индией и Австралией и еще более важные обороты между Китаем и Соединенными Штатами,—а в этих случаях торговые дела являются трехсторонними и окончательные расчеты совершаются при нашем посредстве... тогда окажется совершенно правильным, что торговый баланс был не только против Англии, но также против Франции и Соединенных Штатов“—(В. А. 1857).

Но вместо того, чтобы ограничивать кредитные операции, повышение размера процента расширяет их и приводит к перенапряжению всех их вспомогательных средств. Следовательно, этот период предшествует краху.

Newmarch'у ставят вопрос (В. А. 1857): «1520. Итак, количество обращающихся векселей повышается вместе с уровнем процента?— Повидному, да.—1522. В спокойные, обычные времена главная книга есть действительное орудие обмена; но когда наступают затруднения, когда, например, при обстоятельствах, указанных мною выше, поднимается норма банкового учета... тогда дела сами собою сводятся к выдаче векселей; векселя эти не только более пригодны для того, чтобы служить законным доказательством заключенной сделки, они удобнее также для совершения дальнейших закупок и прежде всего применимы как орудие кредита, для получения капитала».—К этому присоединяется еще то обстоятельство, что раз банк при сколько-нибудь угрожающих условиях поднимает норму своего учета—благодаря чему в то же время становится вероятным, что банк на будущее время станет принимать к учету лишь сравнительно краткосрочные векселя,—наступает всеобщее опасение, что это будет идти crescendo. Каждый, и прежде всего рыцарь кредита, стремится поэтому учесть будущее и получить в свое распоряжение столько средств кредита, сколько для него в данный момент возможно. Таким образом, вследствие только что указанных причин, не количество ввезенного или вывезенного благородного металла оказывает влияние само по себе, но с одной стороны оно оказывает свое влияние благодаря специфическому характеру благородного металла как капитала в денежной форме, с другой стороны оно влияет как перышко, которое, будучи прибавлено к нагрузке весов, оказывается достаточным, чтобы окончательно склонить на одну сторону колеблющееся коромысло,—оно влияет благодаря тому, что наступает при условиях, когда всякий прибавок в ту или другую сторону имеет решающее значение. При отсутствии этих причин было бы совершенно непонятно, каким образом может оказать сколько-нибудь заметное влияние отлив золота на сумму в 5—8 миллионов £,—а, как показывает опыт, эта граница до сих пор не переступалась; это ничтожное увеличение или уменьшение капитала, совершенно незначительное даже по сравнению с 70 милл. золота, циркулирующими в среднем в Англии, является, конечно, совершенно ничтожной величиной в производстве таких размеров, как английское¹⁷⁾. Но эта повышенная чувствительность всего

¹⁷⁾ См., например, комичный совет Вегеллина, который утверждает, что отлив 5 миллионов золота означает уменьшение капитала на ту же сумму, и старается объяснить этим такие явления, которые не наступают при бесконечно более крупном повышении цен или обесценении, расширении или сокращении действительного про-

капиталистического организма создается как раз развитием кредитной и банковской системы, которая с одной стороны стремится весь денежный капитал отдать в распоряжение производства (или, что сводится к тому же, стремится превратить всякий денежный доход в капитал) и с другой стороны на известной фазе цикла сводит металлический запас к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции. На более низкой ступени развития производства увеличение или уменьшение сокровища по сравнению с его средней величиной—явление сравнительно безразличное. Равным образом даже очень значительный отлив золота оказывает сравнительно ничтожное влияние, раз он имеет место не в критический период промышленного цикла.

При этом объяснении мы отвлеклись от тех случаев, когда отлив металла наступает вследствие неурожая и т. д. Здесь крупное и внезапное нарушение равновесия производства, проявляющееся в отливе золота, не нуждается в дальнейшем объяснении своих последствий. Последствия эти тем значительнее, чем ближе момент такого нарушения совпадает с периодом, когда производство работает под высоким давлением.

Мы отвлеклись кроме того от функции металлической наличности как гарантии размена банкнот и оси всей кредитной системы. Центральный банк есть ось кредитной системы. А металлический запас есть в свою очередь ось банка¹⁸⁾. Превращение кредитной системы в монетарную систему неизбежно, как это уже было указано в книге I, гл. III, при анализе денег как платежного средства. Что необходимы величайшие жертвования реальным богатством для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис, это одинаково признается и Туком, и Лойд-Оверстоном. Спор вращается лишь около некоторого плюса или минуса, около более или менее рационального отношения к этой неизбежности¹⁹⁾. Некоторое, по сравнению со всем

мышленного капитала. Не менее комичной является с другой стороны попытка объяснить эти явления как непосредственные симптомы расширения или сокращения массы реального капитала (рассматриваемого со стороны его вещественных элементов).

¹⁸⁾ Newmarch (В. А. 1857): „1364. Металлический резерв Английского банка есть в действительности... центральный резерв или центральный металлический запас, на основе которого ведутся все предприятия страны. Это, так сказать, ось, вокруг которой вращаются все предприятия страны; все другие банки в стране рассматривают Английский банк как центральный запас или резервуар, из которого им приходится черпать свои запасы металлических денег: и влияние заграничного вексельного курса отражается всегда как раз на этом запасе и этом резервуаре“

¹⁹⁾ „Таким образом практически оба они, и Тук и Лойд, ввиду чрезмерного спроса на золото, прибегли бы к скорому ограничению кредита при помощи повышения размера процента и уменьшения ссуд капитала. Только иллюзии Лойда имели бы своим последствием стеснительные и даже опасные [законодательные] ограничения и предписания“ (Economist, 1847, p. 1417).

производством ничтожное количество металла признается краеугольным камнем всей системы. Не говоря уже об ужасающем проявлении во время кризисов этого его характера «оси», отсюда вытекает очень милый теоретический дуализм. Пока просвещенная экономия толкует «о капитале» ex professo, она с величайшим презрением взирает на золото и серебро как на форму капитала, фактически в высшей степени безразличную и бесполезную. Как только она начинает говорить о банковом деле, все это совершенно изменяется, и золото с серебром становятся вдруг капиталом par excellence, для удержания которого следует жертвовать всеми другими видами капитала и труда. Чем же отличаются золото и серебро от других форм богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение общественного характера богатства. [Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно лишь благодаря тому сохраняет свой общественный характер, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями. В капиталистическом производстве они могут осуществлять это лишь при посредстве денег. Таким образом лишь при посредстве денег богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства.—Ф. Э.] Следовательно, это его общественное бытие проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет нормальным ходом, это забывается. Кредит, также общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства заставляет относиться к денежной форме продуктов как к чему-то мимоletному и лишь идеальному, как к простому представлению. Но как только кредит потрясен—а эта фаза неизбежно входит в цикл современной промышленности—вдруг оказывается, что все реальное богатство должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро,—требование безумное и однако неизбежно вырастающее из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующее удовлетворить этому чудовищному запросу, составляет сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в кладовых банка²⁰⁾. Таким образом в том влиянии, которое оказывает отлив

²⁰⁾ „Вы согласны с тем, что для изменения спроса на золото не существует иного пути, кроме повышения размера процента?—Чарман [участник большой билльброкерской фирмы Overend Gurney and Co]: Да, таков мой взгляд. Если запас нашего

золота, с особенной резкостью обнаруживается, что производство в действительности не подчинено общественному контролю, как общественное производство,— обнаруживается в том, что общественная форма богатства существует независимо от него самого как особая вещь. В этом отношении капиталистическое производство сходно с более ранними системами производства, поскольку последние покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако лишь при капиталистической системе указанное явление проявляется наиболее ярко и притом в самой уродливой форме слепого противоречия и бессмыслицы, так как 1) в капиталистической системе всего полнее устранено производство непосредственно потребительной стоимости, производстве для потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся в сменении производства и обращения; так как 2) с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится разрушить указанную выше металлическую границу—эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения,—но все снова и снова разбивает себе голову об эту границу.

Во время кризиса возникает требование, чтобы все векселя, ценные бумаги, товары могли быть сразу превращены в банковые деньги, а все банковые деньги в свою очередь в золото.

II. Вексельный курс.

[Вексельный курс является, как известно, барометром международного движения денежного металла. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если затем этот перевес платежных обязательств Англии на Германию не уравнивается снова при помощи, например, преобладания закупок Германией в Англии, то цена марок векселя на Германию, выраженная в стерлингах, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл—золотые деньги или слитки. Таков типичный ход дела.

Если этот вывоз благородного металла примет значительные размеры и будет продолжаться значительное время, то он затронет англий-

золота падает до известного пункта, то мы лучше всего сделаем, если тотчас же ударим в набат и заявим: наши дела идут под гору, и если кто-нибудь хочет послать золото за границу, пусть делает это на свой собственный риск".—В. А. 1857, Evid. № 5057.

ский банковый запас, и английский денежный рынок, в первую очередь Английский банк, должен будет принять меры предосторожности. Последние, как мы уже видели, состоят, главным образом, в повышении размера процента. При значительном отливе золота на денежном рынке наступает обыкновенно стеснение, т.-е. спрос на ссудный капитал в денежной форме значительно превышает предложение, и высокий уровень процента вытекает отсюда сам собою; таким образом норма дисконта, декретированная Английским банком, соответствует положению дел и осуществляется на рынке. Бывают однако случаи, когда отлив металла вызывается иными причинами, чем обычные комбинации сделок (напр., займами иностранных государств, вложением капиталов за границей и т. д.); при этом положение лондонского денежного рынка само по себе отнюдь не оправдывает такой меры, как существенное повышение уровня процента; в таком случае Английскому банку приходится сначала путем усиленных займов на «открытом рынке» «сделать деньги редкими», как гласит техническое выражение, и таким образом искусственно создать положение, при котором повышение процента оправдывается или становится необходимым; маневр, который с каждым годом становится все затруднительнее.— Ф. Э.]

Как влияет повышение уровня процента на вексельный курс, видно из следующих показаний перед комиссией нижней палаты о банковом законодательстве 1857 г. (Цитировано, как В. А. или В. С. 1857.)

Джон-Стюарт Милль: «2176. Когда в делах наступает заминка... происходит значительное падение цен ценных бумаг... иностранцы поручают покупать железнодорожные акции здесь в Англии, или английские собственники иностранных железнодорожных акций продают их за границей... в соответственных размерах устраняется отправка золота.—2182. Обширный и богатый класс банкиров и торговцев ценными бумагами, при помощи которых достигается уравнение размера процента и равновесие коммерческого барометра (pressure) между различными странами... всегда стремится закупать ценные бумаги, обещающие повышение цены... Самым подходящим местом для их закупок окажется всегда страна, посылающая золото за границу.—2183. Такие затраты капитала в 1847 году производились в значительном масштабе, достаточном для того, чтобы уменьшить отлив золота».

J. G. Hubbard, бывший управляющий и с 1838 года один из директоров Английского банка: «2545. Имеются значительные массы европейских ценных бумаг... которые обращаются на самых различных европейских денежных рынках, и раз на одном рынке стоимость этих

бумаг упала на 1 или 2⁰/₀, они тотчас же скупаются для отсылки на другие рынки, где стоимость их еще держится.—2565. Не находятся ли заграничные страны в значительном долгу по отношению к английским купцам?—В очень значительном.—2566. Следовательно, одно получение этих долгов могло бы в достаточной степени объяснить очень крупное накопление капитала в Англии?—В 1847 году мы в конце концов снова упрочили наше положение тем, что скинули со счетов несколько миллионов, которые Америка и Россия были раньше должны Англии. [Англия в то время также была должна этим странам «несколько миллионов» за хлеб и не преминула в свою очередь значительную часть их «скинуть со счетов» при помощи банкротств английских должников. См. выше отчет о банковом акте 1857 года, в главе XXX, ст. 31.]—2572. В 1847 году курс между Англией и Петербургом стоял очень высоко. Когда было издано правительственное распоряжение, уполномочившее банк выпускать банкноты сверх узаконенного предела в 14 миллионов [без покрытия золотым запасом], было поставлено условием, чтобы учетный процент удерживался на уровне 8⁰/₀. В такой момент и при такой высоте учетного процента было выгодно посылать золото из Петербурга в Лондон и там ссужать его из 8⁰/₀ до истечения срока трехмесячных векселей, которые выдавались под проданное золото.—2573. При всяких операциях с золотом необходимо принимать во внимание различные обстоятельства; надо обратить внимание и на вексельный курс и на уровень процента, из которого можно поместить деньги до истечения срока [выданного под золото] векселя».

Вексельный курс с Азией.

Следующие обстоятельства имеют здесь важность, так как с одной стороны они показывают, каким образом Англия при неблагоприятном вексельном курсе с Азией вознаграждает себя на счет других стран, ввоз которых из Азии оплачивается при посредстве Англии. С другой стороны, так как г. Вильсон опять делает здесь нелепую попытку отождествить влияние, оказываемое вывозом благородного металла на вексельный курс, с влиянием, оказываемым на вексельный курс вывозом капитала вообще,—при чем в обоих случаях дело идет о вывозе денег не в качестве платежного или покупательного средства, а с целью помещения капитала. Прежде всего очевидно, что, если в Индию с целью проведения там железных дорог посылается столько-то миллионов £, в виде ли благородного металла, или в виде железных рельсов, то оба случая представляют лишь различные формы перене-

сения той же самой суммы капитала из одной страны в другую; а именно, мы имеем здесь такое перенесение капитала, которое не учитывается при обычных торговых сделках и за которое экспортирующая страна не может ожидать никакого иного возмещения, кроме имеющего поступать впоследствии годового дохода из выручки этих железных дорог. Если такой экспорт совершается в форме благородного металла, то—именно потому, что это благородный металл, следовательно, непосредственно пригодный для ссуды денежный капитал и базис всей кредитной системы,—в данном случае экспорт, правда, не при всяких; но лишь при указанных выше условиях, окажет прямое влияние на денежный рынок, а значит и на размер процента в стране, экспортирующей благородный металл. Столь же непосредственное влияние окажет он и на вексельный курс. Ведь благородный металл пересылается лишь тогда и постольку, когда и поскольку предлагаемых на лондонском денежном рынке векселей, напр., на Индию, недостаточно для того, чтобы осуществить такое избыточное перенесение капиталов. Следовательно, имеет место превышающий предложение спрос векселей на Индию, и таким образом в данный момент курс обращается против Англии не потому, что она в долгу перед Индией, а потому, что она должна послать в Индию экстраординарные суммы. Если такой вывоз благородного металла в Индию продолжается значительное время, то он приводит к увеличению индийского спроса на английские товары, так как косвенно повышает размеры потребления Индией европейских товаров. Напротив, если капитал вывозится в форме рельсов и т. д., то это совершенно не может иметь влияния на вексельный курс, так как в этом случае Индии не приходится производить никаких возвратных платежей. По той же причине возможно, что это не окажет также никакого влияния на денежный рынок. Вильсон старается доказать наличность этого влияния тем, что такие добавочные затраты должны вызывать добавочный спрос на денежные ссуды и таким образом воздействовать на размер процента. Это может случиться; но утверждать, что это должно происходить при всяких обстоятельствах, было бы совершенно неправильно. Куда бы ни были посланы рельсы, где бы ни были они употреблены в дело, на английской или на индийской почве, они во всяком случае представляют лишь известное расширение английского производства в известной сфере. Утверждать, что увеличение производства, даже в очень широких пределах, не может совершиться без повышения уровня процента, было бы нелепо. Возможно, что будут возрастать денежные ссуды, т.-е. сумма тех сделок, в которые входят кредитные операции; но эти операции могут возрастать при неизменном размере процента. Это действительно наблюдалось в Англии в 40-х годах во

время железнодорожной мании. Размер процента не повысился. И поскольку дело касается действительного капитала, т.-е. в данном случае товаров; совершенно очевидно, что влияние, оказываемое на денежный рынок, будет совершенно одно и то же, предназначены ли эти товары для заграницы, или для внутреннего потребления. Разница получилась бы лишь в том случае, если бы капиталы, вкладываемые Англией за границей, ограничивали ее коммерческий экспорт,—экспорт, оплачиваемый и, следовательно, вызывающий обратный приток капитала,—или, если бы эти затраты капитала уже сами по себе были симптомом перенапряжения кредита и начала спекулятивных операций.

В дальнейшем вопросы задает Вильсон, отвечает Ньюмарч.

«1786. Вы сказали раньше относительно спроса на серебро со стороны Восточной Азии, что по вашему мнению вексельный курс с Индией благоприятен для Англии, несмотря на то, что в Восточную Азию непрерывно отсылаются значительные массы металлического запаса; имеете вы основания для этого?—Конечно... Я нахожу, что действительная стоимость вывоза Соединенного Королевства в Индию в 1851 году достигала 7.420.000 £; сюда следует присоединить сумму векселей India House, т.-е. тех фондов, которые ост-индская компания извлекает из Индии для покрытия своих собственных издержек. Эти траты составляли в рассматриваемом году 3.200.000 £; так что в общей стоимости вывоз Соединенного Королевства в Индию равнялся 10.620.000 £. В 1855 году... действительная стоимость товарного экспорта возрасла до 10.350.000 £; траты India House составляли 3.700.000 £; следовательно, весь вывоз 14.050.000 £. Для 1851 г. у нас, как мне кажется, нет данных, позволяющих установить действительную стоимость ввоза товаров из Индии в Англию; но мы безусловно располагаем такими данными для 1854 и 1855 годов. В 1855 году вся действительная стоимость ввоза товаров из Индии в Англию равнялась 12.670.000 £, и эта сумма при сравнении с 14.050.000 £ вывоза дает благоприятный для Англии баланс от непосредственной торговли между обеими странами в 1.380.000 £».

Вильсон замечает на это, что вексельные курсы затрагиваются также и непосредственной торговлей. Так, например, вывоз из Индии в Австралию и Северную Америку покрывается тратами на Лондон и влияет поэтому на вексельный курс совершенно таким же образом, как если бы товары шли непосредственно из Индии в Англию. Далее если взять Индию и Китай вместе, то баланс окажется неблагоприятным для Англии, так как Китаю приходится постоянно производить значительные платежи Индии за опиум, а Англии приходится вносить платежи Китаю, так что этим обходным путем суммы из Англии идут в Индию (1787, 88).

1789. Вильсон спрашивает, не будет ли влияние на вексельный курс одно и то же, как в том случае, если капитал «вывозится в форме железных рельсов и локомотивов, так и в том случае, если он вывозится в форме металлических денег». Ньюмарч отвечает на это совершенно правильно: 12 миллионов £, посланные за последние годы в Индию для постройки железных дорог, послужили для покупки годовой ренты, которую Индия должна уплачивать в определенные сроки Англии. «Что же касается непосредственного влияния на рынок благородного металла, то затрата в 12 миллионов £ может оказать сго лишь постольку, поскольку металл приходилось вывозить для действительного употребления его в виде денег.

1797. [Вегелин спрашивает:] «Если взамен экспортируемого железа (рельсов) обратно не поступает никакого возмещения, то можно ли говорить, что оно влияет на вексельный курс?—Я не думаю, чтобы та часть затраты, которая вывозится в форме товаров, затрагивала состояние вексельного курса... вексельный курс между двумя странами затрагивается—можно сказать, исключительно—количеством обязательств или векселей, предлагаемых на рынке одной страны, по сравнению с количеством их, предлагаемым на рынке другой страны; такова рациональная теория вексельного курса. Что касается пересылки 12 миллионов, то эти 12 миллионов сначала были подписаны здесь; если бы сделка была такого рода, что все эти 12 миллионов были бы выложены звонкой монетой в Калькутте, Бомбее или Мадрасе... то такой внезапный спрос вызвал бы громадное потрясение как цены серебра, так и вексельного курса,—совершенно так же, как если бы ост-индская компания заявила завтра, что она увеличивает свои траты с 3 до 12 миллионов. Но половина этих 12 миллионов затрачена... на покупку товаров в Англии... железных рельсов, дерева и других материалов... это затрата английского капитала в самой Англии на известный сорт товаров, который будет затем отослан в Индию, чем и закончатся вся операция.—1798. [Вегелин:] Но производство этих необходимых для железных дорог товаров, железа и дерева, вызывает сильное потребление заграничных товаров, а это последнее могло бы затронуть вексельный курс?—Конечно».

Вильсон высказывает мнение, что железо представляет, главным образом, труд, заработная плата, уплаченная за этот труд, представлена, главным образом, импортированными товарами (1799), и затем спрашивает:

«1801. Но говоря вообще: если товары, произведенные при посредстве потребления этих импортированных товаров, вывозятся таким образом, что мы не получаем за них никакого возмещения, в продуктах ли, или как-либо иначе,—не будет ли это иметь своим

последствием неблагоприятный для нас курс? — Это общее положение как раз соответствует тому, что имело место в Англии во время усиленного железнодорожного строительства [1845 г.]. В течение трех, четырех или пяти последовательных лет вы вложили в железные дороги 30 миллионов £, и притом почти вся эта сумма пошла на заработную плату. В продолжение трех лет население, которое вы кормили от постройки железных дорог, локомотивов, вагонов, и вокзалов, было более значительно, чем население, находящее себе заработок во всех фабричных районах, вместе взятых. Эти люди... закупили на свою заработную плату чай, сахар, спиртные напитки и другие иностранные товары; товары эти приходилось ввозить, и однако несомненно, что за весь период, когда значительные капиталы затрачивались таким образом, вексельный курс между Англией и другими странами не погорел существенных изменений. Отлива благородных металлов не наблюдалось, напротив, скорее имел место прилив их».

1802. Вильсон настаивает на том, что при равновесии торгового баланса и курсе *at par* между Англией и Индией избыточный вывоз железа и локомотивов «должен затронуть вексельный курс с Индией». Ньюмарч не видит, почему это должно быть так, раз экспортируемые рельсы представляют помещение капитала и Индии не приходится оплачивать их в той или другой форме; к этому он добавляет: «Я присоединяюсь к тому положению, что ни одна страна не может продолжительное время иметь неблагоприятный вексельный курс со всеми странами, с которыми она ведет торговлю; неблагоприятный вексельный курс с одной с раной неизбежно создаст благоприятный курс с какой-либо другой страной». Этому Вильсон противопоставляет следующую тривиальность: «1803. Но разве перенесение капитала не остается тем же самым независимо от того, в какой форме он совершается? — Да, конечно, поскольку дело касается долговых обязательств. — 1804. Итак, посылаете ли вы благородный металл или товары, влияние железнодорожного строительства в Индии на здешний рынок капиталов будет одно и то же и повысит стоимость капитала совершенно так же, как если бы вся сумма была вывезена в виде благородного металла?»

Если цены железа не возрасли, то это доказывает во всяком случае, что «стоимость» вложенного в рельсы «капитала» не увеличилась. «Стоимость», о которой здесь идет речь, есть стоимость денежного капитала, размер процента. Вильсон хотел бы отождествить денежный капитал и капитал вообще. Факт заключается просто в том, что в Англии было подписано 12 миллионов на индийские железные дороги. Это обстоятельство не имеет никакого прямого

отношения к вексельному курсу, и для денежного рынка назначение этих 12 миллионов опять-таки безразлично. Если денежный рынок находится в благоприятном положении, то это может не оказать на него никакого влияния, подобно тому как не затронули его подписки на расширение капитала английских железных дорог в 1844 и 1845 годах. Если денежный рынок и без того уже до известной степени стеснен, то рассматриваемое явление, правда, могло бы повлиять на размер процента, но лишь в направлении его повышения, а по теории Вильсона это должно было бы сделать курс более благоприятным для Англии, т.-е. стеснить тенденцию к вывозу благородного металла,—если не в Индию, то в другие страны. Господин Вильсон перепрыгивает от одного к другому: в вопросе 1802 он утверждает, что должен быть затронут вексельный курс; в № 1804, что затрагивается «стоимость капитала»,—две совершенно различные вещи. Размер процента может влиять на вексельный курс и вексельный курс на размер процента, и тем не менее при изменяющемся курсе размер процента, при изменяющемся размере процента курс может оставаться постоянным. В голове Вильсона не укладывается мысль, что при пересылке капитала за границу самая форма, в которой он пересылается, создает эту разницу во влиянии, что определяющее значение приобретает различие форм капитала и притом как раз денежная его форма,—до такой степени мысль эта противоречит воззрениям просвещенной экономии. Ньюмарч отвечает Вильсону односторонне в том отношении, что совершенно не обращает его внимания на его внезапный и немотивированный прыжок от вексельного курса к размеру процента. Ньюмарч дает на указанный 1804 вопрос нерешительный и колеблющийся ответ: «Раз приходится найти 12 миллионов, то, поскольку дело касается общего размера процента, без сомнения несущественно, пересылаются ли эти 12 миллионов в виде благородного металла, или в виде материалов. Я все же думаю [не дурно это «все же» в виде перехода к прямо противоположному утверждению], «что это не совсем несущественно» [это несущественно, но все же не несущественно], «так как в одном случае 6 миллионов £ должны были бы немедленно вернуться обратно; в другом случае они не вернулись бы так быстро. Поэтому составит некоторую [какая определенность!] разницу, будут ли эти 6 миллионов затрачены здесь в стране, или же они целиком будут экспортированы». Что должно обозначать утверждение, что 6 миллионов тотчас же вернутся обратно? Поскольку 6 миллионов £ затрачены в Англии, они существуют в виде рельсов, локомотивов и т. п., которые должны быть отосланы в Индию, откуда они не вернутся назад, и стоимость их возвратится лишь путем амортизации, т.-е. очень медленно, в то время как 6 мил-

лионов благородного металла, быть может, гораздо скорее вернуться *in natura*. Поскольку они затрачены на заработную плату, они съедены; но деньги, в виде которых они авансировались, и теперь, как раньше, обращаются в стране или составляют запас. То же самое относится к прибыли производителей рельсов и той части в 6 миллионов, которая возмещает их постоянный капитал. Итак, двусмысленная фраза о возврате капиталов употреблена Ньюмарчем лишь вместо того, чтобы сказать прямо: деньги остались в стране, и поскольку они функционируют как ссудный денежный капитал, вся разница для денежного рынка (отвлекаясь от того, что обращение могло бы, быть может, поглотить более значительное количество металлических денег) сводится к тому, что они расходуются за счет А, а не В. Помещение подобного рода, при котором капитал переносится в другие страны в виде товаров, а не в виде благородного металла, лишь постольку может оказать влияние на вексельный курс (и притом не на вексельный курс с той страной, куда вкладывается капитал), поскольку производство таких экспертируемых товаров вызывает добавочный импорт других иностранных товаров. В таком случае это производство не способно уравновесить этот добавочный импорт. Но то же самое имеет место при всяком экспорте в кредит, безразлично, имеется ли в виду новое помещение капитала или обычная торговая цель. Кроме того, этот добавочный импорт может путем обратного влияния вызвать добавочный спрос на английские товары со стороны, напр., колоний или Соединенных Штатов.

Раньше Ньюмарч говорил, что вследствие трат ост-индской компании вывоз из Англии в Индию больше, чем ввоз. Сэр Чарльз Вуд подвергает это в этом пункте перекрестному вопросу. Этот избыток английского вывоза в Индию по сравнению с ввозом из Индии действительно осуществляется благодаря такому ввозу из Индии, за который Англия не уплачивает никакого эквивалента: траты ост-индской компании (в настоящее время ост-индского правительства) сводятся к дани, взимаемой с Индии. Возьмем для примера 1855 год: ввоз из Индии в Англию 12.670.000 £; английский вывоз в Индию 10.350.000 £. Баланс в пользу Индии 2.250.000 £. «Если бы этим дело исчерпывалось, то эти 2.250.000 £ в какой бы то ни было форме пришлось бы отправить в Индию. Но тут выступают на сцену требования со стороны India House. India House объявляет, что он в состоянии выдать траты на различные президентства Индии в размере 3.250.000 £. [Эта сумма взималась для погашения лондонских издержек ост-индской компании и уплаты дивидендов акционерам.]

А это не только погашает баланс в 2.250.000 £, возникший путем торговли, но и дает миллион избытка» (1917).

1922. [Вуд:] «Следовательно, влияние этих трат India House сказывается не в возрастании вывоза в Индию, но в уменьшении его pro tanto?» [Должно означать: в уменьшении необходимости покрывать ввоз из Индии соответствующую суммою вывоза туда.] Господни Ньюмарч объясняет это тем, что англичаве за эти 3.700.000 £ импортируют в Индию «хорошее управление» (1925). Вуд, в качестве министра, заведующего Индией, очень хорошо знакомый с тем сортом «хорошего управления», который ввозился англичанами в Индию, делает следующее правильное и ироническое замечание (1926): «Следовательно, тот вывоз, который, по вашим словам, является результатом трат India House, есть вывоз хорошего управления, а не товаров». Так как Англия много экспортирует «в этом роде» с целью установить «хорошее управление» или вложить свои капиталы за границей,—следовательно, получает ввоз, совершенно независимый от обычного хода дел, получает дань частью за экспортированное «хорошее управление», частью как доход с капиталов, вложенных в колониях и других странах, дань, за которую ей не приходится уплачивать никакого эквивалента,—то ясно, что вексельный курс не затрагивается; если Англия просто поглощает эту дань без всякого размещения соответственным экспортом; но так же ясно, что курс не будет затронут и в том случае, если эта дань будет затрачена производительно или непроизводительно не в Англии, а за границей; если, например, на нее будут посланы боевые запасы в Крым. К тому же, поскольку ввоз из-за границы входит в доход Англии, последняя может его или потратить, или снова вложить в дело в качестве капитала,—оплатить его во всяком случае необходимо или в виде дани, не требующей эквивалента, или путем обмена на эту непоплаченную дань, или обычным в торговле путем. Как бы то ни было, вексельный курс во всяком случае не будет затронут, что как раз упускает из виду мудрый Вильсон. Составляет ли известную часть дохода отечественный или иностранный продукт—при чем последний случай предполагает лишь обмен отечественных продуктов на иностранные—потребление этого дохода, производительное или непроизводительное, несколько не изменяет вексельного курса, хотя и оказывает влияние на общий масштаб производства. Это необходимо иметь в виду при оценке нижеследующего.

1934. Вуд спрашивает, каким образом отправка военных припасов в Крым могла бы затронуть вексельный курс с Турцией. Ньюмарч отвечает: «Я не вижу, почему бы должна непременно отразиться на вексельном курсе простая отправка военных припасов,

но отправка благородного металла несомненно затронула бы курс». Следовательно, здесь он отличает капитал в денежной форме от других форм капитала. Но вот Вильсон задает следующий вопрос:

«1935. Если вы производите в широких размерах экспорт какого-либо товара, не получая взамен соответствующего импорта [г-н Вильсон забывает, что по отношению к Англии имеет место очень значительный импорт без соответствующего экспорта, если исключить такие формы последнего, как экспорт «хорошего управления» или вывезенного раньше капитала, вложенного в дело; во всяком случае это не такой импорт, который входит в регулярное движение торговли. Но предметы этого импорта снова обмениваются, например, на американские продукты; и если американские продукты экспортируются без соответственного импорта, это ничуть не изменяет того обстоятельства, что стоимость этого импорта может быть потреблена без эквивалентного вывоза за границу; он получен без соответственного экспорта и, следовательно, может быть потреблен, не войдя в торговый баланс], то вы не уплачиваете заграничного долга, который вы сделали благодаря вашему ввозу. [Но если вы уже ранее оплатили этот импорт, например, посредством кредита, оказанного за границей, то при этом не будет сделано никакого долга, и вопрос не имеет ничего общего с интернациональным балансом,—он сводится лишь к тому, производительно или непроизводительно были заграчены продукты, при чем совершенно безразлично, произведены ли последние внутри страны или за границей] и потому такой сделкой вы затронете вексельный курс, так как заграничный долг не уплачивается вследствие того, что ваш экспорт не имеет соответствующего импорта. — Это справедливо по отношению к различным странам вообще».

Лекция Вильсона сводится к тому, что всякий экспорт без соответствующего импорта есть в то же время импорт без соответствующего экспорта; потому что в производство экспортированных товаров входят иностранные, следовательно, импортированные товары. При этом предполагается, что каждый такой экспорт основывается на неоплаченном импорте или создает его,—следовательно, создает или предполагает заграничный долг. Это неправильно, даже если оставить в стороне следующие два обстоятельства: 1) Англия имеет даровой импорт, за который она не уплачивает никакого эквивалента; напр., часть ее индийского импорта. Она может обменять его продукт на продукты американского импорта, а последние экспортировать без соответственного импорта; что касается стоимости, то Англия при этом во всяком случае экспортирует лишь то, что ей ничего не

стояло. 2) Англия, быть может, уже оплатила импорт, напр., американский, который образует добавочный капитал; если она затем потребляет его непроизводительно, напр., в виде военных припасов, то это не создает долга по отношению к Америке и не затрагивает вексельного курса с Америкой. Ньюмарч сам противоречит себе в показаниях 1934 и 1935, на что и указывает ему Вуд в вопросе 1938: «Если ни одна часть товаров, употребляемых для изготовления тех предметов, которые мы вывозим без соответственного возврата [военные издержки], не получается из страны, куда экспортируются эти предметы, то каким образом может это затронуть вексельный курс с этой страной? Допустим, что торговля с Турцией находится в обычном состоянии равновесия; каким образом этот вексельный курс между Англией и Турцией может быть затронут вывозом военных припасов в Крым?»—Здесь Ньюмарч теряет душевное равновесие; он забывает, что в показаниях под № 1934 он уже правильно ответил на этот простой вопрос, и говорит: «Мне кажется, что мы уже исчерпали практический вопрос, и вступаем теперь в очень возвышенную область метафизической дискуссии».

[Вильсон дает еще и иную постановку своему утверждению, что вексельный курс затрагивается всяким перенесением капитала из одной страны в другую, совершается ли оно в форме благородного металла или в форме товаров. Вильсон знает, конечно, что вексельный курс затрагивается через размер процента, а именно отношением между нормами процента тех двух стран, взаимный вексельный курс которых подлежит рассмотрению. Если ему удастся показать, что избыток капитала вообще, т.-е. прежде всего избыток товаров всякого рода, включая сюда и благородные металлы, оказывает в числе других обстоятельств определяющее влияние на размер процента, то он уже делает шаг, приближающий его к цели; в самом деле, раз это так, то перенесение значительной части этого капитала из одной страны в другую должно изменить размер процента в обеих странах, а именно в противоположном направлении, должно таким образом—во вторую очередь—воздействовать на вексельный курс между обеими странами.—Ф. Э.]

Он пишет в «Economist», редактором которого он в то время состоял (1847, р. 475):

«Очевидно, что подобного рода избыток капитала, на который указывают большие запасы всякого рода, включая сюда и благородный металл, неизбежно должен повести не только к более низким ценам на товары вообще, но и к более низкому уровню процента на применяемый к делу капитал ¹⁾. Если мы имеем в наличности запас

товаров, достаточный для потребностей страны в течение двух ближайших лет, то в продолжение данного периода распоряжение этими товарами можно приобрести по гораздо более низкой норме процента, чем в том случае, если бы запаса едва хватило бы на два месяца ²⁾. Всякие денежные займы, в какой бы форме они ни совершались, представляют лишь передачу распоряжения товарами от одного лица другому. Поэтому, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок, если товаров мало, он должен быть высок ³⁾. Если товары притекают обильно, число продавцов по сравнению с числом покупателей будет увеличиваться, и в соответствии с тем, насколько количество товаров превышает потребности непосредственного потребления, все большая и большая часть их должна сохраняться для позднейшего потребления. При таких обстоятельствах владелец товаров согласится продать их с отсрочкой платежа или в кредит на условиях менее для него выгодных, чем в том случае, если бы он был уверен, что весь его запас разойдется в течение немногих недель ⁴⁾.

По поводу положения ¹⁾ необходимо заметить, что сильный прилив благородного металла может совершаться одновременно с ограничением производства, как это и наблюдается всегда непосредственно после кризиса. В следующей фазе благородный металл может притекать из стран, которые по преимуществу производят благородный металл; ввоз других товаров в этот период обыкновенно уравновешивается вывозом. В этих двух фазах размер процента низок и лишь медленно повышается; почему это так, мы уже видели. Этот низкий размер процента во всех случаях нашел себе достаточное объяснение без влияния каких бы то ни было «больших запасов всякого рода». И как могло бы иметь место такое влияние? Низкая цена, напр., хлопка, дает возможность прядильщикам и т. д. получать высокую прибыль. Почему же низок размер процента? Конечно, не потому, что высока прибыль, извлекаемая из взятого займа капитала. Но единственно и исключительно потому, что при наличных обстоятельствах спрос на ссудный капитал не растет пропорционально росту этой прибыли; следовательно, движение ссудного капитала, отменно от движения промышленного капитала. Между тем «Economist» стремится доказать как раз противоположное: что движение его тоже-ственно с движением промышленного капитала.

Положение ²⁾ предполагает переполнение товарного рынка, — нелепую предпосылку, что имеется запас, обеспечивающий потребление на два года вперед, мы смягчаем в такой степени, чтобы она приобрела некоторый смысл. Это вызвало бы понижение цен. За кипу хлопка надо уплатить теперь меньше, чем раньше. Но отсюда отнюдь

не следует, что деньги, необходимые для покупки кипы хлопка, можно достать дешевле. Последнее зависит от состояния денежного рынка. Если их можно достать дешевле, то только потому, что коммерческий кредит находится в положении, позволяющем ему менее обращаться к банковому кредиту, чем в обычное время. Товары, переполняющие рынок, представляют средства существования или средства производства: Низкая цена тех и других повышает прибыль промышленного капиталиста. По какой же иной причине станет он понижать процент, как не вследствие противоположности—а отнюдь не тождества—между обилием промышленного капитала и размерами спроса на денежные ссуды? Обстоятельства складываются таким образом, что купец и промышленник имеют более легкую возможность оказывать друг другу кредит; вследствие такого облегчения коммерческого кредита и промышленник и купец менее нуждаются в банковом кредите; поэтому размер процента может быть низким. Этот низкий размер процента не имеет ничего общего с притоком благородного металла, хотя оба явления могут совершаться параллельно, и те же самые причины, которые вызывают понижение цен предметов ввоза, могут создать также избыточный ввоз благородного металла. Если бы рынок ввоза был действительно переполнен, это указывало бы на уменьшение спроса на ввозимые товары, что при низких ценах могло бы быть объяснено лишь как результат ограничения внутреннего промышленного производства; а это было бы в свою очередь необъяснимо при избыточном ввозе по низким ценам. Мы получаем накопление нелепостей как результат попытки доказать, что падение цен = падению размера процента. То и другое может существовать рядом в одно и то же время. Но в последнем случае здесь надо видеть выражение противоположности тех направлений, в которых совершается движение промышленного и движение ссудного капитала, а не выражение их тождества.

Зачему денежный процент, как это утверждает положение 3) должен быть низок, если товары имеются в избытке, опять-таки нельзя усмотреть после этих дальнейших рассуждений. Раз товары дешевы, то для покупки определенного количества их мне нужно, скажем, 1.000 £ вместо прежних 2.000. Но, быть может, я и теперь выложу 2.000 £, куплю на них двойное по сравнению с прежним временем количество товаров и расширю мое предприятие, авансировав тот же самый капитал, который мне, допустим, пришлось занять. Я покупаю теперь, как и прежде, на 2.000 £. Следовательно, мой спрос на денежном рынке остается неизменным, хотя мой спрос на товарном рынке с понижением цен повышается. Но если последний падает, т.-е. производство—в противоречии со всеми законами Есопо-

mist'a — не расширяется с падением товарных цен, то и спрос на ссудный денежный капитал должен уменьшиться, несмотря на то, что прибыль возрастает; правда, эта возрастающая прибыль создала бы спрос на ссудный капитал. Впрочем низкий уровень товарных цен может происходить от трех причин. Во-первых, от недостаточного спроса. Тогда размер процента низок, потому что производство ослаблено, а не потому, что товары дешевы, так как эта дешевизна лишь отражает указанное ослабление. Во-вторых, причиной может послужить избыток предложения по сравнению с спросом. Это может иметь место вследствие переполнения рынков и т. д., ведущего к кризису, и во время самого кризиса может совпадать с высоким размером процента; или же это может произойти вследствие того, что упала стоимость товаров и, следовательно, тот же самый спрос может быть удовлетворен по более низким ценам. Почему в этом последнем случае должен падать уровень процента? Потому, что растет прибыль? Если потому, что теперь требуется меньше денежного капитала, чтобы получить тот же самый производительный или товарный капитал, то это доказывало бы лишь, что прибыль и процент стоят в обратном отношении друг к другу. Во всяком случае общее положение Economist'a ложно. Низкие денежные цены товаром и низкий размер процента не обязательно совпадают. В противном случае в наиболее бедных странах, где денежные цены продуктов самые низкие, и размер процента должен бы быть самым низким, а в наиболее богатых странах, где денежные цены продуктов земледелия самые высокие, и процент должен бы стоять на самом высоком уровне. В общем и Economist соглашается, что если падает стоимость денег, то это не оказывает никакого влияния на размер процента. 100 £ будут по-прежнему приносить 105 £; если 100 £ стоят теперь меньше, то меньше стоят и 5 % процента. Отношение не изменяется вследствие повышения стоимости или обесценения основной суммы. Определенное количество товаров, рассматриваемое как стоимость, равно известной денежной сумме. Если повысилась его стоимость, то оно равно более крупной денежной сумме; обратное имеет место при понижении стоимости. Если стоимость = 2.000, то 5% = 100; если она = 1.000, то 5% = 50. Но это несколько не изменяет нормы процента. Правильно лишь одно, что требуются более крупные денежные ссуды, когда необходимо иметь 2.000 £ вместо 1.000 £ для того, чтобы продать то же самое количество товаров. Но это обнаруживает в данном случае лишь обратное отношение между прибылью и процентом. Потому что прибыль растет с удешевлением элементов постоянного и переменного капитала, а процент падает. Однако, и обратное может иметь место, и зачастую действительно имеет место. Напр., хлопок

может быть дешев вследствие того, что нет спроса на пряжу и ткани; он может быть относительно дорог вследствие того, что большая прибыль в хлопчатобумажной промышленности вызывает большой спрос на него. С другой стороны прибыль промышленников может быть высока именно потому, что цена хлопка низка. Таблица Hubbard'a показывает, что движение размера процента и движение товарных цен протекают совершенно независимо одно от другого; в то время как движения процента точно соответствуют движениям металлического запаса и вексельного курса.

«Следовательно, если товары имеются в избытке, денежный процент должен быть низок», говорит Economist. Как раз противоположное наблюдается во время кризисов; товары имеются в избытке, не могут быть превращены в деньги, и потому размер процента высок; в другой фазе цикла господствует усиленный спрос на товары, поэтому облегчен обратный приток капитала, но в то же время товарные цены повышаются и вследствие легкости обратного притока размер процента низок. «Если их [товаров] мало, он должен быть высок». Опять-таки как раз обратное происходит в периоды облегчения вслед за кризисом. Товаров мало — говоря вообще, а не по отношению к спросу, — а размер процента низок.

Что — в связи с положением 4) — при переполненном рынке владелец товаров уступит их дешевле — если он вообще в состоянии их продать, — чем в том случае, когда предвидится быстрое истощение запаса товаров, это довольно ясно. Менее ясно, почему при этом должен понижаться размер процента.

Если рынок переполнен импортированными товарами, то размер процента может повышаться вследствие возросшего спроса на ссудный капитал со стороны собственников, не желающих выбрасывать во что бы то ни стало товары на рынок. Он может понижаться вследствие того, что легкий коммерческий кредит держит на сравнительно низком уровне спрос на банковый кредит.

Economist упоминает о быстром воздействии на курс 1847 года, произведенном повышением процента и давлением иного рода на денежный рынок. Не следует однако забывать, что, несмотря на изменение курса, золото продолжало отливать до конца апреля; поворот наступил здесь лишь в начале мая.

1 января 1847 года металлическая наличность банка составляла 15.066.691 £; размер процента $3\frac{1}{2}\%$; трехмесячный курс на Париж 25.75; на Гамбург 13.10; на Амстердам $12.3\frac{1}{4}$. 5 марта металлическая наличность упала до 11.595.535 £; учетный процент поднялся до

4⁰/₀; вексельный курс на Париж упал до 25.67¹/₂, на Гамбург до 13.9¹/₄, на Амстердам до 12.2¹/₂. Отлив золота продолжался; см. следующую таблицу:

1847 г.	Металлическая наличность Англ. б.	Депозит. рын.	Высший трехмесячный курс.		
			Париж	Гамбург	Амстерд.
20 марта	£ 11.231.630	Банк. уч. 4 ⁰ / ₀	25.67 ¹ / ₂	13.9 ³ / ₄	12.2 ¹ / ₂
3 апр.	" 10.246.410	" " 5 ⁰ / ₀	25.80	13.10	12.3 ¹ / ₂
10 "	" 9.867.053	Деньги очень редки.	25.90	13.10 ¹ / ₃	12.4 ¹ / ₂
17 "	" 9.329.941	Банк. учет 5 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	26.02 ¹ / ₂	13.10 ³ / ₄	12.5 ¹ / ₂
24 "	" 9.213.890	Угнетение.	26.05	13.13	12.6
1 мая	" 9.337.716	Увеличивающееся угнетение.	26.15	13.12 ³ / ₄	12.6 ¹ / ₄
8 "	" 9.588.759	Величайшее угнетение.	26.27 ¹ / ₂	13.15 ¹ / ₂	12.7 ³ / ₄

В 1847 году весь экспорт благородного металла из Англии составлял 8.602.597 £.

Из этой суммы вывезено в Соединенные Штаты	£ 3.226.411.
" " " " " Францию	" 2.479.892.
" " " " " Ганзейские города	" 958.781.
" " " " " Голландию	" 247.743.

Несмотря на изменение курса в конце марта, отлив золота продолжается еще целый месяц; он направляется, вероятно, в Соединенные Штаты.

«Мы видим отсюда [говорит Economist 1847, р. 984], как быстро и решительно повышение размера процента и последовавшее за ним стеснение с деньгами исправило неблагоприятный курс и изменило движение золота, так что последнее стало снова приливать в Англию. Это действие было вызвано совершенно независимо от платежного баланса. Повышенный размер процента понизил цены ценных бумаг, английских и иностранных, и дал повод к большим закупкам их за счет границы. Это увеличило сумму выданных Англией векселей; в то же время, с другой стороны, при высоком размере процента трудность добывать деньги была настолько велика, что спрос на эти векселя уменьшился, хотя количество их возросло. По той же причине заказы на иностранные товары были аннулированы, английские капиталы, заключающиеся в иностранных ценных бумагах, были реали-

зованы и деньги направлены для помещения в Англию. Так, напр., мы читаем в Rio-de-Janeiro Prices Current от 10 мая: «Вексельный курс [на Англию] испытал новое понижение, вызванное главным образом давлением, оказываемым на рынок римесе выручкой от значительных продаж государственных фондов [бразильских] за английский счет». Английский капитал, который вкладывался за границей в различные ценные бумаги, когда размер процента здесь был очень низок, вернулся, таким образом, назад, когда размер процента повысился.

Торговый баланс Англии.

Одна Индия должна уплачивать около 5 миллионов данн за «хорошее управление», проценты и дивиденды на британский капитал и т. п., при чем здесь еще не приняты во внимание те суммы, которые ежегодно отправляются в Англию с целью помещения их там, частью чиновниками, в виде сбережений из их жалованья, частью английскими купцами, в виде доли их прибыли. По тем же причинам из каждой британской колонии непрерывно должны поступать значительные переводы денег. Большинство банков в Австралии, Вест-Индии, Канаде основаны на британский капитал, так что дивиденды должны уплачиваться в Англию. Кроме того Англия обладает значительным количеством иностранных государственных бумаг — европейских, южно-и северо-американских — и получает на них проценты. К этому присоединится еще ее участие в заграничных железных дорогах, каналах, рудниках и т. д. с соответственными дивидендами. Римессы на все эти суммы производятся почти исключительно в продуктах, образуя избыток по сравнению с английским вывозом. Суммы, поступающие из Англии за границу к владельцам английских ценных бумаг, и суммы, потребляемые англичанами за границей, составляют по сравнению с этим ничтожную величину.

Вопрос этот, насколько он касается торгового баланса и вексельного курса, есть «в каждый данный момент вопрос времени. Обыкновенно... Англия оказывает долгосрочный кредит за свой вывоз, в то время как ввоз она оплачивает наличными. В известный момент это различие обычаев оказывает значительное влияние на курс. В периоды, когда наш вывоз значительно возрастает, как, напр., в 1850 году, должны непрерывно увеличиваться затраты английского капитала... таким образом получения за товары, экспортированные в 1849 году, могут поступать лишь в 1850 году. Но если в 1850 году вывоз превысил вывоз 1849 года на 6 миллионов, то практический результат свелся к тому, что за пределы страны отослано на соответственную

сумму больше денег, чем их возвращено назад в этом году; и таким путем оказано влияние на вексельный курс и на размер процента. Но как только наши операции поражает кризис и наш вывоз сильно сокращается, получения за более крупный экспорт предшествующих лет начинают значительно превышать стоимость нашего импорта; курс в соответствии с этим обращается в нашу пользу, капитал быстро накапливается внутри страны и размер процента падает» (*Economist*, 11 января 1851).

Заграничный вексельный курс может изменяться:

1) Под влиянием платежного баланса данного момента, какими бы причинами ни определялся этот баланс, — чисто торговыми, помещением капитала за границей, или же государственными расходами на ведение войн и т. д., если только при этом производится наличными деньгами платежи за границу.

2) Под влиянием обесценения в данной стране денег, металлических лн, бумажных лн. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если 1 £ представляет в данный момент половину тех денег, которые он представлял раньше, то само собою разумеется за него будут выдавать лишь 12½ франков вместо 25 франков.

3) Если дело идет о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве «денег» серебро, другая золото, то в этом случае вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости благородных металлов, так как такие колебания очевидно изменяют паритет между обоими металлами. Примером последнего может служить курс 1850 года; он был неблагоприятен для Англии, хотя ее экспорт чрезвычайно возрос; и тем не менее не наблюдалось отлива золота. Это обуславливалось внезапным повышением стоимости серебра по сравнению с стоимостью золота (См. *Economist*, 30 ноября 1857).

At par вексельного курса за 1 ф. стерлингов: на Париж 25 фр. 20 септ.; на Гамбург 13 банковых марок 10½ шилл.; на Амстердам 11 флоринов 97 центов. По мере того, как вексельный курс на Париж поднимается выше 25.20, он становится все более благоприятным для английских должников Франции или для покупателей французских товаров. Те и другие нуждаются теперь в меньшем количестве фунтов стерлингов для того, чтобы достигнуть своей цели.—В отдаленных странах, где благородный металл получить не легко, а векселей не хватает для производства платежей Англии, естественным последствием повышения курса является поднятие цен тех продуктов, которые обыкновенно вывозятся в Англию; на эти продукты возникает повышенный спрос для отправки их в Англию вместо векселей; это часто имеет место в Индии.

Неблагоприятный вексельный курс и даже отлив золота может иметь место и в том случае, когда в Англии большой избыток денег, низкий размер процента и высокая цена ценных бумаг.

В течение 1848 года Англия получила значительное количество серебра из Индии, так как хорошие векселя были редки, а посредственные брались неохотно вследствие кризиса 1847 года и сильного упадка кредита в операциях с Индией. Все это серебро тотчас же по прибытии в Англию нашло себе дорогу на континент, где революция повсеместно вызвала усиленное накопление сокровищ. В 1850 году большая часть этого же самого серебра совершила обратную поездку в Индию, так как состояние вексельного курса теперь делало это выгодным.

Монетарная система в основе своей католический, кредитная система — протестантский институт. «The Scotch hate gold» («шотландец ненавидит золото»). В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Это та вера, которая необходима и достаточна для спасения души, — вера в денежную стоимость, как имманентный дух товаров, вера в данный способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства, как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но, как протестантизм не эмансипировался от основ католицизма, так и кредитная система не эмансипировалась от базиса монетарной системы.

Глава тридцать шестая.

Докапиталистические отношения.

Капитал, приносящий проценты, или — как мы можем назвать его, исходя из его старинной формы — капитал ростовщический вместе со своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших общественно-экономических формациях.

Чтобы ростовщический капитал мог существовать, необходимо лишь одно: по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары и наряду с товарной торговлей деньги должны развить свои различные функции.

Развитие ростовщического капитала находится в связи с развитием купеческого капитала и в частности с развитием капитала торговцев деньгами (денежноторгового капитала). В древнем Риме,

начиная с последних лет республики, когда мануфактура стояла значительно ниже среднего уровня её развития в античном мире, купеческий капитал, денежноторговый капитал и ростовщический капитал достиг высшего пункта развития — в пределах своих античных форм.

Мы видели, каким образом деньги неизбежно приводят к образованию сокровищ. Однако профессиональный создатель сокровищ приобретает значение лишь тогда, когда он превращается в ростовщика.

Купец берет деньги взаймы для того, чтобы извлекать из них прибыль, применять их, как капитал, то-есть затрачивать. Следовательно, и на более ранних ступенях развития денежный кредитор стоит к нему в том же самом отношении, как к современному капиталисту. Специфический характер этого отношения чувствовали уже католические университеты. «Университеты Алкалы, Саламанки, Ингольштадта, Фрейбурга в Брейсгау, Майнца, Кельна и Трира один за другим признали правомерность процентов по торговым займам. Эти санкции со стороны первых пяти университетов были занесены в архивы консулата города Лиона и напечатаны в приложении к *Traité de l'usure et des intérêts, Lyon, Bruyset-Ponthus* (M. Augier, *Le-Crédit public etc, Paris 1842, p. 206*). Во всех тех формах, в которых средством обогащения является рабское хозяйство (не патриархальное, а в той форме, как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи), где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда при помощи купли рабов, земли и так далее, — во всех таких случаях именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, могут быть применены, как капитал, они начинают понинсить проценты.

В период, предшествующий капиталистическому способу производства, ростовщический капитал существует в двух характерных для него формах. Я говорю «характерных» формах. Эти же самые формы повторяются затем и на базисе капиталистического производства, но лишь как подчиненные формы. Здесь они уже не являются формами, определяющими характер капитала, приносящего проценты. Эти две формы следующие: во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд знатным расточителям, преимущественно землевладельцам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит и ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают мелкое самостоятельное производство отдельных производителей, огромное большинство последних должен составлять класс крестьян.

Разорение богатых земельных собственников ростовщиками и эксплуатация ими мелких производителей в одинаковой мере приводят

к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Но в какой мере этот процесс уничтожает старый способ производства, как это имело место в современной Европе, и ставит ли на его место капиталистический способ производства,— это зависит всецело от ступени исторического развития и связанных с этим обстоятельств.

Ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства самостоятельно хозяйствующих крестьян и мелких ремесленных мастеров. Там, где — как при развитом капиталистическом способе производства — условия труда и продукт труда противостоят рабочему, как капитал, рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он занимает, например, в ссудной кассе, то для своих личных нужд. Но там, где рабочий является собственником — действительным или номинальным — условий своего труда и своего продукта, он, уже как производитель, находится в определенном отношении к капиталу денежного кредитора, противостоящему ему в качестве ростовщического капитала. Ньюман выражает этот факт в очень плоской форме, утверждая, что банкир пользуется почетом, а ростовщик ненавистью и презрением, потому что первый ссужает деньги богатым, второй бедным (J. W. Newman, Lectures on Pol. Economy, London 1851, p. 44). Он не замечает, что между банкиром и ростовщиком лежит различие двух общественных способов производства и соответствующих им форм общественного строя, так что вопрос отнюдь не исчерпывается противопоставлением бедности и богатства. В действительности ростовщик, высасывающий мелкого производителя, идет обыкновенно рука об руку с ростовщиком, высасывающим богатого крупного землевладельца. Когда ростовщичество римских патрициев окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелко-крестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое.

В эту эпоху ростовщик может поглотить в форме процента весь избыток (то, что впоследствии образует прибыль и земельную ренту) сверх необходимых средств существования производителя (сверх той суммы, которая впоследствии составляет его заработную плату), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту этого процента, включающего в себя всю прибавочную стоимость за исключением той части ее, которая выпадает на долю государства, с высотой процента в современную эпоху, когда процент — по крайней мере, нормальный процент — образует лишь часть этой прибавочной стоимости. При этом забывается, что наемный рабочий производит и отдает капиталисту, на которого он работает, и прибыль, и процент, и земельную ренту, словом, всю прибавочную стоимость. Кэри делает это

плоское сравнение, чтобы показать, насколько выгодно для рабочего развитие капитала и сопровождающее его падение размера процента. И если ростовщик, не довольствуясь выжиманием прибавочной стоимости из своей жертвы, стремится затем мало-по-малу приобрести титул собственности на самые условия его труда, на землю, дом и т. д., и постоянно занимается такой его экспроприацией, то, указывая на это, забывают опять-таки, что полная экспроприация у рабочего условий его труда является не результатом, к которому лишь стремится капиталистический способ производства, а готовой предпосылкой, из которой он исходит. Раб наемного труда совершенно так же, как и настоящий раб, самым своим положением поставлен в условия, исключаящие для него — по крайней мере, в качестве производителя — возможность сделаться рабом заимодавца; правда, он может сделаться им, но лишь как потребитель. Итак, ростовщический капитал в той его форме, в которой он действительно присваивает себе весь прибавочный труд непосредственных производителей, не изменяя однако самого способа производства; в которой существенной его предпосылкой является право собственности или владения производителя на условия его труда и соответствующее этому мелкое раздробленное производство; в которой капитал, следовательно, не подчиняет себе труд непосредственно и потому не противостоит ему, как промышленный капитал, — такой ростовщический капитал приводит к пауперизации данного способа производства, ослабляет производительные силы вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечивает эти злосчастные отношения, при которых общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве, за счет самого труда.

Итак, с одной стороны, ростовщичество разрушает и уничтожает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность. С другой стороны, оно разрушает и разоряет мелко-крестьянское и мелко-буржуазное производство, коротко говоря, все формы, при которых производитель еще является собственником своих средств производства. При развитом капиталистическом способе производства рабочему не принадлежат условия его производства, — поле, которое он возделывает, сырой материал, который он обрабатывает, и т. д. Но этому отчуждению условий производства от производителя отвечает в данном случае действительный переворот в самом способе производства. Разъединенные рабочие объединяются в крупной мастерской для выполнения отдельных, тесно связанных между собою функций; орудие труда превращается в машину. Самый способ производства не допускает уже этого связанного с мелкою собственностью раздробления орудий производства, точно так же, как и обособления

самых рабочих. В капиталистическом производстве ростовщик уже не может отделять условия производства от производителя, так как они уже разъединены.

Там, где средства производства раздроблены, ростовничество централизует денежное имущество. Ростовничество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно интенсивная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время базисом политических отношений, политической самостоятельности граждан.

Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт поедается феодалом и его челядью и во власть ростовщика попадают рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на рабочего. Обремененный долгами рабовладелец или феодальный сеньер высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают. Или же он, в конце концов уступает свое место ростовщику, который сам становится землевладельцем и рабовладельцем, как всадники древнего Рима. На место старого эксплуататора, эксплуатация которого носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, выступает жестокий, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется.

При всяких докапиталистических способах производства ростовщик играет революционную роль лишь постольку, поскольку он разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй страны. При азиатских формах ростовничество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются в наличии остальные условия капиталистического способа производства, ростовщик является одним из орудий, создающих новый способ производства, разоряя с одной стороны феодалов и мелких производителей, централизуя с другой стороны условия труда и превращая их в капитал.

В средние века ни в одной стране не устанавливалось общего размера процента. Церковь воспрещала вообще всякие сделки, приносящие процент. Законы и суды лишь в недостаточной мере обеспечивали взимание долгов. Тем выше была норма процента в отдельных случаях. Ничтожное денежное обращение, необходимость большинства платежей производить наличными деньгами понуждали к денежным

займам, и притом тем больше, чем слабее было развито вексельное дело. Господствовало большое разнообразие как в размере процента, так и в самом понятии ростовщичества. Во времена Карла Великого считалось ростовщичеством, если кто-либо взимал 100%. В Линдау у Боденского озера местные граждане взимали в 1348 году $216\frac{2}{3}\%$. В Цюрихе совет установил $43\frac{1}{3}\%$, как законную норму процента. В Италии иногда приходилось уплачивать 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная норма не превышала 20%. Верона установила $12\frac{1}{2}\%$, как законный процент. Император Фридрих II установил 10%, но только для евреев. Христиан он не хотел касаться. В немецких землях по Рейну уже в XIII столетии 10% было обычной нормой (Hüllmann, Geschichte des Städtewesens, II, p. 55—57).

Ростовщический капитал обладает способом эксплуатации, характерным для капитала, без характерного для него способа производства. Это отношение повторяется и в пределах буржуазной экономики в остальных отраслях промышленности или таких, которые сопротивляются переходу к современному способу производства. Если бы мы захотели, напр., сравнить английский размер процента с индийским, то нам следовало бы взять для этого не уровень процента в Английском банке, а, напр., тот процент, который взимают с мелких производителей домашней промышленности предприниматели, ссужающие им мелкие машины.

В противоположность потребляющему богатству, ростовщичество исторически важно как процесс непосредственного возникновения капитала. Ростовщический капитал и купеческое имущество служат образованию денежной собственности, независимой от землевладения. Чем менее развит товарный характер продукта, чем менее полно меновая стоимость подчинила себе производство во всю его ширину и глубину, тем более деньги как таковые представляются богатством в собственном смысле слова, богатством вообще, в противоположность его ограниченной форме выражения в потребительных стоимостях. На этом основывается накопление сокровищ. Оставляя в стороне деньги как мировые деньги и как сокровище, мы найдем, что именно в форме платежного средства они выступают как абсолютная форма товара. И именно функция их как платежного средства является той функцией, которая развивает процент, а вместе с тем и денежный капитал. Цель, к которой стремится богатство расточительности и коррупции, составляют деньги как таковые, как средство все купить (а также платить долги). Мелкий производитель нуждается в деньгах главным образом для того, чтобы производить платежи. (Превращение натуральных податей и оброков, идущих в пользу помещика и государства, в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную

роль.) В обоих случаях требуются деньги как таковые. С другой стороны накопление сокровищ становится реальным, в форме ростовщичества осуществляет свою мечту. Цель, к которой стремится обладатель сокровищ,—не капитал, а деньги как таковые; но при помощи процента он превращает это самодовлеющее денежное сокровище в капитал—в средство, при помощи которого он овладевает вполне или отчасти прибавочным трудом, а также известной долей самих условий производства, хотя номинально последние и продолжают противостать ему как чужая собственность. Ростовщик живет как бы в порах производства, подобно тому как боги Эпикура жили в междумировом пространстве. Деньги получить тем труднее, чем менее товарная форма является всеобщей формой продукта. Ростовщик не знает поэтому никаких иных границ, кроме дееспособности и способности к сопротивлению лиц, нуждающихся в деньгах. В мелко-крестьянском и мелко-буржуазном производстве деньги употребляются в качестве покупательного средства преимущественно в тех случаях, когда вследствие случайности или каких-либо чрезвычайных потрясений условия производства утрачиваются рабочим (который при этих способах производства обыкновенно является еще собственником), или, по меньшей мере, не могут быть возмещены обычным ходом воспроизводства. Средства существования и сырые материалы образуют главную часть этих условий производства. Возрождение их может привести к невозможности возместить их из выручки за продукт, простой неурожай может помешать крестьянину возместить семена *in patria*. Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и потому превращавшие их в нищих (обнищание, частичная или полная потеря условий воспроизводства играет здесь господствующую роль),—эти самые войны наполняли амбары и кладовые патрициев добычею в виде меди—тогдашних денег. Вместо того, чтобы прямо давать плебеем необходимые для них товары, хлеб, лошадей, рогатый скот, они ссужали им эту бесполезную для них медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников-рабов. При Карле Великом франкские крестьяне также были разорены войнами, так что им не оставалось ничего другого, как из должников превратиться в крепостных. В римской империи, как известно, нередко случалось, что голод заставлял свободных людей продавать своих детей и самих себя в рабство богатым. Таковы условия этого поворотного пункта в общем. Что касается отдельных случаев, то для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей; и каждая такая случай-

ность или потеря равносильна обнищанию и потому представляет момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится.

Широкой и притом специфической ареной ростовщичества является функция денег как платежного средства. Всякие денежные повинности, приуроченные к определенному сроку,—аренда, подати, налоги и т. п., сопряжены с необходимостью денежных платежей. Поэтому ростовщичество со времен древнего Рима и до нашего времени так широко пользуется арендаторами, *fermiers généraux*, *receveurs généraux*. Затем, по мере развития торговли и расширения товарного производства, момент покупки и уплаты за нее начинают отделяться друг от друга известным промежутком времени. Деньги необходимо доставать к определенному сроку. Современные денежные кризисы доказывают, что это может создать такие условия, при которых даже в наше время денежный капиталист и ростовщик сливаются вместе. Но то же самое ростовщичество становится главным средством дальнейшего расширения потребности в деньгах как платежном средстве; все усиливая и усиливая задолженность производителя, ростовщичество лишает его обычных платежных средств, так как для производителя вследствие тяготеющих на нем процентов становится невозможным даже простое поддержание воспроизводства в прежних размерах. Здесь ростовщичество прорывается из функции денег как платежного средства и расширяет эту функцию, являющуюся его настоящей ареной.

Развитие кредитного дела возникает как реакция против ростовщичества. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, какой вкладывали сюда античные писатели, отцы церкви, Лютер или ранние социалисты. Это означает лишь подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства, — не больше, не меньше.

В общем и целом капитал, приносящий проценты, при современной кредитной системе приспособляется к условиям капиталистического производства. Ростовщичество как таковое не только продолжает существовать, но у народов с развитым капиталистическим производством освобождается от тех границ, которые всегда налагало на него прежнее законодательство. Капитал, приносящий проценты, сохраняет форму ростовщического капитала, поскольку дело идет о таких лицах, классах или отношениях, которые исключают возможность займа в смысле, соответствующем капиталистическому способу производства:

таковы займы на личные нужды, например, в ссудной кассе; займы представителей потребляющего и расточающего богатства; таков случай, когда производитель является производителем некапиталистическим, как, например, мелкий крестьянин, ремесленник и т. д., следовательно, сохраняет еще в качестве непосредственного производителя собственность на свои собственные условия производства; таков, наконец, и тот случай, когда сам капиталистический производитель оперирует в столь ничтожном масштабе, что приближается к указанным выше производителям, которые работают сами.

Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или в самом характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и вызванный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору. Даже в том случае, когда в качестве промышленника или купца получает кредит лицо немущее, это имеет место лишь в надежде, что данное лицо будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи занятого им капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту. И это столь восхитительное экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без состояния, но с энергией, солидной репутацией, способностями и деловыми познаниями может таким образом превратиться в капиталиста, — ведь при капиталистическом способе производства торговая оценка каждого производится более или менее правильно — обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению все новых и новых авантюристов, весьма нежелательных для наличных отдельных представителей капитала, в общем укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из его социальной основы. Совершенно так же, как в средние века главное средство, укреплявшее господство попов и угнетение мирян, состояло в том, что католическая церковь составляла свою иерархию из лучших голов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состоятельность. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду наиболее выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство.

Таким образом далекие от мысли предавать анафеме приносящий проценты капитал вообще, инициаторы современной кредитной системы исходят, наоборот, из его решительного признания.

Мы говорим здесь не о реакции против ростовщичества, которая стремилась защитить от него бедняков, как это делали, например, *Monts-de-piété* (в 1350 году в Сарлене во Франш-Конте, позднее,

в 1400 и 1479 годах, в Перуджии и Савоне в Италии). Эти учреждения замечательны лишь в том отношении, что в них обнаружилась та ирония истории, которая благие намерения превращает при их реализации в прямую противоположность. Английский рабочий класс уплачивает по умеренному счету 100% ссудным кассам, этим потомкам *Monts-de-piété* ²¹⁾. Столь же мало имеем мы здесь в виду кредитные фантазии какого-нибудь доктора *Hugh Chamberlayne* или *John Briscoe*, которые в последние десятилетия XVII века хотели избавить английскую аристократию от ростовщичества путем основания земельного банка с бумажными деньгами, обеспеченными земельной собственностью ²²⁾.

Кредитные ассоциации, образовавшиеся в XII и XIV столетиях в Венеции и Генуе, были порождены потребностью морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговле эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами. Если настоящие банки, основанные в этих городских республиках, представляли в то же время учреждения общественного кредита, из которых государство получало ссуды под имеющие поступить налоги, то не следует забывать, что купцы, образовавшие эти ассоциации, сами были первыми людьми в этих государствах и являлись одинаково заинтересованными как в том, чтобы освободить от ростовщиков свое правительство, так и в том, чтобы освободить от них самих себя ²³⁾; этими мерами они рассчитывали еще сильнее и прочнее подчинить себе государство. Поэтому-то, когда проектировалось

²¹⁾ „Процент, взимаемый ссудными кассами, становится таким чрезмерным вследствие частых залогов и выкупов в течение одного и того же месяца, или залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 разрешенных ссудных касс и в провинции приблизительно 1.450. Вложенный ими в дело капитал исчисляется приблизительно в 1 милл. Он оборачивается по крайней мере три раза в год, принося в среднем каждый раз $33\frac{1}{2}\%$; таким образом, низшие классы Англии ежегодно уплачивают 100% за временную ссуду им одного миллиона, не считая потери вещей, не выкупленных в срок“ (*J. J. T u c k e t t*, *A History of the Past and Present State of the Labouring Population*. London 1846, I, p. 114).

²²⁾ Даже в заглавиях своих трудов они указывали как на главную свою цель на „общее благосостояние землевладельцев, значительное повышение стоимости землевладения, освобождение знати, мелкого дворянства и т. д. от налогов, увеличение их годового дохода и так далее“. От выполнения их планов потерели бы, по их словам, только ростовщики, эти худшие враги нации, причинившие дворянству и убогую больше вреда, чем это могло бы сделать нашествие французской армии.

²³⁾ „Так, например, еще Карл II английский должен был уплачивать „золотых дел мастерам“ (предшественникам банкиров) огромные ростовщические проценты и лаж в размерах 20 — 30%. Столь выгодное дело побудило „золотых дел мастеров“ делать королю все новые и новые ссуды, предвосхищать все поступления от налогов, забирать в качестве обеспечения всякую разрешенную парламентом денежную ассиг-

основание Английского банка, тори возражали, что «банки — учреждения республиканские. Процветающие банки существуют в В.п.нии, Генуе, Амстердаме и Гамбурге. Но кто слышал когда-либо о банке французском или испанском».

Банк в Амстердаме, основанный в 1609 году, точно так же, как банк в Гамбурге (1619 г.), не знаменует никакой новой эпохи в развитии современного кредитного дела. Это был чисто депозитный банк. Бонны, выпускавшиеся банком, были действительно лишь расписками в получении вложенного в банк благородного металла, в монете или в слитках, и обращались только с передаточной подписью их владельца. Однако в Голландии вместе с торговлей и мануфактурой развился коммерческий кредит и торговля деньгами, при чем капитал, приносящий проценты, самым ходом развития был подчинен промышленному и торговому капиталу. Это обнаруживалось уже в низком размере процента. Но Голландия в XVII столетии, подобно теперешней Англии, считалась страной, наиболее передовой в смысле экономического развития. Монополия старомодного ростовщичества, построенного на бедности, исчезла там сама собою.

В течение всего XVIII века громко раздаются голоса — и законодательство действует в том же направлении, — требующие, ссылаясь на пример Голландии, насильственного понижения размера процента с той целью, чтобы капитал, приносящий проценты, подчинить торговому и промышленному капиталу, а не наоборот. Главным вождем при этом является сэр Josiah Child, отец нормально поставленного частного банкирского дела в Англии. Он разражается тирадами против монополии ростовщиков совершенно в том же духе, в каком крупная конфекционная фирма Moses and Son рекламирует себя как борца с монополией «частных портных». Этот же Josiah Child является в то же время отцом английских stockjobber'ов (торговцев процентными бумагами). Так, напр., он, самодержец ост-индской компании, защищает ее монополию во имя свободы торговли. Против Томаса Мэнли («Interest of Money mistaken») он пишет: «В качестве защитника трусливой и дрожащей банды ростовщиков, он сооружает свою главную батарею как раз в том пункте, который, как я объяснил, является

новой, как только она будет сделана; равным образом, они соперничали между собой в покупке и принятии в виде залога bills, orders and tallies, так что фактически все государственные доходы проходили через их руки“ (John Francis, History of the Bank of England, London 1848, I, p. 31). „Учреждение банка уже раньше проецировалось несколько раз. Наконец, оно стало необходимым“ (I. c., p. 33). „Банк был нужен уже для одного того, чтобы дать возможность эксплуатируемому ростовщиками правительству получать деньги по сносным процентам под обеспечение парламентских ассигновок“ (I. c., p. 59, 60).

самым слабым... он отрицает даже, что низкий размер процента есть причина богатства, и уверяет, что он есть лишь следствие последнего» (*Traites sur le Commerce etc.* 1669. Trad. Amsterdam et Berlin, 1754). «Если торговля есть средство, обогащающее страну, и если понижение процента увеличивает торговлю, то понижение процента или ограничение ростовщичества есть, без сомнения, главная плодотворная причина богатства нации. Нет ничего нелепого в утверждении, что в одно и то же время одна и та же вещь может при известных условиях быть причиной, при других условиях—следствием» (I. с., p. 55). «Яйцо есть причина курицы и курица есть причина яйца. Сокращение процента может вызвать увеличение богатства, а увеличение богатства может явиться причиной еще более сильного сокращения процента» (I. с., p. 156). «Я защитник промышленного труда, а мой противник защищает леность и праздность» (p. 179).

Эта яростная борьба с ростовщичеством, эти требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу, являются лишь предвестниками органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банкового дела, которое с одной стороны лишает ростовщический капитал его монополии, концентрируя и выбрасывая на денежный рынок все бездействующие денежные запасы, с другой стороны ограничивает самую монополию благородных металлов путем создания кредитных денег.

В последнюю треть XVII и в начале XVIII столетия во всех английских сочинениях о банковом деле мы найдем такую же, как и у Чайльда, вражду к ростовщичеству, то же самое требование эмансипировать от ростовщичества торговлю, промышленность и государство. Наряду с этим—колоссальные иллюзии на счет чудотворного влияния кредита, демонополизации благородных металлов, замещения их бумажными деньгами и т. п. Шотландец Вильям Наттерсон, основатель Английского банка и Шотландского банка, имеет несомненное право на титул Law Первый.

Против Английского банка «все золотых дел мастера и закладчики подняли яростный вой» (Macaulay, *History of England*, IV, p. 499).—«В течение первых десяти лет существования банку приходилось бороться с большими затруднениями; сильная вражда извне; его банкноты принимались значительно ниже номинальной стоимости... золотых дел мастера (в руках которых торговля благородными металлами послужила базисом для организации примитивного банкового дела) сильно интриговали против банка, так как благодаря последнему их операции сократились, их учетный процент понизился, и так как их операции с правительством перешли в руки этого их противника» (J. Francis, I. с., p. 73).

Еще ранее учреждения Английского банка, в 1683 году, возник план национального кредитного банка, цель которого между прочим формулировалась так: «Дабы деловые люди, если они имеют значительные массы товаров, могли при поддержке этого банка сложить свои товары в склад и получить кредит под эти закрепленные запасы, могли давать занятия своим служащим и расширять свои предприятия пока не найдут выгодного рынка, вместо того чтобы продавать с товары убытком». После долгих стараний этот Bank of Credit был наконец открыт в Devonshire House на Bishopsgate Street. Он давал промышленникам и купцам ссуды векселями, которые обеспечивались лежащими на складах товарами, при чем ссуда составляла до $\frac{3}{4}$ стоимости этих после них. Чтобы обеспечить таким векселям обращение, в каждой отрасли предприятий известное число лиц соединилось в общество, у которого всякий владелец векселей мог получать взамен их товары столь же беспрятственно, как если бы он платил наличными. Дела банка шли не блестяще. Механизм был слишком сложен, риск в случае обесценения товаров слишком велик.

Всматриваясь в действительное содержание этих сочинений, теоретически сопровождавших и поощрявших развитие современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, как одно из его условий, капитал, приносящий проценты, и всякие ссуды средств производства вообще. Если же обратить внимание на внешнюю фразеологию, то сходство ее, вплоть до отдельных выражений, с банковыми кредитными иллюзиями сен-симонистов зачастую является поразительным.

Совершенно так же, как у физократов «cultivateur» означает действительного земледельца, а крупного арендатора, у Сен-Симона, а в некоторых случаях и у его учеников, «travailleur» означает рабочего, а промышленного и торгового капиталиста. «Travailleur нуждается в помощниках, в сотрудниках, в рабочих (d'ouvriers); он ищет помощников разумных, искусных, преданных; он приставляет их к труду, и труд их производителен» (Religion saint-simonienne. Economie politique et Politique, Paris 1831, p. 104). Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «Nouveau Christianisme» Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений. Все его более ранние произведения фактически представляют лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному, или прославление промышленников и банкиров в противоположность маршалам и юристам, фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху

Какая разница по сравнению с одновременными сочинениями Оуэна! ²⁴⁾ И у последователей Сен-Симона, как показывает только что цитированное место, промышленный капиталист остается работником (*travailleur*) *par excellence*. Критически прочтя их сочинения, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковских грез явился основанный *ex-sen-симонистом* Эмилем Перейрой *Crédit mobilier*,—форма, которая впрочем могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система, ни крупная промышленность не достигли еще современного уровня. В Англии или Америке ничто подобное не было бы возможно.—В следующих местах «*Doctrine de St. Simon. Exposition. Première année. 1828—29. 3-è éd., Paris. 1831*» находится уже зародыш *Crédit mobilier*. Очевидно, что банкир может оказывать более дешевый кредит, чем отдельный капиталист или частный ростовщик. Следовательно, эти банкиры «могут доставлять промышленникам орудия значительно дешевле, т. е. за более низкие проценты, чем это могли бы сделать землевладельцы и капиталисты, которым легче ошибиться в оценке благонадежности заемщика» (р. 202). Но сами авторы добавляют в примечании: «Выгода, которая должна получиться вследствие посредничества банкира между праздными богачами и работниками (*travailleurs*), зачастую уравнивается и даже уничтожается благодаря тому, что наще дезорганизованное общество доставляет эгоизму такую массу удобных случаев проявить себя в различных формах обмана и шарлатанства; банкиры внедряются зачастую между праздными и *travailleurs*, чтобы эксплуатировать тех и других ко вреду общества». «*Travailleur*» стоит здесь вместо «*capitaliste industriel*». Совершенно неправильно к тому же рассматривать те средства, которыми располагают современные банки, исключительно как средства праздных людей. Во-первых, сюда входит часть капитала, который в данный момент является свободным и находится в руках промышленников и банкиров в денежной форме,

²⁴⁾ При переработке рукописи Маркс несомненно сильно изменил бы это место. Оно навечно ролью *ex-sen-симонистов* в эпоху Второй империи во Франции, где—как раз в то время, когда Маркс писал эти строки—долженствующие спасти мир кредитные фантазии школы реализовались по исторической иронии в виде спекуляции неслыханного дотоле размаха. Впоследствии Маркс говорил лишь с удивлением о гении и энциклопедической голове Сен-Симона. Если последний в своих ранних произведениях игнорировал противоположность между буржуазией и пролетариатом, едва нарождавшимся тогда во Франции, если он причислял часть буржуазии, занятую производством, к *travailleurs*, то это соответствует также воззрению Фурье, ст. *эмвине-гося примирить капитал и труд*, и объясняется экономическим и политическим положением тогдашней Франции. Если Оуэн в этом пункте видел далеко, то лишь потому, что он жил в другой обстановке, среди промышленной революции и уже сильно обострившихся классовых противоречий.—Ф. Э.

как денежный запас или капитал, еще только ищущий себе помещения,—это, следовательно, праздный капитал, но не капитал праздных. Во-вторых, сюда же относится та часть всяких вообще доходов и сбережений, которая окончательно или временно предназначена для накопления. И обе эти части существенно определяют характер банковской системы.

Однако отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги—в форме благородных металлов—образуют основу, от которой кредитное дело по самой природе своей никогда не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на средства общественного производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама она с одной стороны является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм.

Банковская система, со стороны ее организационных форм и централизации, как отмечено еще в 1697 году, в сочинении «Some Thoughts of the Interests of England», представляет самое искусное и совершенное произведение, к какому вообще способен капиталистический способ производства. Отсюда колоссальная власть такого учреждения, как Английский банк, над торговлей и промышленностью, хотя действительное движение последних лежит совершенно вне сферы его действия, так что он может относиться к этому движению лишь пассивно. Банковое дело, несомненно создает форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму. Как мы уже видели, средняя прибыль каждого отдельного капиталиста, или каждого отдельного капитала, определяется не тем прибавочным трудом, который непосредственно присваивает этот капитал, а количеством всего прибавочного труда, присваиваемого всем капиталом, при чем каждый отдельный капитал получает из этой общей суммы свой дивиденд в количестве, пропорциональном той части всего капитала, которую он представляет. Этот общественный характер капитала осуществляется в полной мере лишь при посредстве вполне развитой кредитной и банковской системы. Но, с другой стороны, последняя идет дальше. Она предоставляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь наличный и даже только еще потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества, так что ни кредитор, ни лицо, вкладывающее этот капитал в дело, не являются его собственниками или производителями. Она уничтожает таким образом частный характер капитала и содержит в себе, но именно только в себе, устранение самого капитала. Банковое дело вырывает из рук частных капиталистов и ростовщиков ра-

пределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию. Но благодаря этому банк и кредит становятся в одно и то же время и самым сильным из средств, выводящих капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных очагов кризисов и спекуляций.

Далее, банковая система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги действительно представляют не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, при чем однако характер этот, как стоящий в противоречии с базисом частного производства, должен в конце концов всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара наряду с другими товарами.

Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,—однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит как таковой не имеет уже никакого смысла,—это поняли, впрочем, даже сен-симонисты. С другой стороны, пока продолжает существовать капиталистический способ производства, продолжает существовать как одна из его форм и капитал, приносящий проценты, образуя фактически базис его кредитной системы. Лишь такой сенсационный писатель, как Прудон—тот самый Прудон, который хотел сохранить товарное производство, уничтожив деньги ²⁵⁾,—был способен создать чудовищную фантазию дарового кредита («*crédit gratuit*»), долженствовавшую осуществить благопожелания мелко-буржуазной точки зрения.

В «*Réligion saint-simonienne, Economie et Politique*», мы читаем на стр. 45: «В обществе, в котором одни владеют орудиями промышленности, не имея ни способностей, ни желаний их применять к делу, а другие, способные к промышленности люди не владеют орудиями труда, кредит имеет своей целью перенести возможно более легким способом эти орудия из рук первых, их владельцев, в руки вторых, способных применить их к делу. Заметим, что согласно этому определению

²⁵⁾ Karl Marx, *Philosophie de la Misère, Bruxelles et Paris 1847.*—Karl Marx, *Kritik der Polit. Oekonomie*, p. 64.

кредит есть следствие того типа, по которому конституирована собственность». Следовательно, кредит исчезает вместе с данной конституцией собственности. Далее, стр. 98 гласит: теперешние банки «считают своим назначением следовать тому движению, которое создается предприятиями, функционирующими независимо от них; по отношению не стремятся сами давать импульс этому движению; другими словами, банки играют роль капиталистов по отношению к тем *travailleurs*, которым они ссужают капиталы». Мысль, что банки должны взять на себя руководство предприятиями и должны отличаться «многочисленностью и полезностью управляемых ими учреждений и совершаемых по их инициативе работ» (стр. 101),—эта мысль заключает уже в себе в скрытом виде *crédit mobilier*. Charles Pécqueur также требует, чтобы банки (то, что сен-симонисты называют *Système général des banques*) «управляли производством». Вообще Pécqueur в главном сен-симонист, хотя имного радикальнее. Он хочет, чтобы «кредитное учреждение... управляло всем движением национального производства». — «Попытайтесь создать национальное кредитное учреждение, которое ссужало бы средствами неимущих людей, обладающих талантами и заслугами, и не связывало бы этих заемщиков строгою принудительною солидарностью в производстве и потреблении, но, напротив, предоставляло бы им самоопределение в области обмена и производства. Этим путем вы достигнете лишь того, что уже теперь достигнуто частными банками: анархии, диспропорции между производством и потреблением, внезапного разорения одних и внезапного обогащения других; таким образом ваше учреждение никогда не пойдет дальше того, чтобы доставить одним сумму благосостояния, равную сумме несчастья, выпадающего на долю других... наемным рабочим, поддерживаемым вашими ссудами, вы только дадите возможность совершенно таким же образом конкурировать между собой, как это делают теперь их капиталистические хозяева» (Ch. Pécqueur, *Théorie Nouvelle d'Économie Soc. et Pol.*, Paris 1842, p. 434).

Мы уже видели, что купеческий капитал и капитал, приносящий проценты, являются старейшими формами капитала. Из самой природы дела вытекает однако, что в народном представлении капитал, приносящий проценты, выступает как форма капитала *par excellence*. В рамках купеческого капитала находит себе место посредническая деятельность, как бы она ни интерпретировалась—как надувательство, как труд, или как-либо иначе. Напротив, в капитале, приносящем проценты, в чистом виде проявляется самовоспроизводящий характер капитала. самовозрастающая стоимость, производство прибавочной стоимости как особое таинственное качество. От этого-то и происходит, что даже часть экономистов, особенно в странах, где, как во Франции, промыш-

ленный капитал не достиг еще полного развития, видит в капитале, приносящем проценты, основную форму капитала, рассматривают, напр., земельную ренту лишь как его видоизменение, так как и здесь преобладает форма ссуды. Вследствие этого внутреннее строение капиталистического способа производства понимается совершенно неправильно, совершенно упускается из виду, что земли, как и капитал, ссужаются только капиталистам. Вместо денег могут быть конечно даны в ссуду средства производства *in natura*, напр., машины, промышленные здания и т. д. Но они представляют тогда определенную денежную сумму, при чем из характера потребительной стоимости, из специфической натуральной формы этих элементов капитала вытекает, что наряду с процентом должна уплачиваться известная сумма для возмещения снашивания. Решающим моментом здесь опять-таки является то, ссужаются ли они непосредственному производителю, что предполагает отсутствие капиталистического способа производства, по крайней мере в той сфере, где это имеет место, — или же они ссужаются промышленному капиталисту, что как раз предполагается на базисе капиталистического способа производства. Еще более нелогичным и нерациональным является присоединение сюда ссуды домов и т. п. для личного потребления. Что рабочий класс надувается в этой форме, и притом в вопиющих размерах, факт общеизвестный; но то же самое совершает и мелкий торговец, снабжающий рабочего средствами существования. Это вторичная эксплуатация, сопровождающая первоначальную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства. Разница между продажей и ссудой безусловно не имеет здесь значения и чисто формальна и, как было уже показано, лишь при полном непонимании действительной связи явлений представляется существенной.

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранять, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно, и только разрешает существующий способ производства. Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более получение их из денег представляется особым, самостоятельным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем пышнее расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежное имущество развивается в особый вид имущества, с точки зрения ростовщического капитала обозначает, что он

Складывает все свои обязательства в форме денежных обязательств. Тем сильнее развивается он в стране, чем больше производство является натуральным, т. - е. сосредоточивается на потребительной стоимости.

Таким образом ростовщичество выполняет двойную роль: во-первых, оно создает вообще на-ряду с купеческим капиталом самостоятельную денежную собственность, во-вторых, присваивает себе условия труда, т. - е. разоряет владельцев старых условий труда; и поскольку оно выполняет эту роль, оно является мощным рычагом в процессе образования предпосылок для промышленного капитала.

Процент в средние века.

В средние века население было чисто земледельческим. При таких условиях, как при феодальном режиме, оборот может быть лишь незначительным, а следовательно, лишь незначительной может быть и прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве находили себе полное оправдание. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что в земледельческой стране нужда в займе денег могла представляться лишь очень редко, за исключением тех случаев, когда кто-либо внезапно впадал в бедность и нищету... Генрих VIII ограничивает процент 10%, Иаков I 8%, Карл II 6%, Анна 5%... В эти времена лица, ссужавшие деньги, если не юридически, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничить их, как и других монополистов... В наше время норма прибыли регулирует норму процента; тогда норма процента регулировала норму прибыли. Если кредитор принуждал купца платить высокую норму процента, купец должен был наложить на свои товары более высокую норму прибыли. Таким образом из карманов купцов извлекалась крупная сумма денег для того, чтобы перейти в карманы денежных кредиторов» (Gilbart, History and Princ. of Banking, p. 164, 165).

«Мне говорят, что теперь на каждую лейпцигскую марку взимают 10 гульденов, что составляет 30 на сто; некоторые присоединяют еще сюда иейенбургскую марку, так что получается 40 на сто; я не знаю, так это, или нет. Стыдитесь, куда же к чорту это в конце концов приведет?.. Кто имеет теперь в Лейпциге 100 флоринов, тот ежегодно получает 40,— это значит пожрать в один год крестьянина или горожанина. Если он имеет 1.000 фл., то получает ежегодно 400,— это значит пожрать в один год рыцаря или богатого дворянина. Если он имеет 10.000, то получает ежегодно 4.000,— это значит пожрать в один год богатого графа. Если он имеет 100.000, как это случается у богатых

купцов, он взимает ежегодно 40.000,—это значит пожрать в один год крупного, богатого князя. Если он имеет 1.000.000, то получает ежегодно 400.000—это значит пожрать за один год крупного короля. И не грозит ему за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру; ничего не работает, сидит себе за печкой; и этот смиренный разбойник, сидя в дому, может в десять лет сожрать целый мир» (Цитировано из «*Bücher vom Kaufhandel und Wucher*», 1524. Luther's Werke, Wittenberg 1589, 6 Theil).

«15 лет тому назад я писал против ростовщичества, ибо уже тогда оно забрало такую силу, что я не видел надежды на улучшение. С того времени оно столь вознеслось, что не хочет уже нигде слыть пороком, грехом и позором, но величается добродетелью и честью, словно оно оказывает людям великую любовь и христианскую услугу. Где же искать избавления, раз позор стал честью и порок добродетелью» (An die Pfarherrn wider den Wucher zu predigen, Wittenberg 1540).

«Евреи, ломбардцы, ростовщики и кровопийцы были нашими первыми банкирами, нашими первоначальными банковыми барышниками, их характер можно назвать почти бесстыдным... К ним присоединились затем лондонские золотых дел мастера. В общем... наши первоначальные банкиры представляли... очень дурное общество, они были жадными ростовщиками, бессердечными кровопийцами» (J. Hardcastle, Bank and Bankers, 2-nd ed., London 1843, p. 19, 20).

«Показанный Венецией пример (образования банка) быстро нашел таким образом подражателей; все приморские города и вообще все города, составившие себе имя своей независимостью и своей торговлей, основали свои первые банки. Так как возвращения их кораблей приходилось зачастую дожидаться очень долго, то это неизбежно привело к обычаю кредитования, а открытие Америки и торговля с нею еще более усилили этот обычай». (Это главный пункт.) Отсылка товаров на судах принуждала делать крупные займы, что имело место уже в древности в Афинах и вообще в Греции. В 1380 году в ганзейском городе Брюгге уже была страховая палата (M. Augier, I. c., p. 202, 203).

Насколько сильно в последней трети XVII столетия, когда еще не была развита современная кредитная система, даже в Англии преобладали ссуды землевладельцам, следовательно, вообще представителям потребляющего богатства, видно между прочим из работы сэра Dudley North, бывшего не только одним из первых английских купцов, но и одним из самых замечательных теоретиков политической эконо-

мии своего времени. Он пишет: «В нашей стране деньги, отдаваемые под проценты, гораздо менее чем в десятой своей части идут в руки предпринимателей, которые могли бы при помощи их вести свои операции: они ссужаются главным образом для покупки предметов роскоши, выдаются на расходы людям, которые хотя и являются крупными землевладельцами, но тратят деньги быстрее, чем приносит им их землевладение; а так как они стыдятся продавать свои имения, они предпочитают обременять их ипотечными долгами» (*Discourses upon Trade, London 1691, p. 6, 7*).

В XVIII столетии в Польше: «Варшава производила крупные операции с векселями, которые однако имели своей главной основой и своей главной задачей удовлетворение ростовщических интересов варшавских банкиров. Чтобы достать себе деньги, которые они могли бы ссужать по 8 и более процентов расточительной знати, они искали и находили за границей бланковый вексельный кредит, т.-е. кредит, в основе которого не лежало никакой товарной торговли; тем не менее заграничные трассанты терпеливо акцептовали эти векселя до тех пор, пока еще поступали примессы, созданные этими операциями с бронзовыми векселями. За это они сильно поплатились, когда обанкротился такой банкир, как Таппер, и другие пользовавшиеся большим доверием варшавские банкиры» (*J. G. Büsch, Theoretisch - praktische Darstellung der Handlung etc., 3 Auflage, Hamburg 1808, Band II, p. 232, 233*).

Выгоды для церкви от запрещения процента.

«Взимать проценты церковь запретила; но не запрещала она отдавать имущество, чтобы помочь себе в беде; не запрещала даже отдавать это имущество на определенный срок, вплоть до уплаты долга, лицу, ссудившему деньги, чтобы последнее могло иметь в нем свое обеспечение, а также, пользуясь им, могло извлечь вознаграждение за отданные в ссуду деньги... Сама церковь или принадлежащие к ней коммуны и *ria sogroga* извлекали отсюда большую выгоду, особенно во времена крестовых походов. Таким путем очень значительная часть национального богатства попала во владение так называемой «мертвой руки» в особенности благодаря тому, что евреи не могли вести ростовщичество этим способом, так как владения таким прочным залогом нельзя было утаить... Без запрещения процента церкви и монастыри никогда не сосредоточили бы в своих руках таких богатств» (*l. c., p. 55*).

Отдел шестой.

Превращение добавочной прибыли в земельную ренту.

Глава тридцать седьмая.

Предварительные замечания.

Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за пределами этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной капиталом, достается собственнику земли. Итак, мы исходим из того предположения, что земледелие, — точно так же, как мануфактура, — подчинено капиталистическим способам производства, т. е., что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит лицевцу и т. д. точно так же, как фабрикант — прижу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладел сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства и буржуазного общества, следовательно, что имеются в наличии и вполне развитые его условия, какова свободная конкуренция капиталов, возможность переносить их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д. Рассматриваемая нами форма земельной собственности есть специфически историческая форма ее, превращающаяся вследствие воздействия капитала и капиталистического способа производства форма феодальной земельной собственности или мелкого крестьянского земледелия, которое ведется для пропитания и в котором владение землею является одним из условий производства для непосредственного производителя, а собственность на землю является для него наиболее благоприятным условием, условием расцвета его способа производства. Если капиталистический способ производства вообще предпо-

лагает экспроприацию рабочего от условий труда, то в земледелии он предполагает экспроприацию сельских рабочих от земли и подчинение их капиталисту, ведущему земледелие ради прибыли. Следовательно, при нашей постановке вопроса не имеет никакого значения, если, возражая нам, напомнят, что существовали и даже еще существуют другие формы земельной собственности и земледелия. Это может ударить только тех экономистов, которые рассматривают капиталистический способ производства в сельском хозяйстве и соответствующую ему форму земельной собственности не как исторические, а как вечные категории.

Для нас необходимо изучение современной формы земельной собственности потому, что задача вообще сводится к изучению тех определенных отношений производства и обмена, которые возникают из приложения капитала к сельскому хозяйству. Без этого анализ капитала был бы неполон. Итак, мы ограничиваемся исключительно приложением капитала к собственно земледелию, т.-е. к производству главного растительного вещества, которым живет население. Мы могли бы сказать: пшеницы, потому что она главное пищевое средство современных, капиталистически развитых народов. (Или, вместо земледелия, рудники, потому что законы те же самые.)

Одна из великих заслуг А. Смита заключается в том, что он показал, каким образом земельная рента капитала, вложенного в производство других сельско-хозяйственных продуктов, напр., льна, красильных трав, в самостоятельное скотоводство и т. д., определяется той земельной рентой, которую приносит капитал, вложенный в производство главных пищевых средств. В самом деле, после него в этом отношении не было сделано ни одного шага вперед. Все, что мы могли бы напомнить для ограничения или дополнения, относится не сюда, а к самостоятельному изучению земельной собственности. Что же касается земельной собственности, не имеющей отношения к той земле, которая предназначена для производства пшеницы, то мы не будем поэтому говорить о ней *ex professo*, но иногда будем привлекать ее лишь для иллюстраций.

Для полноты следует заметить, что здесь под землей разумеется и вода и т. под., поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли.

Земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли, с устранением всех других ²⁶⁾.

²⁶⁾ Ничего не может быть комичнее учения Гегеля о частной земельной собственности. Человек как личность должен сделать действительной свою волю как душу величайшей природы, и потому должен взять во владение эту природу как свою частную

При таком предположении дело сводится к тому, чтобы выяснить экономическую стоимость, т.-е. получение стоимости от этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть употреблять части земного шара и злоупотреблять ими, ничего не дает нам. Употребление всецело зависит от экономических условий, независимых от воли этих лиц. Самое юридическое представление не означает ничего большего, как только то, что земельный собственник может поступать с своей землей подобно тому, как всякий владелец товара—с своим товаром: да и является—это представление—юридическое представление свободной частной земельной собственности—в древнем мире лишь в эпоху разложения органического общественного строя, а в современном мире лишь с развитием капиталистического производства. В Азию оно лишь в неко-

собственность. Если таково определение „личности“—человека как личности—то отсюда следует, что каждый человек должен стать землевладельцем, чтобы осуществить свою личность. Свободная частная собственность на землю—факт совсем недавнего происхождения—представляет по Гегелю не определенное общественное отношение, но абсолютное отношение человека как личности к „природе“, абсолютное право человека на присвоение всех вещей“ (Hegel, Philosophie des Rechts, Berlin 1840, S. 79). Ясно во всяком случае, что отдельная личность путем одной только своей „воли“ не может осуществить своей собственности на землю, раз ей противостоит другая воля, которая также желает воплотиться в том же самом клочке земли. Тут необходимы вещи совершенно иного порядка, чем простая добрая воля. Далее, абсолютно невозможно усмотреть, где же полагает „личность“ границу осуществлению своей воли, реализуется ли бытие этой воли в целой стране, или, быть может, необходима даже целая куча стран, чтобы путем присвоения их „манifestировать величие моей воли по отношению к вещам“. Здесь Гегель понадевает в совершенный тупик. „Акт овладения носит вполне единичный характер; я овладеваю лишь тем, чего я могу непосредственно коснуться своим телом; но очевидно с другой стороны, что внешние вещи простираются далее того, что я в состоянии охватить непосредственно. Итак, чем бы я ни овладел, всегда имеется что-либо др. гое, находящееся в соединении с предметом моего владения. Я осуществляю акт овладения при помощи руки, но область последнего может быть расширена“ (S. 90). Но с этим другим всегда находится в соединении еще что-нибудь другое, и таким образом исчезает всякая возможность определить, в каких же размерах моя воля, в качестве души, должна изливаться в землю. „Если я обладаю чем-нибудь, то рассудок тотчас преступает предел этого факта и делает дальнейший вывод, что не только непосредственно находящееся в моем владении, но и все связанное с ним—мое. Здесь должно сделать свои постановления положительное право, так как из понятия нельзя ничего больше вывести“ (S. 91). Это—в высшей степени наивное признание со стороны „понятия“; оно доказывает в то же время, что понятие, которое уже с самого начала объявляет абсолютными вполне определенными и принадлежащими буржуазному обществу юридические представления о земельной собственности, вообще ничего не понимает в действительном строении этого права собственности на землю. Вместе с тем здесь заключается признание, что с изменением потребностей общественного, т.-е. экономического, развития „положительное право“ может и должно изменять свои постановления.

торые места импортировано европейцами. В отделе о первоначальном накоплении (книга I, глава XXIV) мы видели, что этот способ производства предполагает с одной стороны высвобождение непосредственного производителя из положения простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны—экспроприацию массы народа от земли. В этом смысле монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, как и всех прежних способов производства, покоящихся на эксплуатации масс в той или иной форме. Но та форма земельной собственности, которую находит зарождающийся капиталистический способ производства, не есть соответствующая ему форма. Только он сам создаст соответствующую ему форму, подчиняя земледелие капиталу; благодаря чему и феодальная земельная собственность, и собственность клана, мелкая крестьянская собственность с общиной марки, как ни различны их юридические формы, превращаются в соответствующую этому способу производства экономическую форму. Один из великих результатов капиталистического способа производства заключается в том, что он с одной стороны превращает земледелие из чисто эмпирических и механически наследуемых методов наименее развитой части общества в сознательное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно при отношениях, связанных с частной собственностью²⁷⁾; что он с одной стороны вполне освобождает земельную собственность от отношений господства и подчинения, а с другой стороны совершенно отделет землю как условие труда от земельной собственности и земельного собственника, для которого она не представляет ничего больше, кроме определенного денежного налога, взимаемого им благодаря его монополии с промышленного капиталиста, фермера; настолько разрывает связь земельного собственника с землей, что он может провести всю свою жизнь в Константинополе, между тем как его земельная собственность лежит в Шотландии. Так собственность на землю получает чисто

²⁷⁾ Совершенно консервативные агрикультур-химики, как, напр., Johnston, признают, что действительно рациональное земледелие на каждом шагу наталкивается на непреодолимые помехи, налагаемые частной собственностью. То же признают и писатели, являющиеся защитниками ex professo монополии частной собственности на землю, как, напр., г. Charles Comte в двухтомной работе, имеющей своей специальной целью защиту частной собственности. „Никакой народ,—говорит он,—не может достигнуть той степени благосостояния и силы, которая соответствует его природе, если только каждая часть питающей его земли не получит назначения, наиболее согласного с общим интересом. Чтобы обеспечить серьезное развитие богатства, необходимо, чтобы по возможности единая и, самое главное, просвещенная воля взяла на себя распоряжение всяким отдельным участком территории и использовала каждый

экономическую форму, — получает ее, освобождаясь от всех политических и социальных покровов и соединений, коротко говоря, от всех тех традиционных придатков, на которые сами промышленные капиталисты, равно как и их теоретические вожди, как мы увидим позже, в пылу борьбы с земельной собственностью нападали как на бесполезное и чуждое излишество. Рационализация земледелия с одной стороны, что впервые дает возможность вести его общественно, приведение земельной собственности *ad absurdum* с другой, — таковы великие заслуги капиталистического способа производства. Но как и все другие его исторические поступательные шаги, так и этот он купил прежде всего ценою полной пауперизации непосредственных производителей.

Прежде, чем перейти к самому предмету, необходимо во избежание недоразумений сделать еще несколько предварительных замечаний.

Итак, предпосылка капиталистического способа производства такова: действительные земледельцы суть наемные рабочие, получающие работу от капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую область эксплуатации капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства. В определенные сроки, напр. ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает земельному собственнику, собственнику эксплуатируемой им земли, договором установленную сумму денег (совершенно так же, как заемщик денежного капитала — определенный процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой сфере производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных ловель, лесов и т. д. Она уплачивается в течение всего времени, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следова-

участок для преусиления всех остальных. Но существование такой доли... оказалось бы несовместимым с разделением земли на частные земельные участки... и с предоставленным всякому владельцу почти абсолютным правом по усмотрению распоряжаться своим имуществом". — Johnston, Comte и др., встречаясь с противоречием собственности и рациональной агрономии, обращают внимание лишь на необходимость возделывать землю известной страны как одно целое. Но агрикультуре — которой приходится считаться прежде всего с совокупностью постоянных потребностей смеющихся человеческих поколений — противоречит и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное наемование этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях иногда ведется до известной степени в соответствии с общественным интересом, когда леса на составляют частной собственности, а подчинены государственному управлению.

тельно, земельная рента здесь есть та экономическая форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, доставляет стоимость. Далее, мы имеем здесь перед собой все три класса, которые в совокупности и противопоставляясь друг другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

Капитал может быть фиксирован в земле, присоединен к ней, частью на относительно короткий срок, как при улучшениях химического свойства, удобрений и т. д., частью на более продолжительный, как в случае с осушительными каналами, оросительными сооружениями, пивеллировкой, хозяйственными постройками и т. д. В другом месте я назвал капитал, присоединяемый таким образом к земле, *la terre-capital* ²⁹⁾. Он относится к категории основного капитала. Процент за присоединенный к земле капитал и за улучшения, таким образом произведенные в ней как в орудии производства, может составлять часть той ренты, которая уплачивается фермером собственнику земли ²⁹⁾, но не это составляет собственно земельную ренту, уплачиваемую за пользование землей как таковой, независимо от того, находится ли она в естественном состоянии или культивирована. При систематическом изучении земельной собственности, что не входит в наш план, эту часть дохода земельного собственника пришлось бы рассмотреть подробно. Здесь же достаточно нескольких слов об этом предмете. Сравнительно краткосрочные затраты капитала, сопряженные с обычными производственными процессами в земледелии, все без исключения делаются фермером. Эти затраты, как и простое возделывание вообще, если только оно ведется хотя бы до некоторой степени рационально, т.-е. не сводится к грубому истощению земли, как было, напр., у прежних американских рабовладельцев—против чего однако господа земельные собственники по контракту обеспечивают себя,—эти затраты улучшают почву ³⁰⁾, увеличивают количество продукта и превращают землю из простой материи в землю-капитал (*terre-capital*). Возделанная земля больше стоит, чем невозделанная тех же самых естественных свойств. И

²⁹⁾ *Misère de la Philosophie*, p. 165. Там я провожу различие между *terre-matière* и *terre-capital*. „Стоит лишь к участкам земли, уже превращенным в средства производства, присоединить новые затраты капитала, — и мы увеличим *terre-capital*, несколько не увеличивая *terre-matière*, т.-е. пространства земли... *La terre-capital* так же не вечен, как и всякий другой капитал... *La terre-capital* есть основной капитал, но основной капитал снашивается так же, как и оборотные капиталы“.

²⁹⁾ Я говорю „может“, потому что при известных обстоятельствах этот процент регулируется законом земельной ренты и потому, как в случае конкуренции новых земель, обладающих большим естественным плодородием, может исчезнуть.

³⁰⁾ См. James Anderson и Carey.

основные капиталы, присоединяемые к земле на более долгий срок, используемые в течение сравнительно продолжительного времени, по большей части, а в некоторых сферах иногда исключительно, затрачиваются также фермером. Когда же истекает определенный контрактом срок аренды,—и это одна из причин, почему с развитием капиталистического производства земельный собственник стремится по возможности сократить срок аренды,—тогда произведенные в земле улучшения достаются владельцу земли как акциденции, неотделимые от субстанции, от земли, как его собственности. При заключении нового контракта об аренде земельный собственник присоединяет к собственно земельной ренте процент на капитал, присоединенный к земле,—безразлично, сдаст ли он теперь землю тому фермеру, который произвел улучшения, или какому-либо другому. Таким образом его рента разбухает; или если он намерен продать землю — мы сейчас увидим, как определяется ее цена, — теперь оказывается повышенной ее стоимость. Он продает не просто землю, но улучшенную землю, присоединенный к земле капитал, который ему ничего не стоил. Это одна из тайн — совершенно оставляя в стороне движение собственно земельной ренты — ускоряющегося обогащения земельных собственников, постоянного увеличения их рент и возрастания денежной стоимости их земель, параллельного ходу экономического развития. Таким образом земельные собственники прибирают к своим рукам результат общественного развития, получающийся без всякого содействия с их стороны, — *fruges consumere nati*. Но в то же время это — одна из величайших помех рациональному земледелию, потому что фермер избегает всяких улучшений и затрат, раз нельзя ожидать, что они целиком возвратятся до истечения срока его аренды; и мы видим, что на это обстоятельство именно как на такую помеху жалуются снова и снова: в прошлом веке Джеймс Андерсон, собственно впервые открывший современную ренту и в то же время фермер-практик и видный для своей эпохи агроном, — в наши дни жалуются противники современного строя земельной собственности в Англии.

А. А. Walton в *History of the Landed Tenures of Great Britain and Ireland*, London 1685, так говорит об этом (p. 96, 97): «Все усилия многочисленных сельско-хозяйственных учреждений в нашей стране не в состоянии повести к значительным или действительно заметным результатам в области успехов улучшенного возделывания, пока такие улучшения в несравненно большей степени увеличивают стоимость земельной собственности и размер ренты землевладельца, чем улучшают положение фермера или сельского рабочего. В общем фермеры несколько не хуже землевладельца, его управляющего или даже президента сельско-хозяйственного общества знают, что хороший

дренаж, обильное удобрение и хорошее хозяйствование в связи с увеличенным применением труда для основательной расчистки и обработки земли дадут чудные результаты как в отношении улучшения почвы, так и в отношении увеличения производства. Но все это требует значительных затрат, и фермеры не менее хорошо знают, что как бы ни улучшили они землю и ни повысили ее стоимость, с течением времени землевладельцы пожнут от этого главную выгоду в повышенной ренте и возросшей цене земли... фермеры настолько-то понятливы, чтобы заметить, что те ораторы [землевладельцы и их управляющие на сельско-хозяйственных торжествах] странным образом всегда забывают сказать им, что львиная доля всех улучшений, сделанных фермером, всегда должна, в конце концов, попадать в карман землевладельца... Как бы прежний арендатор ни улучшил арендованную землю, его преемник каждый раз откроет, что землевладелец повысит ренту соответственно повышению стоимости земли, созданному прежними улучшениями».

В собственно земледелии этот процесс проявляется еще не так ясно, как при пользовании землей как строительным участком. В Англии подавляющая часть земли под постройки не продается как freehold, а сдается земельными собственниками на 99 лет или, если возможно, и на более короткое время. По истечении этого срока постройки вместе с самой землей достаются землевладельцу. «Они [арендаторы] обязуются, после того как они все время уплачивали вздутую земельную ренту, по истечении срока контракта привести для крупного землевладельца дом в хорошее обитаемое состояние. Едва истекает срок контракта об аренде, как приходит агент или управляющий землевладельца, осматривает ваш дом, заботится о том, чтобы вы привели его в хорошее состояние, потом вступает во владение им и присоединяет его к участку лэндлорда. Факт тот, что если полное действие этой системы будет допущено еще на продолжительное время, все домовладение в королевстве, точно так же как сельское землевладение, окажется в руках крупных землевладельцев. Почти весь Вестэнд Лондона, к северу и югу от Temple Bar, принадлежит приблизительно полдюжине крупных землевладельцев, сдается за колоссальную арендную плату и, если сроки контрактов не вполне истекли, то они быстро истекают один за другим. В большей или меньшей мере это относится и ко всем городам королевства. Но даже на этом не останавливается эта алчная система исключительности и монополии. Почти все доковые сооружения наших приморских городов вследствие такого же процесса узурпации находятся в руках крупных землевладельцев - левинафанов» (I. с., р. 93). При таких обстоятельствах очевидно, что хотя перепись 1861 года для Англии

и Уэльса при общей цифре населения в 20.066.224 определяет число домовладельцев в 36.032, однако отношение числа собственников к числу домов и цифре населения получило бы совершенно иной вид, если бы крупные собственники были проведены особо от мелких.

Этот пример собственности на постройки важен в том отношении, 1) что он ясно показывает различие между собственно земельной рентой и процентом на присоединенный к земле основной капитал,—процентом, который может составлять придаток к земельной ренте. Пока продолжается срок арендного договора, процент на постройки, равно как и на капитал, вкладываемый при земледелии арендатором в землю, достается промышленному капиталисту—строительному спекулянту или фермеру—и сам по себе не имеет ничего общего с земельной рентой, которую ежегодно, в определенные сроки, приходится уплачивать за пользование землей. 2) Он показывает, как вместе с землей и присоединенный к ней чужой капитал, в конце концов, достается землевладельцу, и вследствие этого его рента увеличивается процентом.

Некоторые писатели, отчасти как защитники земельной собственности против нападок буржуазных экономистов, отчасти стремясь превратить капиталистическую систему производства из системы противоречий в систему «гармонии», как, напр., Кэри, старались представить, будто земельная рента, специфическое экономическое выражение земельной собственности, тождественна с процентом. Этим была бы изглажена противоположность между земельными собственниками и капиталистами. Обратный метод применялся при начале капиталистического производства. Тогда для ходячего представления земельная собственность была еще первичной и почтенной формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Dudley North, Locke и др. изображали процент на капитал в виде формы, аналогичной земельной ренте,—совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента.—Упомянутые более новые писатели—совершенно оставляя в стороне тот факт, что земельная рента может существовать и существует в чистом виде, без всякой примеси процента на присоединенный к земле капитал,—забывают, что земельный собственник получает таким образом не только процент на чужой капитал, который ему ничего не стоил, но кроме того получает еще даром и чужой капитал. Оправдание земельной собственности—как и всяких других форм собственности, соответствующих определенному способу производства—заключается в том, что самый способ производства, а следовательно, и выте-

жающие из него отношения производства и обмена, представляют историческую преходящую необходимость. Правда, как мы увидим впоследствии, земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляется излишней и вредной, даже с точки зрения капиталистического способа производства.

Земельная рента может смешиваться с процентом еще в одной форме, и благодаря этому ее специфический характер может остаться непонятым. Земельная рента находит себе выражение в определенной сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи известного участка земли. Мы видели, как происходит капитализация всякого определенного дохода, т.-е. каким образом благодаря этому последний может рассматриваться как процент на воображаемый капитал. Если, напр., средний размер процента 5%, то та же оная земельная рента в 200 £ может рассматриваться как процент на капитал в 4.000 £. Капитализированная таким образом земельная рента и составляет покупную цену или стоимость земли: категория, которая подобно цене труда иррациональна, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости. Но с другой стороны за этой иррациональной формой скрывается действительное производственное отношение. Если капиталист покупает землю, приносящую годовую ренту в 200 £, за 4.000 £, то он получает средний годовой процент в 5% — совершенно так же, как если бы он вложил этот капитал в процентные бумаги или прямо отдал его в ссуду из 5%. Это увеличение стоимости капитала в 4.000 £ на 5%. При таком предположении в 20 лет он возместил бы покупную цену своего имущества доходами с последнего. Поэтому в Англии покупная цена земель исчисляется по известному числу *years' purchase*, что является лишь иным выражением капитализирования земельной ренты. В самом деле, это покупная цена, — не земли, а той земельной ренты, которую она приносит, — вычисленная в соответствии с обычным размером процента. Но эта капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь предпосылкой, исходной точкой.

Из этого следует, что, предполагая земельную ренту неизменной по величине, цена земли может повышаться и понижаться в обратном направлении с повышением и понижением размера процента. Если бы обычный размер процента понизился с 5 до 4%, то годовая земельная рента в 200 £ представляла бы годовое увеличение стоимости

капитала уже не в 4.000 £, а в 5.000 £ и таким образом цена всего же участка земли повысилась бы с 4.000 до 5.000 £ или с 20 years' purchase до 25. Обратное в обратном случае. Это — независимое от движения самой земельной ренты и регулируемое лишь размером процента движение земельной цены. Но так как мы видели, что в ходе общественного развития норма прибыли, а вместе с ней и размер процента, поскольку он регулируется нормой прибыли, имеет тенденцию понижаться; что, далее, даже оставляя в стороне норму прибыли, размер процента имеет тенденцию понижаться вследствие роста ссужаемого денежного капитала, то из этого следует, что цена земли имеет тенденцию повышаться и независимо от движения земельной ренты и цены земельных продуктов, часть которой составляет рента.

Смещение самой земельной ренты с той процентной формой, которую она припимает для покупателя земли, — смещение, основывающееся на полном непонимании природы земельной ренты, — необходимо приводит к самым удивительным ложным выводам. Так как земельная собственность во всех старых странах считается особо почтенной формой собственности, а купля земельной собственности — особо верным помещением капитала, то размер процента, из которого исчисляется покупная цена земельной ренты, держится обыкновенно ниже, чем при других способах помещения капитала, рассчитанных на сравнительно долгое время, так что, напр., покупатель земли получает на покупную цену всего 4%, между тем как он получил бы на тот же капитал при другом способе помещения 5%; или, что сводится к тому же, он уплачивает за земельную ренту больше капитала, чем пришлось бы ему уплатить за такой же годовой денежный доход в других сферах применения. Господин Тьер в своей, вообще совершенно дрянной работе о *La Propriété* (отгиске его речи против Прудона, произнесенной в 1849 году во французском национальном собрании) делает из этого тот вывод, что земельная рента низка, между тем как это только доказывает, что покупная цена ее высока.

То обстоятельство, что капитализированная земельная рента представляется как цена земли — соответственно стоимость земли, — и что земля таким образом продается и покупается подобно всякому другому товару, является для некоторых апологетов опорой для оправдания земельной собственности, так как покупатель платил за нее, подобно всякому другому товару, эквивалент, и большая часть земельной собственности перешла благодаря этому из рук в руки. Но в таком случае подобное соображение служило бы и для оправдания рабства, потому что для рабовладельца, заплатившего за раба наличными, выплата от рабского труда представляет лишь процент на капитал, за

граченный на его покупку. Вообще выводить из купли и продажи земельной ренты оправдание ее существования—это значит оправдывать ее существование ее существованием.

Как ни важно для научного анализа земельной ренты,—т. е. самостоятельной, специфической экономической формы земельной собственности на основе капиталистического способа производства,—как ни важно изучить ее в чистом виде, свободной от всех фальсифицирующих и затушевывающих ее примесей, не менее важно с другой стороны для понимания практических следствий земельной собственности и даже для теоретического познания массы фактов, которые противоречат понятию и природе земельной ренты и, однако, являются формами существования земельной ренты,—не менее важно познаться с элементами, которые приводят к этим затемнениям теории.

Конечно, практически земельной рентой является все, что фермер платит земельному собственнику в форме арендных денег за разрешение возделывать землю. Из каких бы составных частей ни складывалась эта дань, из каких бы источников она ни происходила, для нее с собственно земельной рентой общее то обстоятельство, что монополия на участок земли дает так называемому земельному собственнику силу взимать дань, налагать контрибуцию. Для нее с собственно земельной рентой общее то обстоятельство, что она определяет земельную цену, которая, как показано выше, есть не что иное, как капитализированный доход, получаемый от сдачи земли в аренду.

Мы уже видели, что процент на присоединенный к земле капитал может образовать одну из таких инородных составных частей земельной ренты, при чем эта составная часть с ходом экономического развития необходимо образует все более и более возрастающий прирост к общей сумме рент данной страны. Но даже оставляя этот процент в стороне, возможно, что часть арендных денег, а в известных случаях арендные деньги целиком—это предполагает полное отсутствие собственно земельной ренты, а потому предполагает, что земля действительно не имеет стоимости,—составляют вычет из средней ли прибыли, из нормальной ли заработной платы, или из той и другой одновременно. Эта часть—прибыли или заработной платы—представляется здесь в образе земельной ренты, потому что она не попадает, как это бывает обычно, промышленному капиталисту или наемному рабочему, а уплачивается в форме арендных денег земельному собственнику. Ни та, ни другая часть не образует земельной ренты в экономическом смысле этого слова: но практически она образует доход земельного собственника, экономическое использование его монополии,—совершенно так же, как действительная земельная рента,—и точно так же, как последняя, определяет земельную цену.

Мы не говорим здесь о таких отношениях, когда формально существует земельная рента, эта соответствующая капиталистическому способу производства форма использования земельной собственности, но когда нет самого капиталистического способа производства, когда сам фермер не является промышленным капиталистом и характер его хозяйствования не является капиталистическим. Таково положение, напр., в Ирландии. Фермер здесь в общем мелкий крестьянин. То, что он уплачивает в виде арендной платы земельному собственнику, зачастую поглощает не только часть его прибыли, т.-е. его собственного прибавочного труда, на который он имеет право как владелец своих собственных орудий труда, но и часть той нормальной заработной платы, которую он получал бы при других условиях за такое же количество труда. Кроме того земельный собственник, который здесь совершенно ничего не делает для улучшения почвы, экспроприрует у него его маленький капитал, который арендатор присоединяет к земле по большей части собственным трудом,—экспроприрует точно так же, как сделал бы ростовщик при аналогичных условиях. Разница лишь в том, что ростовщик рискует при подобных операциях по меньшей мере своим собственным капиталом. Такое постоянное ограбление составляет предмет борьбы из-за ирландского земельного законодательства, которое предлагается свести к тому, чтобы принудить земельного собственника, отказывающего арендатору, вознаграждать последнего за произведенные им улучшения почвы или за присоединенный к земле капитал. Пальмерстон обыкновенно давал на это циничный ответ: «Палата общин—палата земельных собственников».

Мы не говорим также о тех исключительных отношениях, когда даже в странах капиталистического производства земельный собственник может выжимать высокую арендную плату, которая не стоит ни в каком соответствии с продуктом земли, примером чего может служить в английских промышленных округах сдача мелких клочков земли в аренду фабричным рабочим под маленькие садики или для любительского земледелия в часы досуга (Reports of Inspectors of Factories).

Мы говорим о земледельческой ренте в странах развитого капиталистического производства. Напр., среди английских фермеров имеется известное количество мелких капиталистов, которые воспитанием, образованием, традициями, конкуренцией и другими обстоятельствами предопределены и вынуждены к тому, чтобы в качестве фермеров применять свой капитал к земледелию. Они вынуждены довольствоваться прибылью меньшей, чем средняя, и отдавать часть ее в форме ренты собственнику земли. Это—условие, при соблюдении которого им только и может быть позволено вкладывать свой капитал в почву, в зем-

деление. Так как земельные собственники повсюду оказывают значительное, в Англии даже преобладающее влияние на законодательство, то они могли использовать это влияние для того, чтобы надуть целый класс фермеров. Правда, напр., хлебные законы 1815 года — налог на хлеб, как известно, наложенный на страну с той целью, чтобы обеспечить для праздных земельных собственников дальнейшее существование непомерно возросших рент, создавшихся во время войны против Франции, — за вычетом отдельных исключительно урожайных годов оказали то действие, что поддерживали цены сельскохозяйственных продуктов выше того уровня, до которого они упали бы при свободном ввозе хлеба. Однако они не имели такого действия, чтобы удержать цены на таком уровне, который землевладельцы-законодатели декретировали как своего рода нормальный уровень, так что он составлял законный предел ввоза иностранного хлеба. Между тем арендные договоры заключались под впечатлением этих нормальных цен. Когда иллюзии рассеялись, был составлен новый закон, с новыми нормальными ценами, которые однако были столь же бессильным выражением алчной землевладельческой фантазии, как и старые. Таким способом фермеров проводили с 1815 до 30-х годов. Отсюда *agricultural distress* (угнетенное состояние земледелия) как постоянная тема на протяжении всего этого времени. Отсюда экспроприация и разорение целого поколения фермеров в течение этого периода и замещение их новым классом капиталистов ³¹⁾.

Но несравненно более общий и важный факт представляет понижение заработной платы собственно сельскохозяйственных рабочих ниже нормального среднего уровня, так что часть заработной платы отнимается у рабочего, образует составную часть арендной платы и таким образом под маской земельной ренты попадает земельному собственнику вместо рабочего. Напр., в Англии и Шотландии, за исключением немногих графств, находящихся в благоприятном положении, это — общее явление. Труды учрежденных перед введением хлебных законов в Англии парламентских следственных комиссий о высоте заработной платы — до сих пор самые ценные и почти совершенно неиспользованные материалы по истории заработной платы в XIX веке, и в то же время позорный памятник, воздвигнутый английской аристократией и буржуазией самим себе, — с очевидностью, вне всякого сомнения доказывают, что высокие ренты и соответствующий им рост земельных

³¹⁾ См. *Anti-Corn-Law Price-Essays*. Тем не менее хлебные законы все же поддерживали цены на искусственно повышенном уровне. Это благоприятствовало лучшим фермерам. Они выигрывали от инертности, к которой охранительные пошлины располагали подавляющую массу фермеров, уповавших — основательно или нет, дело другое — на исключительную среднюю цену.

цен во время войны с Францией представляют отчасти результат просто вычета из заработной платы и ее понижения ниже даже физического уровня; т.-е. результат выплаты некоторой части нормальной заработной платы земельному собственнику. Различные обстоятельства, между прочим, обесценение денег, способ применения законов о бедных в земледельческих округах и т. д. сделали возможной эту операцию в то самое время, когда доходы фермеров колоссально возрастали и земельные собственники сказочно обогащались. Впрочем, одним из главных аргументов как фермеров, так и земельных собственников в пользу введения хлебных пошлин прямо был тот довод, что физически невозможно еще больше понизить заработную плату земледельческих батраков. Это положение не претерпело существенных изменений, и в Англии, как во всех европейских странах, часть нормальной заработной платы по-прежнему входит в состав земельной ренты. Когда граф Shaftesbury, в то время лорд Ashley, один из филантропов-аристократов, был столь чрезвычайно растроган положением английских фабричных рабочих и при агитации за десятичасовой день выступил их парламентским защитником,—в отместку за это защитники промышленников опубликовали статистические данные о заработной плате земледельческих рабочих в принадлежащих ему деревнях (см. книга I, глава XXIII, 5, e: английский земледельческий пролетариат); эти данные ясно показали, что часть земельной ренты этого филантропа получается просто от грабежа, который за него учиняют его арендаторы над заработной платой земледельческих рабочих. Эта публикация интересна еще и в том отношении, что приведенные в ней факты могут смело стать рядом со всем худшим, что раскрыли комиссии 1814 и 1815 годов. Едва лишь обстоятельства принуждают к временному повышению заработной платы земледельческих рабочих, как уже фермеры начинают кричать, что повышение заработной платы до нормального уровня, которого она достигает в других отраслях промышленности, вещь невозможная, что оно неизбежно разорит их, если земельная рента не будет одновременно понижена. Следовательно, здесь делается признание, что под именем земельной ренты арендаторы делают вычет из заработной платы и выплачивают его земельному собственнику. Напр., в 1849—1859 годах заработная плата земледельческих рабочих в Англии повысилась вследствие стечения ряда мощных обстоятельств: эмиграция из Ирландии, прекратившая приток оттуда земледельческих рабочих; необычное поглощение земледельческого населения фабричной промышленностью; спрос на солдат для войны; необычная эмиграция в Австралию и Соединенные Штаты (в Калифорнию) и другие причины, на которых здесь не приходится останавливаться подробнее. В то же время в этот период, за исключением 1854—1856 годов с неудовлетво-

рительными урожаями, средние цены хлеба понизились более чем на 16%. Арендаторы вопияли о понижении рент. В отдельных случаях они достигли этого. Вообще же они с этим требованием потерпели фиаско. Они искали выхода в понижении издержек производства, средством для чего служило между прочим широкое применение паровых локомотивов и новых машин, которые отчасти заменяли и вытесняли из хозяйства лошадей, отчасти же освобождая земледельческих рабочих, вызвали искусственное перенаселение, а потому и новое понижение заработной платы. И это происходило несмотря на общее относительное, по сравнению с ростом всего населения, уменьшение земледельческого населения за это десятилетие и несмотря на абсолютное уменьшение земледельческого населения в некоторых чисто земледельческих округах ³²). Точно так же 12 октября 1865 года Fawcett, тогда профессор политической экономии в Кембридже, умерший в 1884 году генерал-почтмейстером, говорил на Social Science Congress: «Земледельческие рабочие начинают эмигрировать, и арендаторы начинают жаловаться, что они не в состоянии будут платить столь высокие ренты, как обыкновенно платили, потому что вследствие эмиграции труд становится дороже». Следовательно, здесь высокая земельная рента прямо отождествляется с низкой заработной платой. И поскольку высота земельной цены обуславливается этим обстоятельством, повышающим ренту, постольку повышение стоимости земли тождественно с обезпечением труда, высокий уровень земельной цены—с низким уровнем цены труда.

То же самое и во Франции. «Арендная плата повышается, потому что на одной стороне повышается цена хлеба, вина, мяса, овощей и фруктов, а на другой стороне цена труда остается неизменной. Если бы старики сравнили счета их отцов,—что отодвигает нас назад почти на 100 лет,—они нашли бы, что тогда цена рабочего в сельской Франции была точно такая же, как в настоящее время. Цена же мяса с того времени утроилась... Кто жертва этого переворота? Богатый ли, собственник сдаваемой в аренду земли, или бедный, который ее обрабатывает?.. Повышение арендных плат есть доказательство общественного бедствия» (*Du Mécanisme de la Société en France et en Angleterre. Par M. Rubichon, 2-me édit., Paris 1837, p. 101*).

Примеры ренты как следствия вычета с одной стороны из средней прибыли, с другой—из средней заработной платы:

Цитированный выше Мортон, сельский агент и сельскохозяйственный инженер, рассказывает, что во многих местностях сделано наблю-

³²) John C. Morton, The Forces used in Agriculture. Доклад в лондонском Society of Arts в 1860 г., основанный на данных, полученных непосредственно приблизительно от 100 арендаторов в 12 шотландских и 35 английских графствах.

дене, что ренты за крупные аренды ниже, чем за сравнительно мелкие, так как «конкуренция из-за последних обычно больше, чем из-за первых, и так как мелкие арендаторы, которые редко имеют возможность заняться чем-либо иным, кроме земледелия, вынужденные необходимостью найти подходящее дело, часто соглашаются платить такую ренту, о которой они сами знают, что она слишком высока» (John C. Morton, *The Resources of Estates*, London 1858, p. 116).

Однако по его мнению в Англии это различие постепенно изглаживается, чему, как он полагает, сильно содействует эмиграция класса как раз мелких арендаторов. Тот же Мортон приводит пример, когда в земельную ренту несомненно входит вычет из заработной платы самого фермера и, следовательно, еще несомненное—из заработной платы рабочих, которых он держит. Именно, дело идет об арендах менее 70—80 акров (30—34 гектара), при которых невозможно держать пароконный плуг. «Если арендатор не работает своими собственными руками так же прилежно, как какой-нибудь рабочий, он не может существовать от своей аренды. Если он предоставит выполнение работы своим людям, а сам ограничится исключительно надзором за ними, он по всей вероятности очень скоро откроет, что не в состоянии уплачивать арендную плату» (I. c., p. 118). Из этого Мортон делает тот вывод, что если арендаторы в данной области не очень бедны, то размеры сдаваемых в аренду участков не должны быть менее 70 акров, при чем фермер мог бы держать 2—3 лошадей.

Необычайная мудрость господина Léonce de Lavergne, Membre de l'Institut et de la Société Centrale d'Agriculture. В своей *Economie Rurale de l'Angleterre* (цитирую по английскому переводу, London 1855) он делает следующее сравнение годовых выгод от рогатого скота, который во Франции употребляется для работ, а в Англии не употребляется, так как его заменяют лошади (p. 42):

Франция: молоко	4 милл.	£	Англия: молоко	16 милл.	£
мясо	16 »	»	мясо	20 »	»
работа	8 »	»	работа	— »	»
<hr/>			<hr/>		
28 милл. £			36 милл. £		

Но при этом более высокий продукт для Англии получается лишь потому, что согласно его собственным данным молоко в Англии стоит вдвое дороже, чем во Франции, между тем как для мяса он предполагает одинаковые цены в обеих странах (p. 35); следовательно, в действительности молочный продукт в Англии сокращается до 8 милл. £, а весь продукт—до 28 милл. £, как во Франции. Действительно, это несколько слишком сильно, если действовать так, как г. Лавернь, который вводит в свое вычисление одновременно и количества про-

дукта и различия цен, так что раз Англия производит известные предметы дороже, чем Франция,—что знаменует только большую прибыль для арендаторов и земельных собственников,—то для Лаверья это является преимуществом английского земледелия.

Что г. Лавернь знаком не только с экономическими результатами английского сельского хозяйства, но разделяет и предрассудки английских фермеров и землевладельцев, это он показывает на стр. 48. «Крупная невыгода обыкновенно сопряжена с зерновыми растениями... они истощают почву, на которой произрастают». Г. Лавернь не только полагает, что другие растения этого не делают; он полагает также, что кормовые растения и корнеплоды обогащают землю: «Кормовые растения извлекают главные элементы своего роста из атмосферы и возвращают почве больше, чем извлекают из нее; таким образом они в двойном смысле—и прямо и вследствие их превращения в животное удобрение—содействуют возмещению вреда, причиненного зерновыми растениями и другими истощающими культурами; поэтому следует принять за правило, чтобы они по меньшей мере чередовались с этими культурами; к этому сводится севооборот Норфолька» (р. 50, 51).

Неудивительно, что г. Лавернь, веря этим сказкам английского деревенского благодушия, верит и его утверждениям, будто после отмены хлебных законов заработная плата английских сельских рабочих утратила свой прежний ненормальный характер. См., что мы говорили об этом раньше, книга I, глава XXIII, 5. Однако послушаем еще речь г. Джона Брайта, произнесенную в Бирмингеме 14 декабря 1865 года. Поговорив о 5 миллионах семейств, вовсе не представленных в парламенте, он продолжает: «Из них на Соединенное Королевство приходится 1 миллион или, вернее, больше 1 миллиона занесенных в злополучные списки нищих. Затем еще один миллион, которые все еще держатся выше линии науперизма, но которым постоянно угрожает опасность тоже сделаться нищими. Их положение и их перспективы не лучше. Посмотрите же наконец на невежественные низкие слои этой части общества. Посмотрите на их положение отверженных, их бедность, их страдания, их полнейшую безнадежность. Даже в Соединенных Штатах, даже в южных штатах при господстве рабства у всякого негра оставалась надежда, что и он когда-нибудь может получить свободу. Но для этих людей, для этой массы низших слоев в нашей стране не существует—я могу здесь прямо сказать это—ни надежды на какое-либо улучшение, ни даже стремления к этому. Читали ли вы недавно в газетах заметку о Джоне Кроссе, земледельческом рабочем в Дорсетшире? Он работал по 6 дней в неделю, получая превосходное свидетельство от своего хозяина, на которого он работал 24 года, получая в неделю по 8 шиллингов. На эту заработ-

ную плату Джон Кросс должен был содержать в своей хижине семью из 7 детей. Чтобы согреть свою больную жену и ее грудного ребенка, он взял—выражаясь языком закона, могу сказать украл—деревянный плетень стоимостью в 6 пенсов. Мировые судьи приговорили его за этот проступок к 14 или 20 дням тюрьмы. И скажу вам, что в целой стране можно разыскать многие тысячи таких случаев, как с Джоном Кроссом, особенно на юге, и что положение этих людей таково, что до сих пор самый внимательный наблюдатель не мог раскрыть тайны, как у них душа держится в теле. А теперь бросьте взгляд на всю страну и взгляните на эти 5 миллионов семейств и на отчаянное положение, в каком находится этот слой. Не следует ли по совести сказать, что эта масса нации, лишенная избирательного права, мучится над работой, вечно мучится над работой и почти совсем не знает отдыха? Сравните ее с господствующим классом—однако, если я стану говорить так, меня обвинят в коммунизме... но сравните этот огромный, убивающийся над работой и лишенный избирательного права народ с той частью, в которой можно видеть господствующие классы. Посмотрите на их богатство, их блеск, их роскошь. Посмотрите на их утомление—потому что и среди них наблюдается утомление, но это утомление пресыщения,—посмотрите, как они торопятся с места на место, как будто все сводится к тому, чтобы открыть новые удовольствия» (Morning Star, 15 декабря 1865 года).

В последующем показано, как прибавочный труд, а потому и прибавочный продукт вообще смешивается с земельной рентой, этой частью прибавочного продукта, специфически определенной—по крайней мере на базисе капиталистического способа производства—с количественной и качественной стороны. Естественным базисом прибавочного труда вообще, т.-е. тем естественным условием, без которого он невозможен, является то, что природа при затрате рабочего времени, не поглощающего всего рабочего дня, доставляет необходимые средства существования в продуктах ли земли, растительных и животных, или в продуктах рыболовства и т. д. Эта естественная производительность земледельческого труда (при чем сюда относится в данной связи труд простого собирания, охоты, рыболовства, скотоводства) является базисом всякого прибавочного труда, так как весь труд сначала, при первом своем проявлении, направлен на присвоение и производство пищи. (Но животные доставляют в то же время шкуры для защиты от холода в холодном климате; кроме того пещерные жилища и т. д.)

Такое же смешение прибавочного продукта и земельной ренты, только в иных выражениях, встречается у г. Dove. Первоначально земледельческий труд и промышленный труд не отделены один от другого; второй примыкает к первому. Прибавочный труд и прибавоч-

мый продукт земледельческого племени, домоной общины или семьи включает в себе как земледельческий, так и промышленный труд. Тот и другой идут рука об руку. Охота, рыболовство, земледелие невозможны без соответствующих орудий. Ткачество, прядение и т. д. сначала ведутся как подсобные при земледельческой работе.

Раньше мы показали, что как труд отдельного рабочего распадается на необходимый и прибавочный труд, так и весь труд рабочего класса можно разделить таким же образом, так что часть, которая производит средства существования для всего рабочего класса (включая сюда и необходимые для этого средства производства), выполняет необходимый труд для всего общества. Труд, выполняемый всей остальной частью рабочего класса, можно рассматривать как прибавочный труд. Но необходимый труд включает в себе отнюдь не только земледельческий труд, но также и тот труд, который производит все остальные продукты, которые необходимо входят в среднее потребление рабочего. Кроме того, с общественной точки зрения одни выполняют только необходимый труд лишь потому, что другие выполняют только прибавочный труд, и наоборот. Это—просто разделение труда между ними. Так же обстоит дело и с разделением труда между земледельческими и промышленными рабочими вообще. Чисто промышленному характеру труда на одной стороне соответствует чисто земледельческий на другой. Этот чисто земледельческий труд отнюдь не дан природой, он сам есть продукт общественного развития, притом продукт очень новый, далеко не повсюду достигнутый, и соответствует вполне определенной ступени в развитии производства. Подобно тому, как часть земледельческого труда овеществляется в продуктах, которые или служат только роскоши, или образуют сырой материал для промышленности, но вовсе не входят в пищу, не говоря уже о пище масс,—точно так же с другой стороны часть промышленного труда овеществляется в продуктах, которые служат необходимыми средствами потребления как земледельческих, так и неземледельческих рабочих. Было бы ошибочно рассматривать этот промышленный труд как прибавочный труд—с общественной точки зрения. Он в известной части такой же необходимый труд, как необходимая часть земледельческого труда. Да и представляет он лишь обособившуюся форму известной части того промышленного труда, который раньше был естественно соединен с земледельческим трудом и представляет необходимое взаимное дополнение отделившегося теперь от него чисто земледельческого труда. (Рассматривая дело с чисто материальной стороны, напр., 500 ткачей за механическими станками производят в несравненно большей мере добавочные ткани, т.-е. производят больше, чем требуется для их собственной одежды.)

Накопец, рассматривая формы проявления земельной ренты, т.-е. рассматривая арендную плату, которая уплачивается под титулом земельной ренты собственнику земли за использование почвы с целями производства или потребления, необходимо помнить, что цена вещей, которые сами по себе не имеют стоимости, т.-е. не суть продукты труда, как, напр., земля, или по крайней мере не могут быть воспроизведены трудом, как, напр., древности, художественные произведения определенных мастеров и т. д., может определяться очень случайными обстоятельствами. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения.

При рассмотрении земельной ренты следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ:

1) Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности и что земельная рента в свою очередь предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины, как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь следствием собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же земельная собственность будет чисто частной собственностью производителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, повидимому, непосредственно предполагается присвоением и производством продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит, как в случаях с колонистами и мелко-крестьянскими землевладельцами.

Это общее для различных форм ренты, — то обстоятельство, что она вообще представляет экономическую реализацию земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земли, — это общее ведет к тому, что различия форм не замечаются.

2) Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. В своей неразвитой форме, в форме натуральной ренты, она еще непосредственно является прибавочным продук-

том. Отсюда то заблуждение, будто та рента, которая соответствует капиталистическому способу производства и которая всегда представляет излишек над прибылью, т.-е. над той частью стоимости товара, которая сама состоит из прибавочной стоимости (прибавочного труда), — будто эта особая и специфическая составная часть прибавочной стоимости получит должное объяснение, раз будут объяснены общие условия существования прибавочной стоимости и прибыли вообще. Эти условия таковы: непосредственные производители должны работать больше того времени, которое требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы, для воспроизводства их самих. Они вообще должны выполнять прибавочный труд. Это — субъективное условие. Объективное же заключается в том, чтобы у них была и возможность выполнять прибавочный труд; чтобы естественные условия были таковы, чтобы лишь некоторой части рабочего времени, которым они располагают, было достаточно для их воспроизводства и самосохранения как производителей; чтобы производство необходимых средств их существования не поглощало всей их рабочей силы. Плодородие природы представляет здесь одну границу, одну исходную точку, одну основу. Другую же представляет развитие общественной производительной силы труда. Рассматривая дело еще ближе, — так как производство пищевых средств является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще, — труд, прилагаемый к этому производству, следовательно, земледельческий труд в самом широком экономическом смысле этого слова должен быть настолько производителен, чтобы производством пищевых средств для непосредственных производителей поглощалось не все возможное рабочее время; т.-е. чтобы был возможен земледельческий прибавочный труд, а потому и земледельческий прибавочный продукт. Идя дальше, можно сказать; необходимо, чтобы весь земледельческий труд — необходимый и прибавочный труд — некоторой части общества был достаточен для того, чтобы производить необходимые средства питания для всего общества, т.-е. и для неземледельческих рабочих; следовательно, чтобы было возможно это крупное разделение труда между земледельцами и промышленниками, а также между теми из земледельцев, которые производят пищу, и теми, которые производят сырые материалы. Хотя труд непосредственных производителей пищи с их собственной точки зрения распадается на необходимый и прибавочный труд, однако, с точки зрения общества, он представляет лишь необходимый труд, требующийся для производства пищевых средств. Впрочем, то же самое можно сказать и о всяком разделении труда внутри всего общества, в отличие от разделения труда внутри отдельной мастерской.

В таких случаях перед нами всегда — труд, необходимый для производства особого рода предметов, для удовлетворения особой потребности общества в этих особых предметах. Если это разделение труда пропорционально, то продукты различных групп продаются по их стоимостям (при дальнейшем рассмотрении по ценам их производства) или же по ценам, которые представляют определяемые общими законами модификации этих стоимостей, — в соответственных случаях цен производства. В самом деле, закон стоимости проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда сфер производства; следовательно, не только в том, что на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и в том, что из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество. Потому что условием остается, чтобы товар представлял потребительную стоимость. Но если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адекватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной, количественно определенной, потребностью распределен труд между различными сферами производства. (Остановиться на этом пункте в связи с распределением капитала между различными сферами производства.) Общественная потребность, т.-е. потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь количества всего общественного рабочего времени, приходящиеся на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно, тот закон, согласно которому потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости. Этот пункт имеет лишь то касательство к отношению между необходимым и прибавочным трудом, что при нарушении этой пропорции не может быть реализована стоимость товара, а потому и заключающаяся в ней прибавочная стоимость. Пусть, напр., бумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще-то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда; т.-е. часть продукта бесполезна. Поэтому весь продукт удастся продать лишь так, как если бы он был произведен в необходимой пропорции.

Эта количественная граница тех количеств общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще; хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения определенной общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество, при данных условиях производства, на такой-то продукт определенного рода может затратить лишь столько-то из всего рабочего времени, которым оно располагает. Но субъективные и объективные условия вообще прибавочного труда и прибавочной стоимости не имеют никакого касательства к конкретной, определенной форме как прибыли, так и ренты. Они имеют отношение к прибавочной стоимости как таковой, какие бы особые формы она ни принимала. Поэтому они не объясняют земельной ренты.

3) Как раз в экономической реализации земельной собственности, в развитии земельной ренты представляется особенно своеобразным то обстоятельство, что ее величина определяется отнюдь не содействием ее получателя, а развитием общественного труда, независимым от его деятельного участия, совершающимся помимо его. Поэтому легко принять за характерную особенность ренты (и вообще земледельческого продукта) то, что на основе товарного производства—и, точнее, капиталистического производства, которое во всем своем объеме есть товарное производство,—в действительности вообще всем отраслям производства и всем их продуктам.

В ходе общественного развития величина земельной ренты (а вместе с нею и стоимость земли) развивается как результат всего общественного труда. С одной стороны, с общественным развитием возрастает рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны—спрос непосредственно на самую землю, как конкурирующее условие производства для всевозможных, даже и неземледельческих отраслей предприятий. Точнее и говоря только о собственно земледельческой ренте, рента, а вместе с нею и стоимость земли развивается параллельно с рынком для продукта земли, и следовательно, с ростом неземледельческого населения; с его потребностью и спросом отчасти на пищевые средства, отчасти на сырые материалы. С природой капиталистического способа производства связано то явление, что он постоянно сокращает земледельческое население по сравнению с неземледельческим, потому что в промышленности (в узком смысле) относительное возрастание постоянного капитала, по сравнению с переменным, сопровождается абсолютным ростом—хотя относительным уменьшением—переменного капитала; между тем как в земледелии

переменный капитал, необходимый для эксплуатации определенного участка земли, уменьшается абсолютно; т.-е. может возрастать лишь в том случае, если для возделывания открывается новая земля, что однако предполагает в свою очередь еще большее увеличение неземледельческого населения.

В действительности это явление не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов. Напротив, на основе товарного производства и его абсолютной формы, капиталистического производства, то же относится и ко всем другим отраслям производства и продуктам.

Эти продукты суть товары, потребительные стоимости, лишь в той мере обладающие меновой стоимостью, притом реализуемой, превращаемой в деньги меновой стоимостью, в какой другие товары образуют эквивалент их, в какой другие товары противостоят им как товары и как стоимости; следовательно, в той мере, в какой они производятся не как непосредственные средства существования самих производителей, а как товары, как продукты, которые становятся потребительными стоимостями лишь при посредстве превращения их в меновую стоимость (деньги), при посредстве их отчуждения. Рынок для этих товаров развивается посредством общественного разделения труда; обособление производительных работ превращает их соответственные продукты в товары по отношению друг к другу, заставляет их взаимно играть роль рынка один для другого. Здесь нет совершенно ничего специфически характерного для земледельческих продуктов.

Рента как денежная рента может развиваться лишь на основе товарного производства, точнее, капиталистического производства, и она развивается в той мере, в какой земледельческое производство становится товарным производством; следовательно, в той мере, в какой неземледельческое производство развивается как самостоятельное по отношению к нему производство; потому что в той же мере земледельческий продукт становится товаром, меновой стоимостью и стоимостью. В той самой мере, как с капиталистическим производством развивается товарное производство, а потому производство стоимости, — развивается производство прибавочной стоимости и прибавочного продукта. Но в той же мере, как развивается последнее, развивается и способность земельной собственности, пользуясь своей монополией на землю, захватывать все возрастающую часть этой прибавочной стоимости, т.-е. повышать стоимость своей ренты, а вместе с тем и цену самой земли. В развитии этой прибавочной стоимости и прибавочного продукта капиталист все же является еще самостоятельным агентом. Что же касается земельного собственника, он может

просто захватывать все возрастающую таким образом без его содействия долю прибавочного продукта и прибавочной стоимости. Вот в чем заключается характерная особенность его положения, а не в том, что стоимость продуктов земли, а потому и самой земли, все более возрастает в той мере, как расширяется рынок для них, растет спрос, а вместе с ним мир товаров, противостоящий продукту земли, т.-е., говоря другими словами, в той мере, как растет масса неземледельческих товаропроизводителей и неземледельческого товарного производства. Но так как это совершается без его содействия, то представляется какой-то его специфической особенностью то явление, что масса стоимости, масса прибавочной стоимости и превращение части этой прибавочной стоимости в земельную ренту зависит от общественного процесса производства, от развития товарного производства вообще. Поэтому Dove, напр., хочет вывести ренту отсюда. Он утверждает, что рента зависит не от массы земледельческого продукта, а от его стоимости; последняя же зависит от массы и производительности неземледельческого населения. Но ведь и для всякого другого продукта справедливо, что он развивается как товар лишь в той мере, как возрастает отчасти масса, отчасти разнообразие ряда других товаров, составляющих по отношению к нему эквиваленты. Это было показано уже в связи с общим изложением стоимости. С одной стороны, способность известного продукта к обмену зависит от того, насколько разнообразны товары, существующие кроме него. С другой стороны, от этого же зависит в особенности то количество, в котором этот продукт может быть произведен как товар.

Никакой производитель, — ни промышленный, ни земледельческий, — рассматриваемый изолированно, не производит стоимости или товара. Его продукт становится стоимостью и товаром лишь при определенной комбинации общественных отношений. Во-первых, поскольку он является выражением общественного труда, следовательно, поскольку собственное рабочее время данного производителя является частью общественного рабочего времени вообще; во-вторых: в денежном характере продукта и в его общей способности к обмену, определяемой ценою, этот общественный характер труда производителя проявляется как общественный характер, свойственный его продукту.

Итак, если объяснение ренты заменяют с одной стороны объяснением прибавочной стоимости или, при еще более ограниченном понимании, объяснением прибавочного продукта вообще, то с другой стороны делают тот промах, что характер, свойственный всем продуктам как товарам и стоимостям, приписывают исключительно земледельческим продуктам. Объяснение делается еще более поверхностным, когда от общего определения стоимости переходят к реализации

определенной товарной стоимости. Всякий товар может реализовать свою стоимость лишь в процессе обращения, а реализует ли он ее и в какой мере реализует, это каждый раз зависит от условий рынка.

Итак, своеобразная особенность земельной ренты заключается не в том, что сельскохозяйственные продукты развиваются в стоимости и как стоимости, т.-е. не в том, что они как товары противостоят другим товарам и не сельскохозяйственные продукты противостоят им как товары, или что они развиваются как особые выражения общественного труда. Своеобразная особенность заключается в том, что вместе с условиями, при которых сельскохозяйственные продукты развиваются в стоимости (товары), и вместе с условиями реализации их стоимостей, развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту.

Глава тридцать восьмая.

Дифференциальная рента: общие замечания.

При анализе земельной ренты мы сначала будем исходить из предположения, что продукты, с которых уплачивается такая рента, в которых часть прибавочной стоимости, а потому и часть всей цены сводится к ренте—для целей нашего анализа достаточно иметь в виду сельскохозяйственные продукты или также продукты рудников, — следовательно, что продукты почвы или рудников, подобно всем другим товарам, продаются по ценам их производства. Т.-е. их продажные цены равны элементам издержек их производства (стоимости потребленного постоянного и переменного капитала) плюс прибыль, определяемая общей нормой прибыли, исчисляемая на весь авансированный капитал, потребленный и непотребленный. Итак, мы предполагаем, что средние продажные цены этих продуктов равны их ценам производства. И вот вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может развиваться земельная рента, т.-е. каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту, а потому часть цены товара может достаться земельному собственнику.

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство — естественными водопадами. Предположим, что в соответствующих отраслях промышленности цена производства составляет 115 за такую массу товаров, на которую капитала потребляется 100.

Эти 15% прибыли исчисляются не только на потребленный капитал в 100, но на весь капитал, вложенный в производство этой товарной стоимости. Эта цена производства, как показано раньше, определяется не индивидуальными издержками производства каждого отдельного промышленного производителя, а теми издержками производства, которых товар требует в среднем выводе при средних условиях для всего капитала, вложенного в данную сферу производства. Это действительно рыночная цена производства; средняя рыночная цена в отличие от ее колебаний. Природа стоимости товаров, определение стоимости не тем особым рабочим временем, которое необходимо для производства определенного количества товаров или отдельных товаров определенному индивидуальному производителю, а общественно необходимым рабочим временем, тем рабочим временем, которое при данных средних общественных условиях производства необходимо для того, чтобы произвести все общественно необходимое количество различных товаров, находящихся на рынке,—эта природа стоимости, этот способ ее определения вообще находит себе выражение в форме рыночной цены и, далее, в форме регулирующей рыночной цены или рыночной цены производства.

Так как в данной связи безразлично, какие определенные числовые отношения мы возьмем, то мы предположим дальше, что издержки производства на фабриках, приводимых в движение силой воды, составляют всего 90 вместо 100. Так как цена производства массы этих товаров, регулирующая рынок, вместе с прибылью в 15% равна 115, то фабриканты, которые приводят свои машины в движение силой воды, тоже будут продавать по 115, т.-е. по средней цене, регулирующей рыночную цену. Поэтому их прибыль должна бы составлять 25 вместо 15: регулирующая цена производства позволила бы им получать добавочную прибыль в 10%,—не потому, что они продают свои товары дороже цены производства, а потому, что они продают их по цене производства, потому, что их товары произведены, их капитал функционирует при исключительно благоприятных условиях при условиях, стоящих выше среднего уровня, сложившегося в этой сфере.

Тотчас же обнаруживаются двоякого рода обстоятельства.

Во-первых. Добавочная прибыль производителей, применяющих естественный водопад в качестве движущей силы, сначала имеет такой же характер, как всякая добавочная прибыль (а мы уже исследовали эту категорию, когда говорили о ценах производства), поскольку последняя не представляет случайного результата операций в процессе обращения, случайных колебаний рыночных цен. Итак, эта добавочная прибыль равна разности между индивидуальной ценой

производства у этих производителей, поставленных в благоприятные условия, и общей, общественной ценой производства, регулирующей рынок всей соответственной сферы производства. Эта разность равна избытку общей цены производства товара над его индивидуальной ценой производства. Две границы регулируют этот избыток: с одной стороны индивидуальные издержки производства, а потому индивидуальная цена производства, с другой стороны—общая цена производства. Стоимость товара, произведенного при помощи водопада, меньше потому, что в этом случае для производства требуется меньшее общее количество труда, именно меньше того труда, который входит в производство в овеществленной форме, как часть постоянного капитала. Труд, применяемый при этом, производительнее, его индивидуальная производительная сила больше, чем труда, прилагаемого в массе фабрик такого же рода. Его большая производительность обнаруживается в том, что для производства той же массы товаров требуется меньшее количество постоянного капитала, меньшее количество овеществленного труда, чем во втором случае; да кроме того меньшее количество и живого труда, так как отапливать водяное колесо не приходится. Эта большая для индивидуального случая производительная сила прилагаемого труда уменьшает стоимость, а также издержки производства и, следовательно, цену производства товара. С точки зрения промышленника дело представляется таким образом, что для него издержки производства товара меньше. Ему приходится меньше затрачивать на овеществленный труд, а также меньше на заработную плату, потому что живой рабочей силы у него прилагается меньше. Так как издержки производства его товара меньше, то и его индивидуальная цена производства меньше. Издержки производства для него 90 вместо 100. Следовательно, и его индивидуальная цена производства составляет в таком случае вместо 115 всего $103\frac{1}{2}$ ($100 : 115 = 90 : 103\frac{1}{2}$). Разность между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства ограничена разностью между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства. Это—одна из величин, образующих пределы его добавочной прибыли. Другая величина—величина общей цены производства, в образовании которой участвует общая норма прибыли как один из регулирующих факторов. Если бы уголь подешевел, то разность между его индивидуальными издержками производства и общими издержками производства уменьшилась бы, а потому уменьшилась бы и его добавочная прибыль. Если бы ему пришлось продавать товар по его индивидуальной стоимости или по цене производства, определяемой его индивидуальной стоимостью, то разность отпала бы. Она является результатом с одной стороны того, что то-

вар продается по своей общей рыночной цене, по цене, в которую конкуренция уравнивает индивидуальные цены, а с другой стороны того, что большая индивидуальная производительная сила труда, приводимого им в движение, идет на пользу не рабочим, а как вообще производительная сила труда, тому, кто их применяет; что она выступает как производительная сила капитала.

Так как одной границей этой добавочной прибыли служит уровень общей цены производства, по отношению к которой уровень общей нормы прибыли является одним из факторов, то эта добавочная прибыль может возникнуть лишь из разности между общей и индивидуальной ценой производства, следовательно, из разности между индивидуальной и общей нормой прибыли. Избыток над этой разностью предполагает продажу продукта дороже, а не по цене производства, регулируемой рынком.

Во-вторых. До сих пор добавочная прибыль фабриканта, применяющего в качестве двигательной силы естественный водопад вместо пара, ничем не отличается от всякой другой добавочной прибыли. Всякая нормальная добавочная прибыль, т. е. возникающая не от случайных операций по продаже или от колебаний рыночной цены, определяется разностью между той индивидуальной ценой производства, которая получается для товаров при применении этого особого капитала, и той общей ценой производства, которая регулирует рыночные цены товаров, производимых капиталом этой отрасли производства вообще, или, выражаясь иначе, регулирует рыночные цены товаров, получающихся от всего капитала, вложенного в эту сферу производства.

Но отсюда начинается различие.

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, тем излишком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и представляет не то, что, напр., уголь, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, требует издержек. Водопад — такой естественный агент производства, на создание которого не требуется труда.

Но это не все. Фабрикант, работающий с паровой машиной, тоже применяет естественные силы, которые ничего не стоят ему, но которые делают труд производительнее и, поскольку они благодаря этому удешевляют производство средств существования, необходимых для рабочих, увеличивают прибавочную стоимость, а потому и прибыль: которые, следовательно, совершенно так же монополизуются капи-

талом, как общественные естественные силы труда, возникающие из кооперации, разделения труда и т. д. Фабрикант оплачивает уголь, но не способность воды изменять свое физическое состояние, переходить в пар, не упругость пара и т. д. Эта монополизация сил природы, т.-е. достигаемого при их помощи повышения рабочей силы, обща всему капиталу, работающему с паровыми машинами. Она может увеличить ту часть продукта труда, которая представляет прибавочную стоимость, по сравнению с той частью, которая превращается в заработную плату. Поскольку она увеличивает эту часть, она повышает общую норму прибыли, но не создает добавочной прибыли, так как последняя сводится именно к излишку индивидуальной прибыли над средней прибылью. Итак, если применение известной естественной силы, водопада, создает здесь добавочную прибыль, это не получает объяснения исключительно из того факта, что труд повышением своей производительной силы обязан здесь применению естественной силы. Для этого необходимы еще дальнейшие модифицирующие обстоятельства.

Наоборот. Простое применение сил природы в промышленности может оказать влияние на высоту общей нормы прибыли, оказывая влияние на массу труда, требующегося для производства необходимых средств существования. Но оно само по себе не создает никакого отклонения от общей нормы прибыли, а как раз о нем и идет речь в данном случае. Далее: добавочная прибыль, которую вообще может реализовать индивидуальный капитал в какой-либо особой сфере производства, — потому что отклонения нормы прибыли в особых сферах производства непрерывно уравниваются в среднюю норму прибыли, — происходит, если оставить в стороне чисто случайные отклонения, от уменьшения издержек производства, следовательно, расходов на производство; последнее же в свою очередь обязано или тому обстоятельству, что капитал прилагается в больших массах, чем средняя, и потому *faux frais* производства уменьшаются, между тем как общие причины повышения производительной силы труда (кооперация, разделение труда и т. д.) получают возможность действовать в повышенной степени, с большей интенсивностью, так как они действуют на более обширном поле труда; или же уменьшение издержек производства обязано тому обстоятельству, что, оставляя в стороне размер функционирующего капитала, применяются лучшие методы труда, новые изобретения, усовершенствованные машины, химические секреты фабрикации и т. д., короче, новые, усовершенствованные, стоящие выше среднего уровня средства производства и методы производства. Уменьшение издержек производства и вытекающая из этого добавочная прибыль возникают здесь из того особого способа, каким применяет-

ся функционирующий капитал. Оно возникает или вследствие того, что капитал исключительно крупными массами концентрируется в одних руках — обстоятельство, которое отпадает, раз в среднем применяются равновеликие массы капитала, — или вследствие того, что капитал определенной величины функционирует особо производительным способом, — обстоятельство, которое отпадает, раз исключительный способ производства приобретает всеобщее распространение или оставляется позади еще более развитым способом.

Итак, причина добавочной прибыли лежит здесь в самом капитале (относя к нему и приводимый им в движение труд), — в различиях ли величины применяемого капитала, в более ли целесообразном способе его применения, — и, если рассматривать дело само по себе, нет никаких препятствий тому, чтобы весь капитал в известной сфере производства применялся одинаковым способом. Конкуренция между капиталами стремится, напротив, к все большему уравниванию этих различий; определение стоимости общественно необходимым рабочим временем находит себе выражение в удешевлении товаров и в понуждении производить товары при одинаково благоприятных условиях. Но с добавочной прибылью фабриканта, пользующегося водопадом, дело обстоит иначе. Повышенная производительная сила применяемого им труда вытекает не из самого капитала и труда, не из простого факта применения естественной силы, отличной от капитала и труда, но присоединенной к капиталу. Она возникает из большей естественной производительной силы труда, в связи с утплизающей естественной силы, но не такой естественной силы, которой, как, напр., упругостью пара, может располагать всякий капитал в данной сфере производства; т.-е. не такой естественной силы, применение которой разумеется само собою, раз капитал вообще применяется в этой сфере. Но такой монополизированной естественной силы, которою, как водопадом, могут располагать лишь те, кто может располагать особыми участками земли вместе с их принадлежностями. Не от капитала зависит вызвать к жизни это естественное условие повышенной производительной силы труда подобно тому, как каждый капитал может воду превратить в пар. Это естественное условие встречается в природе лишь местами, и там, где его нет, его невозможно создать при помощи определенной затраты капитала. Оно связано не с продуктами, создаваемыми трудом, как машины, уголь и т. д., а с определенными естественными отношениями определенной части земли. Фабриканты, которым принадлежат водопады, устраняют фабрикантов, у которых нет водопадов, от применения этой естественной силы, так как земля — и тем более земля, обладающая водяной силой, — ограничена. Это не исключает того, что, хотя количество естественных водопадов

в известной стране ограничено, количество водяной силы, доступной для использования промышленностью, может быть увеличено. Водопад может быть искусственно отведен, чтобы вполне использовать его движущую силу; раз водопад имеется, водяное колесо может быть усовершенствовано, чтобы возможно больше использовать силу воды; там, где по характеру потока не годится обычное колесо, могут быть применены турбины и т. д. Владение этой естественной силой составляет монополию в руках ее владельца, такое условие высокой производительной силы вложенного капитала, которое не может быть создано производственным процессом самого капитала³³); эта естественная сила, которая может быть таким образом монополизирована, всегда связана с землей. Такая естественная сила не относится ни к числу общих условий соответственной сферы производства, ни к числу та-ких ее условий, которые можно создать как общие условия.

Теперь, если мы представим себе, что водопады вместе с прилегающей к ним землей находятся в руках у лиц, которые считаются владельцами этих частей земли, земельными собственниками, то мы увидим, что они не позволяют прилагать капитал к водопаду, использовать последний посредством капитала. Они могут разрешить и не разрешить использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, происходит не из капитала, а из применения капиталом этой монополизируемой и монополизированной природной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, т. - е. она достается собственнику водопада. Если фабрикант уплачивает последнему за его водопад 10 £ в год, то его прибыль составляет 15 £; 15% на те 100 £, до которых теперь доходят его издержки производства; и он оказывается теперь в совершенно таком же положении, может быть в лучшем, чем все остальные капиталисты его сферы производства, работающие при помощи пара. Дело несколько не изменилось бы от того, если бы капиталист сам был собственником водопада. Он по-прежнему получал бы добавочную прибыль в 10 £ не как капиталист, а как собственник водопада; и именно потому, что этот излишек происходит не от его капитала, как такового, а от пользования естественной силой, отделимой от его капитала, монополизируемой, ограниченной в своих размерах, именно потому этот излишек превращается в земельную ренту.

Во-первых. Очевидно, что эта рента всегда представляет дифференциальную ренту, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, а, напротив, предполагает

³³) См. о добавочной прибыли «Inquiry» (против Мальтуса).

ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответственную сферу производства.

Во-вторых. Эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы приложенного капитала—или присваиваемого им труда,—что вообще могло бы повести лишь к уменьшению стоимости товаров; а вследствие большей относительной производительности определенных отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми затратами капитала, которые устранены от этих исключительных, даваемых природой благоприятных условий повышения производительной силы. Если бы, напр., несмотря на то, что уголь имеет стоимость, а сила воды не имеет стоимости, пользование паром все же доставляло решительные преимущества, недостижимые при использовании силы воды, и если бы эти преимущества более чем компенсировали затраты, то сила воды не находила бы применения и не могла бы породить добавочной прибыли, а следовательно, и ренты.

В-третьих. Сила природы—не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, так как это природный базис исключительно повышенной производительной силы труда. Так и вообще потребительная стоимость—носитель меновой стоимости, а не причина последней. Если бы ту же самую потребительную стоимость можно было получить без труда, она не имела бы никакой меновой стоимости, но по-прежнему сохраняла бы свою естественную полезность как потребительная стоимость. Но с другой стороны без потребительной стоимости, т.-е. без этого естественного носителя труда, вещь не имеет никакой меновой стоимости. Если бы различные стоимости не уравнивались в цены производства и различные индивидуальные цены производства не уравнивались в общую цену производства, регулирующую рынок, то простое повышение производительной силы труда вследствие использования водопада лишь понизило бы цену товаров, производимых при помощи водопада, но не повысило бы прибыли, заключающейся в этих товарах,—совершенно так же, как, с другой стороны, эта повышенная производительная сила труда вообще не превращалась бы в прибавочную стоимость, если бы капитал производительную силу применяемого им труда, естественную и общественную, не присваивал как свою собственную.

В-четвертых. Земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию части прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который про-

изводится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, напр., земля, принадлежностью которой является водопад, утилизировалась фабрикантом как земля, которой никто не владеет. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность—причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых. Очевидно, что цена водопада, т. е. цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, сначала не принимает участия в образовании цены производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства данного фабриканта; потому что рента возникает здесь благодаря цене производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин, при чем эта цена производства регулируется независимо от водопада. Но, далее, эта цена водопада—вообще иррациональное выражение скрывающегося за ним реального экономического отношения. Водопад, как земля вообще, как все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому что в нем не овеществлено никакого труда, а потому не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Если нет стоимости, то eo ipso нечего представлять и в деньгах. Эта цена есть не что иное, как капитализованная рента. Земельная собственность дает собственнику возможность захватывать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; захватываемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализована и тогда выступает как цена самой силы природы. Если добавочная прибыль, которую доставляет фабриканту использование водопада, составляет 10 £ в год, а средний процент 5%, то эти 10 £ в год представляют проценты с капитала в 200 £; и эта капитализация годовых 10 £, которые водопад позволяет собственнику последнего захватывать у фабриканта, выступает тогда как капитальная стоимость самого водопада. Но что стоимостью обладает не сам водопад, что цена его есть простое отражение захватываемой добавочной прибыли, подвергающейся капиталистическому исчислению, это сразу обнаруживается в том, что цена в 200 £ представляет лишь произведение добавочной прибыли в 10 £ на 20 лет, хотя этот же водопад при прочих равных усло-

виях дает собственнику возможность ежегодно захватывать эти 10 £ в течение неопределенного времени, 30, 100, х лет, и хотя, с другой стороны, если новый метод производства, неприменимый при водяной силе, понизит издержки производства товаров, производимых при помощи паровой машины, с 100 до 90£, то исчезнет добавочная прибыль, а вместе с ней и рента, а вместе с последней и цена водопада.

Установив таким образом общее понятие дифференциальной ренты, мы переходим теперь к рассмотрению ее в собственно земледелии. Что будет сказано о последнем, в общем относится и к рудникам.

Глава тридцать девятая.

Первая форма дифференциальной ренты. (Дифференциальная рента I.)

Рикардо вполне прав, высказывая следующие положения:

«Рента [т.-е. дифференциальная рента; он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной] всегда представляет разность между продуктом, полученным в результате равновеликих затрат капитала и труда» (Principles, p. 59). «На одинаковых по величине земельных участках», следовало бы ему прибавить, поскольку дело идет о земельной ренте, а не о добавочной прибыли вообще.

Иными словами: добавочная прибыль, если она производится нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам, встретившимся в процессе обращения, всегда представляет разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда с неодинаковыми результатами заняты на одинаковых по величине земельных участках. Впрочем, нет безусловной необходимости в том, чтобы эта добавочная прибыль получалась от неодинаковых результатов затраты одинаковых количеств капитала. В различных предприятиях могут затрачиваться и различной величины капиталы; дело в большинстве случаев так и происходит; но равные пропорциональные части, например, 100£ каждого капитала дают неодинаковые результаты; т.-е. норма прибыли различна. Это—общая предпосылка существования добавочной прибыли в любой отрасли приложения капитала вообще. Вторая заключается в превращении этой добавочной прибыли в форму земельной ренты (вообще ренты, как формы, отличной от прибыли); во всяком случае необходимо исследовать, когда, как и при каких обстоятельствах происходит это превращение.

Далее, Рикардо, высказывая следующее положение, прав, поскольку оно ограничивается дифференциальной рентой:

«Все, что уменьшает разницу в продукте, полученном с той же или с новой земли, имеет тенденцию уменьшить ренту; а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию ее увеличить» (стр. 74).

В число этих причин входят не только общие (плодородие и местоположение), но и 1) распределение налогов в том смысле, распределены ли они равномерно или нет; последнее всегда имеет место, когда они не централизованы, как, напр., в Англии, и когда налог взимается не с ренты, а с земли; 2) различия, вытекающие из неодинакового развития земледелия в различных частях страны, при чем следует заметить, что эта отрасль промышленности, благодаря своему традиционному характеру, труднее нивелируется, чем мануфактура, и 3) неравномерное распределение капитала между арендаторами. Так как завоевание земледелия капиталистическим способом производства, превращение крестьянина из самостоятельного хозяина в наемного рабочего является в действительности последним завоеванием этого способа производства вообще, то эти различия здесь больше, чем в какой-либо другой области промышленности.

После этих предварительных замечаний я хочу в кратких чертах выяснить особенности моего исследования сравнительно с исследованием Рикардо и др.

Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых затрат капитала на различных земельных участках одинаковой величины, или, при земельных участках неодинаковой величины, результаты, взятые по отношению к одинаковой земельной площади.

Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1) Плодородие (в связи с этим пунктом следует выяснить, что вообще и какие различные моменты подразумеваются под естественным плодородием земель). 2) Положение земельных участков. Последнее обстоятельство является решающим для колоний и вообще для последовательности, в которой могут поступать под обработку земельные участки один за другим. Далее ясно, что эти два различных основания дифференциальной ренты, плодородие и положение земельного участка, могут влиять в противоположном направлении. Земля может быть очень хорошо расположена и быть весьма мало плодородной, и наоборот. Это обстоятельство имеет важное значение, так как оно объясняет нам, почему при обработке земли данной страны поступательное движение может совершаться как посредством перехода от лучшей земли к худшей, так и наоборот.

Наконец, очевидно, что прогресс общественного производства вообще, с одной стороны, привелирует влияние местоположения, как одного из оснований дифференциальной ренты, так как он создает местные рынки и изменяет условия местоположения, создавая средства сообщения и транспорта; а с другой стороны, тот же прогресс увеличивает значение различий в положении земельных участков, так как отделяет земледелие от мануфактуры и образует крупные промышленные центры, с одной стороны, и способствует относительному обособлению деревни, с другой.

Но сначала мы оставим этот пункт, положение земельного участка, в стороне и рассмотрим лишь естественное плодородие. Помимо климатических и других моментов различие в естественном плодородии зависит от различия в химическом составе верхнего слоя почвы, т. е. от различного содержания необходимых для произрастания растений питательных веществ. Однако два земельных участка с одинаковым химическим составом почвы и в этом смысле одинакового естественного плодородия могут быть различны по своему действительному, эффективному плодородию в зависимости от той формы, в которой содержатся в них эти питательные вещества и в которой они лучше или хуже усваиваются, более или менее непосредственно служат для питания растений. Таким образом, отчасти от развития земледельческой химии, отчасти от завоеваний в области земледельческой механики зависит та степень, в которой на двух земельных участках одинакового естественного плодородия последнее может быть действительно использовано. Поэтому, хотя плодородие и является объективным свойством почвы, экономически оно все же постоянно предполагает известное отношение, отношение к данному уровню развития земледельческой химии и механики и изменяется вместе с этим уровнем развития. Как при помощи химических средств (например, применением известных жидких удобрений на плотной глинистой почве или же посредством обжигания тяжелой глинистой почвы), так и при помощи механических средств (напр., применением особых плугов для обработки тяжелых почв) могут быть устранены препятствия, делавшие столь же плодородные почвы фактически менее плодородными (сюда же относится и дренирование почвы). Это может изменить и самую последовательность в обработке различных родов земли, как это наблюдалось, например, по отношению к легкой песчаной и тяжелой глинистой почвам в один из периодов развития английского земледелия. Это опять-таки показывает, каким образом исторически — в последовательном ходе возделывания — переход может одинаково совершаться как от более плодородных земель к менее плодородным, так и обратно. Одинаковые результаты могут быть достигнуты также посредством искусственно произведенных улучшений в составе почвы и просто

посредством изменений в методах земледелия. Наконец, тот же результат может получиться вследствие изменения порядка, в котором, в зависимости от различных условий подпочвы, располагаются различные роды почвы, может получиться вследствие того, что подпочва начнет обрабатываться и обращаться в пахотную землю. Обусловливается это отчасти применением новых земледельческих методов (например, возделыванием кормовых трав), отчасти механическими способами, посредством которых подпочва превращается в верхний слой почвы, или смешивается с ним, или же подвергается обработке, не перемежаясь на поверхность.

Все эти влияния на дифференциальное плодородие различных земель имеют, как мы видим, такой характер, что с точки зрения экономического плодородия степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать природное плодородие почвы — способность, которая различна на различных ступенях развития, — представляет такой же момент так называемого природного плодородия почвы, как ее химический состав и другие природные свойства.

Итак, мы предполагаем определенную ступень развития земледелия. Мы предполагаем далее, что последовательность, в которой различного рода земли следуют одна за другой, сообразуется с этой ступенью развития, как это, несомненно, всегда имеет место по отношению к затратам капитала, производимым на различных землях в одно и то же время. В таком случае дифференциальная рента может быть представлена в восходящей или нисходящей последовательности — потому что, хотя определенная последовательность дана для всей совокупности действительно возделываемых земель, однако никогда не прекращается последовательное движение, в котором складывается данная последовательность.

Представим землю четырех сортов, А, В, С, D. Предположим далее, что цена квартера пшеницы = 3 £ или 60 шилл. Так как рента есть просто дифференциальная рента, то эта цена в 60 шилл. за квартал равняется цене производства на самой плохой почве, т. е. равняется капиталу плюс средняя прибыль.

Пусть А будет этой худшей землей, которая на 50 шилл. затрат даст 1 кварт. = 60 шилл.; то-есть прибыль 10 шилл., или 20%.

Пусть В при той же затрате даст 2 кварт. = 120 шилл. Это дало бы 70 шилл. прибыли, или 60 шилл. добавочной прибыли.

Пусть С при той же затрате даст 3 кварт. = 180 шилл.; общая прибыль = 130 шилл.; добавочная прибыль = 120 шилл.

Пусть D дает 4 кварт. = 240 шилл. = 180 шилл. добавочной прибыли.

В таком случае мы имели бы такую последовательность:

Таблица I.

Сорт земли.	Продукт.		Авансированный капитал.	прибыль.		Рента.	
	Квартеры.	Шиллинги.		Квартеры.	Шиллинги.	Квартеры.	Шиллинги.
A	1	60	50	$\frac{1}{6}$	10	—	—
B	2	120	50	$1\frac{1}{6}$	70	1	60
C	3	180	50	$2\frac{1}{6}$	130	2	120
D	4	240	50	$3\frac{1}{6}$	190	3	180
Итого . .	10 к.	600				6 к.	360 ш.

Соответствующие ренты были для D = 190 шилл. — 10 шилл., или разность между D и A; для C = 130 шилл. — 10 шилл., или разность между C и A; для B = 70 шилл. — 10 шилл., или разность между B и A, а общая рента для B, C, D = 6 кварт. = 360 шилл., что равняется сумме разностей между D и A, C и A, B и A.

Если рассматривать дело абстрактно (а мы уже указали причины, по которым и действительная последовательность может быть такова), то эта последовательность, представляющая данный продукт при данных условиях, может явиться и в нисходящем порядке (в направлении понижения от D к A, от плодородной земли ко все менее и менее плодородной), и в восходящем порядке (восходящем от A к D, от относительно неплодородной ко все более плодородной земле) и, наконец, как меняющаяся последовательность, то в нисходящем, то в восходящем порядке, например, от D к C, от C к A, от A к B.

Процесс, совершавшийся при нисходящей последовательности, был таков: цена квартера постепенно повышается, скажем, с 15 шиллингов до 60 шиллингов. Как только четырех кварталов, произведенных землей D (под этими 4 квартерами можно разуметь миллионы), оказалось уже недостаточно, цена пшеницы стала подниматься до тех пор, пока C не получило возможности восполнить недостаток предложения. То есть цена должна была подняться до 20 шиллингов за квартал. Когда цена пшеницы поднялась до 30 шилл. за квартал, тогда в число обрабатываемых земель могла бы войти земля B, а поднявшись она до 60 шилл., в число обрабатываемых земель могла бы войти и земля A; при чем это не повело бы к тому, чтобы на затраченный для этого капитал пришлось бы довольствоваться нормой прибыли ниже 20%. Таким образом для D образовалась бы рента сначала в 5 шиллингов с квартера, что составило бы 20 шиллингов на 4 квартера, которые эта земля производит; затем в 15 шиллингов с квартера — 60 шиллингов; а затем в 45 шиллингов с квартера — 180 шиллингов за 4 квартера

Если норма прибыли с D первоначально также равнялась 20%, то и вся прибыль с 4 кварталов была лишь 10 шиллинг., что, однако, при цене зернового хлеба в 15 шиллинг. представляло большее количество зернового хлеба, чем при цене в 60 шиллингов. Но так как хлеб входит в воспроизводство рабочей силы и часть каждого квартала должна возмещать заработную плату, а другая—постоянный капитал, то при этом предположении прибавочная прибыль была выше, а, следовательно, при прочих равных условиях, выше была и норма прибыли. (Вопрос о норме прибыли подлежит еще особому и более детальному исследованию.)

Если, напротив, последовательность была обратная, если процесс начинался с A, то, когда приходится ввести в обработку новые пашни, цена квартала сначала поднялась бы выше 60 шиллинг.; но так как необходимое предложение в 2 квартала было бы предъявлено со стороны B, то цена опять понизилась бы до 60 шиллингов: хотя B и производит квартал за 30 шиллингов, все же продается он за 60 шиллинг., так как его предложения хватало бы как раз только для того, чтобы покрыть спрос. Таким способом образовалась бы рента сначала в 60 шиллингов для B и таким же путем для C и D, при том прежнем предположении, что хотя действительная стоимость, по которой оба они доставляют квартал пшеницы, равняется 20 и 15 шиллинг., рыночная цена все же остается 60 шиллингов за квартал, так как предложение одного квартала, доставляемого A, по-прежнему необходимо для удовлетворения общей потребности. В этом случае повышение спроса сверх той величины потребности, которую сначала удовлетворял A, а за ним A и B, могло бы повести не к последовательной обработке B, C и D, а к расширению площади обработки вообще, при чем возможно, что более плодородные земли входили бы в обработку лишь позднее.

В первом ряде с увеличением цены рента стала бы повышаться, а норма прибыли уменьшаться. Это уменьшение могло бы совсем или отчасти парализоваться противодействующими обстоятельствами; на этом пункте нам придется современем остановиться подробнее. Не следует забывать, что общая норма прибыли определяется не прибавочной стоимостью в с е х отраслей производства равномерно. Не земледельческая прибыль определяет промышленную, а наоборот. Но об этом дальше.

Во втором ряде норма прибыли на затраченный капитал осталась бы прежняя; масса прибыли выразилась бы в меньшем количестве хлеба, но относительная цена его, по сравнению с другими товарами, повысилась бы. Но увеличение прибыли, где оно происходит, попадает не в карманы промышленных арендаторов и предста-

вляется не как увеличение прибыли, а в форме ренты отделяется от прибыли. Цена же хлеба при данном предположении осталась бы прежняя.

Развитие и рост дифференциальной ренты одинаковы как при неизменяющихся, так и при повышающихся ценах и как при непрерывном поступательном движении от худших земель к лучшим, так и при непрерывном регрессе от лучших к худшим землям.

До сих пор мы предполагали: 1) что цена при одной последовательности повышается, при другой остается неизменной, и 2) что постоянно совершается переход от лучших земель к худшим и обратно, от худших к лучшим.

Но предположим, что хлебная торговля расширилась с первоначальных 10 до 17 кварталов; далее, что наихудшая земля А вытеснена другою землею А, которая при цене производства в 60 шиллинг. (50 шиллинг. издержек $\frac{1}{3}$ 10 шиллинг., составляющих 20% прибыли) дает $1\frac{1}{3}$ кварт., так что цена производства одного квартера = 45 шилл.; или же предположим, что прежняя земля А улучшилась вследствие постоянной рациональной обработки, или что она при неизменности издержек стала производительнее обрабатываться, напр., вследствие введения в севооборот клевера и так далее, так что при том же авансированном капитале продукт ее увеличился до $1\frac{1}{3}$ квартера. Предположим далее, что земли В, С, D по-прежнему производят одно и то же количество продукта, но обработке подверглись новые земли А' среднего между А и В плодородия, и далее В', В'', помещающиеся по своему плодородию между В и С; в этом случае получились бы следующие явления:

Во-первых: цена производства квартера пшеницы или ее регулирующая рыночная цена упала бы с 60 до 45 шиллинг. или на 25%.

Во-вторых: совершился бы одновременный переход от более плодородной земли к менее плодородной и от менее плодородной земли к более плодородной. Земля А' более плодородна, чем А, но менее плодородна, чем обрабатывавшиеся до сих пор В, С, D; а В', В'' более плодородны, чем А, А' и В, но менее плодородны, чем С и D. Следовательно, переход от одной земли к другой совершался бы во всех направлениях; обработке стала бы подвергаться не абсолютно неплодородная земля по сравнению с А и так далее, а относительно неплодородная по сравнению с землями С и D, которые до сих пор были наиболее плодородными; с другой стороны, переход совершился бы не к абсолютно более плодородной земле, а к относительно более плодородной в сравнении с землями А, — или А и В, — которые до сих пор были наименее плодородными.

В-третьих: произошло бы понижение ренты с В, а также с С и D; но общая сумма ренты, выраженная в хлебе, поднялась бы с 6

до $7\frac{2}{3}$ кварталов; масса обрабатываемой и приносящей ренту земли увеличилась бы, а также увеличилась бы и масса продукта с 10 до 17 кварталов. Прибыль, хотя она и осталась без перемены для А, выраженная в хлебе, повысилась бы; возможно даже, что норма прибыли повысилась бы, так как повысилась бы относительная прибавочная стоимость. В этом случае вследствие удешевления средств существования уменьшилась бы заработная плата, следовательно, затрата на переменный капитал, а следовательно, и общие издержки. Вся сумма ренты, выраженная в деньгах, понизилась бы с 360 до 345 шиллингов.

Представим новую последовательность перехода:

Таблица II.

Сорт земли.	Продукт.		Затрата капитала.	Прибыль.		Рента.		Цена производства кварта ра.
	Квар-теры.	Шил-линги.		Квар-теры.	Шил-линги.	Квар-теры.	Шил-линги.	
A	$1\frac{1}{3}$	60	50	$\frac{2}{3}$	10	—	—	45 шиллинг.
A'	$1\frac{2}{3}$	75	50	$\frac{3}{3}$	25	$\frac{1}{3}$	15	36 „
B	2	90	50	$\frac{4}{3}$	40	$\frac{2}{3}$	30	30 „
B'	$2\frac{1}{3}$	105	50	$1\frac{2}{3}$	55	1	45	$25\frac{2}{7}$ „
B''	$2\frac{2}{3}$	120	50	$1\frac{5}{6}$	70	$1\frac{1}{3}$	60	$22\frac{1}{2}$ „
C	3	135	50	$1\frac{8}{6}$	85	$1\frac{2}{3}$	75	20 „
D	4	180	50	$2\frac{2}{3}$	130	$2\frac{2}{3}$	120	15 „
Итого . .	17					$7\frac{2}{3}$	345	

Наконец, если бы по-прежнему продолжали возделываться только земли А, В, С, D, но производительность их возрасла бы настолько, что А вместо одного квартера давала бы 2, В вместо 2 кварт. — 4, С вместо 3 кварт. — 7 и D вместо 4 кварт. — 10, следовательно, если бы одни и те же причины различным образом повлияли бы на различного рода земли, то все производство повысилось бы с 10 до 23 кварталов. Предположим, что спрос вследствие прироста населения и понижения цены поглотил эти 23 квартера; в таком случае получился бы следующий результат:

Таблица III.

Сорт земли.	Продукт.		Затрата капитала.	Цена производства квартера.	Прибыль.		Рента.	
	Квар-теры.	Шил-линги.			Квар-теры.	Шил-линги.	Квар-теры.	Шил-линги.
A	2	60	50	30	$\frac{1}{3}$	10	0	0
B	4	120	50	15	$2\frac{1}{3}$	70	2	60
C	7	210	50	$8\frac{1}{7}$	$5\frac{1}{3}$	160	5	150
D	10	300	50	6	$8\frac{1}{3}$	250	8	240
Итого . .	23						15	450

Числовые отношения здесь, как и в остальных таблицах, произвольны, но предположения сделаны вполне рациональные.

Первое и основное предположение заключается в том, что улучшение в земледелии оказывает неравномерное действие на земли различных родов и в этом случае больше влияет на лучшие земли С и D, чем на А и В. Опыт показал, что обычно дело так и происходит, хотя может произойти и обратное. Если бы улучшение больше влияло на худшие земли, чем на лучшие, то рента, получаемая с последних, понизилась бы вместо того, чтобы повыситься. — Но одновременно с абсолютным ростом плодородия всех родов земли в таблице предполагается рост относительного плодородия лучших со, то в земли С и D, а потому увеличение разницы в продукте при той же затрате капитала, а потому и увеличение дифференциальной ренты.

Второе предположение заключается в том, что вместе с возрастанием всего продукта соответственно возрастает и общая потребности в нем. Во-первых, не следует представлять себе это возрастание совершающимся внезапно; оно происходит постепенно до тех пор, пока не установится ряд III. Во-вторых, неверно, будто бы потребление необходимых средств существования не возрастает вместе с их удешевлением. Отмена хлебных законов в Англии (см. Newnan) доказала обратное, и противоположное представление возникло лишь вследствие того, что большие и внезапные различия в урожаях, объясняющиеся только метеорологическими причинами, производят то несоразмерное понижение, то несоразмерное повышение цен хлеба. Если в этом случае удешевление настолько внезапно и скоропреходяще, что не успевает оказать полного влияния на расширение потребления, то обратное явление наблюдается в том случае, когда удешевление вытекает из уменьшения самой регулирующей цены производства, следовательно, имеет длительный характер. В-третьих, часть хлеба может быть потреблена в виде водки или пива, а возрастающее потребление обоих этих продуктов отнюдь не ограничено узкими пределами. В-четвертых, здесь играет роль отчасти прирост населения, отчасти и экспорт хлеба в тех странах, которые, подобно Англии до и позже половины XVIII века, вывозят хлеб, и в которых благодаря этому потребность регулируется границами не одного только национального потребления. Наконец, увеличение и удешевление производства пшеницы может иметь своим последствием, что вместо ржи или овса главным средством питания массы народа сделается пшеница, так что уже вследствие одного этого рынок для нее возрастает подобно тому, как при уменьшении количества продукта и увеличении его цены может произойти обратное явление. — При этих предположениях, следовательно, и при принятых нами числовых отношениях ряд III дает

тот результат, что цена понижается с 60 до 30 шиллинг. за кварталер, то-есть на 50⁰/₀; производство, по сравнению с рядом I, возрастает с 10 до 23 кварталеров, то-есть на 130⁰/₀; рента, получаемая с земли В, остается без изменения; рента с земли С удваивается, а с D более, чем удваивается; общая сумма ренты повышается с 18 до 22 \pounds , то-есть на 22²/₃ ⁰/₀.

Сравним три таблицы (при чем ряд I следует брать двойко: в восходящем направлении от А к D и в нисходящем от D к А), которые можно рассматривать или как данные ступени земледелия, существующие при данном состоянии общества — например, рядом одна с другой в трех различных странах — или как ступени, следующие одна за другой в различные периоды развития одной и той же страны. Из такого сравнения следует:

1) Что порядок в своем законченном виде, — каков бы ни был ход процесса его образования, — всегда представляется в нисходящем виде: так как при рассмотрении ренты всегда исходят сначала от земли, приносящей максимум ренты, и лишь в конце концов переходят к той земле, которая не приносит ренты.

2) Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда служит регулирующей рыночной ценой, хотя последняя в таблице I, если она образовалась в восходящем порядке, только потому остается неизменной, что вся лучшая земля подвергается обработке. В этом случае цена хлеба, произведенного на лучшей земле, становится регулирующей постольку, поскольку от количества продукта, произведенного на ней, зависит, в какой мере земля А продолжает играть регулирующую роль. Если бы производство на землях В, С, D превысило потребность, то А перестала бы играть регулирующую роль. Это и заставило Шторха признать регулируемыми лучшие земли. В этом смысле английские цены хлеба регулируются американскими.

3) Дифференциальная рента происходит из различия в естественном плодородии почвы (в данном случае еще не принимается в расчет положение земельного участка), данного для каждой данной ступени развития культуры, следовательно, из ограниченности размера лучших земель, из того обстоятельства, что одинаковые капиталы приходится затрачивать на обработку неодинаковых земель, которые, следовательно, при затрате одинакового капитала дают неодинаковое количество продукта.

4) Дифференциальная рента и градиция дифференциальной ренты могут одинаково возникнуть как в нисходящем порядке, посредством перехода от лучшей земли к худшей, так и наоборот, от худшей к лучшей, а также в чередующемся направлении в ту и другую стороны. (Ряд I может образоваться посредством перехода как от D к А, так и от А к D. Ряд II охватывает оба рода движения.)

5) Смотря по способу своего образования дифференциальная рента может возникнуть при постоянной, повышающейся и понижающейся цене сельскохозяйственного продукта. При понижающейся цене общее производство и общая сумма ренты может повыситься, и земельные участки, не приносявшие до сих пор ренты, могут начать приносить ренту несмотря на то, что худшая земля А вытеснена лучшей или сама улучшилась, и что рента с других лучших и даже наилучших родов земли понижается (таблица II); этот процесс может быть также связан с понижением общей суммы ренты (выраженной в деньгах). Наконец, при понижении цен, обусловленном общим улучшением обработки, благодаря чему количество и цена продукта с наихудшей земли уменьшаются, рента с части лучших земель может остаться без перемены или уменьшиться, тогда как рента с наилучших земель может возрасти. Как бы то ни было, если разность масс продукта дава, дифференциальная рента со всякой земли, по сравнению с рентой с наихудшей земли, зависит от цены, например, квартера пшеницы. Но если дава цена, дифференциальная рента зависит от размера разности между массами продукта, и если при повышении абсолютного плодородия всей земли плодородие лучших сортов ее сравнительно более повышается, чем плодородие худших, то вместе с этим возрастает и величина этой разности. Таким образом (таблица I) при цене в 60 шиллингов рента с D определяется разницей в продукте по сравнению с А, т.е. излишком в 3 квартера; поэтому рента $= 60 \times 3 = 180$ шиллинг. Но в таблице III, где цена $= 30$ шилл., она определяется излишком продукта с земли D по сравнению с А $= 8$ кварт., что составит ренту в $30 \times 8 = 240$ шиллингов.

Вместе с тем отпадает та первая ложная предпосылка дифференциальной ренты, которая остается еще господствующей у Уэста, Мальтуса, Рикардо и заключается в том, будто дифференциальная рента непременно предполагает переход к землям все худшего и худшего качества или постоянно убывающее плодородие земли. Как мы уже видели, она может образоваться при переходе к землям все лучшего и лучшего качества; она может образоваться в том случае, если низшую ступень займет более хорошая земля вместо прежней худшей; она может образоваться в связи с возрастающим прогрессом земледелия. Условием ее возникновения является лишь неодинаковость сортов земли. Поскольку принимается в расчет развитие производительности, условие образования дифференциальной ренты заключается в том, что повышение абсолютного плодородия всей земельной площади не уничтожает этой неодинаковости, но или увеличивает ее, или оставляет без перемены, или же лишь уменьшает.

С начала и до половины XVIII века в Англии, несмотря на понижение цены золота и серебра, происходило непрерывное падение цен хлеба одновременно (если рассматривать весь период) с ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Такое положение соответствует таблице I, комбинированной с таблицей II в восходящем направлении, при чем однако худшая земля А или подвергается улучшению, или исключается из числа земель, находящихся под культурой хлеба; это, конечно, не означает, что она не будет использована для других сельско-хозяйственных или промышленных целей.

С начала XIX века (следует точнее обозначить время) до 1815 года непрерывно повышается цена хлеба одновременно с постоянным ростом ренты, общей суммы ренты, размера обрабатываемой земельной площади, земледельческого производства и населения. Это соответствует таблице I в нисходящем направлении. (Здесь следует привести цитату относительно обработки худших земель в то время.)

В эпоху Петти и Давенанта жалобы сельского населения и землевладельцев на улучшения и расширения возделывания; понижение ренты с лучших земель, повышение общей суммы ренты вследствие расширения площади земли, приносящей ренту.

(К этим трем пунктам привести потом дальнейшие цитаты, а также относительно разницы в плодородии различных частей возделываемой земли в стране.)

Относительно дифференциальной ренты следует вообще заметить, что рыночная стоимость всегда превышает общую цену производства данной массы продуктов. Для примера возьмем таблицу I. 10 кварталов всего продукта продаются за 600 шилл., так как рыночная цена определяется ценой производства на А, которая составляет 60 шиллингов с квартера. Но действительная цена производства такова:

А 1 кварт. = 60 шиллингам.	1 кварт. = 60 шилл.
В 2 кварт. = 60 шиллингам.	1 кварт. = 30 шилл.
С 3 кварт. = 60 шиллингам.	1 кварт. = 20 шилл.
Д 4 кварт. = 60 шиллингам.	1 кварт. = 15 шилл.

10 кварт. = 240 шиллингам; средняя цена 1 кварт. = 24 шилл.

Действительная цена производства 10 кварт. = 240 ш.; они продаются за 600, т. е. на 250% дороже. Действительная средняя цена 1 кварт. = 24 шилл.; рыночная цена = 60 шилл., т. е. тоже на 250% дороже.

Мы имеем перед собою определение при посредстве рыночной стоимости в том ее виде, как она на базисе капиталистического способа производства проявляется при посредстве конкуренции; э. а

последняя порождает обманчивую социальную стоимость. Это вытекает из закона рыночной стоимости, которому подчинены продукты земледелия. Определение рыночной стоимости продуктов, следовательно, и сельскохозяйственных продуктов, есть общественный акт, хотя акт общественно бессознательный и непреднамеренный, акт, необходимо основанный на меновой стоимости продукта, не на качестве земли и различии в ее плодородии. Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то эти 10 кварт. будут представлять собою количество самостоятельного рабочего времени, равное тому, которое содержится в 240 шиллингах. Следовательно, общество не стало бы приобретать этот сельскохозяйственный продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в $2\frac{1}{2}$ раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта на такую же сумму вследствие иностранного ввоза. Поэтому насколько справедливо утверждать, что — при условии сохранения современного способа производства, но при том предположении, что дифференциальная рента перейдет к государству — цены земельных продуктов при прочих равных условиях остались бы прежние, настолько же ложно утверждение, что стоимость продуктов при замене капиталистического производства ассоциацией осталась бы прежняя. Тождество рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством которого, на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными производителями, проявляется общественный характер стоимости. То, что общество, рассматриваемое как потребитель, переплачивает за земельные продукты, то, что составляет минус реализации его рабочего времени в сельскохозяйственном продукте, это составляет теперь плюс для одной части общества, для земельных собственников.

Другое обстоятельство, важное для понимания того, о чем говорится в следующей главе под рубрикой II, таково:

Дело заключается не только в ренте, получаемой с акра или гектара, вообще не только в различии между ценой производства и рыночной ценой или между индивидуальной и общей ценой производства на акр, но также и в том, сколько акров каждого рода земли подвергается обработке. Вопрос непосредственно касается лишь величины общей суммы ренты, т. е. совокупности ренты, получаемой со всей обрабатываемой площади; но это дает нам в то же время возможность перейти к исследованию того, как повышается норма

ренты, хотя цены не увеличиваются, а если они и понижаются, то не увеличиваются различия в относительном плодородии различных сортов земли. Выше у нас была:

Т а б л и ц а I.

Сорт земли.	Акры.	Цена производства.	Продукт.	Рента в зерне.	Рента в деньгах.
A	1	3 £	1 кварт.	0	0 £
B	1	3 „	2 „	1 кварт.	3 „
C	1	3 „	3 „	2 „	6 „
D	1	3 „	4 „	3 „	9 „
Сумма	4 акра.		10 кварт.	6 кварт.	18 £

Предположим теперь, что число обрабатываемых акров каждого разряда удвоилось; в таком случае перед нами будет:

Т а б л и ц а Ia.

Сорт земли.	Акры.	Цена производства.	Продукт.	Рента в зерне.	Рента в деньгах.
A	2	6 £	2 кварт.	0	0
B	2	6 „	4 „	2 кварт.	6 £
C	2	6 „	6 „	4 „	12 „
D	2	6 „	8 „	6 „	18 „
Сумма	8 акров.		20 кварт.	12 кварт.	36 £

Мы предположим еще два случая: первый тот, когда производство расширяется на обоих худших родах земли таким образом:

Т а б л и ц а Ib.

Сорт земли.	Акры	Цена производ.		Продукт.	Рента в зерне.	Рента в деньгах.
		на акр.	в сумме.			
A	4	3 £	12 £	4 кварт.	0	0
B	4	3 „	12 „	8 „	4 кварт.	12 £
C	2	3 „	6 „	6 „	4 „	12 „
D	2	3 „	6 „	8 „	6 „	18 „
Сумма	12 акр.		36 £	26 кварт.	14 кварт.	42 £

И, наконец, тот случай, когда расширение производства и возделываемой площади в четырех разрядах земли происходит неравномерно:

Т а б л и ц а I с.

Сорт земли.	Акры.	Цена производ. на акр.	в сумме.	Продукт.	Рента в зерне.	Рента в деньгах.
A	1	3 £	3 £	1 кварт.	0	0
B	2	3 „	6 „	4 „	2 кварт.	6 £
C	5	3 „	15 „	15 „	10 „	30 „
D	4	3 „	12 „	16 „	12 „	36 „
Сумма	12 акров.		36 £	36 кварт.	24 кварт.	72 £

Прежде всего во всех этих случаях I, Ia, Ib, Ic рента с одного акра остается одна и та же, так как, собственно говоря, продукт одинаковой массы капитала на акр земли одного и того же рода остался неизменным; предположено только, — и это в каждый данный момент происходит в любой стране, — что земли различных родов находятся в определенном отношении ко всей возделываемой поверхности; и предположено, — а это постоянно имеет место в двух странах при сравнении их одна с другой, или в одной и той же стране в различные периоды ее развития, — что изменяется отношение, в котором вся возделываемая земельная площадь распределяется между различными сортами земл.

При сравнении Ia с I мы видим, что если площадь обрабатываемых земель всех четырех разрядов возрастает в одинаковом отношении, то с удвоением количества культивируемых акров удваивается все производство, а также рента в зерне и деньгах.

Но при последовательном сравнении Ib и Ic с I мы найдем, что в обоих случаях площадь обрабатываемой земли увеличивается втрое. В обоих случаях она увеличивается с 4 до 12 акров, но наибольшее увеличение в Ib происходит в разрядах а и b, из которых а не приносит никакой ренты, а b — наименьшую дифференциальную ренту; из 8 вновь возделываемых акров на долю а и b приходится по 3, итого 6 акров, тогда как на с и d приходится лишь по 1 акру, всего 2. Другими словами: $\frac{3}{4}$ прироста приходится на а и b и лишь $\frac{1}{4}$ на с и d. Если мы примем это во внимание, окажется, что в Ib по сравнению с I увеличению площади возделанной земли в три раза не соответствует такое же увеличение продукта, так как количество его увеличилось с 10 не до 30, а лишь до 26. С другой стороны, так как значительная часть всего прироста приходится на разряд А, который ренты не приносит, а большая часть прироста, совершившегося на лучших землях, приходится на разряд В, то рента в зерне увеличилась лишь с 6 до 14 кварт., а денежная рента — с 18 до 42 £.

Если мы, напротив, сравним I_c с I , т.-е. случай, когда не приносящая ренты земля совсем не увеличивается в размере, земля, приносящая минимальную ренту, увеличивается лишь незначительно, тогда как наибольший прирост падает на C и D , то мы увидим, что при увеличении площади возделанной земли в три раза производство возросло с 10 до 36 кварталов, т.-е. более, чем в три раза; рента в зерне увеличилась с 6 до 24 кварталов, или в четыре раза, и во столько же раз увеличилась денежная рента: с 18 до 72 £.

Во всех этих случаях по самому существу дела цена сельскохозяйственного продукта остается неизменной; во всех случаях общая сумма ренты возрастает с расширением культуры, поскольку оно происходит не исключительно на худшей земле, не приносящей никакой ренты. Но рост этот различен. Если расширяется культура на земле лучших сортов и, следовательно, масса продукта растет не только пропорционально увеличению земельной площади, но быстрее, то в такой же мере увеличивается и рента в зерне и деньгах. Если же расширение происходит преимущественно на наихудшей земле и на близких к ней сортах земли (при чем предполагается, что категория наихудшей земли остается одна и та же), то общая сумма ренты не увеличивается пропорционально увеличению культивируемой площади. Следовательно, в двух странах, в которых не приносящая ренты земля A одинакова по качеству, сумма ренты будет находиться в обратном отношении к той соответственной доле, которую в общей площади возделанной земли составляют наихудшие и менее хорошие земли, а потому и в обратном отношении к массе продукта, получающейся при одинаковой затрате капитала на равновеликую общую площадь земли. Таким образом отношение между количеством обрабатываемой земли наихудшего качества и количеством наилучшего качества в пределах всей земельной площади страны оказывает на общую сумму ренты влияние обратное тому, какое отношение между качеством наихудшей из возделываемых земель и качеством лучшей и наилучшей оказывает на ренту с акра, и, следовательно, при прочих равных условиях, и на сумму ренты. Смешивание этих двух моментов дало повод к всевозможным нелепым возражениям против теории дифференциальной ренты.

Итак, общая сумма ренты возрастает уже вследствие одного расширения культуры и соединенного с ним увеличенного приложения капитала и труда к земле.

Но наиболее важным пунктом является такой: хотя согласно предположению отношение рент с различных родов земель, по расчету на акр, не изменяется, а потому не изменяется и норма ренты по отношению к капиталу, затраченному на каждый акр, однако оказы-

вается следующее: если мы сравним Ia с I — тем случаем, когда число возделанных акров и произведенная на них затрата капитала увеличились пропорционально, — то мы найдем, что в той же мере, в какой возрасло общее производство пропорционально увеличившейся площади возделанной земли — и то и другая удвоились, — во расла и общая сумма ренты. Она увеличилась с 18 до 36 £, совершенно так же, как число акров, увеличившееся с 4 до 8.

Если мы возьмем общую площадь в 4 акра, то общая сумма ренты с них составит 18 £, следовательно, средняя рента, принимая в расчет землю, которая не приносит ренты, составит 4½ £. Такой расчет мог бы сделать, например, какой-нибудь земельный собственник, которому принадлежали бы все четыре акра; и таким же образом статистика исчисляет среднюю ренту всей страны. Общая сумма ренты в 18 £ получается при применении капитала в 10 £. Отношение между обоими этими числами мы называем нормой ренты; в данном случае, следовательно, 180%.⁰

Та же норма ренты получается в случае Ia, в котором вместо 4 акров возделывается 8, но земельные площади всех родов увеличились в одинаковом отношении. Общая сумма ренты дает при 8 акрах и 20 £ затраченного капитала среднюю ренту в 4½ £ с акра и норму ренты в 180%.⁰

Если же мы, напротив, рассмотрим случай Ib, когда прирост произошел главным образом на обоих худших сортах земли, то мы получим ренту в 42 £ с 12 акров, т.-е. среднюю ренту в 3½ £ с акра. Ведь затраченный капитал = 30 £, следовательно, норма ренты = 140%.⁰ Таким образом оказывается, что средняя рента с акра уменьшилась на 1 £, а норма ренты упала с 180 до 140%.⁰ Следовательно, при возрастании общей суммы ренты с 18 £ до 42 £ здесь происходит понижение средней ренты, исчисляемой как на акр, так и на капитал; понижение, параллельное, но не пропорциональное возрастанию производства. Это происходит несмотря на то, что рента на всех родах земли, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, остается прежняя. Причина заключается в том, что ¾ прироста приходится на землю А, не дающую ренты, и на В, дающую лишь минимальную ренту.

Если бы в случае Ib все расширение ограничилось лишь землей А, то мы имели бы 9 акров на А, 1 на В, 1 на С и 1 на D. Общая сумма ренты по-прежнему была бы 18 £, а следовательно, средняя рента с акра на этих 12 акрах равнялась бы 1½ £; 18 £ ренты на 30 £ затраченного капитала составляли бы норму ренты в 60%.⁰ Средняя рента, исчисленная как на акр, так и на затраченный капитал, сильно уменьшилась бы, тогда как общая сумма ренты не возрасла бы

Сравним, наконец, Ic с I и Ib. По сравнению с I земельная площадь увеличилась втрое и так же увеличился затраченный капитал. Общая сумма ренты = 72 £ с 12 акров, т. е. 6 £ с акра вместо $4\frac{1}{2}$ £ в случае I. Норма ренты на затраченный капитал ($72\text{ £} : 30$) составляет 240% вместо 180% . Весь продукт увеличился с 10 до 36 кварталеров.

Если мы сравним с Ib, где общее число возделанных акров затраченный капитал и разности между возделанными родами земли, остались прежние, но распределение их иное, то увидим, что продукт = 36 кварт. вместо 26 кварт., средняя рента с акра = 6 £ вместо $3\frac{1}{2}$ и норма ренты по отношению ко всему авансированному капиталу той же величины = 240% вместо 140% .

Как бы мы ни стали рассматривать различные положения, изображенные в таблицах Ia, Ib, Ic, — как положения, одновременно существующие одно возле другого в различных странах, или как последовательные положения в одной и той же стране, — мы приходим к следующим выводам: при постоянной цене хлеба — постоянной потому, что продукт с наилучшей не приносящей ренты земли остается тот же; при неизменяющемся различии в плодородии различных разрядов культивируемой земли; при относительно одинаковом количестве продукта, а следовательно, при одинаковой затрате капитала на соответственно одинаковые доли (акры) земельной площади, обрабатываемой в каждом разряде: при постоянном вследствие этого отношении между рентами с акра каждого рода земли и при одинаковой норме ренты на капитал, вложенный в каждый участок земли одного и того же рода, во-первых, сумма ренты всегда возрастает вместе с расширением возделываемой площади, а следовательно, с увеличением затраты капитала за исключением того случая, когда весь прирост приходится на долю не приносящей ренты земли. Во-вторых, как средняя рента на акр (общая сумма ренты, деленная на все число обрабатываемых акров), так и средняя норма ренты (общая сумма ренты, деленная на весь затраченный капитал) могут весьма значительно изменяться, и притом в одном направлении, но в различной мере одна по отношению к другой. Если не принимать во внимание того случая, когда расширение происходит лишь на земле А, не приносящей ренты, то оказывается, что средняя рента на акр и средняя норма ренты, на капитал, вложенный в земледелие, зависят от того, какую долю всей возделываемой земли составляют земли различных разрядов; или, что сводится к тому же, от распределения всего затраченного капитала между землями различного плодородия. Много ли, мало ли земли обрабатывается в стране и в зависимости от этого (за исключением того случая, когда расширение приходится

лишь на долю А) больше ли, меньше ли общая сумма ренты, — средняя рента на акр и средняя норма ренты на вложенный капитал остается без изменения до тех пор, пока не изменятся отношения различных родов возделываемой земли ко всей ее площади. Несмотря на повышение и даже значительное повышение общей суммы ренты, совершающееся с расширением культуры и увеличением затраты капитала, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал понижается, если земельные участки, не приносящие ренты или приносящие лишь незначительную дифференциальную ренту, возрастают быстрее лучших, приносящих большую ренту земельных участков. Наоборот, средняя рента на акр и средняя норма ренты на капитал повышается по мере того, как лучшие земли начинают составлять относительно большую долю всей площади и на их долю начинает поэтому приходиться относительно большая затрата капитала.

Таким образом, если рассматривать среднюю ренту на акр или гектар всей возделываемой земли, как это обычно делается в статистических работах при сравнении различных стран в одну и ту же эпоху или различных эпох в одной и той же стране, то оказывается, что средняя высота ренты на акр, а потому и общая сумма ренты в известной мере (хотя отнюдь не в той же, а в быстрее возрастающей мере) соответствует не относительному, а абсолютному плодородию земледелия в стране, т.-е. соответствует массе продуктов, получаемой в среднем выводе с одинаковой земельной площади. Потому что, чем большую долю общей площади составляют земли лучших сортов, тем больше масса продуктов, получаемая при одинаковой затрате капитала с земельной площади одинаковой величины; и тем больше средняя рента на акр. При обратном условии обратное. Вследствие этого кажется, что рента определяется не отношением дифференциального плодородия, а абсолютным плодородием, и что таким образом закон дифференциальной ренты уничтожается. Поэтому некоторые явления отрицаются или их пытаются объяснить несуществующими различиями средних цен хлеба и различиями дифференциального плодородия возделываемых участков земли, между тем как эти явления основаны просто на том, что отношение общей суммы ренты как ко всей площади обрабатываемой земли, так и ко всему капиталу, вложенному в землю, при одинаковом плодородии не приносящей ренты земли, а потому и при одинаковых ценах производства и при одинаковой разнице между землями различных сортов определяется не только рентой, получаемой на акр, или нормой ренты на капитал, но также и отношением числа акров земли каждого рода к общему числу возделываемых акров; или, что сводится к тому же, распределением всего затраченного капитала между различными сортами земли. До

сих пор на это обстоятельство, странным образом, совершенно не обращали внимания. Во всяком случае оказывается, и это важно для нашего дальнейшего исследования, что относительная высота средней ренты на акр и средняя норма ренты, или отношение общей суммы ренты ко всему вложенному в землю капиталу, может увеличиваться или уменьшаться просто вследствие экстенсивного расширения культуры, при неизменяющихся ценах, неизменяющейся разнице в плодородии возделываемых участков земли и неизменяющейся ренте с арка или норме ренты на капитал, затраченный на акр в каждом действительно приносящем ренту ряду земли, т.-е. на весь капитал, действительно приносящий ренту.

Необходимо сделать еще следующие дополнения относительно той формы дифференциальной ренты, которая исследована у нас под рубрикой I; они отчасти имеют значение и для дифференциальной ренты II

Во-первых: Мы видели, как средняя рента с акра или средняя норма ренты на капитал может повыситься при расширении культуры, постоянных ценах и неизменяющейся разнице в плодородии обрабатываемых земельных участков. Лишь только вся земля в какой-либо стране будет присвоена, затрата капитала на землю, культура и население достигнут определенной высоты—условия, наличие которых приходится предполагать, раз капиталистический способ производства сделался господствующим и подчинил себе и земледелие, — цена необработанной земли различного качества (при простом предположении существования дифференциальной ренты) определяется ценой возделанных участков земли одинакового качества и соответственно расположенных. Цена этой земли такая же—за вычетом присоединяющихся к ней издержек по обработке,—хотя она и не приносит ренты. Конечно, цена земли есть не что иное, как капитализированная рента. Но и в цене возделанных земельных участков оплачиваются лишь будущие ренты, например, разом выплачиваются вперед ренты за двадцать лет, если обычный размер процента = 5%. Раз продается земля, она продается как приносящая ренту; предвосхищение, характеризующее ренту (которая рассматривается здесь как произведение земли, чем она является только по видимости), приводит к тому, что невозделанная земля не отличается от возделанной. Цена невозделанных участков земли, как и рента с них,—а цена представляет из себя лишь сосредоточенную формулу этой последней—имеет чисто иллюзорный характер, пока эти участки не будут действительно использованы. Но она определяется таким образом а priori и реализуется,

когда найдутся покупатели. Поэтому, если действительная средняя рента в известной стране определяется действительной годовой суммой ренты и отношением этой последней ко всей возделываемой площади, то цена невозделанной части земельной площади определяется ценою возделанной и является поэтому лишь отражением затраты капитала с ее результатами на возделанных земельных участках. Так как за исключением наилучшей земли земли всех родов приносят ренту (а эта рента, как мы увидим в рубрике II, возрастает вместе с массой капитала и соответствующей этой массе интенсивностью культуры), то благодаря этому образуется номинальная цена и для невозделанных земель, которые таким образом становятся товаром, источником богатства для своих владельцев. Этим же объясняется, почему возрастает цена земли всей области, включая сюда и невозделанную землю (Opdyke). Земельная спекуляция, напр., в Соединенных Штатах, основана лишь на этом отраженном влиянии, которое капитал и труд оказывают на невозделанную землю.

Во-вторых: Процесс расширения возделываемой земли вообще совершается или в направлении к земле худшего качества, или на различных имеющихся сортах земли в различных пропорциях, в зависимости от того, что имеется в наличности. Переход к земле худшего качества, конечно, никогда не совершается по доброй воле, а является лишь — предполагая капиталистический способ производства — следствием повышения цен, лишь — при всяком способе производства — следствием необходимости. Но это не имеет безусловного значения. Худшей земле оказывается предпочтение перед относительно лучшей землей вследствие ее положения, которое имеет решающее значение при всяком расширении культуры в молодых странах; далее, вследствие того, что, хотя земля какой-нибудь области в общем более плодородна, все же местами земли лучшего и худшего качества могут причудливо чередоваться и худшую землю приходится обрабатывать уже по одному тому, что она находится в непосредственной связи с лучшей. Если худшая земля врезывается отдельными участками в лучшую, то это обстоятельство дает ей преимущество положения перед землей более плодородной, но не прилегающей к обработанной или подлежащей обработке земле.

Таким образом штат Мичиган среди западных штатов начал вывозить хлеб одним из первых. Почва его в общем скудна. Но соседство со штатом Нью-Йорком и водное сообщение посредством озер и канала Эри с самого начала давали ему преимущество перед более плодородными от природы штатами, находящимися далее к западу. Пример этого штата в сравнении со штатом

Нью-Йорком может также служить иллюстрацией перехода от лучшей земли к худшей. Почва штата Нью-Йорка, особенно западная часть, несравненно плодороднее, в особенности для возделывания пшеницы. Хитнической обработкой эта плодородная земля была превращена в неплодородную, и почва Мичигана оказалась теперь плодороднее.

«В 1836 году из Буффало транспортировали водою пшеничную муку на запад, главным образом из пшеничного округа Нью-Йорка и Верхней Канады. В настоящее время, лишь 12 лет спустя, громадные запасы пшеницы и муки с запада привозят по озеру и каналу Эри в Буффало и соседнюю гавань Блэкрок для отправки водою на восток. Экспорт пшеницы и муки особенно усилился благодаря голоду в Европе в 1847 году. Вследствие этого пшеница в западной части Нью-Йорка стала дешевле и возделывание ее сделалось менее выгодным; это побудило нью-йоркских фермеров заняться более скотоводством, молочным хозяйством, плодоводством и т. д., т.-е. такими отраслями, в которых по их мнению северо-запад не сумеет непосредственно конкурировать с ними» (J. W. Johnston. Notes on North America. London 1851. I, p. 222).

В-третьих: Неправильно предполагать, что почва колоний и вообще молодых стран, которые могут вывозить хлеб по более дешевой цене, непременно отличается большим естественным плодородием. Хлеб продается в данном случае не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства, а именно ниже цены производства, определяемой в более старых странах средней нормой прибыли.

Если мы, как говорит Johnston (стр. 223), «с этими новыми штатами, из которых ежегодно подвозят в Буффало также большие количества пшеницы, привыкли соединять представление о большом природном плодородии и беспредельном пространстве богатой земли», то это зависит прежде всего от экономических условий. Все население такой страны, как, напр., Мичиган, занималось в начале почти исключительно сельским хозяйством, а именно производством продуктов массового потребления, так как только их можно было обменивать на промышленные товары и тропические продукты. Весь его избыточный продукт является поэтому в форме хлеба. Это уже с самого начала отличает колоннальные государства, образовавшиеся на основе современного мирового рынка, от прежних и в особенности от колоний древнего мира. Мировой рынок доставляет им в готовом виде те продукты, как-то: одежду, орудия и т. д., которые при других обстоятельствах им пришлось бы производить самим. Только на такой основе южные штаты Союза и могли превратить хлопок в свой

главный продукт. Разделение труда на мировом рынке дает им эту возможность. Если поэтому кажется, что они, принимая во внимание их молодость и относительную малочисленность населения, производят очень большой избыточный продукт, то этим они обязаны не плодородию их почвы и не производительности их труда, а односторонней форме их труда, а следовательно, и того избыточного продукта, в котором этот труд проявляется.

Далее, относительно менее плодородная пахотная земля, которая однако начала обрабатываться впервые и еще не была тронута какой-либо культурой, при более или менее благоприятных климатических условиях содержит, по крайней мере в верхних слоях, так много легко растворимых веществ, необходимых для питания растений, что она долгое время дает урожай, не требуя удобрения, да еще при самой поверхностной обработке. Что касается западных прерий, то сюда присоединяется еще и то, что обработка их почти не требует никаких издержек на подготовку, так как они пригодны для возделывания уже от природы ³³⁾. В менее плодородных областях этого рода избыток получается не вследствие высокого плодородия почвы, т.-е. не вследствие высокого продукта на акр, а вследствие большого количества акров, которые могут быть поверхностно возделаны, так как сама эта земля или ничего не стоит возделывателю, или, по сравнению со старыми странами, стоит лишь до бесконечности дешево. Например, там, где существует издольная аренда, как, например, в некоторых частях Нью-Йорка, Мичигана, Канады и т. д. Одна семья поверхностно обрабатывает, скажем, 100 акров и, хотя количество продукта, получаемого с акра, невелико, с 100 акров это даст значительный избыток для продажи. К этому присоединяется еще почти даровое содержание скота на естественных пастбищах, без необходимости искусственных лугов. Решающее значение имеет здесь не качество, а количество земли. Возможность такой поверхностной обработки более или менее быстро исчерпывается, — исчерпывается тем медленнее, чем плодороднее новая земля, и тем быстрее, чем больше вывоз ее продукта. «И все же такая земля дает превосходные первые урожаи, даже урожаи пшеницы; тот, кто снимает первые

³³⁾ [Быстрота, с которой все новые пространства таких прерий и степных местностей превращаются в паши, как раз низведла в последнее время до уровня детской шутки знаменитое положение Мальтуса: „население давит на средства существования“, и в противоположность этому вызвала жалобы аграриев на то, что земледелие, а вместе с тем и Германия должны будут погибнуть, если насильственными мерами не устраним средств существования, которые давят на население. Но обработка этих степей, прерий, пампасов, льяносов и т. д. едва лишь начинается; по этому ее революционизирующее влияние на европейское сельское хозяйство будет со временем несравненно ощутительнее, чем оно было до сих пор.—Ф. Э.]

сливки с земли, может послать на рынок большой избыток пшеницы» (I. с., р. 224). В странах старой культуры отношения собственности, цена невозделанной земли, определяемая ценой возделанной и т. д., делают невозможным подобного рода экстенсивное хозяйство.

Следующие данные показывают, что, вопреки мнению Рикардо, эта земля не должна непременно быть очень плодородной, а также нет необходимости в том, чтобы возделывались сорта земли, одинаковые по своему плодородию: в штате Мичигане в 1848 году было засеяно пшеницей 465.900 акров и производилось 4.739.300 бушелей, или в среднем по $10\frac{1}{5}$ бушеля на акр; по вычете семян это дает менее 9 бушелей на акр. Из 29 округов штата 2 производили в среднем 7 бушелей, 3—8, 2—9, 7—10, 6—11, 3—12, 4—13 бушелей и лишь один округ—16 бушелей и еще один—18 бушелей на акр (I. с., р. 226).

Для земледельческой практики большее плодородие почвы совпадает с возможностью более интенсивного немедленного использования этого плодородия. Такая возможность может быть больше по отношению к бедной от природы почве, чем по отношению к почве от природы богатой; но колонист прежде всего возьмется за такого рода землю и при недостатке капитала должен будет так поступить.

Наконец, распространение культуры на все большие площади—оставляя в стороне только что рассмотренный случай, когда приходится обращаться к земле худшего качества, чем та, которая возделывалась до того времени,—на различные роды земли, начиная с А и до D, т. е., например, обработка больших площадей земель В и С, отнюдь не предполагает предварительного повышения цен хлеба, подобно тому как ежегодное расширение, напр., бумагопрядения не требует постоянного повышения цен пряжи. Хотя значительное повышение или понижение рыночных цен оказывает влияние на размер производства, однако, несмотря на это и оставляя это в стороне, и при средних ценах, не оказывающих на производство ни угнетающего, ни особо оживляющего влияния своим уровнем, в земледелии (как и во всех других отраслях производства, которые ведутся капиталистически) постоянно имеется налицо то относительное перепроизводство, которое само по себе тождественно с накоплением и которое при других способах производства непосредственно вызывается ростом населения, а в колониях—постоянной иммиграцией. Спрос постоянно возрастает и в виду этого все новые и новые капиталы постоянно вкладываются в новые земли, хотя, в зависимости от обстоятельств, быть может, на возделывание новых и новых земледельческих продуктов. К этому само по себе приводит образование

новых капиталов. Что касается единичного капиталиста, то размеры своего производства он соразмеряет с размером имеющегося в его распоряжении свободного капитала, поскольку это еще не выходит из-под его собственного контроля. Он стремится лишь к тому, чтобы занять как можно больше места на рынке. Если наступит перепроизводство, то он обвинит в этом не себя, а своих конкурентов. Отдельный капиталист может расширять свое производство как присваивая себе сравнительно большую соответственную часть данного рынка, так и расширяя самый рынок.

Глава сороковая.

Вторая форма дифференциальной ренты (Дифференциальная рента II).

До сих пор мы рассматривали дифференциальную ренту лишь как результат различной производительности одинаковых затрат капитала на равных земельных площадях различного плодородия, так что дифференциальная рента определялась разностью между продуктом капитала, вложенного в наихудшую, не приносящую ренты землю, и продуктом капитала, вложенного в более хорошую землю. При этом мы предполагали, что капиталы затрачивались одновременно на различных участках земли, так что каждой новой затрате капитала соответствовало расширение возделывания земли, увеличение возделываемой площади. Но по существу дифференциальная рента являлась в конце концов лишь результатом различной производительности равных капиталов, вложенных в землю. Рассмотрим теперь, получится ли какая-нибудь разница, если капиталы различной производительности затрачиваются один после другого на одном и том же участке земли, и если они затрачиваются одновременно на различных участках земли—получится ли какая-нибудь разница, если только предположить, что результаты одни и те же.

Прежде всего нельзя отрицать, что, поскольку дело идет об образовании добавочной прибыли, совершенно безразлично, дадут ли 3 £ цены производства на акр земли А продукт в 1 квартал, так что 3 £ будут ценою производства и регулирующей рыночной ценой 1 квартера, тогда как 3 £ цены производства на акр земли В дадут 2 квартера и, таким образом, добавочную прибыль в 3 £, а 3 £ цены производства на акр земли С дадут 3 квартера и 6 £ добавочной прибыли, и, наконец, 3 £ цены производства на акр земли D дадут 4 квартера и 9 £ добавочной прибыли, или же такой результат по-

лучится от того, что эти 12 £ цены производства, или 10 £ капитала, будут вложены с таким же успехом, в такой же последовательности, в один и тот же акр. И в том и в другом случае капитал = 10 £, и стоимость его последовательно затрачивается частями по $2\frac{1}{2}$ £,—безразлично, затрачиваются ли они одновременно на 4-х акрах земли различного плодородия, или последовательно на одном и том же акре,—а из этих частей, так как продукт их различен, одна не дает добавочной прибыли, а другие дают добавочную прибыль, соответствующую разности между их продуктом и продуктом той затраты, которая не приносит ренты.

Добавочные прибыли и различные нормы добавочной прибыли с различных частей стоимости капитала образуются в обоих случаях одинаково. Рента же есть не что иное, как форма этой добавочной прибыли, образующей ее субстанцию. Но во всяком случае второй способ представляет затруднение в моменте, касающемся превращения добавочной прибыли в ренту, этого изменения формы, которое предполагает передачу дополнительной прибыли капиталистическим арендатором собственнику земли. Вот почему английские арендаторы оказывают такое упорное сопротивление официальной земледельческой статистике. Отсюда же борьба, которую они ведут с землевладельцами из-за установления действительных результатов затраты их капитала (Morton). Именно, при аренде земель устанавливается величина ренты, и после этого добавочная прибыль, получаемая от последовательных затрат капитала, попадает в карман арендатора все время, пока длится арендный договор. Отсюда борьба арендаторов за продолжительные арендные договоры и, наоборот, вследствие перевеса силы на стороне лэндлордов—увеличение числа контрактов, которые можно ежегодно расторгнуть (*tenancies at will*).

Поэтому ясно с самого начала: хотя закон образования добавочной прибыли несколько не изменяется вследствие того, вложены ли равные капиталы с различными результатами одновременно в земельные участки равной величины или последовательно друг за другом в один и тот же участок земли, однако это составляет значительную разницу для превращения добавочной прибыли в земельную ренту. Последний способ вводит это превращение с одной стороны в более узкие, с другой—в менее устойчивые пределы. Поэтому в странах интенсивной культуры (а в экономическом смысле под интенсивной культурой мы разумеем не что иное, как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого) работа таксатора, как показывает Morton в своих «*Resources of Estates*», становится очень важной, сложной и трудной профессией. При более

прочных улучшениях земли, когда истекает срок арендного договора, искусственно повышенное дифференциальное плодородие земли совпадает с естественным, а потому и определение размера ренты совпадает по своему характеру с определением ренты от земель различного плодородия. Напротив, поскольку образование добавочной прибыли определяется величиной капитала, вложенного в производство, величина ренты, получаемой при известной величине этого капитала, будет присоединена к средней ренте страны; поэтому будут обращать внимание на то, чтобы новый арендатор располагал капиталом, достаточным для продолжения культуры с прежней степенью интенсивности.

При рассмотрении дифференциальной ренты II необходимо отметить еще следующие пункты:

Во-первых: Основой и исходным пунктом этой формы ренты не только исторически, но и поскольку дело идет об ее движении во всякий данный момент, является дифференциальная рента I, т.-е. одновременное возделывание расположенных последовательно в пространстве земельных участков, различных как по своему плодородию, так и по положению, т.-е. одновременное, последовательное в пространстве применение различных составных частей всего земледельческого капитала на землях различного качества.

Исторически это само собой разумеется. В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал; главными агентами производства являются труд и земля. Каждый отдельный глава семьи стремится добиться для себя и своих самостоятельного поля действия, рядом с сотоварищами-колонистами. В собственно земледелии уже при докапиталистических способах производства дело должно было происходить вообще таким же образом. При овцеводстве и вообще скотоводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, при чем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер. Капиталистический способ производства исходит из прежних способов производства, при которых средства производства, фактически или юридически, составляют собственность самого возделывателя, словом, из ремесленного производства в земледелии. По существу дела из ремесленного производства лишь постепенно развивается концентрация средств производства и превращение их в капитал, противостоящий непосредственным производителям, превращенным в наемных рабочих. Поскольку капиталистический способ производства выступает здесь с своими характерными особенностями, это происходит впервые в особенности в области овцеводства и скотоводства; но проявляется это

не в концентрации капитала на относительно небольшой площади земли, а в производстве в большем масштабе, что позволяет делать экономно на количестве лошадей и других издержках производства; в действительности здесь нет приложения большего капитала к одной и той же земле. Далее, к естественным законам земледелия относится то обстоятельство, что при известной высоте культуры и соответствующем ей истощении почвы капитал, понимаемый здесь также в смысле уже произведенных средств производства, становится решающим элементом земледелия. Пока возделываемая земля составляет относительно небольшую площадь сравнительно с невозделанной, и сила ее еще не истощена (а такое положение существует при преобладании скотоводства и мясной пищи в период, предшествующий периоду преобладания собственно земледелия и растительной пищи), возникающий новый способ производства представляет контраст крестьянскому именно по размеру земельной площади, обрабатываемой за счет одного капиталиста, т. е. опять-таки по экстенсивной затрате капитала на земельной площади большего протяжения. Таким образом с самого начала следует установить, что дифференциальная рента I является той исторической основой, которая служит исходной точкой с другой стороны движение дифференциальной ренты II в каждый данный момент начинается лишь в такой области, которая сама в свою очередь служит мозаичной основой для дифференциальной ренты I.

Во-вторых: При дифференциальной ренте в форме II к различию плодородия присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами. В собственно мануфактуре для каждой отрасли производства скоро складывается особый минимум размера предприятия и соответственно этому минимум капитала, без которого нельзя успешно вести отдельное предприятие. Точно так же в каждой отрасли производства образуется стоящий выше этого минимума нормальный средний размер капитала, которым должно располагать и располагает большинство производителей. Капитал большего размера может дать добавочную прибыль; меньшего размера не даст и средней прибыли. Капиталистический способ производства лишь медленно и неравномерно захватывает сельское хозяйство, как это можно наблюдать в Англии, классической стране капиталистического способа производства в области земледелия. Если нет свободного ввоза хлеба, или его действие лишь ограничено, потому что размер ввоза ограничен, то рыночную цену определяют производители, работающие на худшей земле, т. е. при условиях производства более неблагоприятных, чем средние. Большая часть общей массы капитала, который применяется в земледелии и которым оно вообще располагает, находится в их руках.

Верно, что крестьянин, например, затрачивает много труда на свою маленькую parcelлу. Но труда изолированного и лишнего объективных, как общественных, так и материальных, условий производительности, отрешенного от них.

Это обстоятельство приводит к тому, что настоящие капиталистические фермеры имеют возможность присваивать себе часть добавочной прибыли; это оказалось бы невозможным—по крайней мере, поскольку дело касается этого пункта,—если бы капиталистический способ производства был так же равномерно развит в сельском хозяйстве, как в мануфактуре.

Начнем с того, что рассмотрим образование добавочной прибыли при дифференциальной ренте II, не касаясь условий, при которых может совершиться превращение этой добавочной прибыли в земельную ренту.

В таком случае ясно, что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с нею. Различие в плодородии различных земель влияет при образовании дифференциальной ренты I лишь постольку, поскольку оно вызывает то явление, что вложенные в землю капиталы дают неодинаковые результаты, неодинаковое количество продуктов на капиталы одинаковой величины или соразмерно с их относительной величиной. Получается ли это неравенство для различных капиталов, затрачиваемых один за другим на одном и том же участке земли, или для капиталов, вкладываемых в несколько земельных участков разнородной земли,—это ничего не может изменить в различии плодородия или в результате этого различия, а потому и в образовании дифференциальной ренты с тех частей капитала, которые затрачены с большим плодородием. При равных затратах капитала различное плодородие по-прежнему обнаруживает земля, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные сорта земли при затрате различных частей общественного капитала одинаковой величины.

Предположим, что все тот же капитал в 10 £, который затрачивался в таблице I различными фермерами в виде самостоятельных капиталов по $2\frac{1}{2}$ £ на каждый акр четырех родов земли A, B, C и D, вместо этого последовательно затрачивается на одном и том же акре D так, что первая затрата дает 4 квартера, вторая—3, третья—2 и последняя—1 квартал (или же в обратной последовательности). В таком случае цена одного квартера, получаемого от наименее доходной части капитала, равная 3 £, не приносила бы дифференциальной ренты, но определяла бы цену производства до тех пор, пока сохра-

яется потребность в пшенице, цена производства которой = 3 £. А так как согласно предположению производство ведется капиталистически и, следовательно, цена в 3 £ включает в себе среднюю прибыль, приносимую вообще капиталом в $2\frac{1}{2}$ £, то три остальные части по $2\frac{1}{2}$ £ будут приносить, смотря по различию в количестве продукта добавочную прибыль, так как этот продукт продается не по его цене производства, а по цене производства наименее доходной затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ £,—затраты, которая не приносит ренты, и цена продукта которой регулируется по общему закону цен производства. Образование добавочной прибыли было бы такое же, как в таблице I.

Здесь снова оказывается, что дифференциальная рента II предполагает дифференциальную ренту I. Минимум продукта, который приносит капитал в $2\frac{1}{2}$ £, т. е. капитал, затраченный на наихудшей земле, мы приняли здесь в 1 квартал. Следовательно, предполагается, что арендатор земли D, помимо тех $2\frac{1}{2}$ £, которые приносят ему 4 квартала, за что он уплачивает 3 квартала дифференциальной ренты, затрачивает на той же земле $2\frac{1}{2}$ £, которые приносят ему всего лишь 1 квартал, т. е. то же, что принес бы тот же капитал на наихудшей земле А. В таком случае это была бы затрата капитала, не приносящая ренты, так как она принесла бы фермеру только среднюю прибыль. Здесь не было бы никакой добавочной прибыли, нечему было бы превращаться в ренту. Но, с другой стороны, это уменьшение продукта от второй затраты капитала на D не оказало бы никакого влияния на норму прибыли. Это было бы то же самое, как если бы $2\frac{1}{2}$ £ были вновь затрачены на какой-нибудь новый акр земли сорта А,—обстоятельство, которое не оказало бы никакого влияния на добавочную прибыль, а следовательно, и на дифференциальную ренту с земель А, В, С, D. Для фермера же эта дополнительная затрата $2\frac{1}{2}$ £ на D была бы выгодна как раз в такой же мере, как, согласно нашему предположению, затрата первоначальных $2\frac{1}{2}$ £ на акр земли D, хотя она приносит 4 квартала. Если, далее, следующие две затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ £ каждая дадут ему: первая 3, а вторая 2 квартала дополнительного продукта, то это будет означать новое уменьшение продукта по сравнению с продуктом, полученным от первой затраты в $2\frac{1}{2}$ £ на D, которая дала 4 квартала, т. е. 3 квартала добавочной прибыли. Но это было бы лишь уменьшением величины добавочной прибыли и не оказало бы никакого влияния ни на среднюю прибыль, ни на регулирующую цену производства. Последнее могло бы произойти лишь в том случае, если бы дополнительное производство, вызвавшее это понижение добавочной прибыли, сделало излишним производство на А и таким образом исключило бы А из числа обрабатываемых земель. В этом случае с по-

нижением плодородия дополнительной затраты капитала на акре земли D было бы связано уменьшение цены производства, например, с 3 £ до $1\frac{1}{2}\text{ £}$, если бы землей, не приносящей ренты и регулирующей рыночную цену, сделался акр земли B.

Продукт с D был бы теперь $= 4 + 1 + 3 + 2 = 10$ кварт., тогда как прежде он был равен 4 кварт. Но цена квартера, регулируемая посредством B, уменьшилась бы до $1\frac{1}{2}\text{ £}$. Разница между D и B была бы $= 10 - 2 = 8$ кварт., что по $1\frac{1}{2}\text{ £}$ за квартал составило бы 12 £ , тогда как денежная рента с D раньше была $= 9\text{ £}$. Это следует отметить. Если сделать расчет на акр, то рента поднялась на $33\frac{1}{2}\%$, несмотря на уменьшившуюся норму добавочной прибыли с двух дополнительных капиталов по $2\frac{1}{2}\text{ £}$ каждый.

Отсюда видно, к каким необыкновенно сложным комбинациям дает повод дифференциальная рента вообще и особенно в ее форме II в связи с формой I, тогда как Рикардо, например, трактует ее чрезвычайно односторонне и как вещь простую. Бывают случаи, как приведенный выше, когда происходит понижение регулирующей рыночной цены и вместе с тем увеличение ренты на плодородных землях, так что возрастает как абсолютный продукт, так и абсолютный добавочный продукт. (При дифференциальной ренте I по нисходящей линии может возрасти относительный добавочный продукт, а потому и рента с акра, хотя абсолютный добавочный продукт с акра остается тот же или даже уменьшается.) Но в то же время уменьшается производительность затрат капитала, которые делаются одна за другой на одной и той же земле,—и это несмотря на то, что значительная часть их приходится на лучшие земли. Если смотреть с одной точки зрения—с точки зрения количества продукта и цен производства—производительность труда возрасла. Но с другой точки зрения она уменьшилась, так как норма добавочной прибыли и добавочный продукт на акр для различных затрат капитала уменьшились.

Дифференциальная рента II, при уменьшающемся плодородии последовательных затрат капитала, только в том случае была бы непременно связана с вздорожанием цены производства и абсолютным уменьшением производительности, если бы эти затраты капитала могли быть произведены исключительно на худшей земле A. Если акр разряда A, при затрате капитала в $2\frac{1}{2}\text{ £}$ дававший 1 квартал по цене производства в 3 £ , при дальнейшей затрате в $2\frac{1}{2}\text{ £}$, т. е. при общей затрате в 5 £ , дает в общей сложности лишь $1\frac{1}{2}$ квартера, то цена производства этих $1\frac{1}{2}$ кварт. $= 6\text{ £}$, а потому одного квартера $= 4\text{ £}$. Всякое понижение производительности при возрастающей затрате капитала было бы здесь относительным уменьшением продукта с акра, тогда как такое понижение производительности на земле

лучших сортов есть лишь уменьшение избыточного добавочного продукта.

Но по самой природе дела интенсивная культура, т. е. последовательные затраты капитала на одной и той же земле, развивается преимущественно или в более значительной степени на землях лучших сортов. (Мы не говорим здесь о тех прочных улучшениях, посредством которых земли до того времени непригодные превращаются в пригодные.) Поэтому уменьшающаяся производительность последовательных затрат капитала должна действовать преимущественно вышеуказанным образом. Лучшая земля выбирается при этом потому, что она дает больше всего надежды на получение выгоды от употребленного на нее капитала, так как содержит в себе наибольшее количество естественных элементов плодородия, которые остаются только использовать.

Когда после отмены хлебных законов культура в Англии сделалась еще интенсивнее, масса земель, на которых прежде возделывалась пшеница, были использованы с иными целями, а именно превращены в пастбища; напротив, плодородные пространства земли, наиболее пригодной для возделывания пшеницы, были дренированы и иным образом улучшены, так что капитал, нашедший себе применение в возделывании пшеницы, был сконцентрирован в более тесной области.

В этом случае—а все возможные добавочные нормы, находящиеся между наибольшим количеством добавочного продукта, получаемого с лучшей земли, и количеством продукта земли А, не приносящей ренты, соответствуют здесь не относительному, а абсолютному увеличению добавочного продукта на акр—вновь образовавшаяся добавочная прибыль (потенциальная рента) представляет не превратившуюся в ренту часть прежней средней прибыли (часть продукта, в которой раньше выражалась средняя прибыль), а дополнительную добавочную прибыль, которая из этой формы превратилась в ренту.

Напротив, только в том случае, если бы спрос на хлеб увеличился настолько, что рыночная цена превысила бы цену производства на земле А, и потому добавочный продукт с земель А, В или какого-либо другого разряда можно было бы получать лишь по более высокой цене, чем 3 £,—только в этом случае уменьшение продукта от дополнительной затраты капитала на какой-либо из разрядов А, В, С, D было бы сопряжено в повышении цены производства и регулирующей рыночной цены. Если бы такое положение установилось на сравнительно продолжительное время и, однако, не вызвало бы возделывания дополнительной земли А (по меньшей мере, качества А) и вообще никакие другие влияния не привели бы к более дешевому предложению, то заработная плата при прочих равных условиях по-

высилась бы вследствие вздорожания хлеба и соответственно этому понизилась бы норма прибыли. В этом случае было бы безразлично, потребуется ли для удовлетворения увеличившегося спроса возделывать худшую чем А землю или сделать дополнительную затрату капитала на какой-либо из четырех родов земли. Дифференциальная рента стала бы повышаться одновременно с понижением нормы прибыли.

Этот случай, когда убывающая производительность дополнительных капиталов, вкладываемых в земли, уже находящиеся под культурой, может привести к повышению цены производства, понижению нормы прибыли и образованию более высокой дифференциальной ренты,—так как эта последняя при данных условиях повысилась бы на всех родах земли совершенно так же, как если бы худшая чем А земля стала теперь регулировать рыночную цену,—этот случай Рикардо превращает в единственный случай, в нормальный случай, к которому он сводит все образование дифференциальной ренты II.

Так оно и было бы в действительности, если бы обрабатывался лишь сорт земли А и если бы последовательные затраты капитала, производимые на ней, не были бы соединены с относительным простом продукта.

Таким образом здесь, в случае с дифференциальной рентой II, совершенно теряется из памяти дифференциальная рента I.

За исключением этого случая, когда или предложение, исходящее с уже возделываемых земель, недостаточно и потому рыночная цена в течение долгого времени превышает цену производства, пока не начнется возделывание новых, дополнительных земель худшего качества, или пока весь продукт дополнительного капитала, затраченного на землях различных разрядов, не окажется возможным сбывать по более высокой цене производства, чем существовавшая до того времени,—за исключением этого случая относительное уменьшение производительности дополнительных капиталов не затрагивает регулиющей цены производства и нормы прибыли. Вообще же говоря, возможны еще три следующих случая:

а) Если дополнительный капитал, затраченный на землю какого бы то ни было рода: А, В, С, D, даст лишь норму прибыли, определяемую ценой производства на А, то благодаря этому не образуется добавочной прибыли, а следовательно, и какой бы то ни было ренты,—не образуется точно так же, как если бы стала обрабатываться дополнительная земля А.

в) Если дополнительный капитал принесет большее количество продукта, то, как само собою разумеется, образуется новая добавочная прибыль (потенциальная рента) при том условии, если регулирующая цена остается прежняя. Последнее не всегда так бывает,

именно не бывает в том случае, если это дополнительное производство исключает землю А из числа обрабатываемых, а вместе с тем и из числа конкурирующих родов земли. Тогда регулирующая цена производства понижается. Норма прибыли повысилась бы, если бы с этим было сопряжено понижение заработной платы, или если бы более дешевый продукт вошел элементом в постоянный капитал. Если бы дополнительные капиталы с более высокой производительностью были затрачены на земли лучших родов С и D, то только от степени повышения производительности и от массы вновь вложенных капиталов зависело бы, насколько образование увеличенной добавочной прибыли (а следовательно, и увеличенной ренты) соединилось бы с понижением цены и повышением нормы прибыли. Эта последняя может повышаться и без понижения заработной платы, вследствие удешевления элементов постоянного капитала.

с) Если дополнительная затрата капитала дает добавочную прибыль в убывающем размере, но все же так, что продукт этой затраты оставляет избыток по сравнению с продуктом такого же капитала, затраченного на земле А, то, если только увеличившееся предложение не исключит земли А из числа обрабатываемых земель, безусловно происходит образование новой добавочной прибыли, при чем оно может произойти одновременно на D, C, B, A. Если же, напротив, из обработки будет вытеснена худшая земля А, то регулирующая цена производства понизится и от отношения между уменьшившейся ценой одного квартала и увеличившимся числом кварталов, образующих добавочную прибыль, зависит, повышает ли или понижается выраженная в деньгах добавочная прибыль, а следовательно, и дифференциальная рента. Но во всяком случае здесь обнаруживается то любопытное обстоятельство, что при уменьшении добавочной прибыли от последовательных затрат капитала цена производства может уменьшаться вместо того, чтобы повышаться, как это представляется с первого взгляда.

Эти дополнительные затраты капитала с убывающими добавочными продуктами как раз соответствуют такому случаю, когда на землях, располагающихся по своему плодородию между А и В, В и С, С и D, были бы, напр., затрачены четыре новых самостоятельных капитала по $2\frac{1}{2}$ £, которые приносили бы соответственно $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{3}$, $2\frac{2}{3}$ и 3 квартала. Все эти четыре дополнительных капитала на всех четырех родах земли дали бы добавочные прибыли, потенциальные ренты, хотя норма добавочной прибыли по сравнению с той, которую приносит равная затрата капитала на соответственно лучшей земле, и уменьшилась бы. При этом было бы совершенно безразлично, вложены ли эти четыре капитала в землю D и т. д., или же распределены между D и А.

Мы подходим теперь к существенному различию между двумя формами дифференциальной ренты.

Когда дело идет о дифференциальной ренте I, здесь при неизменяющейся цене производства и неизменяющихся разностях вместе с общей суммой ренты может повыситься средняя рента на акр или средняя норма ренты на капитал. Но среднее это—лишь абстракция. Действительный уровень ренты, в расчете на акр или на капитал здесь остается прежний.

Напротив, размер ренты, при расчете на акр, при тех же условиях может повыситься, хотя норма ренты, вычисленная на затраченный капитал, остается прежняя.

Предположим, что производство удваивается вследствие того, что на каждом из родов земли А, В, С, D затрачивается капитала не по $2\frac{1}{2}$, а по 5 £, т.-е. в общем 20 £ вместо 10 £, при чем относительное плодородие остается прежнее. Это было бы совершенно то же самое, как если бы вместо 1 акра каждого из этих родов земли обрабатывалось 2 акра, при чем издержки оставались бы те же. Норма прибыли не изменилась бы, равно как и ее отношение к добавочной прибыли или ренте. Если бы А стал приносить теперь 2 квартера, В—4, С—6, D—8, то цена производства по-прежнему равнялась бы 3 £ за квартал, так как этот прирост был бы обязан своим происхождением не удвоившемуся плодородию при прежнем капитале, а прежнему относительному плодородию при удвоившемся капитале. Эти 2 квартера с А стоили бы теперь 6 £, как раньше 1 квартал стоил 3 £. Прибыль на всех 4 родах земли удвоилась бы, но только потому, что удвоился затраченный капитал. Но рента удвоилась бы, возрасла бы в том же отношении; она равнялась бы 2 квартерам для В вместо 1 кварт., 4 кварт. для С вместо 2 и 6 кварт. для D вместо 3, и соответственно этому денежная рента для В, С, D равнялась бы 6 £, 12 £, 18 £. Вместе с продуктом на акр удвоилась бы и денежная рента при расчете на акр, а следовательно, цена земли, в которой капитализируется эта денежная рента. Согласно такому расчету, повышается хлебная и денежная рента, а следовательно, и цена земли, так как масштаб, которым измеряется последняя, акр, есть земельная площадь постоянной величины. Напротив, в относительной высоте ренты не произошло никакого изменения, если рассматривать ее как норму ренты по отношению к затраченному капиталу. Общая сумма ренты в 36 относится к затраченному капиталу в 20, как общая сумма ренты в 18 к затраченному капиталу в 10. То же самое справедливо и для отношения денежной ренты, получаемой с земли каждого рода, к вложенному в последнюю капиталу; так, напр., 12 £ ренты с земли С относятся к 5 £ капитала, как

раньше 6 £ ренты относилось к $2\frac{1}{2}$ £ капитала. При этом не образуется новых различий между затраченными капиталами, но образуются новые добавочные прибыли только потому, что дополнительный капитал вкладывается в какую-либо из приносящих ренту земель или во все земли и приносит при этом пропорционально своей величине прежний продукт. Если бы двойная затрата капитала была произведена, например, лишь на С, то дифференциальная рента между С, В и D по отношению к капиталу осталась бы тою же; потому что, хотя масса ренты, полученная с С, и удвоилась бы, но удвоился бы и затраченный капитал.

Отсюда видно, что при прежней цене производства, прежней норме прибыли и прежних разностях (а следовательно, при прежней норме добавочной прибыли или ренты, взятой в отношении к капиталу), высота ренты, выраженной в продукте и в деньгах, получаемых с акра, а следовательно, и цена земли может повыситься.

То же самое может произойти при уменьшающихся нормах добавочной прибыли, а следовательно, и ренты, т.-е. при уменьшающейся производительности дополнительных затрат капитала, все еще приносящих ренту. Если бы вторичные затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ £ не дали удвоенного продукта, а на В получилось бы лишь $3\frac{1}{3}$ кварт., на С—5 и на D—6 кварт., то дифференциальная рента на В для второй затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ £ равнялась бы лишь $\frac{1}{2}$ кварт. вместо 1, на С—1 кварт. вместо 2, на D—2 кварт. вместо 3. Отношение между рентой и капиталом для обеих последовательных затрат было бы следующее:

Первая затрата.

Вторая затрата.

В: рента 3 £, капитал $2\frac{1}{2}$ £.	Рента $1\frac{1}{2}$ £, капитал $2\frac{1}{2}$ £.
С: „ 6 „ „ $2\frac{1}{2}$ „	„ 3 „ „ $2\frac{1}{2}$ „
Д: „ 9 „ „ $2\frac{1}{2}$ „	„ 6 „ „ $2\frac{1}{2}$ „

Несмотря на такое понижение нормы относительной производительности капитала, а следовательно, и добавочной прибыли, взятой по отношению к капиталу, хлебная и денежная рента повысилась бы для В с 1 до $1\frac{1}{2}$ кварт. (с 3 до $4\frac{1}{2}$ £), для С с 2 до 3 кварт. (с 6 до 9 £) и для D с 3 до 5 кварт. (с 9 до 15 £). В этом случае разности для дополнительных капиталов по сравнению с капиталом, вложенных в А, уменьшились бы, цена производства осталась бы прежняя, но рента на акр, а следовательно, и цена земли за акр увеличилась бы.

Теперь, что касается комбинаций дифференциальной ренты II, которая предполагает как свою основу дифференциальную ренту I, то они следующие.

Глава сорок первая.

Дифференциальная рента II. Первый случай: постоянная цена производства.

Предполагая это условие, мы предполагаем, что рыночная цена по-прежнему регулируется капиталом, вложенным в наилучшую землю А.

1. Если дополнительный капитал, вложенный в какую бы то ни было землю, приносящую ренту, производит лишь столько, сколько производит такой же капитал, вложенный в землю А, т.-е. если при регулирующей цене производства он приносит лишь среднюю прибыль, не давая таким образом никакой добавочной прибыли, то влияние, оказываемое им на ренту, равно нулю. Все остается, как было раньше. Это равносильно тому, как если бы любое число акров качества А, наилучшей земли, было присоединено к уже возделываемой земельной площади.

II. Дополнительные капиталы производят на землях всех родов дополнительные продукты в количестве, соответствующем величине этих капиталов; т.-е. производство возрастает, смотря по специфическому плодородию земли каждого рода, соразмерно с величиной дополнительного капитала. В XXXIX главе исходным пунктом нам служила следующая таблица I:

Род земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производства. £	Продукт в квартал.	Продажная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма добавочной прибыли.
								кварт.	£	
A	1	2½	½	3	1	3	3	0	0	0
B	1	2½	½	3	2	3	6	1	3	120%
C	1	2½	½	3	3	3	9	2	6	240%
D	1	2½	½	3	4	3	12	3	9	360%
Итого . .	4	10		12	10		30	6	18	

Теперь из нее получится:

Таблица II.

Род земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производства. £	Продукт в квартал.	Продажная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма добавочной прибыли.
								кварт.	£	
A	1	2½ + 2½ = 5	1	6	2	3	6	0	0	0
B	1	2½ + 2½ = 5	1	6	4	3	12	2	6	120%
C	1	2½ + 2½ = 5	1	6	6	3	18	4	12	240%
D	1	2½ + 2½ = 5	1	6	8	3	24	6	18	360%
Итого	4	20			20		60	12	36	

В данном случае нет необходимости в том, чтобы капитал вкладывался в каждый из родов земли в удвоенном размере, как это имеет место в таблице. Закон остается тот же, если только на какую бы то ни было одну или несколько категорий земли, приносящей ренту, затрачен дополнительный капитал в каком бы то ни было размере. Необходимо лишь, чтобы производство всех этих земель увеличивалось в том же отношении, в каком увеличивается капитал. Рента повышается здесь исключительно благодаря увеличению затраченного на землю капитала и соразмерно с этим увеличением капитала. Такое увеличение продукта и ренты, являющееся следствием увеличения затраченного капитала и соразмерное ему, ничем не отличается ни по количеству продукта, ни по величине ренты от того случая, когда увеличивается возделываемая площадь равных по качеству участков земли, приносящих ренту, и начинает возделываться с такой же затратой капитала, с которой совершалась раньше обработка земельных участков того же качества. В случае, изображенном таблицей II, например, результат был бы тот же, если бы дополнительный капитал в $2\frac{1}{2}\text{ £}$ на акр был затрачен на вторые акры земель В, С и D.

Этот случай не предполагает, далее, какого-либо более продуктивного применения капитала, а лишь применение большего капитала к той же площади и с теми же результатами, как и до того времени.

Все относительные величины здесь остаются прежние. Конечно, если рассматривать не относительные различия, а чисто арифметические, то окажется, что дифференциальная рента, получаемая с различного рода земель, может изменяться. Предположим, например, что дополнительный капитал был вложен лишь в В и D. В таком случае разница между D и A = 7 кварталам; прежде эта разница была = 3; между В и A = 3 кварт.; прежде была = 1; разница между С и В = - 1; прежде была = + 1 и так далее. Но эта арифметическая разница, имеющая решающее значение при дифференциальной ренте I, поскольку в ней выражается различие в производительности при одинаковом размере вложенного капитала, в данном случае не имеет никакого значения, так как является лишь следствием того, вложены или нет различные дополнительные капиталы, при чем разница для каждой равной части капитала на различных участках не изменяется.

III. Дополнительные капиталы приносят избыточный продукт и образуют поэтому добавочные прибыли, но при понижающейся норме, не пропорционально их увеличению.

Таблица III.

Род земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производ- ства. £	Продукт в квартерах.	Продаж- ная цена. £	Варучка. £	Рента.		Норма добавочной прибыли.
								кварт.	£	
A	1	2 ¹ / ₂	¹ / ₂	3	1	3	3	0	0	0
B	1	2 ¹ / ₂ + 2 ¹ / ₂ = 5	1	6	2 + 1 ¹ / ₂ = 3 ¹ / ₂	3	10 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂	90% ₀
C	1	2 ¹ / ₂ + 2 ¹ / ₂ = 5	1	6	3 + 2 = 5	3	15	3	9	180% ₀
D	1	2 ¹ / ₂ + 2 ¹ / ₂ = 5	1	6	4 + 3 ¹ / ₂ = 7 ¹ / ₂	3	22 ¹ / ₂	5 ¹ / ₂	16 ¹ / ₂	330% ₀
		17 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	21	17		51	10	30	

При этом третьем предположении опять-таки безразлично, производятся ли вторичные дополнительные затраты капитала равномерно или неравномерно на землях различного рода или нет; в одинаковых или неодинаковых отношениях уменьшается производство добавочной прибыли; вкладывается ли дополнительный капитал в один и тот же сорт земли, приносящий ренту, или распределяется, равномерно или неравномерно, между приносящими ренту землями различного качества. Все эти обстоятельства не имеют никакого значения для развиваемого нами закона. Единственное предположение, которое мы делаем, заключается в том, что дополнительный капитал, вложенный в приносящую ренту землю какого бы то ни было рода, дает добавочную прибыль, но в уменьшающемся размере по сравнению с степенью увеличения капитала. Пределы этого уменьшения колеблются в примерах находящейся перед нами таблицы между 4 квартерами = 12 £, продуктом первой затраты капитала на наилучшей земле D, и 1 кварталом = 3 £, продуктом такой же затраты капитала на наихудшей земле A. Продукт, получаемый с лучшей земли при затрате капитала I, представляет максимум, а продукт, получаемый с наихудшей земли A, не приносящей ренты, не дающей никакой добавочной прибыли при одинаковой затрате капитала, — минимум продукта, получаемого от последовательных затрат капитала на приносящих ренту землях какого бы то ни было рода, раз производительность последовательных затрат капитала убывает. Предположение II соответствует тому случаю, когда новые одинаковые по качеству участки земли лучших родов присоединяются к возделываемой земельной площади, когда увеличивается количество какого-либо рода возделанной земли. Точно так же предположение III соответствует тому случаю, когда возделываются дополнительные земельные участки, различные степени производительности которых распределяются между D и A, между производительностью лучшей и худшей земли. Если последовательные затраты

капитала производится исключительно на земле D, то они могут заключать в себе различия, существующие между D и A, далее различия между D и C, равно как и различия между D и B. Если же все они производится на земле C, то лишь различия между C и A или B; если на B, то лишь различия между B и A.

Но закон таков: рента на землях всех этих родов абсолютно возрастает, хотя и не пропорционально дополнительно вложенному капиталу.

Норма добавочной прибыли уменьшается как по отношению к дополнительному капиталу, так и по отношению ко всему вложенному в землю капиталу; но абсолютная величина добавочной прибыли увеличивается; совершенно так же, как это уменьшение нормы прибыли на капитал вообще по большей части связано с увеличением абсолютной массы прибыли. Так, средняя норма добавочной прибыли, получаемой с капитала, вложенного в B, $= 90\%$ на капитал, тогда как при первой затрате капитала она была $= 120\%$. Но общая добавочная прибыль увеличивается с 1 квартала до $1\frac{1}{2}$ и с 3 £ до $4\frac{1}{2}$. Вся рента, взятая сама по себе, а не по отношению к удвоившемуся размеру авансированного капитала, абсолютно возрасла. Различия между рентами различных родов земли и их отношение друг к другу могут здесь изменяться; но это изменение различий является следствием, а не причиной увеличения рент одна по отношению к другой.

IV. Случай, когда дополнительные затраты капитала на лучших землях производят большее количество продукта, чем первоначальные затраты, не требует дальнейшего анализа. Само собою разумеется, что при этом предположении ренты, получаемые с акра, повышаются, и притом в большей пропорции, чем дополнительный капитал, на какую бы категорию земли он ни был затрачен. В этом случае дополнительная затрата капитала соединяется с улучшением. Это следует из того, что дополнительная затрата меньшего капитала оказывается столь же или более производительной, чем сделанная раньше дополнительная затрата большего капитала. Случай этот не совсем тождествен с прежним, при чем различие, существующее между ними, имеет важное значение при всех затратах капитала. Если, например, 100 дают прибыль в 10, а 200, при определенной форме применения, дали прибыль в 40, то это означает, что прибыль увеличилась с 10% до 20% , и постольку это равносильно тому, как если бы 50, при более целесообразной форме применения, дали прибыль в 10 вместо 5. Мы предполагаем здесь, что увеличение прибыли связано с соответственным увеличением продукта. Но различие заключается в том, что в одном случае я должен удвоить капитал, тогда как в другом — я получаю удвоенный эффект при прежнем капитале. Отнюдь не без-

различно, произвожу ли я 1) прежний продукт при половине прежнего количества живого и овеществленного труда, или 2) удвоенный продукт при прежнем количестве труда, или 3) учетверенный продукт при удвоенном количестве труда. В первом случае труд — в живой или овеществленной форме — становится свободным и может быть употреблен как-либо иначе; расширяется возможность располагать трудом и капиталом. Освобождение капитала (и труда) само по себе есть увеличение богатства; оказывая совершенно то же действие, как если бы этот дополнительный капитал был получен при помощи накопления, оно сберегает труд накопления.

Положим, что капитал в 100 произвел продукт в 10 метров. В 100 содержится как постоянный капитал, так живой труд и прибыль. Таким образом метр стоит 10. Если теперь при помощи того же капитала в 100 можно произвести 20 метров, то метр будет стоить 5. Если, напротив, я могу с капиталом в 50 произвести 10 метров, то метр будет также стоить 5, но при этом освобождается капитал в 50 при том условии, если прежнее предложение товара достаточно. Если я должен затратить капитал в 200, чтобы произвести 40 метров, то метр также будет стоить 5. Определение стоимости, равно как и цены, так же мало позволяет уловить здесь какое-либо различие, как и масса продукта, пропорциональная затрате капитала. Но в первом случае освобождается капитал; во втором — сберегается дополнительный капитал, если бы потребовалось приблизительно удвоить производство; в третьем случае увеличенный продукт можно получить лишь при том условии, если увеличится авансированный капитал, хотя здесь не требуется такого увеличения, какое потребовалось бы, если бы большее количество продукта пришлось изготовлять при прежней производительной силе. (Относится к отделу I.)

С точки зрения капиталистического производства, по отношению не к увеличению прибавочной стоимости, а к уменьшению издержек производства, — а сокращение издержек даже на элемент, образующий прибавочную стоимость, на труд, оказывает капиталисту такую же услугу и образует для него прибыль, если регулирующая цена производства остается прежняя, — приложение постоянного капитала всегда обходится дешевле, чем переменного. В самом деле, это предполагается соответствующим капиталистическому способу производства развитием кредита и обилием ссудного капитала. С одной стороны, я применяю 100 £ дополнительного постоянного капитала, если 100 £ составляют продукт, производимый 5 рабочими в продолжение года; с другой стороны — 100 £ в виде переменного капитала. Если норма прибавочной стоимости = 100%, то стоимость, произведенная 5 рабочими = 200 £; напротив, стоимость 100 £ постоянного капитала = 100 £

и как капитала, быть может, она = 105 £, если размер процента = 5%. Одни и те же денежные суммы, авансированы ли они для производства, как стоимость постоянного или же как стоимость переменного капитала, дают, если рассматривать их продукт, выражение очень неодинаковых стоимостей. Что касается, далее, издержек производства товаров с точки зрения капиталиста, то разница заключается еще в том, что из этих 100 £ постоянного капитала, поскольку они вложены в основной капитал, в стоимость товара входит лишь снашивание, тогда как эти 100 £, израсходованные на заработную плату, должны быть целиком воспроизведены в стоимости товара.

У колонистов и вообще самостоятельных мелких производителей, которые совсем не располагают капиталом или могут располагать им только из высоких процентов, часть продукта, соответствующая заработной плате, представляет их доход, тогда как для капиталистов она является авансированием капитала. Поэтому первый смотрит на эту затрату труда как на необходимое условие трудового продукта, который прежде всего и имеется в виду. Что же касается избыточного труда, затрачиваемого им сверх необходимого труда, то он, конечно, реализуется в избыточном продукте; и поскольку он может продать или лично потребить его, этот продукт рассматривается им как нечто ничего ему не стоившее, так как он не стоил овеществленного труда. Только расходование этого последнего имеет для него значение отчуждения богатства. Конечно, он стремится продавать возможно дороже; но и продажа ниже стоимости и ниже капиталистической цены производства все еще имеет для него значение прибыли, если только эта прибыль не антиципирована задолженностью, ипотеками и так далее. Напротив, для капиталистов затрата как переменного капитала, так и постоянного одинаково является авансированием капитала. Относительно большее авансирование постоянного капитала уменьшает при прочих равных условиях издержки производства, равно как в действительности и стоимость товаров. Поэтому, хотя прибыль происходит лишь из прибавочного труда, следовательно, лишь из применения переменного капитала, все же индивидуальному капиталисту может казаться, что живой труд является наиболее дорогим элементом цены производства, таким, который больше всего следует постараться свести к минимуму. Это лишь капиталистически искаженная форма той истины, что относительно большее применение овеществленного труда, по сравнению с живым, знаменует повышение производительности общественного труда и увеличение общественного богатства. Вот в каком неправильном виде, каким перевернутым на голову представляется все с точки зрения конкуренции.

При условии неизменных цен производства дополнительные затраты капитала могут быть сделаны с постоянной, возрастающей или с убывающей производительностью на лучших землях, то-есть на всех землях, начиная с В и выше. На А это было бы возможно, при нашем предположении, только или при прежней производительности, при чем земля по-прежнему не дает ренты, или же при условии возрастания производительности; в таком случае одна часть вложенного в А капитала приносила бы ренту, другая — нет. Но это было бы невозможно при предположении, что производительная сила на А уменьшается, потому что в таком случае цена производства не осталась бы тою же, а повысилась бы. Но при всех этих обстоятельствах, то-есть будет ли приносимый дополнительными затратами добавочный продукт пропорционален их величине или нет, будет ли он выше или ниже этой пропорции, — останется ли норма добавочной стоимости на капитал при возрастании последнего та же самая, повышается или понижается, — добавочный продукт и соответствующая ему добавочная прибыль с акра возрастает, а следовательно, возрастает и рента как в хлебе, так и в деньгах. Возрастание просто массы добавочной прибыли, или ренты, при расчете на акр, то-есть увеличение массы на какую-нибудь постоянную единицу, в данном случае, следовательно, на какое-нибудь определенное количество земли, акр или гектар, получает здесь выражение как возрастающая пропорция. Поэтому рента с акра возрастает при этих условиях просто вследствие увеличения капитала, вложенного в землю. И притом это происходит при неизменяющихся ценах производства, а потому, напротив, безразлично, остается ли производительность дополнительного капитала прежняя, уменьшается ли она или увеличивается. Эти последние обстоятельства изменяют размер, в котором происходит возрастание ренты на акр, но ничего не изменяют в самом факте этого возрастания. Это — явление, свойственное дифференциальной ренте II и отличающее ее от дифференциальной ренты I. Если бы дополнительные затраты капитала производились не одна за другой, последовательно во времени, на одной и той же земле, а последовательно в пространстве, одна рядом с другой, на новых дополнительных участках земли соответствующего качества, то увеличилась бы общая масса ренты, а так же, как это показано раньше, средняя рента со всей возделываемой площади, но не высота ренты с акра. Концентрация капитала на земельной площади меньшего размера, не влияя на результат, поскольку дело идет о массе и стоимости всего производства и добавочного продукта, повышает размер ренты с акра в тех случаях, когда рассеяние того же капитала на земельную площадь больших размеров при прочих равных условиях не оказывает такого действия. Но чем больше разви-

ваются капиталистический способ производства, тем более концентрируется капитал на одной и той же земельной площади, тем более, следовательно, повышается рента, в расчете на акр. Таким образом, если мы возьмем две страны, в которых цены производства были бы одинаковы, различия между различными сортами земли одинаковы и была бы вложена одинаковая масса капитала, но в одной стране преимущественно в виде последовательных затрат на ограниченной земельной площади, в другой—преимущественно в виде координированных затрат на более обширной площади, то рента с акра, а потому и цена земли была бы выше в первой и ниже во второй стране, хотя масса ренты в обеих странах была бы одинакова. Следовательно, различие в высоте ренты можно было бы объяснить здесь не различием естественного плодородия разнородных земель и не количеством затраченного труда, а исключительно различным способом затрат капитала.

Говоря здесь о добавочном продукте, мы всегда имеем в виду соответствующую часть продукта, в которой представлена добавочная прибыль. Вообще же под прибавочным продуктом или добавочным продуктом мы разумеем ту часть продукта, которая представляет всю прибавочную стоимость, а в единичных случаях разумеем ту часть продукта, в которой представлена средняя прибыль. Специфическое значение, придаваемое этому слову в тех случаях, когда дело идет о капитале, приносящем ренту, служит поводом к недоразумениям, как это было указано раньше.

Глава сорок вторая.

Дифференциальная рента II.—Второй случай: понижающаяся цена производства.

Цена производства может понизиться, если дополнительные затраты капитала происходят при неизменяющейся, убывающей или повышающейся норме производительности.

I. При неизменяющейся производительности дополнительных затрат капитала.

Следовательно, этот случай предполагает, что количество продукта на землях различных родов возрастает, соответственно их относительному качеству, в той же мере, в какой возрастает вложенный в них капитал. Это предполагает, при неизменяющихся различиях между землями, возрастание добавочного продукта, пропорциональное возрастанию затраченного капитала. Следовательно, случай этот исклю-

чает всякие влияющие на дифференциальную ренту дополнительные затраты капитала на земле А. На ней норма добавочной прибыли = 0; следовательно, она остается = 0, так как мы предположили, что производительная сила дополнительного капитала, а потому и норма добавочной прибыли не изменяются.

Но регулирующая цена производства может при этих условиях лишь понизиться, так как вместо цены производства А регулирующей становится цена производства на ближайшей по качеству земле В, или вообще на какой-нибудь земле, лучшей чем А. Если бы цена производства на земле С сделалась регулирующей, то капитал был бы извлечен из А или даже из А и В, и таким образом вся земля, худшая чем С, перестала бы играть роль в конкуренции земель, на которых возделывается пшеница. Условие, необходимое для этого, при данных предположениях, заключается в том, чтобы дополнительный продукт, получаемый благодаря дополнительным затратам капитала, удовлетворял потребностям, и таким образом производство на худшей земле А и так далее сделалось бы излишним для пополнения предложения.

Итак, возьмем, например, таблицу II, но изменим ее таким образом, чтобы по 20 кварталов, а 18 удовлетворяли потребности. В таком случае земля А отпала бы; D, а вместе с ней цена производства в 30 шиллингов стала бы регулирующей. Дифференциальная рента принимает тогда следующую форму:

Таблица IV.

Сорт земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производ- ства. £	Продукт в кварт.	Про- дажная цена. £	Про- дукт. £	Рента.		Норма добавоч- ной прибыли.
								В хлебе кварт. £	В деньг. £	
В	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
С	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
D	1	5	1	6	8	1½	12	4	6	120%
Итого.	3	15	3	18	18		27	6	9	

Таким образом вся рента по сравнению с таблицей II понизилась бы с 36 £ до 9, а в хлебе с 12 кварт. до 6, все производство сократилось бы лишь на 2 кварт., с 20 до 18. Норма добавочной прибыли, вычисленная в отношении к капиталу, понизилась бы на половину, с 180 до 90%. Следовательно, понижению цены производства здесь соответствует уменьшение хлебной и денежной ренты.

По сравнению с таблицей I происходит уменьшение лишь денежной ренты; хлебная рента в обоих случаях равняется 6 кварт.; но

только в одном случае они = 18 £, в другом = 9 £. Для земель С и D хлебная рента по сравнению с таблицей I осталась прежняя. Благодаря тому, что добавочное производство, вызванное применением дополнительного капитала равной производительности, вытеснило с рынка продукт А, и вместе с тем устранило землю А из числа конкурирующих агентов производства, — благодаря этому в действительности образовалась новая дифференциальная рента, в которой лучшая земля В играет ту же роль, какую раньше играл более плохой сорт, земля А. Вследствие этого с одной стороны отпадает рента с В; с другой стороны, согласно предположению, затрата дополнительного капитала ничего не изменила в различиях между В, С и D. Поэтому часть продукта, превращающаяся в ренту, уменьшается.

Если бы результат, о котором говорится выше — удовлетворение спроса при исключении земли А — был получен более чем двойной затратой капитала на землях С или D или на обеих вместе, то дело приняло бы другой вид. Например, если бы третья затрата капитала была произведена на С:

Таблица IV а.

Род земли.	Агр.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производ- ства. £	Продукт в кварт.	Про- дажная цена. £	Выруча. £	Рента.		Норма добавоч- ной прибыли.
								В хлебе кварт.	В деньг. £	
В	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
С	1	7½	1½	9	9	1½	13½	3	4½	60%
D	1	5	1	6	8	1½	12	4	6	120%
Итого.	3	17½	3½	21	21		31½	7	10½	

Количество продукта с С увеличилось здесь по сравнению с таблицей IV с 6 кварт, до 9, количество добавочного продукта с 2 кварт. до 3, денежная рента возрасла с 3 £ до 4½ £. В сравнении же с таблицей II, где денежная рента = 12 £, и таблицей I, где она = 6 £, она, напротив, уменьшилась. Общая сумма ренты, выраженная в хлебе, = 7 кварт., уменьшилась по сравнению с таблицей II (12 кв.), повысилась по сравнению с таблицей I (6 кв.); выраженная в деньгах (10½ £), уменьшилась по сравнению с обеими (18 £ и 36 £).

Если бы на землю В был затрачен третий капитал в 2½ £, то хотя это и изменило бы массу производства, но не коснулось бы ренты, так как, согласно предположению, последовательные затраты капитала не вносят никакого различия в землю того же рода, а земля В ренты не приносит.

Напротив, если бы третья затрата капитала была произведена на земле D вместо C, то у нас получилась бы:

Таблица IV b.

Сорт земля.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производ- ства. £	Продукт в кварт.	Про- дажная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма добавоч- ной прибыли.
								Кварт.	£	
B	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
C	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
D	1	7½	1½	9	12	1½	18	6	9	120%
Итого.	3	17½	3½	21	22		33	8	12	

Здесь общее количество продукта = 22 кварт., более чем вдвое по сравнению с общим количеством продукта таблицы I, хотя авансированный капитал = лишь 17½ £, т.е. не удвоился по сравнению 10 £. Далее, общее количество продукта на 2 квартера превышает общее количество продукта таблицы II, хотя в последней авансированный капитал больше, а именно 20 £.

На земле D хлебная рента по сравнению с таблицей I возросла с 3 кварт. до 6, тогда как денежная рента осталась по-прежнему 9 £. По сравнению с таблицей II хлебная рента с D осталась прежняя 6 кварт., но денежная рента понизилась с 18 £ до 9 £.

Если рассматривать общие суммы ренты, то хлебная рента таблицы IV b = 8 кварт., больше чем таковая таблицы I, равная 6 кварт., и таблицы IV a, равная 7 кварт., и, напротив, меньше, чем общая сумма ренты в таблице II = 12 кварт. Денежная рента таблицы IV b = 12 £ больше, чем денежная рента таблицы IV a = 10½ £, и меньше денежной ренты таблицы I = 18 £ и таблицы II = 36 £.

Чтобы по отпадении ренты с B, при условиях таблицы IV b, общая сумма ренты была равна таковой таблицы I, мы должны получить еще на 6 £ добавочного продукта, т.е. 4 кварт. по 1½ £, что является новой ценой производства. Тогда мы снова имеем общую сумму ренты в 18 £, как в таблице I. Величина требуемого на это дополнительного капитала будет различна в зависимости от того, вложим ли мы его в C или в D, или распределим между обоими родами земли.

На C капитал в 5 £ приносит 2 кварт. добавочного продукта следовательно, 10 £ дополнительного капитала дадут 4 кварт. дополнительного добавочного продукта. На D было бы достаточно дополнительной затраты в 5 £, чтобы произвести 4 кварт. дополни-

тельной хлебной ренты при сделанном здесь основном предположении, что производительность дополнительных затрат капитала остается без изменения. Таким образом получаются следующие результаты:

Таблица IVc.

Сорт земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производ- ства. £	Продукт в кварт.	Про- дажная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма добавоч- ной прибыли.
								Кварт.	£	
В	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
С	1	15	3	18	18	1½	27	6	9	60%
Д	1	7½	1½	9	12	1½	18	6	9	120%
Итого	3	27½	5½	33	34		51	12	18	

Таблица IVd.

Сорт земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производ- ства. £	Продукт в кварт.	Про- дажная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма добавоч- ной прибыли.
								Кварт.	£	
В	1	5	1	6	4	1½	6	0	0	0
С	1	5	1	6	6	1½	9	2	3	60%
Д	1	12½	2½	15	20	1½	30	10	15	120%
Итого.	3	22½	4½	27	30		45	12	18	

Общая сумма ренты составила бы ровно половину того, что в таблице II, где дополнительные капиталы были затрачены при сохранении прежних цен производства.

Самое важное сравнить эти таблицы с таблицей I.

Мы видим, что при понижении цены производства на половину, с 60 шилл. до 30 шилл. квартал, общая сумма денежной ренты осталась прежняя = 18 £ и, соответственно этому, хлебная рента удвоилась, увеличилась с 6 кварт. до 12 квартал. Рента с В отпала; с С денежная рента в IVc увеличилась вдвое, но вдвое уменьшилась в IVd: рента с D осталась прежняя = 9 £ в таблице IVc, и поднялась с 9 £ до 15 £ в таблице IVd. Производство поднялось с 10 кварт. до 34 в IVc и до 30 квартал. в IVd; прибыль повысилась с 2 £ до 5½ в IVc и до 4½ в IVd. Общая затрата капитала возросла в одном случае с 10 £ до 27½ £, в другом — с 10 до 22½ £; следовательно, оба раза более чем вдвое. Норма ренты, рента, нечисленная по отношению к авансированному капиталу, во всех та-

блицях с IV до IV'd для каждого рода земли всюду одна и та же, что вытекает уже из предположения неизменности нормы производительности обмен последовательных затрат капитала на землях всех родов. Однако по сравнению с таблицей I она понизилась, — понизилась и средняя норма для всех родов земли, и для каждого отдельного рода земли. В

I таблице она $= 180\%$ в среднем, в IV c $= \frac{18}{27\frac{1}{2}} \times 100 = 65\frac{5}{11}\%$, и в

IV d $= \frac{18}{22\frac{1}{2}} \times 100 = 80\%$. Средняя денежная рента с акра повысилась.

Ее средняя величина прежде, в таблице I, равнялась $4\frac{1}{2} \mathcal{L}$ с акра для всех 4 акров, а теперь, в IV c и IV'd, равняется $6 \mathcal{L}$ с акра для 3 акров. Ее средняя величина для земли, приносящей ренту, равнялась прежде $6 \mathcal{L}$, а теперь равняется $9 \mathcal{L}$ на акр. Таким образом денежная стоимость ренты с акра повысилась и представляет теперь вдвое больше продукта, чем прежде; но 12 кварт. хлебной ренты теперь составляют меньше половины всего продукта — 33 и 27 кварт., тогда как в таблице I 6 кварт. составляют $\frac{3}{5}$ всего продукта в 10 кварт. Итак, хотя рента, если рассматривать ее как соответствующую часть всего продукта, а также если взять ее в отношении к затраченному капиталу, и понизилась, однако ее денежная стоимость, при расчете на акр, увеличилась, а стоимость продукта, соответствующего ренте, увеличилась еще больше. Если мы возьмем землю D в таблице IV'd, то вся цена производства $= 15 \mathcal{L}$, из которых $12\frac{1}{2} \mathcal{L}$ составляют затраченный капитал. Денежная рента $= 15 \mathcal{L}$. В таблице I цена производства на той же земле D была $= 3 \mathcal{L}$, затраченный капитал $= 2\frac{1}{2} \mathcal{L}$, денежная рента $= 9 \mathcal{L}$, следовательно, последняя втрое больше цены производства и почти в четыре раза больше затраченного капитала. В таблице IV'd для D денежная рента в $15 \mathcal{L}$ как раз равна цене производства и лишь на $\frac{1}{5}$ превышает затраченный капитал. При всем том денежная рента с акра на $\frac{2}{3}$ больше, равняется $15 \mathcal{L}$ вместо $9 \mathcal{L}$. В таблице I хлебная рента в 3 кварт. $= \frac{3}{4}$ всего продукта, составляющего 4 кварт.; в IV'd она $= 10$ кварт., т.-е. половине всего продукта (20 кв.), получаемого с акра земли D. Это показывает, что денежное и хлебное выражение ренты с акра может возрасти, хотя она и составляет относительно меньшую часть всей выручки и понизилась по отношению к авансированному капиталу.

Стоимость всего продукта в I $= 30 \mathcal{L}$; рента $= 18 \mathcal{L}$, т.-е. половины этой стоимости. Стоимость всего продукта в IV'd $= 45 \mathcal{L}$, из которых $18 \mathcal{L}$, т.-е. менее половины, составляют ренту.

Причина же того, что, несмотря на понижение цены на $1\frac{1}{2} \mathcal{L}$ за квартал, т.-е. на 50% , и несмотря на уменьшение площади конкурирующей земли с 4 до 3 акров, общая сумма денежной ренты не

изменяется, а хлебная рента удваивается, тогда как хлебная и денежная рента с акра повышается, — причина заключается в том, что произведено большее число кварталов добавочного продукта. Цена хлеба понижается на 50%, добавочный продукт возрастает на 100%. Но для достижения такого результата все производство, согласно нашим условиям, должно увеличиться втрое, а капитал затраченный на лучшие земли, должен более чем удвоиться. В каком отношении он должен увеличиться, зависит прежде всего от того, как распределяются дополнительные затраты капитала между лучшими и наилучшими землями, при чем всегда предполагается, что производительность капитала на каждой категории земли возрастает пропорционально его величине.

Если бы понижение цены производства было менее значительным, то требовалось бы меньше дополнительного капитала, чтобы произвести ту же денежную ренту. Если бы предложение хлеба, необходимое для того, чтобы исключить А из числа обрабатываемых земель, — а это зависит не только от количества продукта, получаемого с акра земли А, но также от того, какую часть всей возделываемой земельной площади составляет А, — итак, если бы необходимое для этого предложение было больше, следовательно, если бы потребовалась и большая масса капитала, дополнительно затрачиваемого на лучшей чем А земле, то денежная и хлебная ренты при прочих равных условиях возрасли бы еще больше, несмотря на то, что земля В перестала бы приносить денежную и хлебную ренту.

Если бы капитал, переставший функционировать на земле А, был = 5 £, то для этого случая следовало бы взять для сравнения таблицы II и IV d. Весь продукт увеличился бы с 20 до 30 кварт. Денежная рента уменьшилась бы вдвое, была бы 18 £ вместо 36 £; хлебная рента осталась бы прежняя = 12 кварт.

Если бы можно было произвести на земле D 44 кварт. продукта = 66 £ при затрате капитала в $27\frac{1}{2}$ £, что соответствовало бы той производительности, которая предполагалась для D, — 4 кварт. на $2\frac{1}{2}$ £, — то общая сумма ренты опять поднялась бы до той высоты, которой она достигала в таблице II, и таблица приняла бы следующий вид:

Сорт земли.	Капитал. £	Продукт в кварт.	Хлебная рента в кварт	Денежная рента в £.
В	5	4	0	0
С	5	6	2	3
Д	$27\frac{1}{2}$	44	22	33
Итого.	$37\frac{1}{2}$	54	24	36

Все производство составило бы 54 кварт. против 20 кварт. таблицы II, денежная рента осталась бы прежняя = 36 £. Но весь капитал был бы $37\frac{1}{2}$ £, тогда как в таблице II он был = 20. Весь авансированный капитал почти удвоился бы, между тем как производство почти утроилось бы; хлебная рента увеличилась бы вдвое, денежная же изменилась бы. Следовательно, если цена при неизменяющейся производительности понижается вследствие затраты дополнительного денежного капитала на лучших землях, приносящих ренту, т.-е. на всех землях лучше А, то весь капитал обнаруживает тенденцию увеличиваться в более низкой пропорции, чем возрастает производство и хлебная рента; таким образом возрастание хлебной ренты может уравновесить убыль в денежной ренте, вытекающую из понижения цены. Тот же закон проявляется и в том, что авансированный капитал должен быть больше, если его затрачено больше на землю С, чем на D, на землю, приносящую меньше ренты, чем на такую, которая приносит больше ренты. Это означает лишь следующее: чтобы денежная рента осталась без изменения или чтобы она повысилась, должно быть произведено определенное дополнительное количество добавочного продукта, а для этого требуется тем менее капитала, чем плодороднее земли, приносящие добавочный продукт. Если бы разница между В и С, С и D была еще большей, то требовалось бы еще меньше дополнительного капитала. Определенное отношение зависит: 1) от отношения, в котором понижается цена, т.-е. от разницы между землей В, которая теперь не дает ренты, и А, которая раньше не давала ренты; 2) от отношения различий между лучшими чем В землями; 3) от массы вновь затрачиваемого дополнительного капитала, и 4) от его распределения между землями различного качества.

Мы видим, что закон в действительности не выражает ничего иного, как то, что уже было развито при исследовании первого случая: именно, что при данной цене производства, какова бы ни была ее величина, рента может повышаться вследствие дополнительной затраты капитала. Потому что вследствие исключения А теперь получается новая дифференциальная рента I, для которой уже земля В является теперь наихудшей землей, при чем $1\frac{1}{2}$ £ за кварт. становится ценой производства. Это одинаково относится как к таблицам IV, так и к таблице II. Закон все тот же, но исходной точкой берется земля В вместо А и цена производства в $\frac{1}{2}$ £ вместо 3 £.

Все это важно здесь лишь в следующем отношении: если такое-то количество дополнительного капитала необходимо для того, чтобы отвлечь от земли капитал А и создать достаточное предложение без его участия, то оказывается, что это может сопровождаться неизме-

являющейся, повышающейся или убывающей рентой с акра, если не на всех землях, то по крайней мере на некоторых, и в среднем выводе для всех возделываемых земель. Мы видели, что хлебная рента и денежная рента не соразмерны. Только по традиции хлебная рента вообще все еще продолжает играть роль в экономике. С одинаковым успехом можно было бы доказать, что, например, фабрикант на свою прибыль в 5 £ может купить гораздо большее количество своей собственной пряжи, чем раньше на прибыль на 10 £. Но во всяком случае это доказывает, что господа земельные собственники, являющиеся одновременно владельцами или помещиками мануфактур, сахарных, винокуренных заводов и т. д., при понижении денежной ренты все же могут очень сильно выигрывать как производители своего собственного сырого материала ³⁴).

II. При понижающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Это не вызывает ничего нового постольку, постольку цена производства здесь, как в только-что рассмотренном случае, может лишь повыситься, если вследствие дополнительных затрат капитала на землях лучшего качества чем А продукт с А делается излишним и потому капитал будет извлечен из А, или земля А будет обращена на производство другого продукта. Случай этот уже исследован нами исчерпывающим образом. Мы показали, что хлебная и денежные ренты могут при этом возрасти, уменьшиться или остаться без изменения.

Для удобства сравнения воспроизведем прежде всего следующую таблицу:

Таблица I.

Земля.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производства с кварт.	Продукт в кварт.	Хлебная рента. Кварт.	Денеж. рента. £	Норма добавочной прибыли.	
A	1	2½	½	3	1	0	0	0	
B	1	2½	½	1½	2	1	3	120%	
C	1	2½	½	1	3	2	6	240%	
D	1	2½	½	¾	4	3	9	360%	
Итого.	4	10			10	6	18	180%	Средняя.

³⁴) В вышеприведенных таблицах от IVa до IVd следовало бы исправить проходящую через них ошибку в расчете. Правда, это не изменяет теоретических положений, выведенных из данных таблиц, но порою приводит к чудовищным числовым отношениям, когда дело идет о производстве на акр. Но и это по существу не имеет

Если мы теперь предположим, что цифра 16, обозначающая количество кварталов, полученных с В, С, D, при убывающей норме производительности, достаточна для того, чтобы исключить А из числа обрабатываемых земель, то таблица III превращается в следующую:

Таблица V.

Сорт земли.	Акры.	Затрата капитала. £	Прибыль. £	Продукт в кварт.	Про- дажная цена. £	Выручка. £	Хлеб- ная рента. Кварт.	Денеж- ная рента. £	Норма добавоч- ной прибыли.
В	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$2 + 1\frac{1}{2} = 3\frac{1}{2}$	$1\frac{5}{7}$	6	0	0	0
С	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$3 + 2 = 5$	$1\frac{5}{7}$	$8\frac{1}{7}$	$1\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{7}$	$51\frac{2}{5}\%$
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2}$	1	$4 + 3\frac{1}{2} = 7\frac{1}{2}$	$1\frac{5}{7}$	$12\frac{6}{7}$	4	$6\frac{6}{7}$	$137\frac{1}{5}\%$
Итого.	3	15		16		$27\frac{3}{7}$	$5\frac{1}{2}$	$9\frac{3}{7}$	$94\frac{3}{10}\%$ Средняя.

Здесь, при уменьшении нормы производительности дополнительных капиталов и при различной степени этого уменьшения на различного рода землях, регулирующая цена производства понизилась с 3 £ до $1\frac{5}{7}$ £. Затрата капитала увеличилась на половину, с 10 £ до 15 £. Денежная рента уменьшилась почти вдвое, с 18 £ до $9\frac{3}{7}$ £, но хлебная рента лишь на $\frac{1}{12}$, с 6 кварт. до $5\frac{1}{2}$. Весь продукт увеличился с 10 до 16, или на 160%. Хлебная рента составляет не много больше $\frac{1}{3}$ всего продукта. Авансированный капитал относится к денежной ренте как 15 : $9\frac{3}{7}$, тогда как раньше это отношение было 10 : 18.

III. При повышающейся норме производительности дополнительных капиталов.

Случай этот отличается от варианта I, приведенного в начале этой главы, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, только тем, что если необходим известный дополнительный продукт для того, чтобы изъять землю А, то это происходит здесь быстрее.

Как убывающая, так и повышающаяся производительность дополнительных затрат капитала может оказывать на это различное влия-

значения. Во всех картах, изображающих рельеф и отношения профиля местности; берут значительно больший масштаб для вертикалей, чем для горизонталей. Тому же кто все-таки чувствует себя уязвленным в своих аграрных чувствах, предоставляется умножить число акров на любое число. Можно также в таблице заменить 1, 2, 3, 4, квартера с акра 10, 12, 14, 16 бушелями (8 буш. = 1 кварт.), с тем расчетом, чтобы соответствующие числа других таблиц не выходили из пределов вероятности; это даст возможность убедиться, что результат—отношение повышения ренты к увеличению капитала—сведется совершенно к тому же. Это мы и делаем в тех таблицах, которые редактор прикладывает к ближайшей главе. — Ф. Э.

ние в зависимости от того, как они распределяются между различными категориями земли. Смотря по тому, будет ли это различное влияние сглаживать или обострять различие, дифференциальная рента с лучших земель, а вместе с тем и общая сумма ренты понизится или повысится, как это было уже в случае с дифференциальной рентой I. В остальном все зависит от величины земельной площади и капитала, изъятых с А, и от относительного размера авансированного капитала, необходимого при повышающейся производительности для того, чтобы доставить дополнительный продукт для покрытия спроса.

Единственный пункт, на исследовании которого здесь стоит остановиться, и который вообще возвращает нас к исследованию того, как эта дифференциальная прибыль превращается в дифференциальную ренту, заключается в следующем:

В первом случае, когда цена производства не изменяется, дополнительный капитал, вложенный в землю А, не оказывает влияния на дифференциальную ренту как таковую, потому что земля А по-прежнему не приносит ренты, цена ее продукта не изменяется и продолжает регулировать рынок.

Во втором случае, вариант I, когда цена производства при неизменяющейся норме производительности понижается, земля А необходимо перестает функционировать, что в еще большей мере относится к варианту II (понижающаяся цена производства при убывающей норме производительности), так как в противном случае дополнительный капитал, затраченный на земле А, должен был бы повысить цену производства. Но здесь, в варианте III второго случая, когда цена производства понижается вследствие того, что производительность дополнительного капитала повышается, этот дополнительный капитал может быть при известных условиях вложен как в землю А, так и в земли лучшего качества.

Предположим, что дополнительный капитал в $2\frac{1}{2}$ £, вложенный в землю А, производит $1\frac{1}{5}$ кварт. вместо 1 квартера.

Т а б л и ц а VI.

Сорт земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена производ- ства. £	Продукт в кварт.	Про- дажная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма добавоч- ной при- были.
								Кварт.	£	
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$1 + 1\frac{1}{5} = 2\frac{1}{5}$	$2\frac{8}{11}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$2 + 2\frac{2}{5} = 4\frac{2}{5}$	$2\frac{8}{11}$	12	$2\frac{1}{5}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$3 + 3\frac{3}{5} = 6\frac{3}{5}$	$2\frac{8}{11}$	18	$4\frac{3}{5}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	6	$4 + 4\frac{4}{5} = 8\frac{4}{5}$	$2\frac{8}{11}$	24	$6\frac{4}{5}$	18	360%
	4	20	4	24	22		60	$13\frac{1}{5}$	36	240%

Эту таблицу следует сравнить кроме основной таблицы I и с таблицей II, в которой удвоенная затрата капитала соединяется с неизменяющейся производительностью, пропорциональной затрате капитала.

Согласно предположению, регулирующая цена производства понижается. Если бы она не изменялась, т. е. оставалась бы $= 3 \text{ £}$, то наихудшая земля А, не приносявшая раньше, при затрате капитала лишь в $2\frac{1}{2} \text{ £}$, никакой ренты, теперь стала бы приносить ренту, хотя никакой новой наихудшей земли не было бы привлечено к возделыванию; это произошло бы вследствие того, что производительность на ней увеличилась, но лишь для части капитала, а не для первоначально затраченного капитала. Первые 3 £ цены производства приносят 1 кварт.; вторые — $1\frac{1}{5}$ кварт.; но весь продукт в $2\frac{1}{5}$ кварт. продается теперь по его средней цене. Так как норма производительности возрастает с дополнительной затратой капитала, то этот случай предполагает улучшение. Оно может заключаться в том, что на акр затрачивается вообще больше капитала (больше удобрения, больше механической работы и т. д.), или же в том, что вообще лишь этот дополнительный капитал дает возможность произвести отличающуюся в качественном отношении, более производительную затрату. В обоих случаях при затрате в 5 £ на акр получается продукт в $2\frac{1}{5}$ кварт., тогда как при затрате половины этого капитала, $2\frac{1}{2} \text{ £}$, получается продукт лишь в 1 кварт. Продукт земли А, оставляя в стороне преходящие рыночные конъюнктуры, можно было бы по-прежнему продавать по более высокой цене производства, чем новая средняя цена, лишь при том условии, если значительная площадь земель разряда А по-прежнему возделывалась бы с капиталом всего в $2\frac{1}{2} \text{ £}$ на акр. Но как только новое отношение в 5 £ капитала на акр и вместе с тем улучшенное хозяйство приобретут всеобщее распространение, регулирующая цена производства понизится до $2\frac{8}{11} \text{ £}$. Разница между обеими частями капитала исчезла бы, и тогда пришлось бы признать, что акр земли А, обрабатываемый при помощи капитала в $2\frac{1}{2} \text{ £}$, возделывается в действительности ненормально, не соответственно новым условиям производства. Это уже было бы различием не между выручкой от различных частей капитала, затраченных на одном и том же акре, а между достаточной и недостаточной общей затратой капитала на акр. Отсюда видно, во-первых, что недостаточность капитала в руках большинства арендаторов (это должно быть большинство, потому что, если бы это было меньшинство, ему пришлось бы лишь продавать ниже своей цены производства) оказывает совершенно такое же влияние, как дифференцирование самих земель в нисходящем порядке. Худший способ обработки,

примененный к худшей земле, увеличивает ренту с лучшей; он может даже создать ренту с лучше обрабатываемой земли такого же плохого качества, которая вообще ренты не приносит. Отсюда видно, во-вторых, что дифференциальная рента, возникающая из последовательной затраты капитала на одной и той же земельной площади, в действительности превращается в некоторую среднюю величину, в которой уже нельзя распознать и отличить влияний различных затрат капитала и которые поэтому не порождают ренты на наихудшей земле, а 1) среднюю цену всего продукта, скажем, с одного акра А, превращают в новую регулирующую цену, и 2) представляются как изменение общего количества капитала на акр, которое при новых условиях требуется для удовлетворительной обработки земли и в котором отдельные последовательные затраты капитала и их соответственные влияния слиты так, что их нельзя различить. Точно так же обстоит дело с единичными дифференциальными рентами лучших земель. Они определяются в каждом случае различием среднего продукта соответственного рода земли по сравнению с продуктом наихудшей земли при увеличенной, ставшей теперь нормальной, затрате капитала.

Нет земли, которая приносила бы какой-нибудь продукт без затраты капитала. Так даже при простой дифференциальной ренте, при дифференциальной ренте I; когда говорят, что I акр А, т.-е. земли, регулирующей цену производства, дает столько-то продукта по такой-то цене, и что лучшие земли В, С, D дают столько-то дифференциального продукта, а потому при существующей регулирующей цене столько-то и столько-то денежной ренты, то при этом всегда предполагается, что затрачен определенный капитал, считающийся при данных условиях производства нормальным капиталом. Совершенно так же, как в промышленности для каждой отрасли предприятий требуется определенный минимум капитала для того, чтобы возможно было доставлять товары по их цене производства.

Если этот минимум изменяется вследствие последовательных затрат капитала на одной и той же земле, соединенных с улучшениями, то такое изменение происходит постепенно. Пока такого дополнительного капитала для ведения хозяйства не получит известное число акров, например, земли А, до тех пор будет получаться рента с таких акров А, которые возделываются лучше, а рента со всех лучших сортов земли: В, С, D повысится. Однако, как только новый способ производства достигнет такого распространения, что сделается нормальным, цена производства понизится; рента, которую дают лучшие участки земли, снова понизится, и та часть земли А, на которую для производства не затрачено капитала в размере, сде-

давшемся теперь средним, будет вынуждена продавать продукты ниже своей индивидуальной цены производства, следовательно, не будет выручать средней прибыли.

То же самое происходит и при понижающейся цене производства, даже при убывающей производительности дополнительного капитала, если вследствие увеличившейся затраты капитала весь необходимый продукт начинают доставлять лучшие сорта земли и таким образом капитал производства извлекается, напр., из земли А, так что А перестает конкурировать в производстве этого определенного продукта, например, пшеницы. То количество капитала, которое теперь в среднем выводе затрачивается на лучшей земле В, сделавшейся регулирующей землей, становится теперь нормальным; и когда говорится о различии плодородия земельных участков, то предполагается, что на акр затрачивается капитал в этом новом нормальном размере.

С другой стороны ясно, что этот средний размер затрачиваемого капитала, как, например, в Англии 8 £ на акр до 1848 и 12 £ после 1848 года, образует масштаб при заключении арендных договоров. Для арендатора, затрачивающего больше, добавочная прибыль, пока длится арендный договор, не превращается в ренту. Произойдет ли это по истечении арендного договора, будет зависеть от конкуренции арендаторов, которые в состоянии сделать такое же чрезвычайное авансирование. При этом не имеются в виду прочие улучшения почвы, благодаря которым при одинаковой или даже уменьшающейся затрате капитала продолжает получаться увеличенный продукт. Хотя эти прочие улучшения и являются продуктом капитала, однако они оказывают совершенно такое же действие, как различие в природных качествах земли.

Таким образом мы видим, что при дифференциальной ренте II играет роль такой момент, который при дифференциальной ренте I как таковой не проявляет своего действия; потому что последняя может по-прежнему существовать независимо от какого бы то ни было изменения нормальной затраты капитала на акр. Этот момент заключается, с одной стороны, в том, что результаты различных затрат капитала на регулирующей земле А изглаживаются, и продукт, получаемый с этой земли, представляется теперь просто нормальным средним продуктом, получаемым с акра. С другой стороны он заключается в изменении нормального минимума или средней величины затраты капитала на акр, при чем это изменение выступает потом как свойство земли. Наконец, в различии способа превращения добавочной прибыли в форму ренты.

Далее из сравнения таблицы VI с таблицей I и II открывается, что хлебная рента по сравнению с I более чем удвоилась, в сравнении с II увеличилась на $1\frac{1}{5}$ кварт., тогда как денежная рента по сравнению с I удвоилась, а по сравнению с II не изменилась. Она значительно возрасла бы, если бы (при прочих равных условиях) большая часть дополнительного капитала пришлось на земли лучших сортов или если бы, с другой стороны, действие дополнительного капитала на A было бы менее значительным и таким образом регулирующая средняя цена квартера с A стояла бы выше.

Если бы увеличение плодородия, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, было различным на различного рода землях, это привело бы к изменению дифференциальных рент с этих земель.

Во всяком случае доказано, что при понижении цены производства, совершающемся вследствие повышения нормы производительности дополнительной затраты капитала, — т.-е. когда эта производительность возрастает относительно быстрее, чем авансированный капитал, — рента с акра, напр., при удвоившейся затрате капитала может не только удвоиться, но и более чем удвоиться. Но она может и понизиться в том случае, если вследствие более быстрого возрастания производительности земли A цена производства упадет в еще большей мере.

Если бы мы предположили, что дополнительные затраты капитала увеличили производительность земель B и C не в такой степени, как производительность земли A, и потому для B и C относительные разницы уменьшились и увеличившееся количество продукта не возместило потери, происшедшей вследствие понижения цены, то по сравнению с таблицей II рента на D повысилась бы, на B и C понизилась бы.

Т а б л и ц а VIa.

Земля.	Акра.	Капитал. £	Прибыль. £	Продукт с акра в кварт.	Про- до- жная цена. £	Выручка. £	Хлебная рента. Кварт.	Денежная рента. £
A	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$1 + 3 = 4$	$1\frac{1}{2}$	6	6	0
B	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$2 + 2\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$6\frac{3}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$
C	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$3 + 5 = 8$	$1\frac{1}{2}$	12	4	6
D	1	$2\frac{1}{2} + 2\frac{1}{2} = 5$	1	$4 + 12 = 16$	$1\frac{1}{2}$	24	12	18
Итого	4	20		$32\frac{1}{2}$			$22\frac{1}{2}$	$24\frac{3}{4}$

Наконец, денежная рента повысилась бы в том случае, если бы при том же относительном повышении плодородия на лучшие земельные участки было затрачено больше дополнительного капитала, чем на А, или если бы дополнительные затраты капитала на лучшие земельные участки приводили к повышению нормы производительности. В обоих случаях разницы стали бы возрастать.

Денежная рента понижается, если улучшение, происходящее вследствие дополнительной затраты капитала, уменьшает все разницы или часть их, более влияет на А, чем на В и С. Она понижается тем больше, чем незначительнее повышение производительности лучших земельных участков. От того, насколько велика разница оказываемого влияния, зависит, повысится ли хлебная рента, понизится или останется без перемены.

Денежная рента повышается, а равно и хлебная рента, или в том случае, если при неизменяющейся относительной разнице в дополнительном плодородии различных земель дополнительного капитала на землю, приносящую ренту, будет затрачено больше чем на землю А, не приносящую ренты, и больше капитала будет затрачено на землю, которая дает более высокую, чем на землю, дающую более низкую ренту; или же в том случае, если при одинаковом дополнительном капитале плодородие более возрастает на лучшей и наилучшей земле, чем на земле А, и притом денежная рента и хлебная рента повысятся в соответствии с тем, в какой мере это увеличение плодородия высших разрядов земли сильнее, чем увеличение плодородия более низких разрядов.

Но во всяком случае, когда увеличение производительной силы является следствием дополнительной затраты капитала, а не просто следствием увеличившегося плодородия при неизменяющейся затрате капитала, рента относительно повышается. Это — абсолютная точка зрения, с которой оказывается, что в этом случае, как и во всех прежних, рента и увеличившаяся рента с акра (подобно тому как при дифференциальной ренте I высота средней ренты на всю возделываемую площадь) является следствием увеличившейся затраты капитала на землю, при чем безразлично, функционирует ли эта дополнительная затрата с неизменявшейся нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с убывающей нормой производительности при неизменных или понизившихся ценах, или с повысившейся нормой производительности при понизившихся ценах. Потому что наше предположение: постоянная цена при постоянной, понизившейся или повысившейся норме производительности дополнительного капитала, и понизившаяся цена при постоянной, понизившейся и повысившейся норме производительности, сводится к

следующему: постоянная норма производительности добавочного капитала при постоянной или понижающейся цене, убывающая норма производительности при постоянной или понижающейся цене, повышающаяся норма производительности при постоянной и понижающейся цене. Хотя во всех этих случаях рента может остаться без перемены и может понизиться, она понизилась бы еще значительно, если бы дополнительная затрата капитала, при прочих равных условиях, не обуславливала увеличения плодородия. В таком случае дополнительная затрата капитала всегда является причиной относительной высоты ренты, хотя бы абсолютно она и понизилась.

Глава сорок третья.

Дифференциальная рента II. Третий случай: повышающаяся цена производства.

[Повышение цены производства предполагает, что производительность на худшего качества земли, не приносящей ренты, убывает. Цена производства, принятая нами за регулирующую, может подняться выше 3 £ лишь в том случае, если бы $2\frac{1}{2}$ £, затраченные на А, стали производить менее 1 кварт., или если бы 5 £ стали производить менее 2 кварт., или если бы обработке пришлось подвергнуть землю еще худшего качества, чем А.

При прежней или даже повысившейся производительности второй затраты капитала это было бы возможно лишь в том случае, если бы производительность первой затраты в $2\frac{1}{2}$ £ уменьшилась. Этот случай встречается довольно часто. Например, если истощенный при поверхностной вспашке слой почвы дает при старой системе возделывания все меньшие урожаи, то извлеченный на поверхность посредством более глубокой вспашки нижний слой при рациональной обработке начинает давать более высокие урожаи, чем раньше. Но этот специальный случай, строго говоря, сюда не относится. Уменьшение производительности первой затраты капитала в $2\frac{1}{2}$ £ обуславливает для лучших земель, даже если там будут взяты аналогичные отношения, понижение дифференциальной ренты I; однако здесь мы рассматриваем лишь дифференциальную ренту II. Но так как данный специальный случай не может произойти, раз не предполагается существование дифференциальной ренты II, и так как он представляет в действительности отраженное влияние модифицированной дифференциальной ренты I на дифференциальную ренту II, то мы приведем пример этого случая.

Таблица VII.

Сорт земли.	Акры.	Затрата капитала. £	Прибыль. £	Цена производ-ства. £	Продукт в кварт.	Продж-ная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма ренты.
								Хлебная рента Кварт.	Денежная рента. £	
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$\frac{1}{2}+1\frac{1}{4}=1\frac{3}{4}$	$3\frac{3}{7}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1+2\frac{1}{2}=3\frac{1}{2}$	$3\frac{3}{7}$	12	$1\frac{3}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$1\frac{1}{2}+3\frac{3}{4}=5\frac{1}{4}$	$3\frac{3}{7}$	18	$3\frac{1}{2}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}$	1	6	$2+5=7$	$3\frac{3}{7}$	24	$5\frac{1}{4}$	18	360%
		20			$17\frac{1}{2}$		60	$10\frac{1}{2}$	36	240%

Денежная рента, как и денежная выручка, остаются те же, что в таблице II. Повысившаяся регулирующая цена производства как раз возмещает то, что потеряно на количестве продукта; так как эта цена и количество продукта изменились в обратном отношении, то само собою разумеется, что производство их остается прежнее.

В вышеприведенном случае мы предполагали, что производительная сила второй затраты капитала выше, чем первоначальная производительность первой затраты. Дело не изменится, если мы предположим, что вторая затрата капитала дает лишь такую же производительность, как первоначальная производительность первой затраты; получается:

Таблица VIII.

Сорт земли.	Акры.	Затрата капитала. £	Прибыль. £	Цена производ-ства. £	Продукт в кварт.	Продж-ная цена. £	Выручка. £	Рента.		Норма добавоч-ной прибыли.
								Хлебная. Кварт.	Денежная. £	
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$\frac{1}{2}+1=1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+2=3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1\frac{1}{2}+3=4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+4=6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
		20			15		60	9	36	240%

И здесь увеличивающаяся в одинаковом отношении цена производства обуславливает то, что уменьшение производительности вполне уравновешивается, так что выручка и денежная рента не изменяются.

В своем чистом виде третий случай выступает лишь при убывающей производительности второй затраты капитала, в то время как производительность первой затраты не изменяется, как это было

всюду принято для первого и второго случая. Дифференциальная рента I здесь не затрагивается, изменение совершается лишь с той частью, которая происходит благодаря дифференциальной ренте II. Мы приводим два примера; в первом производительность второй затраты капитала предположена уменьшившейся на $\frac{1}{2}$, во втором на $\frac{1}{4}$.

Т а б л и ц а IX.

Сорт земли.	Акры.	Затрата капитала. £	Прибыль. £	Цена производ-ства. £	Продукт в кварт.	Продаж-ная цена.		Рента.		Норма ренты.
						£	£	Хлеб-ная. Кварт.	Денеж-ная. £	
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+\frac{1}{2}=1\frac{1}{2}$	4	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+1=3$	4	12	$1\frac{1}{2}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$3+1\frac{1}{2}=4\frac{1}{2}$	4	18	3	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$4+2=6$	4	24	$4\frac{1}{2}$	18	360%
		20			15		60	9	36	240%

Таблица IX та же, что и таблица VIII, но только в таблице VIII уменьшение производительности падает на долю первой затраты капитала, в IX — на долю второй.

Т а б л и ц а X.

Сорт земли.	Акры.	Затраты капитала. £	Прибыль. £	Цена производ-ства. £	Продукт в кварт.	Продаж-ная цена.		Рента.		Норма ренты.
						£	£	Хлеб-ная. Кварт.	Денеж-ная. £	
A	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$1+\frac{1}{4}=1\frac{1}{4}$	$4\frac{1}{5}$	6	0	0	0
B	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$2+\frac{1}{2}=2\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{5}$	12	$1\frac{1}{4}$	6	120%
C	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$3+\frac{3}{4}=3\frac{3}{4}$	$4\frac{1}{5}$	18	$2\frac{1}{2}$	12	240%
D	1	$2\frac{1}{2}+2\frac{1}{2}=5$	1	6	$4+1=5$	$4\frac{1}{5}$	24	$3\frac{3}{4}$	18	360%
		20		24	$12\frac{1}{2}$		60	$7\frac{1}{2}$	36	240%

В этой таблице общая выручка, сумма денежной ренты и норма ренты тоже остаются такие же, как в таблицах II, VII и VIII, потому что продукт и продажная цена опять таки изменились в обратном отношении, затрата же капитала осталась та же самая.

Но как обстоит дело в другом случае, возможном при повышающейся цене производства, а именно в том случае, когда худшая земля, которую до сих пор не стоило обрабатывать, теперь начинает подвергаться возделыванию?

Предположим, что такая земля, которую мы назовем а, вступает в число конкурирующих земель. В таком случае земля А,

не приносящая до того времени ренты, начала бы давать ренту и вышеприведенные таблицы VII, VIII и X приняли бы следующий вид:

Т а б л и ц а VIIa.

Сорт земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена £ производ- ства.	Продукт в кварт. £	Продаж- ная цена. £	Выручка. £	Рента.		Повышение.
								Кварт.	£	
a	1	5	1	6	1½	4	6	0	0	0
A	1	2½+2½	1	6	½+1¼=1¾	4	7	¼	1	1
B	1	2½+2½	1	6	1 + 2½=3½	4	14	2	8	1+7
C	1	2½+2½	1	6	1½+3¾=5¼	4	21	3¾	15	1+2×7
D	1	2½+2½	1	6	2 + 5 = 7	4	28	5½	22	1+3×7
				30	19		76	11½	46	

Т а б л и ц а VIIIa.

Сорт земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена £ производ- ства.	Продукт в кварт. £	Продаж- ная цена. £	Выручка. £	Рента.		Повышение.
								Кварт.	£	
a	1	5	1	6	1¼	4½	6	0	0	0
A	1	2½+2½	1	6	½+1=1½	4½	7½	¼	1½	1½
B	1	2½+2½	1	6	1 + 2=3	4½	14½	1¾	8½	1½+7½
C	1	2½+2½	1	6	1½+3=4½	4½	21¾	2¼	15¾	1½+2×7½
D	1	2½+2½	1	6	2 + 4=6	4½	28¾	4¾	22¾	1½+3×7½
	5			30	16¼		78	9	48	

Т а б л и ц а IXa.

Сорт земли.	Акры.	Капитал. £	Прибыль. £	Цена £ производ- ства.	Продукт в кварт. £	Продаж- ная цена. £	Выручка. £	Рента.		Повышение.
								Кварт.	£	
a	1	5	1	6	1⅓	5⅓	6	0	0	0
A	1	2⅓+2½	1	6	1+⅓=1⅔	5⅓	6⅔	⅓	2⅓	2⅓
B	1	2⅓+2½	1	6	2+⅓=2⅔	5⅓	13⅓	1⅓	7⅓	2⅓+6⅔
C	1	2⅓+2½	1	6	3+⅓=3⅔	5⅓	20	2⅓	14	2⅓+2×6⅔
D	1	2⅓+2½	1	6	4+1=5	5⅓	26⅔	3⅓	20⅔	2⅓+3×6⅔
				30	13⅔		72⅔	8	42⅔	

Присоединением земли **a** создается новая дифференциальная рента I; на этой новой основе образуется затем дифференциальная рента II, тоже в измененном виде. Земля **a** обладает в каждой из трех вышеприведенных таблиц различным плодородием; ряд соответственно повышающихся степеней плодородия начинается лишь с А. В соответствии с этим располагается и ряд повышающихся рент. Рента, получаемая с наихудшей земли, приносящей теперь ренту, а раньше ее не дававшей, образует постоянную величину, которая просто присоединяется ко всем более высоким рентам; лишь за вычетом этой постоянной величины с ясностью выступает при сравнении более высоких рент ряд разниц и его параллелизм с рядом, обозначающим плодородие разнородных земель. Во всех таблицах различные степени плодородия, начиная с А до D, относятся друг к другу как 1:2:3:4, и соответственно этому ренты относятся друг к другу:

в VIIa, как $1:1+7:1+2\times 7:1+3\times 7$,

в VIIIa, как $1\frac{1}{5}:1\frac{1}{5}+7\frac{1}{5}:1\frac{1}{5}+2\times 7\frac{1}{5}:1\frac{1}{5}+3\times 7\frac{1}{5}$.

в Xa, как $\frac{2}{3}:\frac{2}{3}+6\frac{2}{3}:\frac{2}{3}+2\times 6\frac{2}{3}:\frac{2}{3}+3\times 6\frac{2}{3}$.

Коротко говоря: если рента с А = n , а рента с земли непосредственно более высокого плодородия = $n + m$, то ряд будет такой:

$n:n+m:n+2m:n+3m$ и т. д.—Ф. Э.]

[Так как вышеприведенный третий случай в рукописи не был разработан—там имеется лишь его заголовок,—то задачей редактора было по возможности восполнить это, как сделано выше. Но ему остается еще сделать общие выводы, вытекающие из всего предшествующего исследования дифференциальной ренты II с ее тремя главными случаями и девятью производными. Но для этой цели приведенные в рукописи примеры пригодны лишь в малой мере. Во-первых, в них сравниваются участки земли, выручки с которых относятся для площадей одинаковой величины как 1:2:3:4; следовательно, берутся разницы, которые уже с самого начала сильно преувеличены, и которые при дальнейшем развитии сделанных на этом основании предположений и исчислений приводят к совершенно насильственным числовым отношениям. Во-вторых, они дают внешний повод к совершенно неверному представлению. Если при степенях плодородия, относящихся друг к другу как 1:2:3:4 и т. д., получаются ренты ряда 0:1:2:3 и т. д., то тотчас же является искушение вывести второй ряд из первого и объяснить удвоение, утроение и т. д. рент удвоенцем, утроением и т. д. всего продукта. Но это было бы совершенно ошибочно. Ренты стоят в отношении 0:1:2:3:4 даже в том

случае, когда отношение степеней плодородия $= n : n+1 : n+2 : n+3 : n+4$; ренты относятся одна к другой не как степени плодородия, а как разности плодородия, при чем земля, не приносящая ренты, принимается за нулевую точку.

Таблицы оригинала следовало привести для разъяснения текста. Но чтобы получить наглядную основу для приведенных ниже результатов исследования, я в дальнейшем даю новый ряд таблиц, в которых выручка показана в бушелях ($\frac{1}{2}$ квартера, или 36,35 литра) и шиллингах (=марке).

Первая таблица (XI) соответствует прежней таблице I. Она дает выручку и ренты для земель пяти различных качеств А—Е при первой затрате капитала в 50 шилл., что вместе с 10 шилл. прибыли=60 шилл. всей цены производства на акр. Количество получаемого хлеба взято низкое: 10, 12, 14, 16, 18 бушелей с акра. Получающаяся при этом регулирующая цена производства=6 шил. за бушель.

Следующие 13 таблиц соответствуют трем случаям дифференциальной ренты II, рассмотренным в этой и двух предшествующих главах, при чем дополнительная затрата капитала на той же земле предполагается равной 50 шилл. на акр, при постоянной, понизившейся и повысившейся цене производства. Каждый из этих случаев в свою очередь изображается так, как он складывается 1) при неизменяющейся, 2) при понизившейся, 3) при повысившейся производительности второй затраты капитала сравнительно с первой. При этом получают еще некоторые варианты, благодаря которым дело становится особенно наглядным.

В случае I: постоянная цена производства, мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала (таблица XII).

- 2: Убывающая производительность. Это может произойти лишь при том условии, что на землю А не делается второй затраты. При этом дело обстоит или

а) так, что земля В тоже не приносит ренты (таблица XIII), или

б) так, что земля В не становится землей, совершенно не приносящей ренты (таблица XIV).

- 3: Повышающаяся производительность (таблица XV). И этот случай исключает вторую затрату капитала на земле А.

В случае II: понижающаяся цена производства, мы имеем:

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XVI).

- 2: Убывающая производительность (таблица XVII). Оба эти варианта приводят к тому, что земля А перестает вхо-

дать в число конкурирующих земель, земля В перестает приносить ренту и регулирует цену производства.

Вариант 3: Повышающаяся производительность (таблица XVIII). Здесь земля А остается регулирующей.

В случае III: повышающаяся цена производства, возможны два видоизменения: земля А может остаться землей, не приносящей ренты и регулирующей цену, или же в конкуренцию вступает земля худшего качества, чем А, и начинает регулировать цену, так что А тогда приносит ренту.

Первое видоизменение: земля А остается регулирующей.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XIX). Это допустимо лишь при предположении, что производительность первой затраты уменьшается.

2: Убывающая производительность второй затраты (таблица XX); это не исключает возможности, что производительность первой затраты не изменится.

3: Повышающаяся производительность второй затраты (таблица XXI); это опять-таки обуславливает убывающую производительность первой затраты.

Вторая разновидность: земля худшего качества (обозначаемая посредством а) вступает в конкуренцию; земля А приносит ренту.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты (таблица XXII).

2: Убывающая производительность (таблица XXIII).

3: Повышающаяся производительность (таблица XXIV).

Эти три варианта соответствуют общим условиям проблемы и не дают повода к каким-либо замечаниям.

Теперь мы приведем таблицы.

Т а б л и ц а X I.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена	Выр. укл. Шилл. а	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
А	60	10	6	60	0	0
В	60	12	6	72	12	12
С	60	14	6	84	24	12× 2
Д	60	16	6	96	36	12× 3
Е	60	18	6	108	48	12× 4
					120	12× 10

При второй затрате капитала на той же земле.

Первый случай: при неизменяющейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала.

Таблица XII.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
A	60+60=120	10+10=20	6	120	0	0
B	60+60=120	12+12=24	6	144	24	24
C	60+60=120	14+14=28	6	168	48	24×2
D	60+60=120	16+16=32	6	192	72	24×3
E	60+60=120	18+18=36	6	216	96	24×4
					240	24×10

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; на земле A не произведено второй затраты.

1) Когда земли B становится землей, не приносящей ренты.

Таблица XIII.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+8=20	6	120	0	0
C	60+60=120	14+9 ¹ / ₃ =23 ¹ / ₃	6	140	20	20
D	60+60=120	16+10 ² / ₃ =26 ² / ₃	6	160	40	20×2
E	60+60=120	18+20=38	6	180	60	20×3
					120	20×6

2) Когда земля B не становится землей, вовсе не приносящей ренты.

Таблица XIV.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
A	60	10	6	60	0	0
B	60+60=120	12+9=21	6	126	6	6
C	60+60=120	14+10 ¹ / ₂ =24 ¹ / ₂	6	147	27	6+21
D	60+60=120	16+12=28	6	168	48	6+21×2
E	60+60=120	18+13 ¹ / ₂ =31 ¹ / ₂	6	189	69	6+21×3
					150	6×4+21×6

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; на земле А здесь тоже не производится второй затраты.

Таблица XV.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
А	60	10	6	60	0	0
В	60+60=120	12+15=27	6	162	42	42
С	60+60=120	14+17½=31½	6	189	69	42+27
Д	60+60=120	16+20=36	6	216	96	42+27×2
Е	60+60=120	18+22½=40½	6	243	123	42 27×3
					330	42×4+27×6

Второй случай при уменьшающейся цене производства.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала; земля А выпадает из конкуренции, земля В становится землею, не приносящей ренты.

Таблица XVI.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
В	60+60=120	12+12=24	5	120	0	0
С	60+60=120	14+14=28	5	140	20	20
Д	60+60=120	16+16=32	5	160	40	20×2
Е	60+60=120	18+18=36	5	180	60	20×3
					120	20×6

Вариант 2: При убывающей производительности второй затраты капитала; земля А выпадает из конкуренции; земля В становится землей, не приносящей ренты.

Таблица XVII.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
В	60+60=120	12+9=21	5⅔	120	0	0
С	60+60=120	14+10½=24½	5⅔	140	20	20
Д	60+60=120	16+12=28	5⅔	160	40	20×2
Е	60+60=120	18+13½=31½	5⅔	180	60	20×3
					120	20×6

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала; земля А продолжает конкурировать. Земля В приносит ренту.

Таблица XVIII.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышенные ренты.
A	60+60=120	10+15=25	4 $\frac{1}{5}$	120	0	0
B	60+60=120	12+18=30	4 $\frac{2}{5}$	144	24	24
C	60+60=120	14+21=35	4 $\frac{3}{5}$	168	48	24×2
D	60+60=120	16+24=40	4 $\frac{4}{5}$	192	72	24×3
E	60+60=120	18+27=45	4 $\frac{5}{5}$	216	96	24×4
					240	24×10

Третий случай: при повышающейся цене производства.

A. Когда земля А остается землей, не приносящей ренты и регулирующей цену.

Вариант 1: При неизменяющейся производительности второй затраты капитала, что обуславливает убывающую производительность первой затраты.

Таблица XIX.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышенные ренты.
A	60+60=120	5+12 $\frac{1}{2}$ =17 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{6}{7}$	120	0	0
B	60+60=120	6+15=21	6 $\frac{6}{7}$	144	24	24
C	60+60=120	7+17 $\frac{1}{2}$ =24 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{6}{7}$	168	48	24×2
D	60+60=120	8+20=28	6 $\frac{6}{7}$	192	72	24×3
E	60+60=120	9+22 $\frac{1}{2}$ =31 $\frac{1}{2}$	6 $\frac{6}{7}$	216	96	24×4
					240	24×10

Вариант 2: При уменьшающейся производительности второй затраты капитала; это не исключает возможности, что производительность первой затраты не изменится.

Таблица XX.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
A	60+60=120	10+5=15	8	120	0	0
B	60+60=120	12+6=18	8	144	24	24
C	60+60=120	14+7=21	8	168	48	24×2
D	60+60=120	16+8=24	8	192	72	24×3
E	60+60=120	18+9=27	8	216	96	24×4
					240	24×10

Вариант 3: При повышающейся производительности второй затраты капитала, что при данных предположениях обуславливает убывающую производительность первой затраты.

Таблица XXI.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
A	60+60=120	5+12½=17½	6⅔	120	0	0
B	60+60=120	6+15=21	6⅔	144	24	24
C	60+60=120	7+17½=24½	6⅔	168	48	24×2
D	60+60=120	8+20=28	6⅔	192	72	24×3
E	60+60=120	9+22½=31½	6⅔	216	96	24×4
					240	24×10

В. Когда худшая (обозначаемая буквою а) земля становится землей, регулирующей ренту, и потому А начинает приносить ренту. Это не исключает возможности неизменяющейся производительности второй затраты для всех вариантов.

Вариант 1: Неизменяющаяся производительность второй затраты капитала.

Таблица XXII.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
а	120	16	7½	120	0	0
A	60+60=120	10+10=20	7½	150	30	30
B	60+60=120	12+12=24	7½	180	60	30×2
C	60+60=120	14+14=28	7½	210	90	30×3
D	60+60=120	16+16=32	7½	240	120	30×4
E	60+60=120	18+18=36	7½	270	150	30×5
					450	30×15

Вариант 2: Убывающая производительность второй затраты капитала.

Таблица XXIII.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена. Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
а	120	15	8	120	0	0
А	60+60=120	10+7½=17½	8	140	20	20
В	60+60=120	12+9=21	8	168	48	20+28
С	60+60=120	14+10½=24½	8	196	76	20+28×2
Д	60+60=120	16+12=28	8	224	104	20+28×3
Е	60+60=120	18+13½=31½	8	252	132	20+28×4
					380	20×5+28×10

Вариант 3: Повышающаяся производительность второй затраты капитала.

Таблица XXIV.

Сорт земли.	Цена производства. Шилл.	Продукт. Бушели.	Продажная цена Шилл.	Выручка. Шилл.	Рента. Шилл.	Повышение ренты.
а	120	16	7½	120	0	0
А	60+60=120	10+12½=22½	7½	168¾	48¾	15+33¾
В	60+60=120	12+15=27	7½	202½	82½	15+33¾×2
С	60+60=120	14+17½=31½	7½	236¾	116¾	15+33¾×3
Д	60+60=120	16+20=36	7½	270	150	15+33¾×4
Е	60+60=120	18+22½=40½	7½	303¾	183¾	15+33¾×5
					581¾	15×5+33¾×15

Из этих таблиц вытекает следующее:

Прежде всего, что ряд рент находится друг к другу совершенно в таком же отношении, как ряд различий в плодородии, принимая за нулевой пункт регулируемую землю, не приносящую ренты. Рента определяется не абсолютной выручкой, а лишь различиями выручки. Будут ли разного рода земли приносить 1, 2, 3, 4, 5 бушелей или 12, 13, 14, 15 бушелей продукта на акр, ренты в обоих случаях составят ряд: 0, 1, 2, 3, 4 бушеля или денежная выручка за них.

Но гораздо важнее результат, взятый по отношению ко всей сумме ренты при вторичной затрате капитала на одной и той же земле.

В пяти случаях из исследованных тринадцати удваивается вместе с затратой капитала и общая сумма ренты: вместо $12 \text{ шилл.} \times 10$ она становится равной $24 \text{ шилл.} \times 10 = 240 \text{ шилл.}$ Случаи эти следующие:

Случай I, постоянная цена, вариант I: соответственное затратам увеличение производства (таблица XII).

Случай II, понижающаяся цена, вариант III: усиленное увеличение производства (таблица XVIII).

Случай III, повышающаяся цена, первая разновидность, когда земля А остается регулирующей, во всех трех вариантах (таблицы XIX, XX, XXI).

В четырех случаях рента повышается более чем вдвое, а именно:

Случай I, вариант III, постоянная цена, но усиленное увеличение производства (таблица XV). Сумма рент повышается до 330 шилл.

Случай III, вторая разновидность, в которой земля А приносит ренту, во всех трех вариантах. (Таблица XXII, рента $= 30 \times 15 = 450 \text{ шилл.}$; табл. XXIII, рента $= 20 \times 5 + 28 \times 10 = 380 \text{ шилл.}$; табл. XXIV, рента $= 15 \times 5 + 33\frac{3}{4} \times 15 = 581\frac{1}{4} \text{ шилл.}$)

В одном случае она повышается, но не до двойной суммы по сравнению с рентой, получаемой при первой затрате капитала.

Случай I, постоянная цена, вариант II: убывающая производительность второй затраты при условиях, когда В не становится землей, которая совсем не дает ренты. (Таблица XIV, рента $= 6 \times 4 + 21 \times 6 = 150 \text{ шилл.}$)

Наконец только в трех случаях общая рента при второй затрате капитала, для всех сортов земли, остается в том же положении, как при первой затрате (таблица XI); это те случаи, когда земля А перестает участвовать в конкуренции, а земля В становится регулирующей и, следовательно, не приносящей ренты землей. Таким образом не только отпадает рента с В, но она убывает в каждом последующем члене ряда рент; этим обуславливается результат. Случаи эти следующие:

Случай I, вариант II, когда условия таковы, что земля А выпадает (таблица XIII). Сумма рент равняется 20×6 , следовательно, $12 \times 10 = 120$, как в таблице XI.

Случай II, вариант I и II. Здесь, согласно предположениям, необходимо выпадает земля А (таблицы XVI и XVII) и сумма рент опять равняется $20 \times 6 = 12 \times 10 = 120 \text{ шилл.}$

Таким образом это значит: в громадном большинстве всех возможных случаев вследствие увеличенного приложения капитала к земле рента повышается, как рента на акр земли, приносящей ренту, так

и в ее общей сумме. Лишь в 3 случаях из исследованных тринадцати общая сумма ее остается без изменения. Это те случаи, когда земля наихудшего качества, не приносящая до тех пор ренты и игравшая роль регулирующей земли, перестает участвовать в конкуренции, и земля непосредственно лучшая по качеству становится на ее место, г.-в. перестает приносить ренту. Но и в этих случаях ренты с земель лучшего качества повышаются сравнительно с теми рентами, которые обязаны своим происхождением первой затрате капитала; если рента на С понижается с 24 до 20, то для D и E она повышается с 36 и 48 до 40 и 60 шиллингов.

Понижение общей суммы рент ниже того уровня, которого она достигала при первой затрате капитала (таблица XI), было бы возможно лишь в том случае, если бы кроме земли А, перестала участвовать в конкуренции и земля В, так что регулирующей и не приносящей ренты землей сделалась бы земля С.

Таким образом, чем больше капитала затрачивается на землю, чем высшего развития достигли в стране земледелие и цивилизация вообще, тем выше поднимаются ренты с акра, равно как и общая сумма рент, тем колоссальнее становится налог, который выплачивается обществом крупным землевладельцам в виде добавочной прибыли, пока все сорта земли, уже подвергшиеся возделыванию, сохраняют способность к конкуренции.

Этот закон объясняет удивительную живучесть класса крупных землевладельцев. Никакой другой класс общества не живет так расточительно, как этот, никакой другой не заявляет такой претензии на привычную, «приличествующую сословию» роскошь, откуда бы ни получались для этого деньги, никакой другой класс не накапливает с таким легким сердцем долгов за долгами. И, тем не менее, он всегда выходит сухим из воды, — благодаря капиталу, который другие люди вложили в землю и который приносит ему ренты вне всякого соотношения с прибылями, извлекаемыми из него капиталистом.

Но тот же закон объясняет, почему эта живучесть крупного землевладельца постепенно исчерпывается.

Когда в 1846 году в Англии были уничтожены хлебные пошлины, английские фабриканты думали, что они этим превратили земледельческую аристократию в пауперов. Вместо этого она разбогатела больше, чем когда-либо раньше. Каким образом это случилось? Очень просто. Во-первых, с этого времени к арендаторам стали предъявлять закрепленное контрактом требование, по которому они обязывались затрачивать по 12 £ вместо 8 £ на акр, и, во-вторых, земледельцы, имевшие и в нижней палате очень многочисленных представителей, ассигновали себе крупное государственное пособие для дре-

вирования и для иных прочных улучшений своих земель. Так как полного вытеснения наихудшей земли не произошло, а совершилось, самое большее, применение ее к другим целям, да и то в большинстве случаев временное, то ренты повысились соответственно повышению затраты капитала, и земельная аристократия выиграла от этого больше, чем когда-либо раньше.

Но все переходяще. Трансатлантические пароходы, а также северо- и южно-американские и индийские железные дороги дали возможность конкурировать на европейских хлебных рынках совершенно особым странам. Это были, с одной стороны, северо-американские прерии, аргентинские пампасы, степи, уже от природы пригодные для обработки плугом, девственная почва, которая долгие годы давала богатые урожаи даже при примитивной культуре и без удобрения. С другой стороны, это были земли русских и индийских коммунистических общин, которые должны продавать часть своего продукта, притом все возрастающую часть, чтобы выручить деньги для уплаты налогов, к уплате которых вынуждал их, довольно часто посредством истязаний, беспощадный деспотизм государства. Эти продукты продаются безотносительно к ценам производства, продаются за цену, которую предлагает торговец, так как крестьянин к сроку платежа должен во что бы то ни стало добыть денег. И с этой конкуренцией, с конкуренцией девственной степной земли, равно как с конкуренцией крестьян России и Индии, изнемогающих под податным винтом, европейский арендатор не мог справиться при старых рентах. Часть пахотной земли в Европе окончательно была поставлена вне возможности выдерживать конкуренцию в области производства зерна, ренты повсюду упали; второй наш случай, вариант II: понижающаяся цена и убывающая производительность дополнительных затрат капитала, — сделался общим правилом для Европы; отсюда вопли аграриев от Шотландии до Италии и от южной Франции до восточной Пруссии. К счастью, еще далеко не все степные земли подвергнуты возделыванию; их еще слишком достаточно для того, чтобы разорить все европейское крупное землевладение, да, кроме того, и мелкое. — Ф. Э.]

Рубрики, под которыми должно исследовать ренту, таковы:

A. Дифференциальная рента.

1) Понятие дифференциальной ренты. Иллюстрация силой воды. Переход к собственно-земледельческой ренте.

2) Дифференциальная рента I, происходящая из различия в плодородии различных земельных участков.

3) Дифференциальная рента II, происходящая из последовательной затраты капитала на одной и той же земле. Дифференциальная рента II подлежит исследованию:

- а) при постоянной,
- б) при убывающей,
- в) при повышающейся цене производства.

И далее

д) превращение добавочной прибыли в ренту.

4) Влияние этой ренты на норму прибыли.

В. Абсолютная рента.

С. Цена земли.

Д. Заключительные замечания о земельной ренте.

Как общий результат рассмотрения дифференциальной ренты получается следующее:

Во-первых: Добавочная прибыль может образоваться различными путями. С одной стороны, на базе дифференциальной ренты I, т.-е. на базе затраты всего земледельческого капитала на земельной площади, состоящей из разнородных по плодородию земель. Далее, в виде дифференциальной ренты II, на базе различной дифференциальной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же земле, то-есть на базе большей производительности, выраженной, например, в квартерах пшеницы, чем та, которая достигается при той же затрате капитала на наихудшей земле, не приносящей ренты, но регулирующей цену производства. Но каким бы путем ни возникла эта добавочная прибыль, превращение ее в ренту, следовательно, переход из рук фермера в руки землевладельца всегда предполагает в качестве предварительного условия, что различные действительные индивидуальные цены производства (то-есть, независимо от общей регулирующей рынок цены производства) отдельных продуктов отдельных последовательных затрат капитала предварительно уравнились в индивидуальную среднюю цену производства. Вычисленный на акр, избыток общей регулирующей цены производства продукта над этой индивидуальной средней ценой продукта образует и определяет величину ренты на акр. При дифференциальной ренте I различия результатов распознаваемы сами по себе, так как они получаются на отличных участках земли, находящихся один вне другого и один возле другого, — получаются при такой затрате капитала на акр, которая принимается за нормальную, и при соответствующем этой затрате нормальном возделывании. При дифференциальной ренте II различия результатов надо сделать, прежде всего,

отличимыми; в самом деле, их сначала приходится превратить обратно в дифференциальную ренту I, а это можно сделать лишь указанным способом. Возьмем, напр., таблицу III, стр. 227.

Земля В дает в результате $2\frac{1}{2}$ £ первой затраты капитала 2 квартера с акра, а в результате второй затраты, одинаковой по размеру — $1\frac{1}{2}$ квартера, в общей сложности $3\frac{1}{2}$ квартера с одного и того же акра. По этим $3\frac{1}{2}$ квартерам, собранным с одной и той же земли, нельзя различить, какая часть является продуктом затраты капитала I и какая затраты капитала II. В действительности $3\frac{1}{2}$ квартера представляют продукт всего капитала в 5 £; и очевидный факт заключается лишь в том, что капитал в $2\frac{1}{2}$ £ принес 2 квартера, а капитал в 5 £ не 4, а $3\frac{1}{2}$ квартера. Дело ничуть не изменилось бы, если бы эти 5 £ дали 4 квартера, так что продукты обеих затрат капитала были бы одинаковы, или даже 5 кварталов, так что вторая затрата капитала дала бы избыток в 1 квартал. Цена производства первых 2 кварталов равняется $1\frac{1}{2}$ £ за квартал, цена производства вторых $1\frac{1}{2}$ кварталов — 2 £ за квартал. Все эти $3\frac{1}{2}$ квартера вместе стоят поэтому 6 £. Это — индивидуальная цена производства всего продукта, составляющая в среднем 1 £ $14\frac{2}{7}$ шиллинга за квартал, круглым счетом, скажем, $1\frac{3}{4}$ £. При общей цене производства в 3 £, определяемой землей А, это дает добавочную прибыль в $1\frac{1}{4}$ £ на квартал и, следовательно, для всех $3\frac{1}{2}$ квартера — $4\frac{3}{8}$ £. При средней цене производства на земле В это составит, круглым счетом, $1\frac{1}{2}$ квартера. Добавочная прибыль, получаемая с В, выражается, следовательно, в соответственной части продукта с В, в этих $1\frac{1}{2}$ квартерах, которые представляют ренту, выраженную в хлебе, и которые продаются по общей цене производства за $4\frac{1}{2}$ £. Но, обратно, избыточный продукт, получаемый с акра земли В, избыточный по сравнению с тем, который получается с акра А, нельзя считать, без дальнейших оговорок, добавочной прибылью, а потому и добавочным продуктом. Согласно предположению, акр земли В производит $3\frac{1}{2}$ квартера, акр А лишь 1 квартал. Избыточный продукт с земли В представляет, следовательно, $2\frac{1}{2}$ квартера, а добавочный продукт лишь $1\frac{1}{2}$ квартера; потому что на В затрачен вдвое больший капитал, чем на А, и потому вся цена производства на этой земле вдвое больше. Если бы на А было также затрачено 5 £, и норма производительности осталась без изменения, то продукт был бы равен 2 квартерам вместо 1, и дело представлялось бы в таком виде, что действительный добавочный продукт можно найти посредством сравнения не $3\frac{1}{2}$ и 1, а $3\frac{1}{2}$ и 2, и что, следовательно, он равняется не $2\frac{1}{2}$, а всего $1\frac{1}{2}$ квартал. Но, далее, если бы на В была произведена третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ £, которая дала бы лишь 1 квартал, так что этот

квартир стоил бы 3 £, как квартал, произведенный на земле А, то его продажная цена в 3 £ покрыла бы только всю цену производства, дала бы лишь среднюю прибыль, но никакой добавочной прибыли, а, следовательно, и ничего, что могло бы превратиться в ренту. Продукт с акра любого рода земли, по сравнению с продуктом с акра земли А, не показывает ни того, является ли он продуктом одинаковой или большей затраты капитала, ни того, покрывает ли избыточный продукт только всю цену производства, или же он обязан своим возникновением более высокой производительности дополнительного капитала.

Во-вторых: На основании только что изложенного следует, что при убывающей норме производительности дополнительных затрат капитала, границей которых — поскольку речь идет об образовании новой добавочной прибыли — служит такая затрата капитала, которая покрывает лишь цену производства, т.-е. производит квартал столь же дорого, как равная затрата капитала производит его на акре земли А, то-есть, согласно предположению, за 3 £, — итак, следует, что при убывающей норме производительности пределом, на котором вся затрата капитала на акр земли В перестает давать ренту, является тот предел, когда индивидуальная средняя цена производства продукта на акре В повысилась бы до уровня цены производства с акра земли А.

Если на В производятся лишь такие дополнительные затраты капитала, которые окупают цену производства и, следовательно, не образуют добавочной прибыли, а потому и ренты, то, хотя это и повышает индивидуальную среднюю цену производства квартала, тем не менее, не изменяет добавочной прибыли, образовавшейся от прежних затрат капитала, следовательно, не изменяет ренты, если она получалась. Потому что средняя цена производства всегда остается ниже цены производства А, а если излишек цены с квартала и уменьшается, то количество кварталов увеличивается в том же отношении, так что общий излишек цены остается без изменения.

В приведенном случае две первые затраты капитала в 5 £ на земле В производят $3\frac{1}{2}$ квартала, следовательно, согласно предположению, $1\frac{1}{2}$ кварт. ренты = $4\frac{1}{2}$ £. Если сюда присоединится третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ £, производящая лишь один дополнительный квартал, то вся цена производства (включая 20% прибыли) $4\frac{1}{2}$ кварталов = 9 £; следовательно, средняя цена на акр = 2 £ за квартал. Таким образом, средняя цена производства за квартал на земле В поднялась с $1\frac{5}{7}$ £ до 2 £, добавочная прибыль с квартала, по сравнению с регулирующей ценой А, упала таким образом с $1\frac{2}{7}$ £ до 1 £. Но $1 \times 4\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ £, совершенно так же, как прежде $1\frac{2}{7} \times 3\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ £

Если бы мы предположили, что на В были сделаны еще четвертая и пятая дополнительные затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ £, затраты, производящие квартал лишь по его общей цене производства, то весь продукт с акра составил бы теперь $6\frac{1}{2}$ кварталов, а вся цена его производства была бы = 15 £. Средняя цена производства квартала снова повысилась бы для В с 1 £ до $2\frac{1}{13}$ £, а добавочная прибыль с квартала, по сравнению с регулирующей ценой производства на земле А, снова упала бы с 1 £ до $\frac{9}{13}$ £. Но кварталов, вместо прежних $4\frac{1}{2}$, было бы теперь $6\frac{1}{2}$, $A \frac{9}{13} \times 6\frac{1}{2} = 1 \times 4\frac{1}{2} = 4\frac{1}{2}$ £.

Отсюда прежде всего следует, что при этих обстоятельствах не требуется никакого повышения регулирующей цены производства для того, чтобы сделать возможными дополнительные затраты капитала на землях, приносящих ренту, возможными даже в таком размере, что дополнительный капитал совсем перестает доставлять добавочную прибыль и дает лишь среднюю прибыль. Из этого следует далее, что здесь сумма добавочной прибыли на акр остается без изменения, как бы ни уменьшалась добавочная прибыль с квартала; это уменьшение всегда уравнивается соответствующим увеличением кварталов, производимых на акре. Для того, чтобы средняя цена производства поднялась до уровня общей цены производства (следовательно, достигла бы 3 £ на земле В), должны быть сделаны такие дополнительные затраты капитала, продукт которых обладал бы более высокой ценой производства, чем регулирующая цена в 3 £. Но мы увидим, что и этого одного недостаточно, чтобы повысить среднюю цену производства квартала на земле В до уровня общей цены производства в 3 £.

Предположим, что на земле В были произведены:

1) $3\frac{1}{2}$ квартала, цена производства которых, как и прежде, = 6 £; следовательно, две затраты капитала по $2\frac{1}{2}$ £ каждая, при чем обе образуют добавочные прибыли, но убывающей высоты.

2) 1 квартал за 3 £; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства была бы равна регулирующей цене производства.

3) 1 квартал за 4 £; затрата капитала, при которой индивидуальная цена производства на $25\frac{0}{10}$ выше регулирующей цены.

Мы имели бы тогда $5\frac{1}{2}$ кварталов с акра за 13 £, при затрате капитала в 10 £; первоначальная затрата капитала возрасла бы в четыре раза, но продукт первой затраты капитала не увеличился бы и в три раза.

$5\frac{1}{2}$ кварталов за 13 £, дают среднюю цену производства в $2\frac{4}{11}$ £ за квартал, следовательно, при регулирующей цене производства в 3 £, избыток в $\frac{7}{11}$ £ с квартала; он может превратиться в ренту. $5\frac{1}{2}$ кварт. при продаже по регулирующей цене в 3 £, дают $16\frac{1}{2}$ £. За вычетом всей цены производства в 13 £, остается $3\frac{1}{2}$ £ добавочной прибыли или ренты; эти $3\frac{1}{2}$ £, считая по теоретической сред

ней цене производства квартера на В, то-есть по $2\frac{4}{11}$ £ за квартал, являются теперь представителем $1\frac{5}{72}$ квартера. Денежная рента понижалась бы на 1 £, хлебная рента приблизительно на $\frac{1}{2}$ квартера, по несмотря на то, что четвертая дополнительная затрата капитала на В не только не производит добавочной прибыли, но дает менее, чем среднюю прибыль, до-прежнему продолжает получаться добавочная прибыль и рента. Если мы предположим, что кроме затраты капитала 3), и затрата 2) производит по цене, превышающей регулирующую цену производства, то все производство составит: $3\frac{1}{2}$ квартера за 6 £ + 2 квартера за 8 £, итого $5\frac{1}{2}$ квартера за 14 £, составляющих всю цену производства. Средняя цена производства квартера была бы $= 2\frac{6}{11}$ £, что оставляло бы избыток в $\frac{5}{11}$ £. Эти $5\frac{1}{2}$ квартера, проданные по 3 £, дают $16\frac{1}{2}$ £; за вычетом 14 £ всей цены производства остается $2\frac{1}{2}$ £ на ренту. При теперешней средней цене производства, на земле В это составило бы $\frac{55}{56}$ квартера. Следовательно, рента все еще продолжает получаться, хотя и в меньшем размере, чем раньше.

Во всяком случае это показывает, что на лучших земельных участках при дополнительных затратах капитала, продукт которых обходится дороже, чем регулирующая цена производства, рента, — по крайней мере в пределах, допустимых опытом, — должна исчезнуть, а лишь уменьшится, уменьшиться соответственно тому с одной стороны, какую долю всего затраченного капитала составляет этот менее производительный капитал, а с другой стороны — соответственно уменьшению его производительности. Средняя цена продукта этого менее производительного капитала все же была бы ниже регулирующей цены и потому все еще оставалась бы добавочная прибыль, которая могла бы превратиться в ренту:

Предположим теперь, что средняя цена квартера В совпадает с общей ценой производства, что явилось следствием четырех последовательных затрат капитала ($2\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, 5 и 5 £) с убывающей производительностью:

Капитал.	Прибыль.	Продукт	Цена производства		Продажная цена	Выручка.	Добавок для ренты.		
			за кварт.	всего			Кварт.	£	
£	£	в кварт.	£	£	£	£	Кварт.	£	
1)	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	2	$1\frac{1}{2}$	3	3	6	1	3
2)	$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	2	3	3	$4\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$
3)	5	1	$1\frac{1}{2}$	4	6	3	$4\frac{1}{2}$	$-\frac{1}{2}$	$-1\frac{1}{2}$
4)	5	1	1	6	6	3	3	-1	-3
	15	3	6		18		12	0	0

Здесь арендатор продает каждый квартал по его индивидуальной цене производства, и потому все число кварталов продается им по цене, соответствующей цене производства квартала и совпадающей с регулирующей ценой в 3 £. Он получает поэтому на свой капитал в 15 £ по-прежнему 20% прибыли, что составляет 3 £. Но рента исчезла. Куда же девался излишек при этом уравнении индивидуальных цен производства каждого квартала с общей ценой производства?

Добавочная прибыль с первых $2\frac{1}{2}$ £ равнялась 3 £; со вторых $2\frac{1}{2}$ £ она равнялась $1\frac{1}{2}$ £; в общей сложности добавочная прибыль на $\frac{1}{3}$ авансированного капитала, т. е. на 5 £, была $= 4\frac{1}{2}$ £ $= 90\%$.

При затрате капитала 3), 5 £ не только не приносят добавочной прибыли, но продукт ее в $1\frac{1}{2}$ кварталах, проданный по общей цене производства, дает минус в $1\frac{1}{2}$ £. Наконец, при затрате капитала 4), тоже в 5 £, продукт ее в 1 кварт., проданный по общей цене производства, дает минус в 3 £. Следовательно, обе затраты капитала, взятые вместе, дают минус в $4\frac{1}{2}$ £, равный добавочной прибыли в $4\frac{1}{2}$ £, которая получилась от затрат капитала 1) и 2).

Добавочная прибыль и отрицательная прибыль взаимно уничтожаются. Поэтому рента исчезает. Но в действительности это возможно лишь потому, что те элементы прибавочной стоимости, которые раньше образовали добавочную прибыль или ренту, входят теперь в образование средней прибыли. Фермер получает за счет ренты эту среднюю прибыль в размере 3 £ на 15 £, или в размере 20%.

Уравнение индивидуальной средней цены производства В с общей ценой производства А, регулирующей рыночную цену, предполагает, что разница между индивидуальной ценой продукта первых затрат капитала и регулирующей ценой производства, превышающей индивидуальную цену продукта, все более и более уравнивается и в конце концов уничтожается разницей, на которую продукт позднейших затрат капитала начинает превышать регулируемую цену. То, что представляется добавочной прибылью, пока продукт первых затрат капитала продается сам по себе, таким образом постепенно становится частью средней цены производства и вместе с тем входит в образование средней прибыли, пока, наконец, не будет совсем поглощено последнею.

Если бы вместо 15 £ затраты капитала на В, на этой земле было затрачено всего 5 £, а дополнительные $2\frac{1}{2}$ квартала последней таблицы были произведены таким образом, что $2\frac{1}{2}$ акра земли А были бы возделаны вновь с затратой капитала в $2\frac{1}{2}$ £ на акр, то затраченный дополнительный капитал составил бы всего $6\frac{1}{4}$ £, а вся затрата на А и В, сделанная для производства этих 6 кварт., составила бы всего $11\frac{1}{4}$ £ вместо 15 £, и вся цена их производства, включая

и прибыль, составила бы $13\frac{1}{2}$ £. Эти 6 кварталов по-прежнему продавались бы за 18 £, но затрата капитала уменьшилась бы на $3\frac{3}{4}$ £ и рента с В составляла бы, как и прежде, $4\frac{1}{2}$ £ на акр. Иначе обстояло бы дело, если бы для производства дополнительных $2\frac{1}{2}$ кварт. пришлось прибегнуть к худшей, чем А, земле, к $A-1$, $A-2$, так что цена производства квартера для $1\frac{1}{2}$ кварт. на земле $A-1=4$ £, а для последнего квартера на земле $A-2=6$ £. В таком случае, 6 £ сделались бы регулирующей ценой производства квартера. Эти $3\frac{1}{2}$ квартера с земли В были бы проданы за 21 £ вместо $10\frac{1}{2}$ £, что дало бы ренту в 15 £ вместо $4\frac{1}{2}$ £, а в хлебе ренту в $2\frac{1}{2}$ квартера вместо $1\frac{1}{2}$ квартера. Точно также в одном квартере с земли А теперь заключалась бы рента в 3 £ $= 1\frac{1}{2}$ квартера.

Прежде чем исследовать этот пункт дальше, сделаем еще одно замечание.

Средняя цена квартера с В уравнивается, совпадает с общей ценой производства в 3 £ с квартера, регулируемой землей А, как только часть всего капитала, производящая избыточные $1\frac{1}{2}$ квартера, уравнивается той частью всего капитала, которая недопроизводит $1\frac{1}{2}$ квартера. Когда уравниются эти цены, или как велик тот капитал с недостаточной производительной силой, который должен быть для этого затрачен на В, зависит, при данной добавочной производительности первых затрат капитала, от относительно недостаточной производительности последующих затрат капитала, — недостаточной по сравнению с производительностью равновеликой затраты капитала на наихудшей регулирующей земле А, или от индивидуальной цены производства продукта этих последующих затрат, по сравнению с регулирующей ценой.

Из предыдущего прежде всего следует:

Во-первых. До тех пор, пока дополнительные капиталы затрачиваются на одной и той же земле с добавочной производительностью, хотя бы и уменьшающейся, абсолютная рента с акра, как хлебная, так и денежная, возрастает, хотя относительно, по сравнению с авансированным капиталом (следовательно, норма добавочной прибыли или ренты), она уменьшается. Пределом здесь служит тот дополнительный капитал, который приносит лишь среднюю прибыль, или для продукта которого индивидуальная цена производства совпадает с общей ценой производства. Цена производства при этих условиях остается без изменения, если только производство на худших землях не станет излишним вследствие увеличившегося предложения. Даже при уменьшающихся ценах эти дополнительные капиталы могут в известных

пределах все еще производить добавочную прибыль, хотя и менее значительную.

Во-вторых. Затрата дополнительного капитала, который производит только среднюю прибыль и добавочная производительность которого, следовательно, $= 0$, ничего не изменяет в высоте сложившейся добавочной прибыли, а потому и ренты. Индивидуальная средняя цена квартера на лучших землях вследствие этого возрастает; избыток, получаемый с квартера, уменьшается, но число кварталов, заключающих в себе такой уменьшенный избыток, увеличивается; так что произведение не изменяется.

В-третьих. Дополнительные затраты капитала, которые приносят продукт, индивидуальная цена производства которого превышает регулируемую цену, следовательно, добавочная производительность которых не только $= 0$, но менее нуля, дает известный минус, то-есть ниже, чем производительность равной затраты капитала на регулирующей земле А, все более приближают индивидуальную среднюю цену всего продукта на лучших землях к общей цене производства, следовательно, все более уменьшают разницу между обеими, ту разницу, которая образует добавочную прибыль, в соответственных случаях ренты. Все большая и большая часть того, что раньше образовало добавочную прибыль или ренту, входит в образование средней прибыли. Тем не менее, весь капитал, затраченный на акр земли В, продолжает приносить добавочную прибыль, хотя она уменьшается вместе с увеличением массы капитала недостаточной производительности и с увеличением степени этой недостаточной производительности. При возрастающем капитале и увеличивающемся производстве, рента, получаемая с акра, уменьшается здесь абсолютно, а не только относительно, по сравнению с возрастающим размером затраченного капитала, как во втором случае.

Уничтожиться рента может только в том случае, если индивидуальная средняя цена производства всего продукта на лучшей земле В совпадает с регулирующей ценой, следовательно, если вся добавочная прибыль первых, более производительных затрат капитала пойдет на образование средней прибыли.

Крайним пределом уменьшения ренты с акра является тот пункт, на котором она исчезает. Но этот предел наступает не непосредственно после того, как дополнительные затраты капитала начинают производить с недостаточной производительностью, а после того, как дополнительная затрата капитала с недостаточной производительностью приобретает такие размеры, что ее влияние уничтожает избыточную производительность первых затрат капитала, и производительность всего затраченного капитала становится равной производительности

капитала, затраченного на А, а потому индивидуальная средняя цена квартера с В становится равной индивидуальной средней цене квартера с А.

Но и в этом случае регулирующая цена производства в 3 £ с квартера не изменилась бы, хотя рента и исчезла бы. Только за этим пределом цена производства должна была бы повыситься вследствие увеличения степени ли недостаточной производительности дополнительного капитала, величины ли самого дополнительного капитала при той же степени недостаточной производительности. Если бы, например, выше в таблице на стр. 267 все на той же земле производилось за 4 £ $2\frac{1}{2}$ кварт. вместо $1\frac{1}{2}$ квартера, то мы имели бы в общем 7 кварталов, вся цена производства которых равнялась бы 22 £. Квартер стоил бы $3\frac{1}{7}$ £, т. е. он стоил бы на $\frac{1}{7}$ £ дороже общей цены производства, и потому последняя должна была бы повыситься.

Таким образом еще долгое время можно было бы затрачивать дополнительный капитал с недостаточной производительностью и даже с такой, степень которой все увеличивается, пока индивидуальная средняя цена квартера на лучших земельных участках не станет равна общей цене производства, пока не исчезнет совершенно избыток последней над первой, а вместе с тем и добавочная прибыль и рента.

Даже и в этом случае с исчезновением ренты с лучших земель индивидуальная средняя цена их продукта только совпала бы с общей ценой производства, следовательно, все еще не потребовалось бы повышения этой последней.

В вышеприведенном примере на лучшей земле В, находящейся, однако, на последнем месте в ряду лучших или приносящих ренту земель, $3\frac{1}{2}$ кварт. производится при помощи капитала в 5 £, обладающего добавочной производительностью, и $2\frac{1}{2}$ квартера производится при помощи капитала в 10 £, обладающего недостаточной производительностью в общей сложности 6 кварт., следовательно, $\frac{5}{12}$ этого количества производится при помощи этих последних частей капитала, затраченных с недостаточной производительностью. И только в этом пункте индивидуальная средняя цена производства 6 кварталов повышается до 3 £ за квартал, следовательно, совпадает с общей ценой производства.

Но благодаря закону собственности на землю последние $2\frac{1}{2}$ кварт. не могли бы быть произведены подобным образом по 3 £ за квартал, исключая того случая, когда они могли бы быть произведены на $2\frac{1}{2}$ новых акрах сорта земли А. Случай, когда дополнительный капитал производит уже только по общей цене производства, явился

бы пределом, за которым должны прекратиться дополнительные затраты капитала на одной и той же земле.

В самом деле, раз арендатору пришлось за две первые затраты капитала заплатить $4\frac{1}{2}$ £ ренты, то он должен продолжать ее уплачивать, и каждая затрата капитала, которая произвела бы квартал дороже 3 £, повела бы к сокращению его прибыли. Это препятствует уравнению средней цены при недостаточной производительности.

Возьмем этот случай при прежнем примере, когда цена производства на земле А в 3 £ за квартал регулирует цену для земли В

Капитал. £	Прибыль £	Цена производства. £	Продукт в квартал.	Цена производства на кварт. £	Продажная цена		Добавочная прибыль. £	Убыток. £
					за квартал. £	итого £		
$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	2	$1\frac{1}{2}$	3	6	3	—
$2\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	3	$1\frac{1}{2}$	2	3	4	$1\frac{1}{2}$	—
5	1	6	$1\frac{1}{2}$	3	3	$4\frac{1}{2}$	—	$1\frac{1}{2}$
5	1	6	1	6	3	3	—	3
15	3	18				18	$4\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$

Цена производства $3\frac{1}{2}$ кварталов при двух первых затратах капитала тоже составляет для арендатора 3 £ за квартал, так как ему приходится уплачивать ренту в $4\frac{1}{2}$ £, при чем разница между его индивидуальной ценой производства и общей ценой производства поступает таким образом не в его карман. Следовательно, избыток цены продукта двух первых затрат капитала не может ему послужить возмещением дефицита в продуктах третьей и четвертой затраты капитала.

$1\frac{1}{2}$ кварт. от затраты капитала на 3) стоят фермеру, включая и прибыль, 6 £; но при регулирующей цене в 3 £ за квартал он может продать их лишь за $4\frac{1}{2}$ £. Следовательно, он утратил бы не только всю прибыль, но сверх того $\frac{1}{2}$ £, или 10% затраченного капитала в 5 £. Его потеря в прибыли и капитале при затрате капитала в 3) равнялась бы $1\frac{1}{2}$ £; а при затрате капитала в 4)—3 £, итого $4\frac{1}{2}$ £, ровно столько, сколько составляет рента от более производительных затрат капитала; индивидуальная цена производства, получающаяся при этих более производительных затратах, как раз потому не может оказать уравнивающего влияния на индивидуальную среднюю цену производства всего продукта земли В, что избыток его приходится выплатить в виде ренты третьему лицу.

Если бы для удовлетворения спроса пришлось произвести дополнительные $1\frac{1}{2}$ кварт. при помощи третьей затраты капитала, то регулирующая рыночная цена должна была бы подняться до $4\mathcal{L}$ за квартал. Вследствие такого вздорожания регулирующей рыночной цены рента на земле В для первой и второй затраты капитала повысилась бы, а на земле А образовалась бы рента.

Итак, хотя дифференциальная рента есть лишь превращение добавочной прибыли в форму ренты и хотя собственность на землю дает здесь собственнику лишь возможность переместить добавочную прибыль из рук арендатора в свои, тем не менее оказывается, что последовательная затрата капитала на одну и ту же земельную площадь, или, что сводится к тому же, увеличение капитала, затраченного на одной и той же земельной площади, при убывающей норме производительности капитала и неизменяющейся регулирующей цене, гораздо скорее доходит до возможного предела, следовательно, достигает в действительности более или менее искусственной границы как раз вследствие этого формального превращения добавочной прибыли в земельную ренту, являющегося следствием земельной собственности. Таким образом повышение общей цены производства, которое становится здесь необходимым скорее, чем было бы при иных условиях, не только служит здесь причиной повышения дифференциальной ренты, но самое существование дифференциальной ренты как таковой является в то же время причиной более раннего и более быстрого повышения общей цены производства, благодаря чему только и обеспечивается сделавшееся необходимым увеличенное предложение продукта.

Необходимо заметить далее следующее:

Дополнительная затрата капитала на земле В не могла бы повысить регулирующей цены до $4\mathcal{L}$, как это имело место выше, если бы земля А в результате второй затраты капитала доставляла добавочный продукт дешевле $4\mathcal{L}$, или если бы в конкуренции стала участвовать новая худшая, чем А, земля, цена производства на которой хотя и выше 3 , но ниже $4\mathcal{L}$. Таким образом мы видим, как дифференциальная рента I и дифференциальная рента II, в то время как первая служит базисом для второй, вместе с тем служат пределом друг для друга, благодаря чему то производится последовательная затрата капитала на одном и том же земельном участке, то производится затрата капитала одна подле другой на новой дополнительной земле. Точно так же они ограничивают друг друга и в других случаях, когда, например, очередь доходит до лучших земель.

Глава сорок четвертая.

Дифференциальная рента и с наихудшей из возделываемых земель.

Предположим, что спрос на хлеб повышается, и что предложение может быть покрыто лишь посредством последовательных затрат капитала с недостаточной производительностью на землѣ, приносящие ренту, или посредством дополнительной затраты капитала, тоже с убывающей производительностью, на землю А, или посредством затраты капитала на новые земли, худшего качества, чем А.

Возьмем землю В в качестве представительницы земель, приносящих ренту.

Для того, чтобы сделалась возможной дополнительная затрата капитала, которая открывает возможность дополнительного производства в 1 кварт. (который может представлять здесь 1 миллион кварталов, как каждый акр — миллион акров), требуется повышение рыночной цены выше 3 £ за кварт., которые были до сих пор регулирующей ценой. Далее, на землях С и D и т. д., на классах земли с наивысшей рентой, тоже может быть получен дополнительный продукт, но лишь с убывающей добавочной производительной силой; как бы то ни было, предполагается, что 1 квартал с земли В необходим для удовлетворения спроса. Если этот один квартал можно дешевле произвести посредством дополнительного капитала на В, чем посредством равной затраты дополнительного капитала на А, или чем спускаясь к земле А — 1, которая может произвести квартал, напр., лишь за 4 £, между тем как дополнительный капитал на А мог бы произвести квартал уже за $3\frac{3}{4}$ £, то дополнительный капитал, затраченный на В, стал бы регулировать рыночную цену.

Земля А по-прежнему произвела 1 кварт. за 3 £. В тоже, как и раньше, произвела в общей сложности $3\frac{1}{2}$ кварт., индивидуальная цена производства которых составляет в итоге 6 £. Теперь, если бы на земле В потребовалась дополнительная затрата в 4 £ цены производства (включая и прибыль), чтобы произвести один новый квартал, между тем как на А его можно произвести за $3\frac{3}{4}$ £, то, само собой разумеется, он был бы произведен на А, а не на В. Итак, предположим, что он может быть произведен на В с $3\frac{1}{2}$ £ дополнительной цены производства. В этом случае $3\frac{1}{2}$ £ сделались бы регулирующей ценой для всего производства. Тогда В продал бы свой теперешний продукт в $4\frac{1}{2}$ кварт. за $15\frac{3}{4}$ £. Из этого на цену производства первых $3\frac{1}{2}$ кварт. приходится 6 £ и на последний квартал $3\frac{1}{2}$ £, итого $9\frac{1}{2}$ £. Остается добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту, = $6\frac{1}{4}$ £, между тем как раньше всего $4\frac{1}{2}$ £. В этом случае акр земли А тоже принес бы ренту, размером в $\frac{1}{2}$ £;

но цену производства в $3\frac{1}{2}$ £ стала бы регулировать не панхудшая земля А, а сравнительно лучшая земля В. При этом, конечно, предполагается, что новая земля качества А, такого же удобного положения, как возделывавшаяся до сих пор, недоступна, и что пришлось бы сделать вторую затрату капитала на уже возделываемом участке А, но при большей цене производства, или пришлось бы обратиться к еще худшей земле А—₁. Раз последовательные затраты капитала приводят в действие дифференциальную ренту II, может наступить такое положение, когда пределы повышающейся цены производства будут регулироваться относительно лучшей землей, и худшая земля, базе дифференциальной ренты I, тогда, в свою очередь, начнет приносить ренту. Таким образом при наличии одной лишь дифференциальной ренты все возделываемые земли стали бы тогда приносить ренту. В таком случае перед нами были бы две следующих таблицы, в которых под ценой производства подразумевается сумма авансированного капитала плюс 20% прибыли, следовательно, на каждые $2\frac{1}{2}$ £ капитала по $\frac{1}{2}$ £ прибыли, итого 3 £.

Сорт земл.	Акры.	Цена производства. £	Продукт в кварт.	Продажная цена. £	Денежная выручка. £	Хлебная рента. Кварт.	Денежная рента. £
A	1	3	1	3	3	0	0
B	1	6	$3\frac{1}{2}$	3	$10\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$
C	1	6	$5\frac{1}{2}$	3	$16\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$
D	1	6	$7\frac{1}{2}$	3	$22\frac{1}{2}$	$5\frac{1}{2}$	$16\frac{1}{2}$
ИТОГО	4	21	$17\frac{1}{2}$		$52\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$	$31\frac{1}{2}$

Таково положение вещей до новой затраты капитала в $3\frac{1}{2}$ £ на В, приносящей только 1 кварт. После этой затраты дело обстоит таким образом:

Сорт земл.	Акры.	Цена производства. £	Продукт в кварт.	Продажная цена. £	Денежная выручка. £	Хлебная рента. Кварт.	Денежная рента. £
A	1	3	1	$3\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
B	1	$9\frac{1}{2}$	$4\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$15\frac{3}{4}$	$1\frac{1}{4}$	$6\frac{1}{4}$
C	1	6	$5\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$19\frac{1}{4}$	$3\frac{1}{4}$	$13\frac{1}{4}$
D	1	6	$7\frac{1}{2}$	$3\frac{1}{2}$	$26\frac{1}{4}$	$5\frac{1}{4}$	$20\frac{1}{4}$
ИТОГО	4	$24\frac{1}{2}$	$18\frac{1}{2}$		$64\frac{3}{4}$	$11\frac{1}{2}$	$40\frac{1}{4}$

[Это опять не совсем верно. Арендатору В производство этих $4\frac{1}{2}$ кварталов обходится, во-первых, в $9\frac{1}{2}$ £ цены производства и, во-вторых, в $4\frac{1}{2}$ £ ренты, итого в 14 £; в среднем за квартал = $3\frac{1}{9}$ £. Эта средняя цена для всего его производства становится таким образом регулирующей рыночной ценой. Поэтому рента на А составила бы $\frac{1}{9}$ £ вместо $\frac{1}{2}$ £, а рента на В осталась бы по-прежнему $4\frac{1}{2}$ £: $4\frac{1}{2}$ кварт. по $3\frac{1}{9}$ £ = 14 £, отсюда вычесть $9\frac{1}{2}$ £ всей цены производства, осталось бы на добавочную прибыль $4\frac{1}{2}$ £. Итак: несмотря на измененные числа, пример показывает, как при посредстве дифференциальной ренты II относительно лучшая земля, уже приносящая ренту, может сделаться регулирующей цену и благодаря этому вся земля, в том числе и не приносящая до того времени ренты, может превратиться в приносящую ренту. — Ф. Э.]

Хлебная рента должна повыситься, раз повышается регулирующая цена производства хлеба, т.-е. раз повышается цена производства квартера хлеба на регулирующей земле, или регулирующая затрата капитала на одном из сортов земли. Это все равно, как если бы все сорта земли сделались менее плодородными и производили бы, напр., на каждые $2\frac{1}{2}$ £ новых затрат капитала всего по $\frac{5}{7}$ кварт. вместо 1 кварт. Весь тот избыток хлеба, которой они производят при той же затрате капитала, превращается в добавочный продукт, которым представлена добавочная прибыль, а потому и рента. Если предположить, что норма прибыли остается прежняя, то фермер мог бы купить на свою прибыль меньшее количество хлеба. Норма прибыли может остаться прежняя, если заработная плата не повысится,—потому ли, что она спущена до физического минимума, т.-е. ниже нормальной стоимости рабочей силы; потому ли, что сравнительно дешевле стали другие предметы потребления рабочих, доставляемые мануфактурой; потому ли, что рабочий день удлинен или сделан интенсивнее, и потому норма прибыли в неземледельческих отраслях производства, регулирующая, однако, земледельческую прибыль, осталась прежняя, если только не повысилась; или же потому, что хотя в земледелии затрачивается такой же капитал, но больше постоянного, меньше переменного.

Итак, мы рассмотрели первый способ возникновения ренты на земле А,—которая до сих пор была наихудшей,—при чем нет необходимости в том, чтобы к возделыванию была привлечена еще худшая земля; именно, возникновение ренты благодаря разности индивидуальной цены производства на этой земле, которая до сих пор была регулирующей, по сравнению с той новой, более высокой ценой производства, по которой последний дополнительный капитал, затрачен-

ный с недостаточной производительной силой на более хорошей земле, доставляет необходимый дополнительный продукт.

Если бы дополнительный продукт пришлось произвести на земле $A-1$, которая может доставить его лишь за $4 \mathcal{L}$, то рента с акра на A повысилась бы до $1 \mathcal{L}$. Но в этом случае земля $A-1$ передвинулась бы на место A , как наихудшая из культивируемых земель, а земля A вступила бы как низший член в ряд сортов земли, приносящих ренту. Дифференциальная рента I изменилась бы. Таким образом этот случай лежит за пределами рассматриваемой здесь дифференциальной ренты II , которая возникает из различной производительности последовательных затрат капитала на одном и том же участке земли.

Но, кроме этого, дифференциальная рента на земле A может возникнуть еще двояким способом.

В том случае, когда при неизменяющейся цене,—какова бы она ни была, хотя бы это была понижившаяся по сравнению с прежней цена,—дополнительная затрата капитала создает добавочную производительность, что *prima facie* до известной границы всегда должно иметь место как раз на наихудшей земле.

Во-вторых, в том случае, когда производительность последовательных затрат капитала на земле A , напротив, понижается.

В обоих случаях предполагается, что состояние спроса требует увеличения производства.

Но здесь, с точки зрения дифференциальной ренты, выступает особое затруднение в связи с ранее изложенным законом, согласно которому общую цену производства для всего производства (или для всей затраты капитала) всегда определяет индивидуальная средняя цена производства одного квартера. Ведь для земли A , в противоположность лучшим сортам земли, цена производства, которая ограничивает для новых затрат капитала уравнение индивидуальной с общей ценою производства, дана не выше. Ведь как раз индивидуальная цена производства на A и есть та самая общая цена производства, которая регулирует рыночную цену.

Предположим:

1) При повышающейся производительной силе последовательных затрат капитала на 1 акре земли A , авансировав капитал в $5 \mathcal{L}$, что соответствует $6 \mathcal{L}$ всей цены производства, можно произвести 3 вместо 2 кварталов. Первая затрата капитала в $2\frac{1}{2} \mathcal{L}$ доставляет 1 кварт., вторая 2 кварт. В этом случае $6 \mathcal{L}$ всей цены производства дают 3 кварт., следовательно, квартал будет стоить в среднем $2 \mathcal{L}$; т.-е. если 3 кварт. будут проданы по $2 \mathcal{L}$, то A по-прежнему не принесет ренты, но изменится

лишь основа дифференциальной ренты II; регулирующей ценой производства сделались 2 £ вместо 3 £; на наихудшей земле капитал в $2\frac{1}{2}$ £ производит теперь в среднем выводе $1\frac{1}{2}$ вместо 1 кварт., и это теперь официальное плодородие для всех более хороших земель при затрате в $2\frac{1}{2}$ £. С этого времени часть их прежнего добавочного продукта входит в образование их необходимого продукта, подобно тому как часть их прежней добавочной прибыли—в образовании средней прибыли.

Если, напротив, произвести расчет таким образом, как на лучших землях, где средний расчет ничего не измеряет в абсолютной величине добавочной части, потому что для них граница затраты капитала дана общей ценой производства, то квартал от первой затраты капитала стоит 3 £, а эти 2 кварт. от второй затраты всего по $1\frac{1}{2}$ £. Таким образом на А возникла бы хлебная рента в 1 кварт. и денежная рента в 3 £, но эти 3 кварт. продавались бы по старой цене за 9 £. Если бы последовала третья затрата капитала в $2\frac{1}{2}$ £ с такой же продуктивностью, как вторая, то были бы произведены теперь в общей сложности 5 кварт. за 9 £ всей цены производства. Если бы индивидуальная средняя цена производства на А осталась регулирующей, то квартал пришлось бы теперь продавать по $1\frac{4}{5}$ £. Средняя цена опять понизилась бы, не вследствие нового повышения производительности третьей затраты капитала, а лишь вследствие новой дополнительной затраты капитала с такой же дополнительной производительностью как вторая. Вместо того, чтобы повысить ренту, как это было бы на землях, приносящих ренту, последовательные затраты капитала относительно более высокой, но неизменяющейся производительности, сделанные на земле А, соответственно понизили бы цену производства, а вместе с тем при прочих равных условиях и дифференциальную ренту на всех других сортах земли. Напротив, если бы первая затрата капитала, которая производит 1 кварт. за 3 £ цены производства, осталась регулирующей сама по себе, то 5 кварт. были бы проданы за 15 £, и дифференциальная рента от позднейших затрат капитала на земле А составила бы 6 £. Присоединение дополнительного капитала к акру земли А, в какой бы форме ни совершилось оно, было бы в этом случае улучшением, и дополнительный капитал сделал бы более производительной и первоначальную часть капитала. Было бы бессмыслицей сказать, что $\frac{1}{3}$ капитала произвела 1 кварт., а остальные $\frac{2}{3}$ произвели 4 кварт. Как-никак, оказалось бы, что 9 £ на акр производят 5 кварт., между тем как 3 £ производят только 1 кварт. Возникла ли бы здесь рента, добавочная прибыль, или нет,—это всецело зависело бы от обстоятельств. Вообще говоря, регулирующая цена производства должна была бы понизиться.

Так будет при том условии, если это улучшенное, а потому сопряженное с увеличенными издержками возделывание применяется на земле А лишь потому, что так же совершается возделывание и на лучших сортах земли: значит, общая революция в земледелии; так что, раз идет речь о естественном плодородии земли А, теперь уже подразумевается, что на нее затрачено 6 или 9 £ вместо 3 £. Это в особенности относится к тому случаю, когда такой новый метод оказывается примененным к большей части возделанных акров земли А, которые доставляют главную массу предложения в данной стране. Но если бы улучшение охватило сначала лишь небольшую долю площади А, то эта лучше возделываемая часть стала бы доставлять добавочную прибыль, которую землевладелец быстро постарался бы превратить целиком или отчасти в ренту и фиксировать в форме ренты. Таким образом, если бы спрос развивался параллельно растущему предложению, то постепенно, по мере того, как земля А во всей своей площади мало-по-малу подвергается новому методу обработки, могла бы образоваться рента на всей земле качества А, и добавочная производительность, вся или отчасти, смотря по условиям рынка, оказалась бы конфискованной. Следовательно, уравнение цены производства на А по средней цене продукта, получаемого с А при увеличении затрат капитала, могло бы быть задержано посредством фиксации в форме ренты той добавочной прибыли, которая получается от этой увеличенной затраты капитала. В этом случае опять оказалось бы, как мы видели это раньше на лучших землях при убывающей производительной силе дополнительных капиталов, что превращение добавочной прибыли в земельную ренту, т.-е. вмешательство земельной собственности, повышает цену производства, так что дифференциальная рента не есть просто следствие различий между индивидуальной и общей ценой производства. Это обстоятельство воспрепятствовало бы совпадению обеих цен для земли А, потому что воспрепятствовало бы регулированию цены производства средней ценой производства на А; следовательно, оно удержало бы цену производства на более высоком уровне, чем это необходимо, и таким образом создало бы ренту. Такой результат мог бы сложиться или удержаться даже при свободном ввозе хлеба из-за границы, потому что той земле, которая, не принося ренты, могла бы выдерживать конкуренцию в возделывании хлеба и в том случае, если цена производства определяется извне, фермеры теперь были бы вынуждены дать другое назначение, например, отвести ее под выпас скота, и таким образом возделыванием хлеба были бы заняты лишь земли, приносящие ренту, то-есть лишь земли, на которых индивидуальная средняя цена производства за квартал стоит ниже цены производства, определяемой извне.

В общем можно признать, что в данном случае цена производства понизится, однако не до уровня средней цены, и будет стоять выше его, но ниже цены производства на хуже возделываемой земле А, что ограничивает конкуренцию новой земли А.

2) При убывающей производительной силе дополнительных капиталов.

Предположим, что земля А—₁ могла бы произвести дополнительный квартал лишь за 4 £, а земля А за $3\frac{3}{4}$ £, т. е. дешевле, чем А—₁, но на $\frac{3}{4}$ £ дороже, чем квартал, произведенный первой затратой капитала на А. В этом случае вся цена двух произведенных на А кварталов была бы $=6\frac{3}{4}$ £; следовательно, средняя цена за кварт. $=3\frac{3}{8}$ £. Цена производства повысилась бы, но всего на $\frac{3}{8}$ £, между тем как если бы дополнительный капитал был затрачен на новой земле, которая производит квартал за $3\frac{3}{4}$ £, она повысилась бы на дальнейшие $\frac{3}{8}$ £, до $3\frac{3}{4}$ £; и этим было бы вызвано соответствующее повышение всех остальных дифференциальных рент.

Цена производства в $3\frac{3}{8}$ £ за квартал на земле А таким образом уравнилась бы по средней цене производства на той же земле при увеличившейся затрате капитала и стала бы регулирующей; следовательно, здесь не получилось бы ренты, потому что не было бы добавочной прибыли.

Но если бы этот квартал, произведенный второй затратой капитала, был продан за $3\frac{3}{4}$ £, то земля А дала бы теперь ренту в $\frac{3}{4}$ £, дала бы ее притом и на все акры А, на которых не было сделано дополнительной затраты капитала и которые, следовательно, по-прежнему производят квартал за 3 £. Пока существуют еще невозделанные участки земли А, цена могла бы лишь временно повыситься до $3\frac{3}{4}$ £. Конкуренция новых участков А удерживала бы цену производства на 3 £, пока не была бы исчерпана вся земля А, которая при своем благоприятном положении может производить квартал дешевле чем за $3\frac{3}{4}$ £. Значит, приходится предположить это, хотя собственник земли, раз один акр земли приносит ренту, не уступит фермеру другого акра без ренты.

Уравниется ли цена производства по средней цене или же регулирующей сделается $3\frac{3}{4}$ £, индивидуальная цена производства при второй затрате капитала, это зависит опять-таки от того, более или менее всеобщее распространение получила вторая затрата капитала на имеющейся земле А. Регулирующей ценой становится $3\frac{3}{4}$ £, только в том случае, если у землевладельца оказывается достаточно времени для того, чтобы фиксировать в форме ренты ту добавочную прибыль, которая получалась бы при цене в $3\frac{3}{4}$ £ за квартал, пока не будет удовлетворен спрос.

Относительно убывающей производительности земли при последовательных затратах капитала следует посмотреть Либиха. Мы видели, что последовательное уменьшение добавочной производительной силы затрат капитала постоянно увеличивает ренту с акра, если цена производства не изменяется, и что оно может привести к этому даже при понижающейся цене производства.

Но в общем необходимо отметить следующее:

С точки зрения капиталистического способа производства относительное вздорожание продуктов происходит каждый раз, когда для получения все того же продукта приходится сделать известную затрату, когда приходится оплатить нечто, что раньше не оплачивалось. Потому что под возмещением капитала, потребленного в производстве, следует понимать возмещение только стоимостей, которые являются в виде определенных средств производства. Элементы природы, принимающие как агенты участие в производстве, не требуют никаких издержек,—эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила капитала, т. е. даровая естественная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает однако, подобно всякой производительной силе, как производительная сила капитала. Следовательно, если в производстве принимает участие такая естественная сила, которая первоначально ничего не стоит, то она не входит в расчет при определении цены, пока продукт, изготовляемый при ее помощи, достаточен для удовлетворения потребности. Но если в ходе развития потребуется больше продукта, чем можно изготовить с помощью этой естественной силы, т. е. если придется производить этот дополнительный продукт без помощи этой естественной силы, или, при посредстве содействия человека, человеческого труда, то в капитал войдет новый дополнительный элемент. Следовательно, для получения прежнего продукта потребуется относительно большая затрата капитала. При прочих равных условиях произойдет вздорожание производства.

(Из тетради, начатой в половине февраля 1876 года).

Дифференциальная рента и рента как просто процент на капитал, вложенный в землю.

Так называемые прочные мелиорации, — которые изменяют физические, отчасти и химические свойства почвы посредством операций, стоящих затраты капитала, и могут рассматриваться как приложение капитала к земле, — почти все сводятся к тому, чтобы определенному участку земли, почве в определенном ограниченном месте придать

Такие свойства, которыми другая почва, в другом месте, зачастую совсем близко, обладает от природы. Одна земля нивелирована от природы, другую еще приходится нивелировать; одна обладает естественными стоками для воды, другая требует искусственного дренажа, одна от природы обладает глубоким пахотным слоем, на другой его необходимо углубить искусственно; одна глинистая почва от природы смешана с подлежащим количеством песка, у другой еще необходимо искусственно создать надлежащее отношение; один луг орошается от природы или покрывается слоем ила, на другом этого приходится достигать посредством труда, или, говоря языком буржуазной экономики, посредством капитала.

Поистине забавна теория, согласно которой в этом случае на одной земле, относительные выгоды которой приобретены, рента есть процент, а на той другой земле, которая обладает этими выгодами от природы, не есть процент. (На практике в применении теории, дело переверачивается таким образом, что раз в одном случае рента действительно совпадает с процентом, ее и в других случаях, когда фактически этого нет, надо называть процентом, переряживать в процент.) Но после того, как произведена затрата капитала, земля приносит ренту не потому, что в нее вложен капитал, а потому, что затрата капитала на землю сделана в сфере затрат, более производительной по сравнению с прежним временем. Предположим, что вся земля известной страны требует такой затраты капитала; в таком случае каждому участку земли, на котором она еще не была сделана предстоит пройти эту стадию, и рента (процент, который в данном случае приносит земля), которую дает земля, уже получившая такую затрата капитала, точно также представляет дифференциальную ренту, как если бы эта земля от природы обладала этим преимуществом, а остальной земле приходилось бы приобретать его лишь искусственным способом.

И эта сводимая к проценту рента становится чистой дифференциальной рентой, как только затраченный капитал будет амортизован. Иначе оказалось бы, что один и тот же капитал как капитал существует вдвойне.

Одно из самых забавных явлений заключается в том, что все противники Рикардо, отвергающие определение стоимости исключительно трудом, по отношению к дифференциальной ренте, вытекающей из различий земли, подчеркивают, что здесь стоимость определяется природой, а не трудом; и в то же время приписывают это определение положению или—и в еще большей мере—даже проценту

на капитал, вложенный при возделывании в землю. Один и тот же труд дает одинаковую стоимость для продукта, созданного в течение данного времени; но величина или количество этого продукта, а потому и та часть стоимости, которая приходится на соответствующую часть этого продукта, при данном количестве труда зависит единственно от количества продукта, а последнее в свою очередь от производительности данного количества труда, не от абсолютной величины этого количества. Обязана ли эта производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично. Только в том случае, когда она сама стоит труда, следовательно, капитала, она увеличивает цену производства новой составной частью, чего природа сама по себе не делает.

Глава сорок пятая.

Абсолютная земельная рента.

При анализе дифференциальной ренты мы исходили из предположения, что наихудшая земля не уплачивает земельной ренты или выражалась более обще, что земельную ренту уплачивает только такая земля, для продукта которой индивидуальная цена производства ниже цены производства, регулирующей рынок, благодаря чему возникает добавочная прибыль, которая превращается в ренту. Необходимо прежде всего заметить, что закон дифференциальной ренты как дифференциальной ренты совершенно не зависит от правильности или неправильности этого предположения.

Если общую, регулирующую рынок цену производства мы обозначим посредством P , то P для продукта наихудшего сорта земли A совпадает с индивидуальной ценой производства на этой земле; т. е. цена оплачивает потребленный в производстве постоянный и переменный капитал плюс средняя прибыль (= предпринимательскому доходу плюс процент).

Рента в этом случае равна нулю. Индивидуальная цена производства ближайшего более хорошего сорта земли $B = P'$, и $P > P'$; т. е. P окупает более, чем действительную цену производства продукта на классе земли B . Пусть теперь $P - P' = d$; поэтому d , избыток P над P' , есть та добавочная прибыль, которую добывает фермер этого класса B . Это d превращается в ренту, которую приходится уплачивать собственнику земли. Пусть для третьего класса земли C действительной ценой производства будет P'' , и пусть $P - P'' = 2d$; следовательно, эти $2d$ превращаются в ренту; точно также для четвертого

класса D индивидуальная цена производства пусть будет P''' , а $P - P''' = 3d$, которые превращаются в земельную ренту, и т. д. Предположим теперь, что предположение, будто для класса земли A рента $= 0$, а потому цена ее продукта $= P + 0$, ошибочно. Пусть, напротив, и она дает ренту $= r$. В таком случае вытекают двоякого рода следствия.

Во-первых: оказалось бы, что цена продукта земли класса A не регулируется ценой производства на этой земле, а содержит некоторый избыток над этой ценой, равна $P + r$. Потому что, раз предполагается нормальный ход капиталистического производства, т. е. раз предполагается, что излишек r , уплачиваемый фермером земельному собственнику, не представляет вычета ни из заработной платы, ни из средней прибыли на капитал, то фермер может выплачивать его лишь благодаря тому, что его продукт продается дороже цены производства, что он, следовательно, дал бы ему добавочную прибыль, если бы не приходилось отдавать этот излишек в форме ренты земельному собственнику. В таком случае регулирующая рыночная цена всего находящегося на рынке продукта всех сортов земли была бы не той ценой производства, которую дает капитал вообще во всех сферах производства, т. е. не ценой, равной издержкам плюс средняя прибыль, но была бы ценой производства плюс рента, $P + r$, не P . Потому что цена продукта класса A есть вообще предел регулирующей общей рыночной цены, той цены, по которой может быть доставлен весь продукт, и в этом смысле она регулирует цену этого всего продукта.

Однако, во-вторых, хотя общая цена продукта земли подверглась бы в этом случае существенной модификации, этим отнюдь не был бы упразднен закон дифференциальной ренты. Потому что, раз цена продукта класса A, а вместе с тем и общая рыночная цена, $= P + r$, то цена классов B, C, D и т. д. тоже была бы $= P + r$. Но так как $P - P'$ для класса B $= d$, то $(P + r) - (P' + r)$ тоже было бы $= d$, а для C в свою очередь $P'' - P'' = (P + r) - (P'' + r)$ было бы $= 2d$, как для D, наконец, $P - P''' = (P + r) - (P''' + r) = 3d$ и т. д. Итак, дифференциальная рента осталась бы прежняя и регулировалась бы все тем же законом, хотя рента заключала бы теперь в себе элемент, независимый от этого закона, и одновременно с ценой продукта земли вообще повысилась бы. Отсюда следует, что, как бы ни обстояло дело с рентой наименее плодородных сортов земли, от этого не только не зависит закон дифференциальной ренты, но и более того: единственный способ понять самое дифференциальную ренту в соответствии с ее характером заключается в том, что рента класса земли A предполагается равной нулю. Действительно ли она $= 0$ или > 0 , безразлич-

но, поскольку дело идет о дифференциальной ренте, и в самом деле не принимается во внимание.

Итак, закон дифференциальной ренты не зависит от результата дальнейшего исследования.

Теперь, если ставить вопрос, на чем собственно основывается предположение, что продукт земли наихудшего класса не дает ренты, то ответ необходимо гласит так: если рыночная цена продукта земли, скажем хлеба, достигает такого уровня, что для дополнительно авансированного капитала А, затраченного на классе земли А, она оплачивает обычную цену производства, т.-е. дает капиталу обычную среднюю прибыль, то этого условия достаточно для того, чтобы на классе земли А мог быть затрачен дополнительный капитал. Т.-е. капиталисту достаточно того условия, что новый капитал затрачивается с обычной прибылью и используется нормальным способом.

Здесь следует заметить, что и в этом случае рыночная цена должна стоять выше, чем цена производства на А. Потому что, раз создается дополнительное предложение, отношение спроса и предложения очевидно изменится. Прежде предложение было недостаточно, теперь оно достаточно. Следовательно, цена должна повыситься. Но чтобы она могла понизиться, для этого требуется, чтобы она раньше стояла на более высоком уровне, чем цена производства на А. Но то обстоятельство, что класс А, вновь вступающий под обработку, менее плодороден, приводит к тому, что цена не упадет вновь до такого низкого уровня, как в то время, когда рынок регулировала цена производства класса В. Цена производства на А образует границу не для временного, а для относительно прочного повышения рыночной цены. — Напротив, если вновь возделываемая земля плодороднее, чем класс А, который был до того времени регулирующим, и однако ее достаточно лишь для покрытия дополнительного спроса, то рыночная цена остается без изменения. Исследование вопроса, приносит ли ренту низший класс земли, и в этом совпадает с тем, которым мы заняты в настоящее время, потому что и в этом случае предположение, что класс земли А не приносит ренты, обосновывалось бы тем, что рыночная цена дает капиталистическому фермеру возможность как раз покрыть потребленный капитал плюс средняя прибыль: коротко говоря, тем, что рыночная цена дает ему цену производства его товара.

Во всяком случае капиталистический арендатор, поскольку он обсуждает дело как капиталист, может при этих условиях возделывать землю класса А. Итак, условие для нормального использования капитала на сорте земли А имеется в наличии. Но из той посылки, что арендатор мог бы затратить капитал на сорт земли А, при чем получились бы средние условия увеличения стоимости капитала, хотя

и не было бы возможности платить ренту, отнюдь не следует заключенно, что эта земля, принадлежащая классу А, так и будет без дальнейших околичностей предоставлена в распоряжение арендатора. То обстоятельство, что арендатор мог бы использовать свой капитал с обычной прибылью, если ему не придется платить ренту, в глазах земельного собственника вовсе не основание для того, чтобы даром снабдить своей землей арендатора и, проявив филантропическое отношение к этому приятелю-практику, ввести *crédit gratuit*. Подобное предположение равносильно абстрагированию от земельной собственности, уничтожению земельной собственности, между тем как именно ее существование, и ставит границу для затраты капитала и для свободного применения его к земле,—границу, которая отнюдь не рушится от одного простого соображения арендатора, что, если бы ему не пришлось уплачивать ренту, т.-е. если бы он мог на практике признать земельную собственность несуществующей, состояние хлебных цен позволило бы ему извлечь из своего капитала посредством эксплуатации сорта земли А обычную прибыль. Но монополия земельной собственности, земельная собственность как граница капитала предполагается уже дифференциальной рентой, так как без этого добавочная прибыль не превратилась бы в земельную ренту и не досталась бы земельному собственнику вместо арендатора. И земельная собственность как граница продолжает существовать, хотя бы как дифференциальная рента, т.-е. на земле А, отпала. Если мы рассмотрим случаи, когда в стране капиталистического производства капитал может вкладываться в землю без платежа ренты, то мы найдем, что все они предполагают, хотя и не юридическое, то фактическое уничтожение собственности на землю, уничтожение, которое однако может произойти лишь при совершенно определенных и по своей природе случайных обстоятельствах.

Во-первых: если сам земельный собственник—капиталист, или сам капиталист—земельный собственник. Если рыночная цена поднялась настолько достаточно, что на том, что является теперь землей сорта А, можно выручить цену производства, т.-е. возмещение капитала плюс средняя прибыль, то он может в этом случае сам вести хозяйство на своем участке земли. Но почему? Потому что по отношению к нему земельная собственность не создает какой-либо границы для приложения его капитала. Он может распоряжаться с землей как с элементом исключительно природы и потому может руководствоваться единственно соображениями об использовании своего капитала, капиталистическими соображениями. Такие случаи встречаются на практике, но только как исключения. Так же, как капиталистическое возделывание земли предполагает разделение функцио-

нирующего капитала и земельной собственности, совершенно так же оно исключает, вообще говоря, ведение хозяйства самим земельным собственником. Сразу видно, что это совершенно случайно. Если увеличившийся спрос на хлеб требует возделывания бóльшего количества земли А, чем ее имеется у собственников, которые сами ведут хозяйство, т.-е. если часть ее должна быть отдана в аренду для того, чтобы она вообще могла обрабатываться, тогда тотчас же отпадает эта гипотетичность того воззрения, что земельная собственность создает границу для приложения капитала. Получается плоское противоречие, когда исходной точкой берут соответствующее капиталистическому способу производства обособление между капиталом и землей, арендатором и земельным собственником, а потом, наоборот, предполагают, что до того предела и во всех тех случаях, когда капитал, если бы независимо от него не существовало никакой земельной собственности, не извлекал бы из возделывания земли никакой ренты,—что здесь хозяйство ведут, как общее правило, сами земельные собственники. (См. у А. Смита место о ренте с рудников, цитированное значительно ниже.) Это уничтожение земельной собственности имеет случайный характер. Оно может произойти и не произойти.

Во-вторых: в составе арендуемых земель могут быть такие отдельные участки земли, которые при данном уровне рыночных цен не приносят ренты, следовательно, фактически сдаются даром, но которых земельный собственник не считает такими, потому что он видит общую сумму ренты с земли, сдаваемой в аренду, а не особые ренты составляющих ее отдельных участков. В этом случае для фермера, поскольку дело касается тех составляющих арендуемую землю участков, которые не приносят ренты, земельная собственность как граница приложения капитала отпадает, и притом отпадает в силу самого договора с земельным собственником. Но он не платит ренты за эти участки только потому, что он платит ренту за землю, в состав которой они входят. В этом случае предполагается как раз такая комбинация, когда приходится прибегнуть к более плохому сорту земли А не как к самостоятельному, новому полю производства, которое восполнило бы недостаточное предложение и когда, напротив, он составляет лишь неотделимую полосу в более хорошей земле. Случай же, который мы должны исследовать, как раз тот, когда приходится самостоятельно вести хозяйство на участках сорта земли А, следовательно, при наличии общих предпосылок капиталистического способа производства самостоятельно сдавать их в аренду.

В-третьих: арендатор может затратить дополнительный капитал на прежний арендуемый участок, хотя при существующих рыночных ценах получаемый таким образом продукт доставляет ему лишь

цену производства, приносит обычную прибыль, но не дает возможности платить дополнительную ренту. Таким образом на одну часть капитала, вложенного в землю, он уплачивает земельную ренту, на другую — нет. Но насколько мало это предположение разрешает проблему, видно из следующего: если рыночная цена (а также плодородие земли) дает ему возможность на дополнительный капитал получать дополнительный продукт, который, подобно старому капиталу, приносит кроме цены производства известную дополнительную прибыль, он до истечения срока договора об аренде оставляет ее у себя. Но почему? Потому, что, пока продолжается срок арендного договора, отпадает та граница для приложения его капитала к земле, которую создает земельная собственность. Однако то простое обстоятельство, что для обеспечения ему этой добавочной прибыли необходимо, чтобы дополнительная земля худшего качества самостоятельно подверглась возделыванию и была самостоятельно сдана в аренду, неопровержимо доказывает, что затраты дополнительного капитала на старой земле недостаточно для создания необходимого повышенного предложения. Одно предположение исключает другое. Правда, теперь можно было бы сказать: сама рента с наилучшего сорта земли А есть дифференциальная рента по сравнению ли с землей, которая возделывается самим собственником (однако это встречается в чистом виде лишь как случайное исключение), по сравнению ли с дополнительной затратой капитала на тех старых арендных участках, которые не приносят ренты. Но это была бы 1) такая дифференциальная рента, которая возникла бы не из различия плодородия различных сортов земли, и которая поэтому не предполагала бы, что земля сорта А не приносит ренты, и что продукт ее продается по цене производства; и 2) то обстоятельство, приносят ли ренту дополнительные затраты капитала на том же арендуемом участке или нет, совершенно так же безразлично в том отношении, уплачивает ли ренту вновь возделываемая земля класса А или нет, как, напр., для вновь устраиваемого нового самостоятельного фабричного предприятия безразлично, вложит ли другой фабрикант той же отрасли предприятий в процентные бумаги часть своего капитала, которую он не может целиком использовать в своем предприятии, или же он произведет ряд таких отдельных расширений, которые не приносят ему полной прибыли, но все же дают больше, чем обычный размер процента. Это для него дело второстепенное. Напротив, дополнительные новые предприятия должны приносить среднюю прибыль и устраиваются в надежде на среднюю прибыль. Конечно, дополнительные затраты капитала на старых арендах и дополнительное возделывание новой земли сорта А создают границы одно для другого. Предел, до которого на старой аренде может

затрачиваться дополнительный капитал при менее благоприятных условиях производства, определяется конкурирующими новыми затратами на земле класса А; с другой стороны рента, которую может приносить земля этого класса, ограничивается конкурирующими дополнительными затратами капитала на старых арендуемых землях.

Однако все эти фальшивые увертки не разрешают проблемы, которая в простой постановке такова: предположим, что рыночная цена хлеба (который в этом исследовании является для нас представителем продукта земли вообще) достаточна для того, чтобы поступили под возделывание части земли класса А и чтобы капитал, затраченный на эти новые поля, выручил цену производства продукта, т. е. возмещение капитала плюс средняя прибыль. Итак, предположим, что в наличности имеются условия для нормального использования капитала на земле класса А. Достаточно ли этого? Действительно ли можно в таком случае затратить этот капитал? Или же рыночная цена должна повыситься настолько, чтобы ренту приносила и наихудшая земля А? Т. е. кладет ли монополия земельного собственника такую границу затрате капитала, которой не было бы с чисто капиталистической точки зрения, если бы не существовало этой монополии? Уже из условий поставленного вопроса вытекает, что, если, напр., на старых арендуемых землях затрачены дополнительные капиталы, которые при данной рыночной цене не приносят никакой ренты, а дают лишь среднюю прибыль, это обстоятельство несколько не решает вопроса, будет ли в действительности затрачен капитал на землю класса А, которая тоже стала бы приносить среднюю прибыль, но никакой ренты. Но в этом как раз и заключается вопрос. Что дополнительные затраты капитала, не приносящие ренты, не в состоянии удовлетворить спрос, это доказывается необходимостью привлечения новой земли класса А. Если дополнительное возделывание земли А начинается только в том случае, если она приносит ренту, следовательно, излишек над ценой производства, то можно представить только два случая. Или рыночная цена должна стоять на таком уровне, чтобы даже последние дополнительные затраты капитала на старых арендах приносили добавочную прибыль, попадает ли последняя в руки фермера или землевладельца. В таком случае это повышение цены и эта добавочная прибыль от последней дополнительной затраты капитала были бы следствием того, что земля А не может быть привлечена к возделыванию, если она не даст ренты. Потому что если бы для возделывания было бы достаточно того, чтобы выручалась цена производства и получалась бы просто средняя прибыль, то цена не повысилась бы до такой степени и конкуренция новых участков земли уже началась бы, едва лишь они стали бы

приносить только эти цены производства. В таком случае с дополнительными затратами капитала на старых арендах, не приносящими ренты, стали бы конкурировать затраты капитала на земле А, которые тоже не приносят ренты. — Или же последние затраты капитала на старых арендах не приносят ренты, но тем не менее рыночная цена поднялась достаточно высоко для того, чтобы земля А начала возделываться и приносить ренту. В этом случае дополнительная затрата капитала, не приносящая ренты, возможна лишь потому, что земля А не может возделываться, пока рыночная цена не позволит ей приносить ренту. Без последнего условия культура ее началась бы уже при более низком уровне цены; и те позднейшие затраты капитала на старых арендуемых участках, которые для того, чтобы приносить обычную прибыль без ренты, требуют высокой рыночной цены, не могли бы иметь места. Ведь и при высокой рыночной цене они приносят лишь среднюю прибыль. Следовательно, при более низкой цене, которая при культуре земли А стала бы регулировать цену производства на ней, они не приносили бы этой прибыли, следовательно, при этом предположении вообще не могли бы быть сделаны. Конечно, рента с земли А образовала бы таким образом дифференциальную ренту, по сравнению с этими затратами капитала на старых арендуемых участках, не приносящими ренты. Но если участки земли А создают такую дифференциальную ренту, это лишь следствие того, что они вообще недоступны для возделывания, если только не станут приносить ренту, т. е. того, что возникает необходимость этой ренты, которая сама по себе не обуславливается какой бы то ни было разницей между сортами земли и которая создает границу для возможного приложения дополнительных капиталов на старых арендах. В обоих случаях рента с земли А была бы не простым следствием повышения цены хлеба, а наоборот: то обстоятельство, что наилучшая земля должна приносить ренту для того, чтобы ее вообще позволили возделывать, было бы причиной повышения цены хлеба до такого пункта, на котором явится возможность осуществить это условие.

Дифференциальная рента имеет ту особенность, что земельная собственность здесь лишь просто улавливает ту добавочную прибыль, которую иначе захватил бы, и при известных обстоятельствах, пока не истечет срок его арендного договора, действительно захватывает арендатор. Земельная собственность в этом случае — причина лишь перенесения известной части цены товара, при чем эта часть возникает без содействия этой собственности (напротив, вследствие того, что цена производства, регулирующая рыночную цену, определяется конкуренцией) и сводится к добавочной прибыли. — причина перенесения этой части цены от одного лица к другому, от капиталиста к

земельному собственнику. Но земельная собственность в этом случае не причина, которой создается эта составная часть цены или то повышение цены, которое является предпосылкой этой части цены. Напротив, если наихудшая земля класса А не может возделываться, — хотя возделывание ее принесло бы цену производства, — пока она не приносит известного избытка над этой ценой производства, известной ренты, то земельная собственность является творческой причиной этого повышения цены. Сама земельная собственность создала ренту. Дело несколько не изменяется от того, как во втором разобранном случае, рента, уплачиваемая теперь с земли А, представляет дифференциальную ренту, по сравнению с теми последними дополнительными затратами капитала на старых арендах, которые выручают лишь цену производства. Потому что только то обстоятельство, что возделывание земли А не может начаться, пока регулирующая рыночная цена не поднимается настолько высоко, что земля А будет в состоянии приносить ренту, — только это обстоятельство и является здесь причиной, почему рыночная цена повышается до пункта, на котором последние затраты капитала на старых арендах выручают, правда, лишь свою цену производства, по такую цену производства, которая в то же время приносит ренту для земли А. То обстоятельство, что последняя вообще должна уплачивать ренту, является здесь причиной образования дифференциальной ренты между землей А и последними затратами капитала на прежних арендах.

Если мы вообще говорим, что — предполагая регулирование хлебной цены ценой производства — земля класса А не уплачивает ренты, то мы имеем в виду ренту в категорическом значении слова. Если фермер уплачивает арендную плату, представляющую вычет из нормальной ли заработной платы его рабочих, из его ли собственной, нормальной средней прибыли, то он не уплачивает никакой ренты, никакой части, которая была бы самостоятельной составной частью цены товара, отличалась бы от заработной платы и прибыли. Уже раньше мы отмечали, что на практике это встречается постоянно. Если заработная плата сельскохозяйственных рабочих в известной стране вообще понижена ниже нормального среднего уровня заработной платы, и потому вычет из заработной платы, часть заработной платы входит, как общее правило, в состав ренты, то для арендатора наилучшей земли в этом не будет ничего исключительного. В той самой цене производства, которая делает возможным возделывание наихудшей земли, уже учитывается, как составная статья, эта низкая заработная плата, и потому продажа продукта по цене производства не дает возможности арендатору этой земли уплачивать ренту. Земельный собственник может также сдать свою землю в аренду рабочему,

который будет готов все то или большую часть того, что оставляет ему продажная цена сверх заработной платы, в форме ренты уплатить другому лицу. Однако во всех этих случаях уплачивается отнюдь не действительная рента, хотя уплачивается арендная плата. Но при существовании отношений, соответствующих капиталистическому способу производства, рента и арендная плата должны были совпадать. А здесь мы и должны исследовать как раз это нормальное отношение.

Если даже рассмотренные выше случаи, когда, при капиталистическом способе производства, капитал действительно может прилагаться к земле, несмотря на то, что он не приносит ренты,—если даже эти случаи ничего не дают для решения нашей проблемы, то еще меньше даст ссылка на колониальные отношения. Что делает колонию колонией—мы говорим здесь лишь о собственно сельскохозяйственных колониях,—так это не только масса плодородных земель, находящихся в естественном состоянии. Нет, колониями делает их скорее то обстоятельство, что эти земли не присвоены, не превращены в земельную собственность. Именно это и проводит такое колоссальное различие между старыми землями и колониями, поскольку дело идет о земле: юридическое или фактическое отсутствие земельной собственности, как справедливо отметил Wakefield ³⁵⁾ и уже задолго до него открыли Мирабо-отец, физиократ, и другие старые экономисты. При этом совершенно безразлично, присваивают ли колонисты землю просто себе, или же они под видом номинальной цены земли в действительности уплачивают государству всего лишь пошлину за приобретение юридического титула на землю. Безразлично также и то обстоятельство, что уже поселившиеся колонисты являются юридическими собственниками земли. Земельная собственность фактически не представляет здесь границы для приложения капитала, а также труда без капитала; захват части земли уже осевшими колонистами не исключает для новых пришельцев возможности превратить новую землю в сферу приложения их капитала или их труда. Поэтому, когда приходится исследовать, каким образом земельная собственность действует на цены продуктов земли и на ренту в тех случаях, когда эта собственность ограничивает землю как сферу для приложения капитала, было бы в высшей степени плоско ссылаться на свободные буржуазные колонии, где нет ни капиталистического способа производства в земледелии, ни соответствующей ему формы земельной собственности, которая вообще фактически здесь не существует. Так делает, напр., Рикардо в главе о земельной ренте. В

³⁵⁾ Wakefield: England and America. London 1833. (Сравни также книга Я. глава XXV.

в начале он говорит, что намерен исследовать влияние, оказываемое присвоением земли на стоимость продуктов земли, и непосредственно вслед за тем берет в качестве иллюстрации колонии, при чем предполагает, что земля существует там в сравнительно первобытных условиях и ее эксплуатацию не ограничивает монополия земельной собственности.

Чисто юридическая собственность на землю не создает земельной ренты для собственника. Но, разумеется, дает ему власть устранить свою землю от эксплуатации до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный излишек, при чем безразлично, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как постройки и т. д. Он не может увеличить или уменьшить абсолютного размера этой сферы предприятий, но может изменить то количество ее, которое находится на рынке. Отсюда, как отметил уже Фурье, тот характерный факт, что во всех цивилизованных странах сравнительно значительная часть земли всегда устранена от возделывания.

Итак, предполагая такой случай, когда спрос требует обработки новых земель, скажем, менее плодородных, чем возделывавшиеся до того времени, — станет ли земельный собственник сдавать эти земли в аренду даром потому, что рыночная цена продукта земли поднялась достаточно высоко, так что затрата капитала на эту землю дает арендатору цену производства, а потому приносит обычную прибыль? Отнюдь нет. Затрата капитала должна принести ему ренту. Он сдает в аренду лишь при том условии, если ему будет уплачиваться арендная плата. Следовательно, чтобы можно было уплачивать земельному собственнику ренту, рыночная цена должна подняться выше цены производства, до $P + r$. Так как, согласно предположению, земельная собственность без сдачи в аренду ничего не принесит, в экономическом отношении не имеет никакой стоимости, то небольшого повышения рыночной цены над ценой производства достаточно для того, чтобы двинуть на рынок новую землю наилучшего сорта.

Теперь встает такой вопрос: из того, что наилучшая земля приносит земельную ренту, которая не может быть выведена из различия плодородия, не следует ли, что цена продукта земли необходимо является монопольной ценой в обычном значении слова, или ценой, в состав которой входит рента в такой же форме, как налог, с той только разницей, что этот налог взимает земельный собственник, а не государство? Что такой налог имеет свои определенные экономические границы, это само собой разумеется.

Он ограничивается дополнительными затратами капитала на прежних арендах, конкуренцией заграничных продуктов земли — предполагается свободный ввоз их, — конкуренцией земельных собственников между собою, наконец, потребностью и платежеспособностью потребителей. Но здесь речь идет не о том. Речь идет о том, входит ли рента; уплачиваемая на худшей земле, в цену ее продукта, которая согласно предположению регулирует общую рыночную цену, — входит ли она таким же образом, как налог в цену товара, обложенного им, т. - е. как элемент, независимый от стоимости этого товара.

Это отнюдь не необходимый вывод и делался он лишь потому, что до сих пор не было понято различие между стоимостью товаров и их ценой производства. Мы видели, что цена производства известного товара отнюдь не тождественна с его стоимостью, хотя цены производства товаров, рассматриваемые в целом, регулируются только их общей стоимостью, и хотя движение цен производства отдельных сортов товаров, предполагая все прочие условия неизменными, определяется исключительно движением их стоимостей. Мы показали, что цена производства известного товара может быть выше или ниже его стоимости и лишь в виде исключения совпадает с его стоимостью. Поэтому тот факт, что продукты земли продаются выше их цены производства, отнюдь еще не доказывает, что они продаются выше их стоимости; как тот факт, что промышленные продукты продаются по их цене производства, отнюдь не доказывает, что они продаются по своей стоимости. Возможно, что сельскохозяйственные продукты продаются выше их цены производства и ниже их стоимости, как, с другой стороны, многие промышленные продукты приносят цену производства только потому, что они продаются выше их стоимости.

Отношение цены производства известного товара к его стоимости определяется исключительно тем отношением, в котором переменная часть капитала, произведшего товар, стоит к его постоянной части, или органическим составом капитала, которым произведен товар. Если состав капитала в известной сфере производства ниже, чем состав среднего общественного капитала, т. - е. если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на вещественные условия труда, выше, чем в общественном среднем капитале, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. Т. - е. такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при равной эксплуатации труда большую прибавочную стоимость, а потому больше прибыли, чем равновеликая

соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна возмещению капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведенная в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше прибавочной стоимости, производимой капиталом этого низкого состава. Обратное получается в том случае, когда капитал, вложенный в определенную сферу производства, более высокого состава, чем средний общественный капитал. Стоимость произведенных им товаров ниже их цены производства, что представляет общее явление для продуктов наиболее развитых отраслей промышленности.

Если капитал в определенной сфере производства имеет более низкий состав, чем средний общественный капитал, то это прежде всего является лишь иным способом выражения того факта, что производительная сила общественного труда, в этой особой сфере производства ниже среднего уровня; потому что достигнутая ступень производительной силы находит себе выражение в относительном перевесе постоянной части капитала над переменной, или в постоянном уменьшении той составной части данного капитала, которая затрачивается на заработную плату. Если, наоборот, капитал в определенной сфере производства имеет более высокий состав, то это является выражением развития производительной силы, превышающего средний уровень.

Оставляя в стороне собственно художественные работы, рассмотрение которых по существу дела не относится к нашей теме, в общем само собой разумеется, что различные сферы производства требуют по их техническим особенностям различного отношения между постоянным и переменным капиталом, и что живой труд должен занимать в одних сферах большее место, в других меньшее. Напр., в добывающей промышленности, которую следует строго отличать от земледелия, совершенно отпадает сырой материал как элемент постоянного капитала, да и вспомогательный материал лишь кое-где играет значительную роль. Однако и здесь ход развития может измеряться относительным ростом постоянного капитала по сравнению с переменным.

Если состав капитала в собственно земледелии ниже, чем состав среднего общественного капитала, то это prima facie было бы выражением того, что в странах развитого производства земледелие не ушло вперед в такой мере, как обрабатывающая промышленность. Такой факт, оставляя в стороне все другие, притом отчасти решающие экономические обстоятельства, находил бы себе достаточ-

ное объяснение уже в более раннем и быстром развитии механических наук и в особенности их применения, по сравнению с более поздним и отчасти совсем недавним развитием химии, геологии и физиологии и в особенности опять-таки с их применением к земледелию. Впрочем, несомненный и давно известный ³⁶⁾ факт заключается в том, что прогресс самого земледелия постоянно выражается в относительном росте постоянной части капитала по сравнению с переменной. Ни же ли состав земледельческого капитала в определенной стране капиталистического производства, напр., в Англии, (по сравнению с средним общественным капиталом, — это вопрос, который можно решить лишь статистически, и которым детально заниматься было бы излишне в виду нашей цели. Как бы то ни было, теоретически установлено, что только при этом предположении стоимость земледельческих продуктов может быть выше их цены производства; т.-е. что прибавочная стоимость, производимая в земледелии капиталом определенной величины или, что сводится к тому же, прибавочный труд (а следовательно, и прилагаемый живой труд вообще), приводимый им в движение и подчиненный ему, больше, чем при равновеликом капитале среднего общественного состава.

Итак, для той формы ренты, которую мы исследуем здесь и которая может получиться только при этом предположении, достаточно, если мы сделаем это предположение. Где оно отпадает, там отпадает и соответствующая ему форма ренты.

Однако один простой факт излишка стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства сам по себе далеко не достаточен для того, чтобы объяснить существование земельной ренты, независимой от различия в плодородии различных классов земли или последовательных затрат капитала на одной и той же земле, короче, такой ренты, которая в понятии отлична от дифференциальной ренты и которую мы можем назвать поэтому абсолютной рентой. Целый ряд мануфактурных продуктов обладает тем свойством, что их стоимость выше их цены производства, и несмотря на то они не приносят такого избытка над средней прибылью или такой избыточной прибылью, которые могли бы превратиться в ренту. Наоборот. Существование и понятие цены производства и предполагаемой последней общей нормы прибыли покоятся на том, что отдельные товары продаются не по их стоимости. Цены производства возникают из уравнения товарных стоимостей, которое, по возмещении соответственных капитальных стоимостей, потребленных в различных сферах производ-

³⁶⁾ См. Dombasle и R. Jones.

ства, распределяет всю прибавочную стоимость пропорционально не тому, сколько ее создано в отдельных сферах производства и, в связи с этим, сколько ее заключается в продуктах последних, а пропорционально величине авансированных капиталов. Только таким образом возникает средняя прибыль и цена производства товаров, которая характеризуется тем, что в нее составной частью входит средняя прибыль. Постоянная тенденция капиталов—посредством конкуренции привести к этому уравнению в распределении прибавочной стоимости, созданной всем капиталом, и преодолеть все помехи этому уравнению. Отсюда и тенденция их допускать только такие добавочные прибыли, которые возникают при всяких обстоятельствах, не из различия между стоимостями и ценами производства товаров, а, напротив, из различия между общей, регулирующей рынок ценой производства и отличными от нее индивидуальными ценами производства; такие добавочные прибыли, которые получаются поэтому не из различия между двумя различными сферами производства, а в пределах каждой сферы производства; которые, следовательно, не затрагивают общих цен производства, складывающихся в различных сферах, т.-е. общей нормы прибыли, а, напротив, предполагают превращение стоимостей в цены производства и предполагают общую норму прибыли. Однако, как показано раньше, это предположение основывается на постоянном изменении пропорционального распределения всего общественного капитала между различными сферами производства, на постоянной иммиграции и эмиграции капиталов, на возможности переносить их из одной сферы в другую, короче, на свободе передвижения их между этими различными сферами производства, как между соответствующими свободными областями для приложения самостоятельных частей всего общественного капитала. При этом предполагается, что никакие—за исключением, пожалуй, чисто случайных и временных—ограничения не препятствуют конкуренции капиталов достигать таких, напр., результатов: в такой сфере производства, в которой стоимость товаров выше их цены производства, или в которой производится прибавочная стоимость, большая, чем средняя прибыль,—сводить стоимость до размеров цены производства и вместе с тем избыточную прибавочную стоимость этой сферы производства распределять пропорционально между всеми сферами, которые эксплуатируются капиталом. Но если на практике встречается противоположное этому, если капитал наталкивается на чуждую силу, которую он совсем не может преодолеть или может преодолеть лишь отчасти и которая ограничивает его приложение в особых сферах производства, допускает его лишь на условиях, вполне или отчасти исключающих упомянутое общее уравнение прибавочной стоимости по средней прибыли, то, очевидно, в

таких сферах производства благодаря избытку товарной стоимости над ценой производства этих товаров возникает добавочная прибыль, которая может превратиться в ренту и в качестве последней обособиться от прибыли. Но как таковая чуждая сила и ограничение капиталу при его приложении к земле противостоит земельная собственность, или капиталисту—земельный собственник.

Земельная собственность служит здесь барьером, который, если не уплачивается пошлины, т.-е. не взимается ренты, не допускает новой затраты капитала на невозделанной до того времени или переданной в аренду земле, хотя земля эта, вновь привлекаемая к обработке, принадлежит к тому классу, который не приносит дифференциальной ренты, и который, если бы не существовало земельной собственности, мог бы возделываться уже при таком сравнительно незначительном повышении рыночной цены, когда регулирующая рыночная цена покрывала бы лишь цену производства для возделывателя этой наихудшей земли. Между тем вследствие границы, которая ставится земельной собственностью, рыночная цена должна повыситься до такого пункта, когда земля может уплачивать излишек сверх цены производства, т.-е. ренту. Но так как согласно предположению стоимость товаров, производимых сельскохозяйственным капиталом, выше их цены производства, то эта рента (за исключением того случая, который будет сейчас исследован) представляет излишек стоимости над ценой производства или часть этого излишка. Равна ли рента всей разности между стоимостью и ценой производства или только большей или меньшей части этой разности, всецело зависит от соотношения между спросом и предложением и от размера площади, вновь привлеченной к возделыванию. Если бы рента не была равна излишку стоимости сельскохозяйственных продуктов над их ценой производства, часть этого излишка во всяком случае принимала бы участие в общем уравнении и пропорциональном распределении всей прибавочной стоимости между различными индивидуальными капиталами. Если бы рента была равна избытку стоимости над ценой производства, то вся эта часть, весь этот излишек прибавочной стоимости над средней прибылью был бы отвлечен от этого уравнения. Но равна ли эта абсолютная рента всему излишку стоимости над ценой производства или же равна лишь части его, и в том и в другом случае сельскохозяйственные продукты продавались бы по монополюльной цене не потому, что их цена выше их стоимости, а потому, что она равна их стоимости, или потому, что она ниже их стоимости, но выше их цены производства. Их монополюльное положение заключалось бы в том, что они, в противоположность другим промышленным продуктам, стоимость которых выше общей цены производства, не нивелирова-

лись бы по цене производства. Так как часть и стоимости и цены производства фактически является данной постоянной величиной, — именно, издержки производства, потребленный на производство капитал, $=k$, — то разность их заключается в другой, переменной части, в прибавочной стоимости, которая в цене производства составляет p , прибыль, т.-е. равна всей прибавочной стоимости, которая в данном случае исчисляется на общественный капитал и на каждый отдельный капитал, как на его пропорциональную часть, но которая в стоимости товара равна действительной прибавочной стоимости, произведенной этим отдельным капиталом, и представляет интегральную часть произведенных им товарных стоимостей. Если стоимость товара выше его цены производства, то цена производства $=k + p$, стоимость $=k + p + d$, так что $p + d =$ заключающейся в нем прибавочной стоимости. Следовательно, разность между стоимостью и ценой производства $=d$, излишку прибавочной стоимости, произведенной этим капиталом, над той, которая выпадает на его долю в соответствии с общей нормой прибыли. Из этого следует, что цена сельскохозяйственных продуктов может быть выше их цены производства, хотя она не достигает размеров их стоимости. Из этого следует дальше, что до известной границы может происходить длительное повышение цены сельскохозяйственных продуктов, прежде чем их цена достигнет уровня их стоимости. Из этого следует также, что только вследствие монополии земельной собственности излишек стоимости сельскохозяйственных продуктов над их ценой производства может сделаться моментом, определяющим их общую рыночную цену. Из этого следует наконец, что в этом случае не вздорожание продукта является причиной ренты, а рента причиной вздорожания продукта. Если цена продукта с единицы площади наихудшей земли $=P + g$, то все дифференциальные ренты увеличиваются соответствующими слагаемыми g , так как согласно предположению регулирующей рыночной ценой становится $P + g$.

Если бы средний состав неземледельческого общественного капитала был $=85c + 15v$ и норма прибавочной стоимости $=100\%$, то цена производства была бы $=115$. Если бы состав земледельческого капитала был $=75c + 25v$, то стоимость продукта, при той же норме прибавочной стоимости, и регулирующая рыночная цена была бы $=125$. Если бы земледельческий продукт уравнился с неземледельческим по средней цене (для краткости мы предполагаем, что весь капитал одинаков в той и другой отрасли производства), то вся прибавочная стоимость была бы $=40$, т.-е. 20% на капитал в 200. Продукт как одного, так и другого продавался бы за 120. Следовательно, при уравнивании по ценам производства средние рыночные цены неземле-

дельческого продукта стояли бы выше, а сельскохозяйственного продукта ниже их стоимости. Если бы сельскохозяйственные продукты продавались по их полной стоимости, они были бы на 5 дороже, чем по уравнению, а промышленные продукты при тех же условиях на 5 дешевле. Если рыночные отношения не позволяют продавать сельскохозяйственные продукты по их полной стоимости, выручать весь излишек над ценой производства, то получится среднее положение между двумя крайними пунктами; промышленные продукты будут продаваться несколько выше их стоимости, а сельскохозяйственные продукты несколько выше их цены производства.

Хотя земельная собственность может взвинтить цену сельскохозяйственных продуктов выше их цены производства, однако не от нее, а от общего состояния рынка зависит, насколько рыночная цена, поднявшись над ценой производства, приближается к стоимости, и, следовательно, в какой мере прибавочная стоимость, произведенная в земледелии сверх данной средней прибыли, превратится в ренту или же примет участие в общем уравнении прибавочной стоимости в среднюю прибыль. Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из излишка стоимости над ценой производства рента есть просто часть сельскохозяйственной прибавочной стоимости, превращение этой прибавочной стоимости в ренту, уловление ее земельным собственником; совершенно так же, как дифференциальная рента возникает из превращения добавочной прибыли в ренту, из уловления первой земельною собственностью, при общей регулирующей цене производства. Эти две формы ренты суть единственно нормальные. Рента, кроме этих форм, может покоиться лишь на собственно монопольной цене, которая определяется не ценой производства и не стоимостью товаров, а потребностью и платежеспособностью покупателей, и рассмотрение которой относится к учению о конкуренции, где исследуется действительное движение рыночных цен.

Если бы вся земля известной страны, пригодная для земледелия, была уже сдана в аренду,—при чем предполагается, как общее явление, капиталистический способ производства и нормальные отношения,—то не было бы такой земли, которая не приносит ренты, но могли бы существовать такие затраты капитала, отдельные части капитала, вложенного в землю, которые не приносят ренты; потому что, раз земля сдана в аренду, земельная собственность, как абсолютная граница для необходимого приложения капитала, перестает действовать. Как относительная граница, она продолжает еще действовать и после этого в том смысле, что переход к земельному собственнику того капитала, который вложен в землю, ставит здесь перед арендатором очень определенные границы. Только в этом случае

вся рента превратилась бы в дифференциальную ренту, в дифференциальную ренту, определяемую не различиями в качестве земли, а различиями между добавочными прибылями, получающимися от последних затрат капитала на определенной земле, и рентой, которая уплачивалась бы за аренду земли наихудшего класса. Как абсолютная граница, земельная собственность действует лишь в том случае, если допущение к земле вообще, как к сфере для приложения капитала, обуславливается данью земельному собственнику. Раз это допущение состоялось, последний уже не может противопоставить каких бы то ни было абсолютных границ количественному размеру затраты капитала на данном участке земли. Постройке домов вообще полагается граница земельной собственностью третьего лица на тот участок, на котором предстоит построить дом. Но раз эта земля арендована под постройку домов, от арендатора уже зависит, построит ли он на ней высокий или низкий дом.

Если бы средний состав земледельческого капитала был таков или выше, чем состав среднего общественного капитала, то абсолютная рента — опять-таки в только что исследованном значении — отпала бы; т.-е. отпала бы рента, которая отличается как от дифференциальной ренты, так и от ренты, покоящейся на собственно-монопольной цене. Тогда стоимость земледельческого продукта не была бы выше его цены производства, и земледельческий капитал приводил бы в движение не большее количество труда, а, следовательно, реализовал бы не большее количество прибавочного труда, чем неземледельческий капитал. То же самое произошло бы в том случае, если бы с прогрессом культуры состав земледельческого капитала уравнился с составом среднего общественного капитала.

На первый взгляд представляется противоречием предполагать, что, с одной стороны, состав земледельческого капитала повышается, следовательно, повышается его постоянная часть по сравнению с переменной, а, с другой стороны, цена земледельческого продукта должна подняться настолько высоко, чтобы новая и более плохая, чем прежняя, земля могла уплачивать ренту, которая в этом случае может возникнуть лишь из избытка рыночной цены над стоимостью и ценой производства, короче, лишь из монопольной цены продукта.

Здесь необходимо проводить следующее различие.

Рассматривая образование нормы прибыли, мы, прежде всего, видели, что капиталы, которые в технологическом отношении составлены одинаково, т.-е. в сравнении с количеством машин и сырого материала приводят в движение одинаковое количество труда, могут тем не менее оказаться составленными различно вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют различную стоимость. Сы-

рой материал или машины могут быть в одном случае дороже, чем в другом. Чтобы привести в движение равную массу труда (а это согласно предположению было бы необходимо для переработки равной массы сырого материала), в одном случае пришлось бы авансировать больший капитал, чем в другом, потому что, напр., с капиталом в 100 я не могу привести в движение одинакового количества труда, если сырой материал, который приходится оплачивать из этих же 100, в одном случае стоит 40, в другом 20. Но что в технологическом отношении эти капиталы составлены одинаково, это немедленно обнаружилось бы, едва лишь цена более дорогого сырого материала упала бы до уровня более дешевого. Отношения стоимостей переменного и постоянного капитала сделались бы одинаковыми хотя в техническом отношении затраченного живого труда к массе и природе применяемых условий труда не произошло никакого изменения. С другой стороны, если рассматривать дело исключительно с точки зрения состава по стоимости, капитал сравнительно низкого органического состава, вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей, может произвести такое впечатление, как будто он поднялся на одну ступень с капиталом более высокого органического состава. Пусть перед нами будет капитал $= 60c + 40v$, — потому что он применяет много машин и сырого материала по сравнению с живым трудом, — и другой капитал $= 40c + 60v$, — потому что он применяет много живого труда (60%), мало машин (скажем, 10%) и по отношению к рабочей силе небольшое количество, притом дешевого сырого материала (скажем, 30%): вследствие простого повышения стоимости сырых и вспомогательных материалов с 30 до 80, при чем не произошло бы никакой перемены в техническом составе, состав мог бы уравниваться таким образом, что во втором капитале на 10 в машинах приходилось бы 80 в сыром материале и 60 рабочей силы, т. е. $90c + 60v$, что, выраженное в процентах, тоже было бы $= 60c + 40v$. Следовательно, капиталы одинакового органического состава могут иметь различный состав по стоимости, и капиталы одинакового в процентах состава по стоимости могут занимать различные ступени органического состава, а потому служить выражением различных ступеней развития общественной производительной силы труда. Итак, то одно обстоятельство, что по составу стоимости земельный капитал падался бы на общем уровне, еще не доказывало бы того, что общественная производительная сила труда достигла у него того же общего уровня. Оно могло бы свидетельствовать лишь о том, что собственный продукт этого капитала, образующий часть условий его производства, стал дороже, или что теперь приходится привозить издалека вспомогательные

материалы, как удобрение, которые раньше были прямо под рукой и т. под.

Но, оставляя это в стороне, необходимо принять во внимание своеобразный характер земледелия.

Предположим, что машины, сберегающие труд, химические вспомогательные средства и т. д. находят себе в земледелии более широкое применение, т.-е., что постоянный капитал возрастает технически, не только по стоимости, но и по массе, по отношению к массе применяемой рабочей силы; в таком случае в земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной, но и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда. Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не совсем компенсируется, уменьшение природной силы—эта компенсация всегда может оказывать влияние лишь в течение некоторого времени,—так что, несмотря на техническое развитие, продукт не удешевляется, а лишь предотвращается еще большее его вздорожание. Возможно также, что при повышающейся цене хлеба абсолютная масса продукта уменьшается, между тем как относительный добавочный продукт возрастает; именно, это возможно при относительном увеличении постоянного капитала, который состоит главным образом из машин или скота, при чем приходится возмещать только снашивание, и при соответствующем уменьшении переменной части капитала, которая затрачивается на заработную плату и которую постоянно приходится возмещать из продукта целиком.

Но возможно так же, что вследствие прогресса земледелия потребуются лишь умеренное повышение рыночной цены над средней для того, чтобы могла поступить под обработку и в то же время принести ренту такая земля худшего качества, которая при более низком уровне технических вспомогательных средств потребовала бы более значительного повышения рыночной цены.

Может показаться, что то обстоятельство, что, напр., в скотоводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом, заключающимся в самом скоте, говорит против того, что земледельческий капитал, в процентных числах, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал. Но в ответ на это следует отметить, что при рассмотрении ренты мы исходим, как из определяющей из той части земледельческого капитала, которая производит основное растительное средство питания, т.-е. для цивилизованных народов вообще главное средство существования. Уже А. Смит показал—и в этом одна из его заслуг,—

что в скотоводстве и, вообще говоря, во всех капиталах, вложенных в землю не для производства главных средств существования, напр., хлеба, цена определяется совершенно иначе. Именно, она определяется здесь таким образом, что цена продукта земли, которая, скажем, как искусственный луг утилизируется для скотоводства, по которую с таким же удобством можно было бы превратить в пахотную землю известного достоинства, — цена продукта должна повыситься настолько, чтобы могла получаться такая же рента, как с пахотной земли такого же достоинства; следовательно, рента с пахотной земли принимает здесь участие в определении цены скота, почему Рамсэй правильно отметил, что цена скота таким образом искусственно повышается рентой, экономическим выражением земельной собственности, следовательно, земельной собственностью.

«Вследствие расширения культуры, невозделываемых пустошей становится уже недостаточно для того, чтобы пополнить предложение убойного скота. Значительную часть возделываемых земель приходится обращать под разведение и откормку скота, цена которого поэтому должна быть высока настолько, чтобы оплатить не только употребляемый на это труд, но и ренту, которую мог бы извлекать из этой земли землевладелец, и прибыль, которую мог бы извлекать арендатор, если бы она была возделана как пахотная земля. Скот, выращенный на самых непригодных к возделыванию торфяниках, будет, смотря по весу и качеству, продан по той же цене, по которой на том же рынке продается скот, выкормленный на земле, культивированной самым лучшим образом. Владельцы этих торфяных болот выигрывают от этого и повышают ренту своих земель в соответствии с ценами скота» (A. Smith, Book I, chap. XI, part. I). Итак, здесь, в отличие от хлебной ренты и дифференциальная рента идет на пользу сравнительно худшей земле.

Абсолютная рента объясняет некоторые явления, которые с первого взгляда как будто позволяют отнести ренту на счет просто монополевой цены. Представим, напр., владельца леса, который растет без всякого содействия человека, следовательно, не как продукт лесоводства, скажем, в Норвегии, чтобы начать с примера А. Смита. Если рента уплачивается ему капиталистом, который занимается рубкой леса, так как на него существует спрос в Англии, или если владелец сам, как капиталист, приступает к рубке, то в дереве, кроме прибыли на авансированный капитал, уплачивается большая или меньшая рента. По отношению к этому продукту исключительно природы это представляется исключительно монополевой надбавкой. Но в действительности капитал состоит здесь почти только из переменного капитала, затрачиваемого на труд, и потому он при-

водит в движение большее количество прибавочного труда, чем другой капитал равной величины. Следовательно, в стоимости дерева содержится больший избыток неоплаченного труда или прибавочной стоимости, чем в продукте капиталов более высокого состава. Поэтому из дерева может выручаться средняя прибыль и значительный излишек в форме ренты может доставаться собственнику леса. Наоборот при той легкости, с какой может расширяться рубка леса, т. е. при быстроте увеличения этого производства, приходится признать, что необходимо очень значительное увеличение спроса для того, чтобы цена дерева уравнилась с его стоимостью и таким образом собственнику достался бы в форме ренты весь излишек неоплаченного труда (над той его частью, которая достается капиталисту, как средняя прибыль).

Мы предполагали, что вновь привлекаемая к возделыванию земля по качеству еще хуже, чем та, которая возделывалась в последнее время, как наихудшая. Если она лучше, она приносит дифференциальную ренту. Но здесь мы исследуем как раз тот случай, когда рента не является как дифференциальная рента. Здесь возможны только два случая. Или вновь привлекаемая к обработке земля хуже, или же она такого же качества, как последняя из возделываемых земель. Если она хуже, то этот случай мы уже исследовали. Таким образом остается еще исследовать только тот случай, когда она такого же качества.

С прогрессом культуры, как мы показали это уже при исследовании дифференциальной ренты, вновь привлекаться к возделыванию может одинаково как земля такого же качества и даже лучшего, так и земля худшего качества.

Во-первых, потому, что при дифференциальной ренте (и при ренте вообще, так как даже при недифференциальной ренте всегда выступает вопрос, позволяет ли с одной стороны плодородие земли вообще, а с другой стороны ее положение, возделывать ее так, чтобы при регулирующей рыночной цене получалась прибыль и рента) действуют в обратном направлении двоякого рода условия, которые то взаимно парализуют друг друга, то берут перевес одно над другим. Повышение рыночной цены—предполагая, что издержки производства, необходимые для возделывания, не понизились, другими словами, что завоевания технического характера не выступили как новый момент, обуславливающий расширение возделывания,—может привести к возделыванию более плодородной земли, которая раньше своим положением исключалась из числа конкурирующих земель. Или же для менее плодородной земли это может настолько повысить выгоды положения, что ими уравниется меньшая производительность.

Или, и без повышения рыночной цены, улучшение средств сношений откроет возможность более хорошим землям вступить, несмотря на их положение, в конкуренцию, что мы наблюдаем в огромном масштабе в Северной Америке, на примере штатов, расположенных в прериях. Да и в странах старой цивилизации это совершается постоянно, хотя и не в таком масштабе, как в колониях, где, как справедливо отметил Wakefield, решающая роль принадлежит положению. Итак, во-первых, противоположные действия положения и плодородия и, во-вторых, постоянная изменчивость фактора положения, который постоянно уравнивается, прodelывает постоянные прогрессивные изменения, направляющиеся к уравниванию,— вот почему вновь вступают в конкуренцию с уже возделываемыми землями попеременно участки земли одинакового, лучшего и худшего качества.

Во-вторых. С развитием естественных наук и агрономии изменяется и плодородие земли, так как изменяются средства, при помощи которых становится возможным подвергнуть немедленному использованию элементы почвы. Таким образом во Франции и в восточных графствах Англии легкие почвы, которые раньше считались плохими, еще совсем недавно были превращены в первоклассные (см. Passy). С другой стороны, почва, которая не считалась плохой по своему химическому составу, но ставила известные механическо-физические препятствия возделыванию, превращается в хорошую почву, как только находятся средства для того, чтобы справиться с этими препятствиями.

В-третьих. Во всех странах старой цивилизации старые исторические и традиционные отношения, выступающие, напр., в форме государственных земель, общинных земель и т. д., совершенно случайно отвлекают крупные участки земли от возделывания, к которому они привлекаются лишь постепенно. Порядок, в котором они подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их положения, а лишь от совершенно внешних обстоятельств. Если бы мы проследили историю английских общинных земель, проследили, как они законами об огораживании (Enclosure Bills) постепенно превращались в частную собственность и подвергались возделыванию, то оказалось бы, что не может быть ничего нелепее того фантастического представления, как будто бы выбором этого порядка руководил какой-нибудь современный земледельческий химик, в роде, напр., Либиха, отводил известные поля за их химические свойства под культуру, другие исключал. В действительности здесь решающую роль играла возможность оттянуть ту или иную землю: более или менее благовидные юридические предлоги для присвоения, которые могли использовать крупные лэндлорды.

В-четвертых. Не говоря о том, что достигнутая в каждый определенный момент ступень развития в росте населения и капитала полагает расширению культуры известную, хотя бы и эластическую границу; не говоря о влиянии таких случайностей, которые оказывают временное влияние на рыночную цену, как, напр., ряд благоприятных и неблагоприятных времен года, — пространственное расширение земледельческой культуры зависит от общего состояния рынка капиталов и положения дел в данной стране. Для того, чтобы дополнительный капитал обратился к земледелию, в периоды скудости недостаточно того условия, что невозделанная земля, уплачивает ли она ренту с нее или нет, может принести арендатору среднюю прибыль. В периоды изобилия капитала он устремляется к возделыванию земли, — даже если рыночная цена не повысится, — были бы только вообще осуществлены нормальные условия. Тогда земля лучшего качества, чем возделывавшаяся до того времени, в самом деле могла бы быть устранена от конкуренции только или моментом положения, или все еще непреодолимыми границами, которые делают ее недоступной для арендатора, или случайностью конкуренции. Поэтому мы можем ограничиться только теми сортами земли, которые по качеству одинаковы с последними из возделанных земель. Но между новой землей и последней из возделанных все еще остается разница издержек, которые требуются для того, чтобы сделать первую пригодной к возделыванию, и от состояния рыночных цен и отношений кредита зависит, будут ли они произведены или нет. Потом, когда эта земля действительно примет участие в конкуренции, рыночная цена при прочих равных условиях опять понизится до своего прежнего уровня, после чего вновь выступившая земля будет приносить такую же ренту, как соответствующая ей старая. Положение, будто она не будет приносить ренты, сторонники его доказывают таким образом, что они просто принимают то, что требуется доказать, а именно: что последняя земля не принесла ренты. Таким способом можно было бы доказать, что последние из построенных домов, кроме собственно наемной платы, представляющей процент на постройки, не приносят никакой ренты, хотя и сдаются внаем. Между тем факт таков, что, когда они в течение долгого времени остаются незанятыми, они приносят ренту в то время, как еще не приносят процента в наемной плате. Подобно тому, как последовательные затраты капитала на известный участок земли могут приносить соответственный добавочный продукт, а потому и такую же ренту, как первые, — совершенно так же поля такого качества, как последние из возделанных, могут при равных издержках давать равную выручку. Иначе вообще было бы непонятно, каким

образом можно было бы поля одинакового качества брать под возделывание последовательно, — вообще казалось бы, что либо придется брать все разом, либо, вернее, не придется брать ни одного, чтобы не вызвать конкуренции всех остальных. Земельный собственник всегда готов извлекать ренту, т.-е. получать нечто даром; но чтобы удовлетворить его желание, капитал нуждается в известных условиях. Поэтому взаимная конкуренция между землями зависит не от того, что землевладелец хочет их конкуренции, но от того, найдется ли капитал, который захочет на новых полях конкурировать с другими.

Поскольку собственно земледельческая рента возникает просто из монополюющей цены, она может быть лишь незначительной, как и абсолютная рента может быть здесь при нормальных условиях лишь незначительной, каков бы ни был избыток стоимости продукта над его ценой производства. Итак, существо абсолютной ренты заключается в следующем: равновеликие капиталы в различных сферах производства, при равной норме прибавочной стоимости или равной эксплуатации труда, производят, в зависимости от различий среднего состава, различные массы прибавочной стоимости. В промышленности эти различные массы прибавочной стоимости уравниваются в среднюю прибыль и равномерно распределяются между отдельными капиталами как между соответственными частями общественного капитала. Земельная собственность, когда для производства требуется земля для земледелия ли, для добывания ли сырых материалов, тормозит это уравнивание для капиталов, прилагаемых к земле, и улавливает известную часть прибавочной стоимости, которая иначе приняла бы участие в процессе уравнивания в общую норму прибыли. Таким образом рента представляет часть прибавочной стоимости, точнее, прибавочной стоимости товаров, с той только разницей, что часть эта достается не классу капиталистов, который извлек ее из рабочих, а земельным собственникам, которые извлекают ее из капиталистов. При этом предполагается, что земледельческий капитал приводит в движение больше труда, чем равновеликая часть неземледельческого капитала. Насколько велика эта разница или существует ли она вообще, зависит от относительного развития земледелия по сравнению с промышленностью. По самой природе дела эта разница с прогрессом земледелия должна уменьшаться, если пропорция, в которой переменная часть капитала уменьшается по сравнению с постоянной, не окажется для промышленного капитала еще больше, чем для земледельческого.

Эта абсолютная рента играет еще более значительную роль в собственно добывающей промышленности, где один элемент посто-

явного капитала, сырой материал, совершенно отпадает и где,—за исключением отраслей, в которых часть, состоящая из машин и прочего основного капитала, очень значительна,—безусловно преобладает самый низкий состав капитала. И как раз здесь, где рента представляется обязанной своим происхождением исключительно монополюсной цене, требуется экстраординарно благоприятная рыночная конъюнктура для того, чтобы можно было продавать товары по их стоимости или чтобы рента сделалась равной всему избытку прибавочной стоимости товара над его ценой производства. Таково положение, напр., при ренте с рыбных ловель, каменоломен, дико растущих лесов и т. д. ³⁷⁾.

Глава сорок шестая.

Рента за строительные участки. Рента за рудники. Цена земли.

Повсюду, где существует вообще рента, выступает и дифференциальная рента, при чем она подчиняется тем же законам, как земледельческая дифференциальная рента. Повсюду, где природные силы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику известную добавочную прибыль,—будет ли то водонад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место,—лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земли собственником этих предметов природы улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Что касается земли, предназначенной для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, подобно всем неземледельческим участкам, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой (Book I, chap. XI, 2 и 3). Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладающим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает положение (очень важно, напр., при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидностью полной пассивности собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации прогресса общественного развития, в который собственник ничего не приносит от себя и в котором он ничем не рискует,—хотя бы в той мере, как это все же можно сказать о промышленном капиталисте; и, наконец, преобладанием монополюсной цены во многих случаях, особенно, в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности (потому

³⁷⁾ Рикардо разделяется с этим крайне поверхностно. См. место, направленное против А. Смита, о ренте с лесов в Норвегии, Principles, ch. II, в самом начале.

что бедность — более богатый источник для домовой ренты, чем каким когда бы то ни было являлись рудники Потози для Испании ³⁸⁾, и чудовищная власть, которую дает эта земельная собственность, соединяясь в одних руках с промышленным капиталом, открывает для нее возможность практически устранять с земли, как с обиталища, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за вопросов заработной платы ³⁹⁾. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право жить на земле, как и вообще земельная собственность подразумевает право собственников эксплуатировать земной шар, внутренности земли, воздух, а вместе с тем все, что необходимо для сохранения и развития жизни. Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и развитие основного капитала, который или присоединяется к земле, или коренится в ней, покоится на ней, как все промышленные постройки, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т. д. Смешенные платы за наем, поскольку она представляет процент и амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто за землю невозможно здесь даже при всем добром желании, как у Кэри, невозможно в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. Здесь существенны два элемента: с одной стороны, эксплуатация земли с целями воспроизводства или добывающей промышленности, с другой — пространство, которое необходимо, как элемент всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани. Спрос на строительные участки повышает стоимость земли, как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом ⁴⁰⁾.

В книге II, глава XII, в показаниях Эдуарда Каппа, крупного лондонского строительного спекулянта, перед комиссией 1857 года о банках, мы видели пример того, каким образом в быстро развивающихся городах, особенно, когда постройка ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции служит собственно не дом, а земельная рента. Этот свидетель говорит там, № 5435: „Я полагаю, что человек, желающий преуспевать

³⁸⁾ Laing, Newmann.

³⁹⁾ Crowlinton Strike. Engels, Lage der arbeitenden Klasse in England, S. 307 (издание 1892 г., стр. 259).

⁴⁰⁾ «Замощение лондонских улиц дало возможность собственникам некоторых голых скал на шотландском берегу извлекать ренту из бесплодной до того времени каменистой почвы». A. Smith, Book I, chap. XI, 2.

на свете, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (fair trade)... ему необходимо. кроме того строить с целями спекуляции, и при том в крупном масштабе; потому что предприниматель извлекает очень мало прибыли из самых зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, напр., он снимает участок земли и уплачивает за него 300 £ в год; если он, тщательно выработав строительный план, построит на этом участке дома надлежащего разряда, то ему, быть-может, удастся извлекать за это 400 или 450 £ в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 £ в год, чем в прибыли от построек, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет". При этом не следует забывать, что по истечении договора об аренде, самое большее 99 лет, земля со всеми находящимися на ней постройками и с земельной рентой, которая за этот срок обыкновенно повышается более чем в два-три раза, возвращается от строительного спекулянта или его правопреемника к первоначальному последнему земельному собственнику.

Собственно рента с рудников определяется совершенно так же как земледельческая рента. „Бывают такие рудники, продукта которых едва достаточно для того, чтобы оплатить труд и возместить затраченный на них капитал вместе с обычной прибылью. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, по никакой ренты земельному собственнику. Их мог бы с выгодой обрабатывать только земельный собственник, который, сам являясь предпринимателем, получает обычную прибыль на свой затраченный капитал. Многие угольные шахты в Шотландии разрабатываются таким образом, и не могли бы разрабатываться как-либо иначе. Земельный собственник никому не позволит разрабатывать их, если ему не будут уплачивать ренту, но никто не в состоянии уплачивать за них ренту“ (A. Smith, Book I, chap. XI, 2).

Необходимо различать, вытекает ли рента из монопольной цены потому, что независимо от нее установилась монопольная цена продуктов или самой земли, или же продукты продаются по монопольной цене потому, что установилась рента. Говоря о монопольной цене, мы вообще имеем в виду цену, которая определяется только стремлением купить и платежеспособностью покупателей, независимо как от общей цены производства, так и от цены, определяемой стоимостью продуктов. Виноградник, производящий вино совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, дает монопольную цену. Вследствие этой монопольной цены, избыток которой над стои-

мостью продукта определяется единственно богатством и вкусами знатных потребителей вина, винодел мог бы реализовать значительную добавочную прибыль. Эта добавочная прибыль, которая вытекает в данном случае из монопольной цены, превращается в ренту и достается в этой форме земельному собственнику в силу его титула на этот участок земли, наделенный особыми свойствами. Итак, здесь ренту создает монопольная цена. Наоборот, рента создала бы монопольную цену, если бы вследствие границы, которая полагается земельной собственностью затрате капитала на невозделанной земле, не приносящей ренты,—если бы хлеб продавался не только выше его цены производства, но и выше его стоимости. Что как раз только титул собственности известного числа лиц на землю дает им возможность присваивать себе в качестве дани часть прибавочного труда общества, притом, по мере развития производства, присваивать в постоянно возрастающей степени,—это затушевывается тем обстоятельством, что именно эта капитализированная дань, капитализированная рента выступает как цена земли, и потому последняя может про аваться, подобно всякой другой статье торговли. Поэтому покупателю кажется, что он получил свое притязание на ренту не даром, и не даром пользуется трудом, риском и предпринимательским духом капитала, а уплатил за это соответствующий эквивалент. Рента, как отмечено уже раньше, представляется ему просто процентом на капитал, за который он купил землю и вместе с нею притязание на ренту. Совершенно так же рабовладельцу, купившему раба, представляется, что он приобрел свою собственность на негра не в силу института рабства, как такового, а в силу купли и продажи товара. Но ведь самый титул не порождается, а лишь переносится актом продажи. Пока титул не существует, его невозможно продать, и как одна продажа, так и ряд таких продаж, и их постоянное повторение не могут создать этого титула. Что создало его,—так это отношения производства. Когда последние достигают такого пункта, где им приходится переменить свою шкуру, отпадает материальный источник титула, получавший экономическое и историческое оправдание, возникший из процесса общественного производства жизни, а вместе с ним отпадают и основывавшиеся на нем сделки. С точки зрения более высокой экономической формации общества частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться совершенно столь же нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже все общество, нация, и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не суть собственники земли. Они лишь ее владельцы, лишь пользующиеся ею, и, как *boni patres familias*, они должны улучшенной оставить ее следующим поколениям.

В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землей, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет главное орудие производителей, так что они вынуждены покупать ее, во что бы то ни стало.

I. Цена земли может повыситься, хотя рента не повышается; именно,

1) вследствие просто понижения размера процента, благодаря чему рента продается дороже, а потому капитализированная рента, цена земли, возрастает;

2) потому, что возрастает процент на капитал, вложенный в землю.

II. Цена земли может повыситься потому, что увеличивается рента.

Рента может увеличиться потому, что повышается цена продукта земли, в каком случае всегда повышается норма дифференциальной ренты независимо от того, будет ли рента с наихудшей из возделываемых земель велика, мала или ее совсем не будет. Под нормой мы разумеем отношение той части прибавочной стоимости, которая превращается в ренту, к авансированному капиталу, производящему продукт земли. Оно отлично от отношения добавочного продукта ко всему продукту, потому что последний заключает в себе не весь авансированный капитал, именно не содержит в себе основного капитала, который продолжает существовать на ряду с продуктом. Напротив, говоря о норме, мы подразумеваем, что на тех классах земли, которые приносят дифференциальную ренту, возрастающая часть продукта превращается в избыточный добавочный продукт. Что касается наихудшей земли, там повышение цены земледельческого продукта впервые создает ренту; а потому и цену земли.

Но рента может увеличиться и в том случае, если цена земледельческого продукта не повышается. Последняя может остаться без изменения или даже понизиться.

Если она остается без изменения, то рента может возрасти только или потому (оставляя в стороне монопольные цены), что при прежней затрате капитала на старых землях начинают возделываться новые земли лучшего качества, при чем их будет достаточно только для того, чтобы покрыть увеличившийся спрос, так что регулирующая рыночная цена остается без изменения. В этом случае цена старых земель не повысится, но для земли, вновь взятой под возделывание, цена поднимется выше уровня цены старой земли.

Или же рента повысится потому, что при прежней относительной производительности и прежней рыночной цене возрастает масса ка-

питала, эксплуатирующего землю. Поэтому, хотя рента по отношению к авансированному капиталу остается прежняя, ее масса, напр., удвоится, так как сам капитал удвоился. Так как не произошло понижения цены, то вторая затрата капитала приносит подобно первой добавочную прибыль, которая по истечении срока аренды тоже превращается в ренту. Масса ренты здесь увеличивается потому, что увеличивается масса капитала, производящего ренту. Утверждение, будто различные дополнительные затраты капитала на одном и том же участке земли могут произвести ренту лишь при том условии, если продукт их неодинаков и потому возникает дифференциальная рента, равносильно утверждению, будто, если два капитала по 1.000 £ затрачены на двух полях равной производительности, то лишь один из них может принести ренту, хотя оба эти поля принадлежат к тому лучшему классу земли, который приносит дифференциальную ренту. (Следовательно, общая масса ренты, вся рента известной страны, увеличивается с массой затраченного капитала, хотя бы даже цена единицы земельной площади, или норма ренты, или даже массы ренты на единицу площади и не возрастала; в этом случае масса всей ренты возрастает с пространственным расширением культуры. Это может быть сопряжено даже с понижением ренты на отдельных владениях). Иначе это утверждение было бы равносильно другому утверждению, именно, что затрата капитала на двух различных участках земли, последовательно в пространстве, подчиняется иным законам, чем последовательная затрата капитала на одном и том же участке земли, хотя в действительности дифференциальную ренту выводят как раз из тождества закона в обоих случаях, из увеличения производительности затрат капитала на одном и том же поле, так и на различных полях. Единственная модификация, которая существует здесь и которой не замечают, заключается в том, что последовательные затраты капитала в их применении к пространственно различным землям паталкиваются на такую границу, как земельная собственность, между тем как при последовательных затратах капитала на одну и ту же землю этого нет. Отсюда и то противоположное действие, благодаря которому эти различные формы затраты на практике взаимно ограничивают друг друга. При этом различие в самом капитале вовсе не проявляется. Если состав капитала остается тот же самый, равно как и норма прибавочной стоимости, то норма прибыли остается неизменной, так что при удвоении капитала масса прибыли удваивается. Точно так же при предположенных отношениях норма прибыли остается прежняя. Если капитал в 1.000 £ приносит ренту в x , то капитал в 2.000 £ при предположенных обстоятельствах приносит ренту в $2x$. Но если взять ренту в отно-

нении к площади земли, которая осталась без изменения, так как согласно предположению, удвоенный капитал работает на прежнем поле, то окажется, что вследствие увеличения массы ренты увеличилась и ее высота. Тот самый акр, который доставлял 2 £ ренты, приносит теперь 4 £⁴¹⁾.

Отношение известной части прибавочной стоимости, денежной ренты,—потому что деньги суть самостоятельное выражение стоимости,—к земле представляет само по себе нелепое и иррациональное выражение; потому что в нем измеряются одна другою несоизмеримые величины, с одной стороны, определенная потребительная стоимость, участок земли во столько-то квадратных футов, и стоимость, точнее, прибавочная стоимость—с другой. В действительности это является лишь выражением того, что при данных отношениях собственность на квадратные фута земли дает земельному собственнику возможность улавливать определенное количество неоплаченного труда, реализованного капиталом, который роется на этих квадратных футах, как свинья на картофеле [здесь в рукописи поставлено в скобках зачеркнутое потом: Либих]. Но prima facie это выражение то же самое, как если бы мы вздумали говорить об отношении пятифунтового билета к диаметру земли. Однако до посредничества тех иррациональных форм, в которых выступают и резюмируются для практических потребностей определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений, как последние осуществляются в жизни, нет никакого дела; а так как они привыкли вращаться в этих опосредствованных отношениях, то их смысл никоим образом не спотыкается о них. В полном противоречии для них нет решительно ничего таинственного. В формах проявления, отчужденных от внутренней связи и нелепых, если их взять сами по себе, и

⁴¹⁾ Одна из заслуг Родбертуса, к значительной работе которого о ренте мы возвратимся в книге IV, заключается в том, что он развил этот пункт. Но, во-первых, он впадает в ошибку, предполагая, будто для капитала рост прибыли всегда получает такое выражение, как будто возрос и капитал, так что при увеличении массы прибыли отношение остается прежним. Это однако неверно, так как при изменении состава капитала норма прибыли, несмотря на прежнюю эксплуатацию труда, может повыситься как раз потому, что относительная стоимость постоянной части капитала по сравнению с переменной понизилась.—Во-вторых, он впадает в ошибку, трактуя это отношение денежной ренты к количественно определенному участку земли, напр., к одному акру, как нечто такое, что вообще предполагает классическая экономия в ее исследованиях о повышении или понижении ренты. Это опять неверно. Она постоянно говорит или о норме ренты в отношении к продукту,—это когда она рассматривает ренту в ее натуральной форме,—или о ренте в отношении к авансированному капиталу,—это когда она рассматривает ренту как денежную ренту; она делает так потому, что это суть действительно рациональные выражения.

так же чувствуют себя дома, как рыба в воде. В этом случае справедливо то, что Гегель сказал относительно известных математических формул: то, что простой здравый смысл находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность.

Итак, если рассматривать дело по отношению к самой площади земли, то повышение массы ренты выражается совершенно так же, как повышение нормы ренты; отсюда затруднение, когда условия, которые объяснили бы один случай, отсутствуют в другом случае.

Но цена земли может повыситься даже в том случае, когда цена продукта земли уменьшается.

В этом случае вследствие дальнейшего дифференцирования может увеличиться дифференциальная рента, а потому и цена более хороших земель. Или же, если этого нет, благодаря возросшей производительной силе труда, цена сельскохозяйственного продукта может понизиться, но таким образом, что это будет более чем уравновешено увеличением производства. Предположим, что квартал стоил 60 шиллингов. Если на том же акре при прежнем капитале будут произведены 2 кварт. вместо одного, и квартал понизится до 40 шил., то 2 кварт. дадут 80 шил., так что стоимость продукта прежнего капитала на прежнем акре повысится на одну треть, хотя цена квартала понизилась на одну треть. При исследовании дифференциальной ренты было показано, как это возможно без того, чтобы продукт продавался выше его цены производства и стоимости. В действительности это осуществляется только двумя способами. Или худшая земля перестает конкурировать, но цена лучшей земли повышается, — это в том случае, если дифференциальная рента увеличивается, следовательно, если общее улучшение действует неравномерно на различные сорта земли. Или же на наихудшей земле та же самая цена производства (и та же самая стоимость, если уплачивается абсолютная рента) вследствие повышения производительности труда получает выражение в увеличившейся массе продукта. Продукт представляет теперь ту же стоимость, что и раньше, но цена его составных частей понизилась, между тем как число этих частей увеличилось. Это невозможно, если применяется тот же самый капитал; потому что в этом случае в какой угодно массе продукта находит себе выражение все одна и та же стоимость. Но это возможно, если затрачен дополнительный капитал на гипс, гуано и т. д., коротко говоря, на такие улучшения, действие которых простирается на многие годы. Условие такого результата заключается в том, чтобы цена одного квартала хотя и упала, но не в том отношении, как увеличивается число кварталов.

III. Эти различные условия повышения ренты, а вместе с тем и цены земли как вообще, так и для отдельных сортов земли могут отчасти конкурировать между собою, отчасти исключать друг друга, и могут действовать лишь попеременно. Но из того, что изложено, следует, что из повышения цены земли нельзя без дальнейших околичностей делать вывода, что рента повысилась, и из повышения ренты, которое всегда влечет за собою повышение цены земли, нельзя без дальнейших околичностей делать вывода, что продукт земли увеличился ⁴²⁾.

Вместо того, чтобы обратиться к действительным соответствующим природе дела причинам истощения почвы,—которые впрочем оставались вследствие состояния земледельческой химии в то время неизвестными всем экономистам, писавшим о дифференциальной ренте,—за помощью обратились к тому поверхностному взгляду, что в пространственно ограниченное поле нельзя вложить неограниченную массу капитала; так *Westminster Review*, напр., возражает Ричарду Джонсу, что невозможно было бы прокормить целую Англию возделыванием *Soho Square*. Хотя это считается особой невыгодой земледелия, но справедливо как раз обратное. В земледелии можно продуктивно произвести последовательные затраты капитала потому, что сама земля действует как орудие производства, между тем как этого вовсе не наблюдается или наблюдается лишь в очень тесных границах в случае с фабрикой, где земля функционирует только как фундамент, как место, как пространственный операционный базис. Правда на относительно небольшом, по сравнению с парцелированным ремеслом, пространстве можно концентрировать крупное производственное сооружение,—крупная промышленность именно так и действует. Но при данной ступени развития производительной силы всегда требуется определенное пространство, и постройка в высоту тоже находит свои определенные практические границы. Дойдя до них, расширение производства требует расширения и пространства земли. Основной капитал, затраченный на машины и т. д., не улучшается вследствие употребления, а, напротив, снашивается. Конечно, вследствие новых изобретений и здесь могут быть произведены отдельные улучшения, но предполагая данную ступень развития производительной силы, машина при употреблении может лишь ухудшаться. При быстром развитии производительной силы всю совокупность старых машин приходится заменять более выгодными, следовательно, они утрачиваются. Напротив, земля, если она правильно возделывается, все улучшается. То преимущество земли, что последовательные затраты капитала мо-

⁴²⁾ О падении земельных цен при повышении ренты как о факте см. *Passy*.

гут дать ~~дать~~ новую выгоду, причем не утрачиваются и прежние, в то же время сопряжено с возможностью, что продуктивность этих последовательных затрат капитала будет различна.

Глава сорок седьмая.

Генезис капиталистической земельной ренты.

Г. Предварительные замечания.

Необходимо уяснить себе, в чем собственно заключается трудность трактования земельной ренты, с точки зрения современной экономики, как теоретического выражения капиталистического способа производства. Этого еще не понимает даже огромное число более новых писателей, что доказывает всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по новому». Новизна в этих случаях почти постоянно заключается в возврате к давным-давно оставленной точке зрения. Трудность заключается не в том, чтобы вообще объяснить производимый земледельческим капиталом прибавочный продукт и соответствующую последнему прибавочную стоимость. Нет, этот вопрос разрешен анализом прибавочной стоимости, создаваемой всяким производительным капиталом, в какую бы сферу не был он вложен. Трудность заключается в том, чтобы показать, откуда после того, как прибавочная стоимость уравнилась между различными капиталами в среднюю прибыль, в соответствующую их относительным величинам пропорциональную долю всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом во всех сферах производства,—откуда после этого уравниения, после уже совершившегося распределения, повидимому, всей прибавочной стоимости, которая вообще может быть распределена, откуда же берется еще та избыточная часть этой прибавочной стоимости, которую капитал, вложенный в землю, уплачивает в форме земельной ренты земельному собственнику. Совершенно оставляя в стороне практические мотивы, которые побуждали современных экономистов как защитников промышленного капитала против земельной собственности к исследованию этого вопроса,—мотивов, которые мы наметим ближе в главе об истории земельной ренты,—этот вопрос представлял для них как для теоретиков решающий интерес. Признать это своим появлением рента на капитал, вложенный в земледелие, обязана особому действию самой сферы приложения, свойствам, принадлежащим земной коре как таковой,—это значило бы отказаться от самого понятия стоимости, следовательно, отказаться от всякой возможности научного познания в этой области. Уже то

простое наблюдение, что рента выплачивается из цены продукта земли,—а даже в том случае, когда она уплачивается в натуральной форме, это так, раз арендатор выручает свою цену производства,—должно было бы показать, насколько нелепо избыток этой цены над обычной ценой производства, следовательно, относительно дорого-визу земледельческого продукта объяснять избытком естественной производительности земледельческой промышленности над производительностью других отраслей промышленности; тогда как в действительности наоборот: чем производительнее труд, тем дешевле каждая составная часть его продукта, потому что тем больше масса потребительных стоимостей, в которой представлено то же количество труда, следовательно, та же стоимость.

Итак, при анализе ренты вся трудность заключалась в том, чтобы объяснить излишек земледельческой прибыли над средней прибылью объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а излишек этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей промышленности. Сама средняя прибыль есть результат, образование процесса социальной жизни, протекающего при вполне определенных исторических отношениях производства, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того, чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы вообще сложилась сама эта средняя прибыль в качестве масштаба и—как при капиталистическом способе производства—в качестве регулятора производства. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что вынуждает весь прибавочный труд и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь местами, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как излишке над средней прибылью, т.-е. над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом. И если господин Passy (см. ниже) уже по отношению к первобытному состоянию говорит о ренте как об излишке над прибылью, как об излишке над исторически определенной общественной формой прибавочной стоимости, так что по г. Пасси эта форма могла бы пожалуй существовать и без общества,—то это свидетельствуют лишь о его наивности.

Для прежних экономистов, которые вообще лишь начинали анализ капиталистического способа производства, еще не развитого в их время, анализ ренты или вообще не представлял никаких затруднений

или представлял лишь затруднение совершенно иного характера. Петти, Кантальон, вообще писатели, ближе стоящие к эпохе феодализма, берут земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости вообще, между тем как прибыль для них еще не определилась и сливается с заработной платой или, самое большое, представляется той частью этой прибавочной стоимости, которую капиталист выжал из земельного собственника. Следовательно, они исходят из такого состояния, когда, во-первых, сельскохозяйственное население составляет еще решительно подавляющую часть нации, и когда, во-вторых, земельный собственник еще является тем лицом, которое, пользуясь монополией земельной собственности, в первую очередь присваивает избыточный труд непосредственных производителей, когда, следовательно, земельная собственность все еще является главным условием производства. Для них еще не могло существовать такой постановки вопроса, когда, с точки зрения капиталистического способа производства, дело сводится к тому, чтобы, наоборот, исследовать, каким образом земельная собственность достигает того, что отнимает у капитала часть произведенной им (т. е. выжатой из непосредственных производителей) и первоначально уже присвоенной им прибавочной стоимости.

У физиократов затруднение уже иного свойства. Как действительно первые систематические истолкователи капитала, они стремились анализировать природу прибавочной стоимости вообще. Для них этот анализ совпадает с анализом ренты, единственной формы, в которой для них существует прибавочная стоимость. Поэтому капитал, приносящий ренту, или сельскохозяйственный капитал, для них есть единственный капитал, производящий прибавочную стоимость, и приводимый им в движение сельскохозяйственный труд есть единственный присоединяющий прибавочную стоимость труд, а потому, вполне последовательно с капиталистической точки зрения, единственный производительный труд. Определяющим они совершенно правильно считают производство прибавочной стоимости. Им помимо других заслуг, о которых речь будет в книге IV, принадлежит прежде всего та великая заслуга, что от торгового капитала, который только и функционирует в сфере обращения, они обратились к производительному капиталу, представляя в этом отношении противоположность меркантильной системе, которая по своему грубому реализму являлась настоящей вульгарной экономией той эпохи, перед практическими интересами которой были отеснены совершенно на задний план начатки научного анализа у Петти и его последователей. Кстати сказать, здесь, при критике меркантильной системы, дело идет лишь о ее воззрениях на капитал и прибавочную стоимость. Уже раньше мы отмечали, что производство на мировом рынке и превращение продукта в товар, а потому в деньги, монетар-

ная система справедливо провозгласила предпосылкой и условием капиталистического производства. В ее продолжении, в меркантильной системе, решающую роль играет уже не превращение товарной стоимости в деньги, а производство прибавочной стоимости, но рассматривается оно с иррациональной точки зрения сферы обращения, притом таким образом, что эта прибавочная стоимость является в форме добавочных денег, в избытке торгового баланса. Вместе с тем поистине характерно для заинтересованных купцов и фабрикантов того времени и адекватно тому периоду капиталистического развития, который они представляют, то обстоятельство, что при превращении феодальных обществ в промышленные и при соответствующей промышленной борьбе наций на мировом рынке задачей ставится ускоренное развитие капитала, которое достигается не так называемым естественным путем, а при помощи принудительных средств. Составляет огромную разницу, превращается ли национальный капитал в промышленный постепенно и медленно, или же это превращение ускоряется во времени посредством налогов, которыми они в форме охранительных пошлин облагали главным образом земельных собственников средних и мелких крестьян и ремесло, посредством ускоренной экспроприации самостоятельных непосредственных производителей, посредством насильственно ускоренных накопления и концентрации капиталов, короче, посредством ускоренного создания условий капиталистического способа производства. Точно так же это составляет огромную разницу в капиталистической и промышленной эксплуатации естественной национальной производительной силы. Поэтому национальный характер меркантильной системы в устах ее защитников—не просто фраза. Под предлогом, будто их занимает только богатство нации и ресурсы государства, они в действительности объявляют интересы класса капиталистов и обогащение вообще конечной целью государства и прокламируют буржуазное общество в противоположность старому сверхземному государству. Но здесь заявляло о себе и сознание того, что развитие интересов капитала и класса капиталистов, капиталистического производства, сделалось базисом национальной силы и национального преобладания в современном обществе.

Далее, у физиократов правильно, что все производство прибавочной стоимости, а следовательно, и все развитие капитала, рассматриваемое со стороны естественного базиса, фактически покоится на производительности сельскохозяйственного труда. Если люди вообще не в состоянии производить в течение одного рабочего дня больше средств существования, следовательно, в узком смысле больше сельскохозяйственных продуктов, чем требуется каждому рабочему для его собственного воспроизводства, если дневной затраты всей его рабочей силы

достаточно лишь на то, чтобы произвести средства существования и необходимые для его личного потребления, то вообще не может быть речи ни о прибавочном продукте, ни о прибавочной стоимости. Производительность земледельческого труда, превышающая индивидуальную потребность рабочего, есть базис всякого общества, и прежде всего базис капиталистического производства, которое все возрастающую часть общества отрывает от производства непосредственных средств существования и превращает ее, по выражению Стюарта, в *free heads*, дает возможность пользоваться ею в других сферах.

Но что сказать о тех более новых экономических писателях, которые, как Daire, Passy и др., на закате дней всей классической экономии, даже на ее смертном одре повторяют самые первоначальные представления об естественных условиях прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости вообще и воображают, будто они этим дают нечто новое и убедительное о земельной ренте, хотя эта земельная рента уже давным-давно представлена как особая форма и специфическая часть прибавочной стоимости? Для вульгарной экономии как раз характерно, что то, что на определенной пережитой ступени развития было ново, оригинально, глубоко и имело основания, она повторяет в такое время, когда это плоско, отстало и ложно. Она сознается таким образом, что ей чуждо даже предчувствие проблем, занимавших классическую экономию. Она смешивает их с вопросами, которые могли ставиться лишь на более низкой ступени развития буржуазного общества. Так же обстоит дело и с ее неустанным самодовольным пережевыванием физиократических положений о свободе торговли. Как бы практически ни интересовали эти положения то или иное государство, они давным-давно утратили всякий теоретический интерес.

При собственно натуральном хозяйстве, когда земледельческий продукт совсем не вступает в процесс обращения или вступает в него лишь очень незначительная часть этого продукта и лишь сравнительно незначительная доля даже той части продукта, которая представляет доход земельного собственника,—так, напр., во многих древнеримских латифундиях, равно как в виллах Карла Великого, а также (см. Vinçard, Histoire du travail) в большей или меньшей мере на всем протяжении средних веков,—продукт и прибавочный продукт крупных имений состоит отнюдь не только из продуктов земледельческого труда. Он охватывает также и продукты промышленного труда. Домашний ремесленный и мануфактурный труд, как подсобное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так—еще до настоящего

времени—и в индийской общине, где ее традиционная организация еще не разрушена. Капиталистический способ производства совершенно уничтожает это сочетание: процесс, который в крупном масштабе можно наблюдать особенно в Англии за последнюю треть XVIII столетия. Головы, выросшие в более или менее полуфеодалных обществах, Герреншванд напр., еще в конце XVIII столетия видят в этом обособлении земледелия и мануфактуры безумно смелый общественный эксперимент, непостижимо рискованный способ существования. И даже в тех земледельческих хозяйствах древности, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и Риме, даже в них больше сходства с хозяйством плантаций, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации ⁴³). В древности мы вообще не найдем в континентальной Италии формальной аналогии,—которая притом во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства и кто не открывает подобно г. Моммсену ⁴⁴) капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве,—мы найдем ее, пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как земледельческая страна, платившая дань Риму, и потому земледелие в существенном имело целью экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова.

Неправильное понимание природы ренты основывается на том обстоятельстве, что рента в натуральной форме из натурального хозяйства средних веков, и в полном противоречии с условиями капиталистического производства, перешла в новейшее время отчасти в виде церковной десятины, отчасти как диковинное отношение, увековеченное старинными договорами. Благодаря этому кажется, как будто рента возникает не из цены земледельческого продукта, а из массы продукта, т. е. не из общественных отношений, а из земли. Уже раньше мы показали, что, хотя прибавочная стоимость воплощается в добавочном продукте, однако добавочный продукт в смысле простого увеличения массы продукта не воплощает, наоборот, прибавочной стои-

⁴³) А. Смит показывает, до какой степени в его время (да и для нашего это остается в силе по отношению к плантаторскому хозяйству в тропических и подтропических странах) рента и прибыль еще не обособились, потому что земельный собственник в то же время и капиталист, как был, напр., Катон в своих имениях. Но это обособление как раз предпосылка капиталистического способа производства, понятие которого притом вообще противоречит такой базе, как рабство.

⁴⁴) В своей римской истории г. Моммсен берет слово капиталист отнюдь не в смысле современной экономики и современного общества, а в духе популярного представления, которое все еще сохраняется не в Англии или Америке, а на континенте, как старинный пережиток исчезнувших отношений.

мости. Он может представлять минус стоимости. Иначе хлопчатобумажная промышленность 1860 года, по сравнению с 1840, должна была бы воплощать огромную прибавочную стоимость, между тем как цена пряжи, напротив, понизилась. Вследствие ряда неурожайных годов рента может чрезвычайно возрасти, потому что цена хлеба повышается, и тем не менее эта добавочная стоимость воплощается в абсолютно уменьшившейся массе вздорожавшей пшеницы. Наоборот, вследствие ряда урожайных годов рента может понизиться, потому что цена падает, но упавшая рента будет представлена в большей массе сравнительно дешевой пшеницы. Теперь, относительно ренты продуктами следует прежде всего заметить, что она представляет перешедший из отжившего способа производства, прозябающий в качестве развалины последнего пережиток, противоречие которого с капиталистическим способом производства обнаруживается в том, что она сама собою исчезает из частных договоров; и что там, где могло вмешаться законодательство, как в случае с церковными десятинами в Англии, она была насильственно сметена как нелепость. Но, во-вторых, там, где она сохранилась на базисе капиталистического способа производства, она была и могла быть лишь по средневековому замаскированным выражением денежной ренты. Пусть, напр., квартал пшеницы доходит до 40 шил. Часть этого квартала должна возместить заключающуюся в нем заработную плату, должна быть продана, без чего последнюю невозможно израсходовать снова; другую часть необходимо продать для того, чтобы уплатить падающую на квартал долю налогов. Там, где развит капиталистический способ производства, а с ним разделение общественного труда, семя и даже часть удобрения входят в процесс воспроизводства как товары, следовательно, должны быть куплены для возмещения; чтобы добыть денег на это, опять-таки приходится продать часть квартала. Если же их в действительности не приходится покупать как товары, если они, напротив, могут быть взяты из самого продукта *in natura*, после чего снова входят как условия производства в его воспроизводство,—как это случается не только в земледелии, но и во многих отраслях производства, которые производят постоянный капитал,—то они вносятся в счет, выраженные как счетные деньги, и вычитаются как составные части издержек производства. Снашивание машин и вообще основного капитала приходится возмещать деньгами. Наконец, очередь за прибылью, которая исчисляется на эти издержки, выраженные в действительных или в счетных деньгах. Эта прибыль воплощается в известной доле валового продукта, которая определяется его ценой. А та часть, которая остается после этого, образует ренту. Если рента продуктами, установленная контрактом, больше этого остатка, определяемого ценой, то это будет

уже не рента, а вычет из прибыли. Уже вследствие одной этой возможности рента продуктами, которая не сообразуется с ценой продукта, следовательно, может составлять и больше и меньше действительной ренты, а потому может оказаться вычетом не только из прибыли, но и из тех элементов, которыми возмещается капитал,—уже по одной этой причине она представляет архаическую форму. В действительности эта рента в продуктах, поскольку она является рентой не только по названию, но и на деле, определяется исключительно избытком цены продукта над его ценой производства. Дело только в том, что эта переменная величина предполагается ею как постоянная. А это сводится к столь элементарному представлению, что продукта *in natura* должно быть достаточно для того, чтобы, во-первых, прокормить рабочих, далее, доставить капиталистическому арендатору больше пищи, чем ему требуется, и что избыток над этим образует естественную ренту. Совершенно так же, как если фабрикант фабрикует 200.000 аршин ситца. Этих аршин достаточно для того, чтобы не только одеть его рабочих, но и более чем одеть его жену и все его потомство и его самого, оставить кроме того ситец на продажу и, наконец, уплачивать ситцем огромную ренту. Дело так просто! Стоит только из 200,000 аршин ситца вычесть цену их производства—и остаток ситца составит ренту. Напр., из 200,000 аршин ситца вычесть цену их производства в 10,000 £, не зная продажной цены ситца, из ситца вычесть деньги, из потребительной стоимости как таковой вычесть меновую стоимость и затем определить избыток аршин ситца над фунтами стерлингов,—это действительно наивное представление. Это хуже, чем квадратура круга, в основе которой все же лежит представление о пределе, за которым сплываются прямая линия и кривая. Но именно таков рецепт господина Passy. Вычтите деньги из ситца, прежде чем в голове или в действительности ситец превратился в деньги! Избыток составляет ренту, которая несмотря на то будто бы *naturaliter* (см., напр., Карла Арнда), а не посредством «софистической» чертовщины становится осязательной! К этой глупости, к вычету цены производства из стольких-то шеффелей пшеницы, к вычитанию денежной суммы из меры объема сводится вся реставрация натуральной ренты.

II. Отработочная рента.

Если мы рассмотрим земельную ренту в ее самой простой форме, в форме отработочной ренты, когда непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически или

юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца, на землевладельца, даром, то здесь дело еще совершенно ясно, рента и прибавочная стоимость здесь тождественны. Рента, не прибыль, — вот та форма, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд. В какой мере рабочий (self-sustaining serf) может получить здесь избыток над необходимыми средствами своего существования, т.-е. избыток сверх того, что при капиталистическом способе производства мы назвали бы заработной платой, это зависит при прочих равных условиях от того отношения, в котором его рабочее время делится на рабочее время для него самого и барщинное рабочее время для землевладельца. Итак, этот избыток над необходимейшими средствами существования, зародыш того, что при капиталистическом способе производства является прибылью, здесь всецело определяется высотой земельной ренты, которая в этом случае не только непосредственно есть неоплаченный прибавочный труд, но и выступает как таковой; неоплаченный прибавочный труд для «собственника» условий производства, которые здесь тождественны с землей, а если и отличны от нее, то считаются лишь ее принадлежностью. Что продукта барщинника должно быть здесь достаточно для того, чтобы кроме средств его существования возместить и условия труда, — это обстоятельство остается общим для всех способов производства, так как это результат не специфической формы последних, а естественное условие всякого непрерывного и воспроизводительного труда вообще, всякого длительного производства, которое всегда оказывается одновременно и воспроизводством, а следовательно, воспроизводством и условий своего собственного функционирования. Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный: несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства.

Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность. Эта самостоятельность не уничтожается тем, что, как, напр., в Индии, эти мелкие крестьяне соединяются между собою в более или менее естественно выросшую производственную общину: здесь идет речь о самостоятельности только по отноше-

нию к номинальному землевладельцу. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только вне-экономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее ⁴⁵⁾. Данная форма как раз тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно. Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, принадлежность в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах возможно, что отношение зависимости имеет политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех поданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — отношение, всякая другая форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий —

⁴⁵⁾ По завоеванию страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение людей. Справ. Linguet. См. также Mösler.

благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.—может обнаруживать в своем проявлении бесконечно вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств.

Что касается отработочной ренты, наиболее простой и первоначальной формы ренты, то очевидно одно: рента является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с нею. Но совпадение прибавочной стоимости с неоплаченным чужим трудом не пугается здесь в дальнейшем анализе, потому что он существует здесь еще в своей очевидной, осязательной форме, так как труд непосредственного производителя на самого себя здесь еще отделен в пространстве и времени от его труда на земельного собственника, и последний труд непосредственно выступает в грубой форме принудительного труда на другое лицо. Точно так же «свойство» земли приносить ренту сводится здесь к осязательно раскрывающейся тайне, потому что в состав природы, приносящей ренту, входит и прикрепленная к земле человеческая рабочая сила, к отношению собственности, вынуждающему владельца рабочей силы напрягать и расходовать ее за пределы того, что требовалось бы для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Рента непосредственно сводится к присвоению этой избыточной затраты рабочей силы земельным собственником; потому что непосредственный производитель не уплачивает последнему больше никакой ренты. Здесь, где не только тождественны прибавочный труд и рента, но и прибавочная стоимость еще осязательно имеет форму прибавочного труда, совершенно ясно выступают и естественные условия или границы ренты, потому что это суть естественные условия и границы прибавочного труда вообще. Непосредственный производитель должен 1) обладать достаточной рабочей силой, и 2) природные условия его труда, т.-е. в первую очередь обрабатываемой земли, должны быть достаточно благоприятны, словом, естественная производительность его труда должна быть достаточно велика, для того чтобы у него оставалась возможность затрачивать избыточный труд сверх труда, необходимого для удовлетворения его собственных необходимых потребностей. Эта возможность не создает ренты, ее создает лишь принуждение, превращающее возможность в действительность. Но самая возможность связана с субъективными и объективными естественными условиями. В этом тоже нет решительно ничего таинственного. Если рабочая сила незначительна и природные условия труда скудны, то прибавочный труд незначителен, но в таком случае незначительны с одной стороны потребности производителей, с другой стороны относительно количество

эксплоататоров прибавочного труда и, наконец, прибавочный продукт, в котором реализуется этот мало производительный прибавочный труд на это относительно незначительное число эксплуатирующих собственников.

Наконец, при отработочной ренте ясно само собою, что, при прочих равных условиях, всецело от относительных размеров прибавочного или барщинного труда зависит, в какой мере у непосредственного производителя окажется возможность улучшать свое положение, обогащаться, производить известный избыток сверх необходимых средств существования, или, если мы антиципируем капиталистический способ выражения, окажется ли у него и в какой мере возможность производить какую бы то ни было прибыль для себя самого, т.-е. неизвестный избыток над его заработной платой, производимой им же самим. Рента здесь нормальная, все поглощающая, так сказать, законная форма прибавочного труда; она далека от того, чтобы представлять избыток над прибылью, т.-е. для данного случая над каким-либо иным избытком сверх заработной платы; напротив, здесь не только размер такой прибыли, но и самое ее существование зависит, при прочих равных условиях, от размера ренты, т.-е. прибавочного труда, принудительно выполняемого для собственника.

Некоторые историки выразили свое удивление перед тем, что, хотя непосредственный производитель не собственник, а лишь владелец, и весь его прибавочный труд *de jure* действительно принадлежит земельному собственнику, при этих условиях вообще может совершаться самостоятельное развитие имуществ и, говоря относительно, богатства у обязанных барщиной или крепостных. Между тем ясно, что при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоится это общественное отношение производства и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть преобладающую роль. Ясно далее, что здесь, как и повсюду, господствующая часть общества заинтересована в том, чтобы санкционировать существующее как закон, и те его ограничения, которые даны обычаем и традицией, фиксировать как законные ограничения. Это же—оставляя все другое в стороне—делается впрочем само собою, раз постоянное воспроизводство базиса существующего состояния, лежащего в его основе отношения, приобретает с течением времени урегулированную и упорядоченную форму; и эти регулярность и порядок сами суть необходимый момент всякого способа производства, раз ему предстоит приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая или произвола. Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства, и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто про-

извола. Он достигает этой формы при застойном состоянии как процесса производства, так и соответствующих ему общественных отношений, посредством простого повторного их воспроизводства. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и наконец санкционируется как положительный закон. Так как данная форма прибавочного труда, барщинный труд, покоится на неразвитости всех общественных производительных сил труда, на примитивности самого способа труда, то барщинный труд необходимо отнимает у непосредственного производителя, конечно, несравненно меньшую долю всего труда, чем при развитых способах производства и в особенности при капиталистическом производстве. Предположим, напр., что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю таким образом установились, являются постоянной величиной, закономерно урегулированной обычным или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходимо развивается в процессе его опыта, — совершенно так же, как новые потребности, с которыми он знакомится, совершенно так же, как расширение рынка для его продукта, возрастающая обеспеченность использования этой части его рабочей силы будут служить стимулом для усиленного напряжения рабочей силы, при чем не следует забывать, что применение этой рабочей силы отнюдь не ограничивается земледелием, но охватывает и деревенскую домашнюю промышленность. Таким образом здесь имеется возможность известного экономического развития, разумеется, в зависимости от более или менее благоприятных обстоятельств, от врожденного расового характера и т. д.

III. Рента продуктами.

Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты. Последнее при тех формах, которые мы рассматриваем здесь, заключается в том, что земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда; а это в свою очередь выражается в том, что она представляет единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, у которого во владении находятся условия труда, необходимые для собственного воспроизводства этого производителя, может доставить собственнику у такого условия труда, которое в этом

состоянии охватывает все, т.-е. собственнику земли; и что с другой стороны только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворяемое в земельном собственнике. Если рента продуктами представляет господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т.-е. ренты, которая доставляется непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство. Рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще; и отличается она от предыдущей формы тем, что прибавочный труд приходится совершать уже не в его натуральном виде, а потому уже не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя; напротив, непосредственный производитель должен выполнять его под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети. Прибавочное производство, в смысле производства сверх необходимых потребностей непосредственного производителя, и производство на фактически ему самому принадлежащем поле производства, им самим эксплуатируемой земле, вместо производства в господском поместье подле и вне своего, как было раньше, здесь стали уже само собою разумеющимся правилом. При этом отношении непосредственный производитель более или менее располагает употреблением всего своего рабочего времени, хотя часть этого рабочего времени, первоначально почти вся избыточная часть его, попрежнему даром принадлежит земельному собственнику, с той только разницей, что последний уже не получает его непосредственно в его собственной натуральной форме, а получает в натуральной форме того продукта, в котором это время реализуется. Обременительные и в зависимости от регулирования барщинного труда являющиеся большей или меньшей помехой перерывы, обуславливаемые работой на земельного собственника (сравн. книга I, глава VIII, 2, фабрикант и боярин), отпадают, раз рента продуктами развивается в чистом виде, или сводятся по крайней мере к немногочисленным коротким перерывам в течение года, раз на ряду с рентой продуктами сохраняются известные барщины. Труд производителя на самого себя и его труд на земельного собственника уже не отделяются осязательно во времени и пространстве. Эта рента продуктами в ее чистом виде, хотя ее обломки могут доходить до более развитых способов производства и производственных отношений, попрежнему предполагает па-

натуральное хозяйство, т.-е. предполагает, что условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта. Она предполагает далее соединение деревенской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо-промышленного семейного труда, при чем, как это часто было в средние века, в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты, или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта. При этой форме ренты рента продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющего его необходимейшие потребности. Вместе с этой формой выступают также большие различия в экономическом положении отдельных непосредственных производителей. По крайней мере имеется возможность для этого, а также та возможность, что этот непосредственный производитель приобретет средства для того, чтобы самому, в свою очередь, непосредственно эксплуатировать чужой труд. Однако здесь, где мы заняты чистой формой ренты в продуктах, это нас не касается; как и вообще мы не можем разбирать бесконечно различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, затушевываться и сливаться. Благодаря тому, что эта форма, рента в продуктах, связана с определенным характером продукта и самого производства, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, напр., в Азии. Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, т.-е. всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли,—хотя это принуждение уже не противостоит ему в старой суровой форме. Прибыль,—если мы, прибегая

к ложной антиципации, назовем так ту долю избытка его труда над необходимым трудом, которую он присвоивает сам себе,—до такой степени не оказывает определяющего влияния на ренту в продуктах, что скорее можно было бы сказать, что она появляется за спиной последней и находит свою естественную границу в размере ренты продуктам. Последняя может достигать такого размера, что является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самых средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму средств существования. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и начинает использовать торговая нация-завоеватель, как, например, англичане в Индии.

IV. Денежная рента.

Под денежной рентой мы разумеем здесь—в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей лишь избыток над средней прибылью,—земельную ренту, возникающую из простого метаморфоза ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой. Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать собственнику земли (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в натуральной форме последнего; избыток необходимо превратить из этой натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель попрежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом. Отношение издержек производства, в состав которых теперь входят в большей или меньшей мере и денежные затраты, приобретает решающее значение; во всяком случае приобретает решающее значение избыток той части валового продукта, которую предстоит превратить в деньги, над той частью, которая должна послужить, с одной стороны, опять как средство воспроизводства, с другой стороны, как непосредственное средство существования. Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и приближается к своему разложению, все еще остается тот же, как при ренте продуктами, которая служит исходным пунктом. Непосредственный производитель попрежнему наследственный или вообще традиционный

владелец земли, который должен уплачивать господину как собственнику этого существеннейшего условия его производства избыточный принудительный труд, т.-е. неоплаченный, выполняемый без эквивалента труд, принимающий форму прибавочного продукта, превращенного в деньги. Собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей уже при предшествующих формах, и тем более приходится предполагать это для такой формы, как денежная рента. Сначала sporadическое, потом все более и более приближающееся к национальному масштабу превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах. На востоке Европы мы могли бы еще отчасти собственными глазами наблюдать процесс этого превращения. Насколько неосуществимо это без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют неоднократно при римских императорах неудачные попытки этого превращения и возвраты к натуральной ренте после того, как пробовали превратить в денежную ренту хотя бы всю ту часть этой ренты, которая взималась в виде государственного налога. Об этой же трудности свидетельствует, напр., перед революцией во Франции нарушение и соединение денежной ренты с остатками ее прежних форм.

Денежная рента как превращенная форма ренты в продуктах, и в противоположность ей, есть последняя форма и в то же время форма разложения того рода земельной ренты, который мы рассматривали до настоящего времени, именно земельной ренты как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится доставлять собственнику условий производства. В своем чистом виде эта рента, как отработочная рента и рента продуктами, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю. Поскольку прибыль существует фактически лишь как особая часть избыточного труда наряду с рентой, денежная рента, как и рента в ее прежних формах, все еще остается нормальной границей этой эмбриональной прибыли, которая может развиваться лишь по мере того, как развивается возможность эксплуатации собственного ли избыточного, чужого ли труда, который получается в остатке по выполнении прибавочного труда, воплощенного в денежной ренте. Если прибыль полу-

чается действительно на ряду с этой рентой, то выходит, что не прибыль граница ренты, а, наоборот, рента граница прибыли. Но, как уже сказано, денежная рента есть в то же время форма разложения рассматривавшейся до сих пор земельной ренты, *prima facie* совпадающей с прибавочной стоимостью и прибавочным трудом, земельной ренты как нормальной и господствующей формы прибавочной стоимости.

В своем дальнейшем развитии денежная рента необходимо приводит,—оставляя в стороне промежуточные формы, как, напр., форму мелко-крестьянских арендаторов,—или к превращению земли в свободную крестьянскую собственность, или к форме капиталистического способа производства, к ренте, уплачиваемой капиталистическим арендатором.

При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и между земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона, чистое денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение, при наличности прочих благоприятных общих отношений производства, с одной стороны утилизируется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое обязательство уплачивать ренту и превращается в независимого крестьянина, с полной собственностью на возделываемую им землю. Далее, превращение натуральной ренты в денежную ренту не только необходимо сопровождается, но даже антиципируется образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги батраков. Поэтому в период возникновения этого нового класса, когда он выступает еще лишь спорадически, у обязанных к платежу ренты крестьян, находящихся в лучшем положении, необходимо развивается обыкновение эксплуатировать сельских наемных рабочих за собственный счет,—совершенно так же, как уже в эпоху феодализма более состоятельные зависимые крестьяне в свою очередь держали вассалов. Таким образом для них постепенно развивается возможность собрать известное состояние и самим превратиться в будущем в капиталистов. Так даже среди старых владельцев земли, которые работают сами, возникает питомник капиталистических арендаторов, развитие которых обуславливается общим развитием капиталистического производства вне деревни, и которые расцветают с особенной быстротой, если на помощь им приходят, как в XVI веке в Англии, особо благоприятные обстоятельства, подобно тогдашнему прогрес-

сивному обесценению денег, обогащавшему их, при обычных для того времени долгосрочных арендных договорах, за счет земельных собственников.

Далее: когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и между земельным собственником принимает форму договорного отношения— превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития мирового рынка, торговли и мануфактуры,— необходимо начинается и отдача земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли за пределами деревни и которые теперь переносят в деревню и в сельское хозяйство уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта как только товара и как только средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может сделаться лишь в странах, которые при переходе из феодального в капиталистический способ производства господствовали на мировом рынке. С вмешательством капиталистического арендатора между земельным собственником и действительно работающим земледельцем разрываются все отношения, возникавшие из прежнего способа производства в деревне. Арендатор становится действительным распорядителем этих земледельческих рабочих и действительным эксплуататором их прибавочного труда, между тем как земельный собственник стоит теперь в прямом отношении, именно просто денежном и договорном отношении, лишь к этому капиталистическому арендатору. Вместе с тем претерпевает превращение и природа ренты, и превращение это не только фактическое и случайное, как отчасти наблюдалось уже при прежних формах, а нормальное превращение, превращение в ее признанной и господствующей форме. От нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда она низводится до положения избытка этого прибавочного труда над той его частью, которая присваивается в форме прибыли эксплуатирующим капиталистом; равно как он же теперь непосредственно извлекает весь прибавочный труд— прибыль и избыток над прибылью,—берет его в форме всего прибавочного продукта и превращает в деньги. В качестве ренты он отдает земельному собственнику теперь только избыточную часть этой прибавочной стоимости, которую он, в силу своего капитала, извлек непосредственной эксплуатацией сельских рабочих. Сколько именно он отдает земельному собственнику, это определяется в среднем, как предел, той средней прибылью, которую капитал приносит в земледельческих сферах производства, и регулируемыи его земледельческими цепями производства. Итак, из нормальной формы прибавочной стоимости и прибавочного труда рента теперь превратилась

в характерный для этой особой сферы производства, для земледельческой сферы, избыток над той частью прибавочного труда, которую капитал забирает как часть, с самого начала и естественно подобающую ему. Вместо ренты прибыль сделалась теперь нормальной формой прибавочной стоимости, и рента считается теперь лишь обособившейся при особых обстоятельствах формой не прибавочной стоимости вообще, а определенного ее ответвления, добавочной прибыли. Нет необходимости дальше останавливаться на том, что этому превращению соответствует постепенное превращение в самом способе производства. Это видно уже из того, что нормальным для этого капиталистического арендатора является производство земледельческого продукта как товара, и что в то время, как раньше в товар превращался лишь избыток над его средствами существования, теперь отгласительно лишь ничтожная доля этих товаров непосредственно превращается в средства существования для него. Уже не земля, а капитал подчиняет теперь себе и своей производительности земледельческий труд.

Средняя прибыль и регулируемая ею цена производства образуется вне отношений деревни, в сфере городской торговли и мануфактуры. Прибыль крестьянина, уплачивающего ренту, не принимает участия в уравнении прибылей, потому что его отношение к земельному собственнику не есть капиталистическое отношение. Поскольку он получает прибыль, т. е. реализует—собственным ли трудом или эксплуатацией чужого труда,—избыток над необходимыми средствами своего существования, это совершается вне нормального отношения и, при прочих равных условиях, не высота этой прибыли определяет ренту, а, наоборот, сама она определяется рентой как своей границей. Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому составу капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на заработную плату элемент. Она обязана своей высотой оказываемому на деревню гнету, присвоению части ренты земельного собственника и дохода его вассалов. Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим непосредственным купеческим обманом и своим ростовщичеством.

Можно было бы думать, что простой факт выступления капиталистического арендатора в сельско-хозяйственном производстве служит доказательством того, что цена земледельческих продуктов, которые в той или иной форме искони уплачивали ренту, должна бы стоять выше

цен производства в мануфактуре по крайней мере в эпоху этого выступления,—потому ли, что она достигла уровня монопольной цены, или же потому, что она повысилась до уровня стоимости сельскохозяйственных продуктов, а их стоимость действительно выше цены производства, регулируемой средней прибылью. Потому что, если бы этого не было, капиталистический арендатор при существующих для него ценах сельскохозяйственных продуктов не мог бы сначала реализовать из пены этих продуктов среднюю прибыль, а потом из той же самой цены уплатить еще в форме ренты избыток над этой ценой. Из этого можно было бы сделать тот вывод, что общая норма прибыли, которая характеризует капиталистического арендатора в его контракте с земельным собственником, образовалась без включения ренты и потому, начиная играть регулируемую роль в сельском хозяйстве, находит этот избыток готовым и оставляет его земельному собственнику. Таким традиционным способом объясняет себе дело, напр., г. Родбертус. Но:

Во-первых. Это вступление капитала в земледелие как самостоятельной и руководящей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как скотоводство, особенно овцеводство, главный продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, при чем эти цены уравниваются лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке.

Во-вторых. Так как это капиталистическое производство сначала выступает лишь спорадически, то ничего невозможно возразить против предположения, что оно сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного положения в общем могут уплачивать дифференциальную ренту.

В-третьих. Даже при том положении, что при выступлении этого способа производства, предполагающего в действительности возрастание городского спроса, цены сельскохозяйственного продукта были выше цены производства, как это вне всякого сомнения было, напр., в последнюю треть XVII века в Англии,—даже и тогда, раз этот способ производства до известной степени выбьется из простого подчинения земледелия капиталу и раз произойдет необходимо связанное с его развитием улучшение в земледелии и понижение издержек производства, совершится процесс уравнивания вследствие известной реакции, известного понижения цены сельскохозяйственных продуктов, как это было в первой половине XVIII века в Англии.

Итак, этим традиционным способом невозможно объяснить ренту как избыток над средней прибылью. При каких бы исторически данных условиях ни выступила рента впервые,—раз она пустила корень, она может существовать уже лишь при ранее изложенных современных условиях.

В заключение, говоря о превращении ренты продуктами в денежную ренту, следует еще заметить, что вместе с тем становится существенным моментом капитализированная рента, цена земли, а следовательно, ее отчуждаемость и отчуждение, и что благодаря этому не только прежние обязанные к платежу ренты могут превратиться в независимых крестьян-собственников, но и городские и прочие денежные люди могут покупать участки земли с той целью, чтобы сдавать их крестьянам ли, капиталистам ли и пользоваться рентой как формой процента на свой таким способом затраченный капитал; что, следовательно, и это обстоятельство содействует преобразованию прежнего способа эксплуатации, отношения между собственником и действительным возделывателем, а также самой ренты.

У. Издольное хозяйство и крестьянская парцеллярная собственность.

Здесь мы подошли к концу ступеней, которые земельная рента прошла в своем развитии.

Во всех этих формах земельной ренты: отработочная рента, рента продуктами, денежная рента (как просто превращенная форма ренты продуктами), действительным возделывателем и владельцем земли всегда предполагается плательщик ренты, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли. Это не только возможно, но и действительно так бывает даже при последней форме, при денежной ренте,—поскольку она является в чистом виде, т. е. как просто превращенная форма ренты продуктами.

Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать *metairie-system*, или систему издольного хозяйства, при которой возделыватель (арендатор) кроме труда (собственного или чужого) доставляет часть капитала для ведения хозяйства, а земельный собственник кроме земли—остальную часть этого капитала (напр., скот), и продукт делится в определенных, различных для различных стран пропорциях между фермером и земельным собственником. С одной стороны у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны та доля, которую получает здесь земельный собственник, не есть чистая форма ренты. В действительности в ней

может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента. Она может в действительности также и поглотить весь прибавочный труд арендатора, и оставить ему большую или меньшую часть этого прибавочного труда. Но существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны фермеру, принимает ли он только собственный или же чужой труд, приходится предъявлять притязание на известную часть продукта не потому, что он рабочий, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны земельный собственник предъявляет на свою долю притязание, основываясь не исключительно на своей собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал ⁴⁵⁾.

Остаток старинной общинной собственности на землю, сохранившийся после перехода к самостоятельному крестьянскому хозяйству, напр., в Польше и Румынии, послужил там внешним поводом для того, чтобы осуществить переход к более низким формам земельной ренты. Часть земли принадлежит отдельным крестьянам и обрабатывается ими самостоятельно. Другая обрабатывается сообща и образует прибавочный продукт, который служит отчасти для покрытия расходов общины, отчасти как резерв на случай неурожая и т. д. Эти две последних части прибавочного продукта, а в конце концов и весь прибавочный продукт вместе с землей, на которой он вырастает, мало-по-малу узурпируются государственными чиновниками и частными лицами, и первоначально свободные крестьяне-землевладельцы, для которых сохраняется возможность совместной обработки этой земли, превращаются таким образом в барщинных или обязанных к платежу ренты продуктами, между тем как узурпаторы превращаются в собственников не только узурпированной ими общинной земли, но и самих крестьянских участков.

Здесь нам нет надобности подробнее останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве (которое тоже проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитывающей преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок) и на помещичьем хозяйстве, в котором земельный собственник ведет возделывание за собственный счет, владеет всеми орудиями производства и эксплуатирует труд батраков, — несвободных или свободных, оплачиваемых натурой или деньгами. Земельный собственник и собственник орудий производства, а потому и непосредственный эксплуататор рабочих, относящихся к числу этих элементов производства, здесь, совпадают. Точно так же совпадают

⁴⁵⁾ Сравн. Buret, Tocqueville, Sismondi.

рента и прибыль, разделение различных форм прибавочной стоимости не имеет места. Собственник всех орудий производства, к которым относится земля, а при первоначальной форме рабства и сами непосредственные производители, прямо извлекает из рабочих весь прибавочный труд, который здесь воплощается в прибавочном продукте. Там, где преобладание принадлежит капиталистическому способу представления, как в американских плантациях, вся эта прибавочная стоимость рассматривается как прибыль; там, где не существует самого капиталистического способа производства и куда еще не перенесен соответствующий ему способ представления из капиталистических стран, она представляется рентой. Во всяком случае эта форма не представляет никаких затруднений. Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им свободный прибавочный продукт является здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует базис присвоения.

Далее парцеллярная собственность. Крестьянин здесь одновременно и свободный собственник своей земли, которая является главным орудием его производства, необходимой арендой для того, чтобы дать занятие его труду и его капиталу. При этой форме не уплачивается какой бы то ни было арендной платы, следовательно, рента не выступает в качестве обособленной формы прибавочной стоимости, хотя в странах, где в других сферах получил развитие капиталистический способ производства, она при сравнении с другими отраслями производства представляется добавочной прибылью, но такой добавочной прибылью, которая, как вообще вся выручка от труда, достается крестьянину.

Эта форма земельной собственности предполагает, что, как и при ее прежних, более древних формах, сельскому населению принадлежит огромный численный перевес над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит лишь слабо, а потому и в других отраслях производства концентрация капиталов вращается в узких границах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять здесь преобладающую долю сельско-хозяйственного продукта как непосредственное средство существования и лишь избыток над этим может как товар принимать участие в торговле с городами. Как бы ни регулировалась здесь средняя рыночная цена земледельческого продукта, дифференциальная рента, избыточная часть цены товаров с лучших или лучше расположенных земель, очевидно, должна существовать здесь точно так же.

как при капиталистическом способе производства. Даже в тех случаях, когда эта форма существует при состояниях общества, при которых еще вообще не развилась общая рыночная цена, существует эта дифференциальная рента; тогда дифференциальная рента выступает в виде избыточного прибавочного продукта. Но попадает она в карман того крестьянина, труд которого реализуется при более благоприятных естественных условиях. Как раз при этой форме, где цена земли входит элементом в фактические издержки производства для крестьянина: потому ли, что с дальнейшим развитием этой формы земля при разделе наследства достается взамен известной денежной стоимости, или потому, что при постоянных переходах всей собственности или ее составных элементов сам возделыватель покупает землю, при чем деньги он добывает по большей части под ипотеку; где, следовательно, цена земли, представляющая не что иное, как капитализированную ренту, есть элемент, предполагаемый наперед, и где поэтому кажется, что рента существует независимо от каких бы то ни было различий в плодородии и положении земли,—как раз при этой форме приходится в общем предполагать, что абсолютной ренты не существует, и что, следовательно, наихудшая земля не приносит никакой ренты; потому что абсолютная рента или предполагает, что реализуется избыток стоимости продукта над его ценой производства, или предполагает избыточную монопольную цену, превышающую стоимость продукта. Но так как сельское хозяйство ведется здесь, главным образом, из-за непосредственных средств существования, и так как земля представляет для большинства населения необходимое поле приложения его труда и капитала, то регулирующая рыночная цена продукта лишь при исключительных обстоятельствах достигнет размеров его стоимости; стоимость же эта, так как преобладание принадлежит элементу живого труда, будет, вообще говоря, выше цены производства, хотя этот избыток стоимости над ценой производства ограничивается в свою очередь тем, что в странах парцеллярного хозяйства и неземледельческий капитал имеет низкий состав. Пределом эксплуатации для парцеллярного крестьянина не является ни средняя прибыль на капитал с одной стороны, поскольку сам он является мелким капиталистом, ни необходимость ренты с другой стороны, поскольку он сам является земельным собственником. Абсолютной границей для него как для мелкого капиталиста является лишь заработная плата, которую он, по вычете собственно издержек, уплачивает сам себе. Пока цена продукта покрывает заработную плату для него, он будет возделывать свою землю, при чем он часто спускается до физического минимума заработной платы. Что касается его в качестве земельного собственника, то для него отпадает граница, полагаемая собственностью,

так как она может проявиться лишь в противоположность обособленному от нее капиталу (включая и труд), ставя препятствие для приложения последнего. Конечно, процент на цену земли, который при том обыкновенно приходится уплачивать третьему лицу, ипотечному кредитору, представляет границу. Но этот процент может уплачиваться как раз из той части прибавочного труда, которая при капиталистических отношениях образовала бы прибыль. Следовательно, рента, антиципированная вземельной цене и уплачиваемом на последнюю проценте, не может быть чем-либо иным, как лишь частью капитализированного прибавочного труда крестьянина, избытка над трудом, необходимым для его пропитания, хотя этот прибавочный труд не реализуется в части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и тем более не реализуется в избытке над реализованным в средней прибыли прибавочным трудом, не реализуется в добавочной прибыли. Рента может представлять вычет из средней прибыли или даже единственную часть ее, которая только и реализуется. Следовательно, для того, чтобы парцеллярный крестьянин мог обрабатывать свою землю или купить землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена сельскохозяйственного продукта поднялась настолько высоко, чтобы приносить ему среднюю прибыль, а тем более избыток над этой средней прибылью, фиксируемый в форме ренты. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня ли стоимости, до уровня ли цены производства продукта крестьянина. Это—одна из причин, почему в странах, в которых господствует парцеллярная собственность, цена хлеба ниже, чем в странах капиталистического способа производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, даром предоставляется обществу и не принимает участия в регулировании цен производства и в образовании стоимости вообще. Следовательно, эта сравнительно низкая цена есть результат бедности производителей, но отнюдь не производительности их труда.

Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян с собственным хозяйством как господствующая, нормальная форма образует с одной стороны экономическую основу общества в лучшие времена классической древности, а с другой стороны мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, возникающих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы *yeomanry* в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французские и западно-германские крестьяне. О колониях мы здесь не говорим, так как независимый крестьянин развивается там при иных условиях.

Свободная собственность крестьянина, который сам ведет хозяйство, очевидно есть нормальной форма земельной собственности для

мелкого производства; т.-е. для такого способа производства, при котором владение землею является условием собственности работника на продукт его собственного труда, и при котором, будет ли земледелец свободным собственником или вассалом, он во всяком случае должен сам, независимо, вместе со своей семьей, производить средства своего существования, как обособленный рабочий. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на орудие—для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она—необходимый переходный пункт для развития самого земледелия. Причины, по которым она гибнет, раскрывают ее границы. Они таковы: уничтожение деревенской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности, постепенное объединение и истощение земли, подвергающейся этой культуре; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность держать скот; конкуренция крупного хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или капиталистически. Ее гибели содействуют также улучшения в земледелии, которые приводят с одной стороны к понижению цен сельскохозяйственных продуктов, а с другой стороны требуют увеличения затрат и более обильных вещественных условий производства; так было, напр., в первой половине XVIII века в Англии.

Парцеллярная собственность по своей природе исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупном масштабе, возрастающее приложение науки.

Ростовщичество и налоговая система повсюду должны вести ее к пауперизации. Затрата капитала на покупку земли отвлекает этот капитал от культуры. Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Колоссальное расточение человеческой силы. Возрастающее ухудшение условий производства и вздорожание средств производства—необходимый закон парцеллярной собственности. Для этого способа производства несчастье в урожайных годах ⁴⁶⁾.

Одна из специфических бед мелкого земледелия, когда оно связано с свободной собственностью на землю, происходит из того, что возделыватель затрачивает капитал на покупку земли. (То же относится и к переходной форме, при которой крупный землевладелец затрачивает капитал, во-первых, на покупку земли, и, во-вторых, на

⁴⁶⁾ См. тронную речь французского короля у Тука.

то, чтобы в качестве своего собственного арендатора вести на ней хозяйство). При той подвижности, которую приобретает здесь земля как простой товар, возрастает число перемен во владении ею⁴⁷⁾, так что для каждого нового поколения, с каждым разделом наследства, земля, с точки зрения крестьянина, снова выступает в виде капитальной затраты, т.-е. становится купленною им землею. Цена земли образует здесь преобладающий элемент индивидуальных *faux frais*, непрямых издержек производства или издержек производства продукта для отдельных производителей.

Цена земли есть не что иное, как капитализированная и поэтому антиципированная рента. Если земледелие ведется капиталистически, так что земельный собственник получает только ренту, арендатор же ничего не платит за землю, кроме этой ежегодной ренты, то ясно, что хотя капитал, затраченный самим земельным собственником на покупку земли, является для него применением капитала, приносящим проценты, он тем не менее не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на самое земледелие. Он не составляет элемента ни функционирующего в земледелии основного, ни оборотного капитала⁴⁸⁾; напротив, он только доставляет покупателю титул на получение ежегодной ренты, но не имеет решительно никакого касательства к производству этой ренты. Ведь покупатель земли отдает капитал как раз тому, кто продает землю, и продавец отказывается за это от своей собственности на землю. Следовательно, как капитал покупателя этот капитал уже не существует; у покупателя его уже нет; следовательно, он не относится к тому капиталу, который тем или иным способом можно было бы вложить в самую землю. Дорого или дешево покупатель купил землю, или получил ее даром,—это ничего не изменяет ни в том капитале, который арендатор затрачивает на ведение хозяйства, ни в ренте, но вносит лишь то изменение, представляется ли последняя для него процентом или нет, или представляется ли она для него высоким или низким процентом.

47) См. Mounier и Rubichon.

48) Г. д-р Н. Марон [Extensiv oder Intensiv? [(Точнее эта брошюра не обозначена)] исходит из ложного предположения тех, с кем он борется. Он предполагает, что капитал, затрачиваемый на покупку земли, есть „Anlagekapital“, и потом начинает спорить относительно соответствующих понятий Anlagekapital и капитал для ведения хозяйства, т.-е. основной капитал и оборотный капитал. Его совершенно школьные представления о капитале вообще,—извинительные впрочем для неэкономиста вследствие состояния германской „науки о народном хозяйстве“,—скрывают от него, что этот капитал не есть ни основной, ни оборотный капитал: точно так же, как капитал, который кто-нибудь затрачивает на бирже на покупку акций или государственных фондов и который для него лично представляет помещение капитала, действительности не затрачивается в какую бы то ни было отрасль производства.

Возьмем, напр., рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выколочена из него. Но капитал, уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это—капитал, с которым рабовладелец расстался, вычит из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца,—совершенно так же, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если он перепродает раба или землю. Но тогда в таком же положении окажется покупатель. То обстоятельство, что он купил раба, еще далеко не дает ему возможности эксплуатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в само рабовладельческое хозяйство.

Один и тот же капитал не существует вдвойне: и в руках продавца, и в руках покупателя земли. Из рук покупателя он переходит в руки продавца, и этим дело закончено. У покупателя теперь нет капитала, но у него имеется зато участок земли. То обстоятельство, что ренту, получаемую от действительного приложения капитала к этому участку земли, новый земельный собственник считает теперь процентом на капитал, который он не вложил в землю, а затратил на приобретение земли, ничего не изменяет в экономической природе фактора-земли,—как то обстоятельство, что кто-нибудь уплатил 1000 £ за трехпроцентные консоли, не имеет никакого отношения к тому капиталу, из дохода которого выплачиваются проценты по государственному займу.

Деньги, затраченные на покупку земли, как и деньги, израсходованные на покупку государственных бумаг, представляют в действительности капитал лишь в себе, как всякая сумма стоимости на базисе капиталистического способа производства представляет капитал в себе, потенциальный капитал. За землю уплачивается, как за государственные фонды, как за другой покупаемый товар, известная сумма денег. Она в себе капитал, потому что она может быть превращена в капитал. От того употребления, которое покупатель даст полученным им деньгам, зависит, превратятся ли они действительно в капитал или нет. Для покупателя они уже не могут функционировать как капитал,—подобно всяким другим деньгам, которые им окончательно израсходованы. В его расчетах они фигурируют для чего как капитал, приносящий проценты, потому что доход, получаемый

в виде ренты с земли или процента по государственному займу, исчисляется им как процент на деньги, которых стоила ему покупка титула на этот доход. Он может реализовать их как капитал только посредством перепродажи. Но тогда другой, новый покупатель попадает в такое же положение, в котором был первый, и никакими перемещениями из рук в руки затраченные таким образом деньги не могут превратиться в действительный капитал для того, кто их затратил.

При мелкой земельной собственности еще больше упрочивается та иллюзия, будто сама земля имеет стоимость и потому как капитал входит в цену производства продукта, подобно машине или сырому материалу. Но мы видели, что рента, а потому и капитализированная рента, цена земли, только в двух случаях может принимать участие в определении цены земледельческого продукта. Во-первых, когда вследствие состава земледельческого капитала,—капитала, который не имеет ничего общего с капиталом, затраченным на покупку земли,—стоимость земледельческого продукта выше его цены производства и отношения рынка делают возможным для земельного собственника использовать эту разницу. Во-вторых, когда имеет место монополия цена. И то и другое реже всего встречается при парцеллярном хозяйстве и мелкой земельной собственности, потому что как раз здесь производство в очень большой мере удовлетворяет собственным потребностям и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли. Даже в тех случаях, когда парцеллярное хозяйство ведется на арендованной земле, арендная плата здесь в несравненно большей мере, чем при каких бы то ни было иных условиях, включает в себе часть прибыли и даже вычит из заработной платы; в таком случае это—рента лишь номинально, не рента как самостоятельная категория в противоположность заработной плате и прибыли.

Итак, затрата денежного капитала на покупку земли не есть приложение земледельческого капитала. Она является pro tanto сокращением того капитала, которым могли бы располагать мелкие крестьяне в сфере самого производства. Она уменьшает pro tanto размер их средств производства и потому суживает экономический базис воспроизводства. Она подчиняет мелкого крестьянина ростовщику, так как в этой сфере собственно кредит вообще встречается редко. Она является тормозом для земледелия даже в том случае, когда эта купля совершается крупными помещичьими хозяйствами. В действительности она противоречит капиталистическому способу производства, которому вообще говоря, нет дела до задолженности земельного собственника, до того, получил ли он свое имение по наследству или купил. Сам ли он забирает ренту, или же должен в свою очередь отдать ее ипотеч-

ному кредитору;—это само по себе ничего не измещает в ведении хозяйства в заарендованном имении.

Мы видели, что при данной величине земельной ренты цена земли регулируется размером процента. Если последний низок, то цена земли высока, и обратно. Итак, при нормальных условиях высокая цена земли и низкий размер процента, должны бы идти рук об руку, так что, если бы крестьянин вследствие низкого размера процента дорого заплатил за землю, то этот же самый низкий размер процента должен был бы повести к тому, что он на благоприятных условиях достанет в кредит капитал для ведения хозяйства. В действительности при господстве parcelлярной собственности дело обстоит иначе. Прежде всего, к крестьянам не относятся общие законы кредита, так как они предполагают, что производитель является капиталистом. Во-вторых, там, где господствует parcelлярная собственность—о колониях здесь нет речи—и parcelлярный крестьянин образует главный ствол нации, образование капитала, т.-е. общественное воспроизводство, сравнительно слабо, и еще слабее образование ссудного капитала в раньше-изложенном смысле. Оно предполагает концентрацию и наличность класса богатых праздных капиталистов (Massie). В-третьих, в этом случае, где собственность на землю составляет жизненное условие для большей части производителей и необходимую сферу для приложения их капитала, цена земли повышается, независимо от размера процента и часто в обратном отношении к нему, перевесом спроса на земельную собственность над предложением. Земля, продаваемая parcelлами, часто дает здесь много более высокую цену, чем при продаже крупными комплексами, так как здесь число мелких покупателей огромно, а число крупных покупателей мало (Bandes Noires, Rubichon; Newman). По всем этим причинам здесь цена земли повышается при относительно высоком размере процента. Относительно низкому проценту, который крестьянин извлекает здесь из капитала, затраченного на покупку земли (Moupiet), на противоположной стороне здесь соответствует высокий ростовщический размер процента, который сам крестьянин должен уплачивать ипотечному кредитору. Ирландская система обнаруживает то же самое, только в иной форме.

Поэтому цена земли, этот элемент, чуждый производству самому по себе, может достигать здесь такой высоты, что производство становится невозможным (Dombasle).

Что цена земли играет здесь такую роль, что купля и продажа земли, обращение земли в качестве товаров развивается до такого размера, это практически является следствием развития капиталистического способа производства, при котором товар становится общей формой всех продуктов и всех орудий производства. С другой стороны

эти явления развиваются только там, где капиталистический способ производства получил лишь ограниченное развитие и не развернул всех своих особенностей; так как эти явления покоятся именно на том, что земледелие уже не подчинено—или еще не подчинено—капиталистическому способу производства, а способу производства, сохранившемуся от погибших форм общества. Следовательно, недостатки капиталистического способа производства, с его зависимостью производителя от денежной цены его продукта, совпадают здесь с недостатками, вытекающими из недостаточного развития капиталистического способа производства. Крестьянин становится купцом и промышленником, не обладая условиями, при которых он может производить свой продукт как товар.

Конфликт между ценой земли как элементом издержек производства для производителя и элементом цены производства продукта (даже если рента принимает определяющее участие в образовании цены сельскохозяйственного продукта, такого влияния отнюдь не оказывает капитализированная рента, которая авансируется на 20 и более лет) есть лишь одна из форм, в которых вообще выражается противоречие частной собственности на землю с рациональным земледелием, с нормальным общественным пользованием землею. Но с другой стороны частная собственность на землю, следовательно, экспроприация земли у непосредственных производителей—частная собственность одних, которая предполагает, что у других нет земли,—есть основа капиталистического способа производства.

Здесь, при мелкой культуре, цена земли, форма и результат частной собственности на землю, выступает как граница самого производства. При земледелии в крупных размерах и при крупной земельной собственности, покоящейся на капиталистическом способе ведения хозяйства, собственность тоже выступает как граница, потому что она ограничивает арендатора в производительном применении капитала, которое в последнем счете идет на пользу не ему, а земельному собственнику. При обеих формах на место сознательного рационального возделывания земли как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда сменяющихся человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого обществом уровня развития, а от случайных, неодинаковых обстоятельств отдельных производителей). При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности—вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстрого обогащения арендаторов и соб-

ственников. И в том и в другом случае—вследствие зависимости от рыночной цены.

Вся критика мелкой земельной собственности в последнем счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. А равно и вся противоположная критика крупной земельной собственности. Конечно, мы здесь для обоих случаев оставляем в стороне побочные политические соображения. Эта граница и помеха, которую всякая частная собственность на землю полагает земледельческому производству и рациональному возделыванию, сохранению и улучшению самой почвы, развивается и в том и в другом случае, только формы в обоих случаях различные, и в спорах об этих специфических формах зла забывается его последняя причина.

Мелкая земельная собственность предполагает, что решительно подавляющее большинство населения—сельское, и что господствующей формой труда является не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при таких обстоятельствах исключается возможность богатства и развития воспроизводства, — его как материальных, так и интеллектуальных условий, — а потому и условий рациональной культуры. С другой стороны крупная земельная собственность сокращает земледельческое население до постоянно понижающегося минимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в городах промышленное население; тем самым она порождает условия, вызывающие непоправимую брешь в процессе общественного обмена веществ, диктуемого естественными законами жизни, вследствие чего сила почвы расточается, а торговля выводит процесс этого расточения далеко за пределы собственной страны (Либих).

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который на половину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой скрывается ее примитивная энергия и в которой она сберегается как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций: в самой деревне. Крупная промышленность и промышленное ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они отличаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе больше непосредственно естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают руку друг другу: промышленная система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля в свою очередь создают для земледелия средства истощения почвы.

Отдел седьмой.

Доходы и их источники.

Глава сорок восьмая.

Триединая формула.

I 49).

Капитал—прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля—земельная рента, труд—заработная плата: вот триединая форма, которая охватывает все тайны общественного процесса производства.

Так как, далее, как это показано раньше, процент выступает как специфический, характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность этому как независимая от капитала заработная плата, то указанная триединая форма ближайшим образом сводится к следующей:

Капитал—процент, земля—земельная рента, труд—заработная плата, при чем благополучно устраняется прибыль, эта форма прибавочной стоимости, специфически характеризующая капиталистический способ производства.

При ближайшем рассмотрении этого экономического триединства мы открываем следующее:

Во-первых, мнимые источники богатства, которым можно располагать каждый год, относятся к совершенно различным сферам и не имеют ни малейшего сходства между собою. Взаимное отношение между ними приблизительно таково, как, напр., между нотариальными пошлинами, красной свекловицей и музыкой.

Капитал, земля, труд! Но капитал—это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое проявляется в вещи

⁴⁹⁾ Следующие три отрывка находятся в различных местах рукописи отдела VI.—Ф. Э.

и придает этой вещи специфический общественный характер. Капитал не есть сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал это—превратившиеся в капитал средства производства, которые сами по себе так же не суть капитал, как золото или серебро сами по себе не суть деньги. Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия реализации самой этой рабочей силы,—вот что в силу этой противоположности персонафицируется в капитале. Не только продукты рабочих, превратившиеся в самостоятельные силы, продукты как порабитители и покупатели производителей их, но также и общественные силы и будущая... [? неразборчиво] форма этого труда,—вот что противостоит рабочим как свойства их продукта. Следовательно, мы имеем здесь перед собой определенную, на первый взгляд очень мистическую, общественную форму исторически создавшегося общественного процесса производства.

А теперь рядом с этим земля, неорганическая природа как таковая, *rudis indigestaque moles*, во всей ее первобытной дикости. Стоимость есть труд. Поэтому прибавочная стоимость не может быть землей. Абсолютное плодородие не приводит к чему-либо иному, как только к тому, что известное количество труда даст известный, обуславливаемый естественным плодородием земли продукт. Различие в плодородии земли приводит к тому, что одни и те же количества труда и капитала, следовательно, одна и та же стоимость, выражаются в различных количествах земледельческих продуктов; следовательно, что эти продукты имеют различные индивидуальные стоимости. Уравнение этих индивидуальных стоимостей по рыночным ценам приводит к тому, что «выгоды, получаемые от более плодородной почвы по сравнению с худшей... переносятся от возделывателя или потребителя к лэндлорду» (Ricardo, Principles, p. 6).

И, наконец, в качестве третьего в этом союзе простой призрак,—труд «вообще», который есть не что иное как абстракция и взятый сам по себе вообще не существует или, если мы возьмем... [неразборчиво], производительная деятельность человека вообще,³ посредством которой он обслуживает обмен веществ с природой, не только обнаженная от всякой общественной формы и специфической определенности, но даже и просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ, как выражение жизни и процесс жизни общая еще не общественному человеку вообще с человеком, получившим какое бы то ни было общественное определение.

II.

Капитал — процент; земельная собственность, частная собственность на землю, притом современная, соответствующая капиталистическому способу производства, — рента; наемный труд — заработная плата. Итак, связь между источниками дохода должна заключаться в этой форме. Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность суть исторически определенные общественные формы; одна — труда, другая — монополизированной земли, и притом обе суть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической формации общества.

Первое, что бросается в глаза в этой формуле, заключается в том, что рядом с капиталом, рядом с этой формой одного элемента производства, принадлежащей определенному способу производства, определенной исторической структуре общественного процесса производства, рядом с элементом производства, слившимся с определенной социальной формой и представляемым этой социальной формой, без дальнейших околичностей ставятся: земля с одной стороны, труд с другой, два элемента реального процесса труда, которые в этой материальной форме общи всем способам производства, суть материальные элементы всякого процесса производства и не имеют никакого отношения к его общественной форме.

Во-вторых. В формуле: капитал — процент, земля — земельная рента, труд — заработная плата; в этой формуле капитал, земля, труд выступают в качестве соответственных источников процента (вместо прибыли), земельной ренты и заработной платы как своих продуктов, плодов; первые — основание, вторые — следствие, первые — причина, вторые — действие; и притом таким образом, что каждый источник стоит к своему продукту в таком отношении, как к чему-то выделенному и произведенному им. Все три дохода, процент (вместо прибыли), рента, заработная плата, суть три части стоимости продукта, следовательно, вообще части стоимости, или, в денежном выражении, известные части денег, части цены. Далее, хотя формула: капитал — процент, есть самая иррациональная формула капитала, но тем не менее это — его формула. Но каким образом земля может создать стоимость, т. е. общественно определенное количество труда и даже ту особую часть стоимости ее собственных продуктов, которая образует ренту? Земля действует, напр., как фактор производства при создании известной потребительной стоимости, известного материального продукта пшеницы. Но она не имеет никакого отношения к производству стоимости пшеницы. Поскольку стоимость воплощается в пше-

нице, пшеница рассматривается лишь как определенное количество овеществленного общественного труда, вне всякого отношения к особому веществу, в котором воплощается этот труд, или к особой потребительной стоимости этого вещества. Это не противоречит тому, что 1) при прочих равных условиях дешевизна или дороговизна пшеницы зависит от производительности земли. Производительность земледельческого труда стоит в связи с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда воплощается в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей. Насколько велико количество труда, представленное в одном шэффеле, это зависит от того, какое количество шэффелей доставляется данным количеством труда. От производительности земли здесь зависит, в каком количестве продукта воплощена стоимость; но эта стоимость дана, независима от такого распределения. Стоимость воплощается в потребительной стоимости; а потребительная стоимость есть условие производства стоимости; но было бы глупостью создавать противопоставление таким образом, что на одной стороне ставится потребительная стоимость, земля, а на другой стороне стоимость, и притом еще особая часть стоимости. 2) [Здесь рукопись обрывается].

III.

Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них, и в которой они *prima facie* принимают плоский характер и полны противоречий,—а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня,—что именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как у себя дома, и что эти отношения представляются ей тем самоочевиднее, чем более скрыта в них внутренняя связь, и чем более простыми кажутся они для обыденного представления. Поэтому у нее нет никакого предчувствия на тот счет, что триединство, из которого она исходит: земля—рента, капитал—процент, труд—заработная плата или цена труда, суть три *prima facie* невозможные сочетания. Прежде всего перед нами потребительная стоимость земля, которая не имеет стоимости, и меновая стоимость, рента: таким образом социальное отношение, взятое как вещь, поставлено в известное соотношение к природе; т.-е. выходит, что в

известном отношении друг к другу стоят две несоизмеримые величины. Затем капитал—процент. Если под капиталом понимается известная сумма стоимости, получающая в деньгах самостоятельное выражение, то *prima facie*—бессмыслица, будто стоимость имеет большую стоимость, чем она стоит. Как раз в форме: капитал—процент, отпадает всякое опосредствование, и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле. Именно потому вульгарный экономист и предпочитает формулу капитал—процент, с таинственным свойством стоимости быть неравной себе самой, формуле капитал—прибыль, так как последняя уже ближе подходит к действительному капиталистическому отношению. А потом, тревожно чувствуя, что 4 не есть 5, и потому 100 талеров не могут же быть 110 талерами, вульгарный экономист от капитала как стоимости ищет спасения в материальном веществе капитала, в его потребительной стоимости как условии производства для труда, машинах, сыром материале и т. д. Таким образом опять удастся вместо непонятного первого отношения, при котором $4 = 5$, соорудить совершенно несообразное отношение между потребительной стоимостью, вещью, с одной стороны, и определенным общественным производственным отношением, прибавочной стоимостью, с другой стороны; как в случае с земельной собственностью. Как только вульгарный экономист доходит до этой несообразности, ему все становится ясным, он уже не чувствует потребности раздумывать дальше. Потому что он ведь дошел как раз до «рационального» для буржуазного представления. Наконец, труд—заработная плата, плата за труд, цена труда, как показано в книге I, есть выражение, которое *prima facie* противоречит понятию стоимости, равно как и понятию цены, которая вообще есть лишь определенное выражение стоимости; и «цена труда» столь же иррациональна, как желтый логарифм. Но как раз здесь-то больше всего и успокаивается вульгарный экономист, потому что он тут дошел до глубокого воззрения буржуа, который находит, что он платит деньги за труд, и так как именно противоречие формулы понятию стоимости снимает с него обязанность понять последнюю.

Мы ⁵⁰⁾ видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производ

⁵⁰⁾ Начало главы XLVIII по рукописи.

ства, а следовательно, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т.-е. определенной общественно-экономической формы последних. Потому что совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, отношений, при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает при определенных материальных условиях, являющихся в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются с одной стороны предпосылками, с другой стороны результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним. Далее, мы видели: капитал,—а капиталист есть лишь персонафицированный капитал, функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала—итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей или рабочих определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента, и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд воплощается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд вообще, как труд сверх данного количества потребностей, всегда будет существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. д., он имеет антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и прогрессу населения постоянного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он вынуждает этот прибавочный труд таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом с одной стороны к ступени, на которой отпадает принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, он создает материальные средства и зародыш для отношений, которые в высшей форме общества дадут

возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что, в зависимости от развития производительной силы труда, прибавочный труд может быть велик при малой общей продолжительности рабочего дня и относительно мал при большой общей продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 и прибавочный труд = 3, то весь рабочий день = 6, и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 и прибавочный труд = 3, то весь рабочий день = 12, а норма прибавочного труда = всего $33\frac{1}{3}\%$. Но, далее, от производительности труда зависит, какое количество потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большего или меньшего изобилия тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое однако может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

Эта прибавочная стоимость или этот прибавочный продукт распределяется в капиталистическом обществе между капиталистами, — если мы оставим в стороне случайные колебания распределения и будем

рассматривать его регулирующий закон, его нормирующие границы,— как дивиденд пропорционально той доле, которая принадлежит каждому в общественном капитале. В этом виде прибавочная стоимость выступает как средняя прибыль, достающаяся капиталу, средняя прибыль, которая в свою очередь распадается на предпринимательский доход и процент и которая в каждой из этих двух категорий может достаться различного рода капиталистам. Это присвоение и распределение прибавочной стоимости, соответственно прибавочного продукта, капиталом находит однако свою границу в земельной собственности. Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а вместе с тем в форме прибыли прибавочную стоимость и прибавочный продукт, так земельный собственник в свою очередь выкачивает из капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта, в форме ренты, согласно раньше изложенным законам.

Итак, когда мы говорим здесь о прибыли как достающейся капиталу доле прибавочной стоимости, то мы имеем в виду среднюю прибыль (равна предпринимательскому доходу плюс процент), которая уже сокращена вычетом ренты из всей прибыли (последняя по своей массе тождественна со всей прибавочной стоимостью); т.-е. предполагается вычет ренты. Следовательно, прибыль капитала (предпринимательский доход плюс процент) и земельная рента суть не что иное, как особые составные части прибавочной стоимости, категорий, в которых последняя становится различной в зависимости от того, достается ли она капиталу или земельной собственности, рубрики, которые однако ничего не изменяют в ее сущности. Сложенные друг с другом, они дают сумму общественной прибавочной стоимости. Капитал выкачивает прибавочный труд, воплощающийся в прибавочной стоимости и прибавочном продукте, непосредственно из рабочих. Следовательно, в этом смысле он может рассматриваться как производитель прибавочной стоимости. Земельная собственность не имеет никакого отношения к действительному процессу производства. Ее роль ограничивается тем, что она перемещает часть произведенной прибавочной стоимости из кармана капиталиста в свой собственный. Тем не менее земельный собственник играет известную роль в капиталистическом процессе производства, не только благодаря тому давлению, которое он оказывает на капитал, и не просто благодаря тому, что крупная земельная собственность является предпосылкой и условием капиталистического способа производства, так как она является предпосылкой и условием экспроприации условий труда у рабочих; но в особенности и потому, что земельный собственник выступает как персонификация одного из существеннейших условий производства.

Наконец, рабочий, как собственник и продавец своей личной рабочей силы, под именем заработной платы получает часть продукта, в которой воплощается часть его труда, которую мы называем необходимым трудом, т.-е. трудом, необходимым для сохранения и воспроизводства этой рабочей силы, каковы бы ни были условия этого сохранения и воспроизводства: скуднее или богаче, благоприятнее или неблагоприятнее.

Какими бы различными вообще ни казались эти отношения, в них есть одно общее: капитал из году в год приносит капиталисту прибыль, земля земельному собственнику земельную ренту, и рабочая сила,—при нормальных условиях и пока она остается пригодной рабочей силой,—рабочему заработную плату. Эти три части всей ежегодно производимой стоимости и соответствующие им части всего ежегодно производимого продукта могут быть,—накопление мы оставляем здесь пока в стороне,—ежегодно потребляемы их соответственными владельцами, и несмотря на то источник их воспроизводства не иссякнет. Они являются как бы ежегодно потребляемыми плодами многолетнего дерева или, вернее, трех деревьев, они образуют годовой доход трех классов, капиталиста, земельного собственника и рабочего, доходы, которые распределяются функционирующим капиталистом, так как он непосредственно выкачивает прибавочный труд и применяет труд во обще. Таким образом для капиталиста его капитал, для земельного собственника его земля, и для рабочего его рабочая сила или, вернее, самый его труд (так как он действительно продает только проявление своей рабочей силы, и цена рабочей силы, как показано раньше, на базисе капиталистического способа производства необходимо представляется ему ценой труда) представляются тремя различными источниками их специфических доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Они и действительно являются таковыми в том смысле что капитал для капиталиста—многолетняя машина для выкачивания прибавочного труда, земля для земельного собственника—многолетний магнит для притяжения части той прибавочной стоимости, которую выкачал капитал, и, наконец, труд—постоянно возобновляющееся условие и постоянно возобновляющееся средство для того, чтобы под титулом заработной платы приобретать часть созданной рабочим стоимостью, а следовательно, измеряемую этой частью стоимости часть общественного продукта, необходимые средства существования. Они являются таковыми далее в том смысле, что капитал часть стоимости, а потому и продукта годового труда фиксирует в форме прибыли, земельная собственность—другую часть в форме ренты, и наемный труд—третью часть в форме заработной платы, и как раз посредством этого превращения эти части становятся доходами капиталиста, земельного собственника и рабочего, что однако не

имеет никакого отношения к самой субстанции, превращающейся в эти различные категории. Напротив, распределение предполагает наличие этой субстанции, т.-е. всей стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме. Почему это происходит, мы увидим в дальнейшем ходе исследования. Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых как таковых происходят три различных составных части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует; из которых, следовательно, происходит не только различные формы этой стоимости, которые как доходы достаются особым факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а вместе с тем субстанция этих форм дохода.

[Здесь в рукописи недостает листа *in folio*].

...Дифференциальная рента связана с относительным плодородием земель, следовательно, со свойствами, возникающими из почвы как таковой. Но поскольку она, во-первых, покоится на различии индивидуальных стоимостей продуктов различных сортов земли, это будет только что упомянутое определение; поскольку она, во-вторых, покоится на отличной от этих индивидуальных стоимостей регулирующей общей рыночной стоимости, это будет общественный, осуществляющийся при посредстве конкуренции закон, который не имеет никакого отношения ни к земле, ни к различным степеням ее плодородия.

Могло бы казаться, что по крайней мере в «труд — заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в «земля — земельная рента». Поскольку труд создает стоимость и представляется в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не создает стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата или цена труда есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы; и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду как общему фактору производства. Труд овеществляется и в той составной части стоимости товара, которая в форме заработной платы образует цену рабочей силы; он создает эту часть точно так же, как другие части продукта; но он овеществляется в этой части не более и не иначе, чем в частях, которые образуют ренту или прибыль. И вообще, раз мы фиксируем

то свойство труда, что он создает стоимость, мы рассматриваем его не в той конкретной форме, которую он принимает как условие производства, а в его общественной определенности, которая есть не что иное, чем определенность наемного труда.

Даже выражение «капитал — прибыль» здесь неправильно. Если капитал берется в том единственном отношении, в котором он производит прибавочную стоимость, именно в том его отношении к рабочему, что он выжимает прибавочный труд принуждением, которое он оказывает на рабочую силу, т.-е. на наемного рабочего, то ведь эта прибавочная стоимость включает в себе кроме прибыли (предпринимательский доход плюс процент) и ренту, короче, всю еще неразделенную прибавочную стоимость. Но здесь капитал как источник дохода ставится в определенное отношение только к той части, которая достается капиталисту. А это ведь не прибавочная стоимость, которую он вообще извлекает, а лишь та ее часть, которую он извлекает для капиталиста. Всякая внутренняя связь отпадает еще более, если эта формула превращается в такую: «капитал — процент».

Если сначала мы рассматривали то, что разделяет три источника, то теперь мы видим, что их продукты, их произведения, напротив, все относятся к одной и той же области, к области стоимости. Однако это уничтожается тем (это — отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между не имеющими никакой общей меры, никакого отношения друг к другу и несравнимыми вещами), что капитал, подобно земле и труду, берет в действительности просто в его материальной субстанции, следовательно, просто как произведенное средство производства, что ведет к абстрагированию от него как от отношения к рабочему и от него как от стоимости.

В-третьих. Итак, в этом смысле формула «капитал — процент (прибыль), земля — рента, труд — заработная плата» представляет одинаковую во всех частях и симметрическую несообразность. В самом деле, раз наемный труд представляется не как общественно определенная форма труда, но всякий труд по своей природе представляется наемным трудом (так представляет себе дело опутанный капиталистическими отношениями производства), то и определенные, специфические общественные формы, которые по отношению к наемному труду принимают вещественные условия труда — произведенные средства производства и земля, — прямо совпадают с материальным бытием этих условий труда, или с тем видом, который они вообще принимают в действительном процессе труда, независимо от его конкретной, исторически определенной общественной формы и даже независимо от всякой его общественной формы. Таким путем форма условий труда, носящая характер отчужденности и самостоятельности по отношению

к труду, следовательно, та превращенная форма, при которой произведенные средства производства превращаются в капитал, а земля— в монополизированную землю, в земельную собственность, эта принадлежащая определенному историческому периоду форма отождествляется с бытием и функцией произведенных средств производства и земли в процессе производства вообще. Эти средства производства оказываются капиталом сами по себе, от природы; капитал оказывается просто «экономическим термином» для этих средств производства; и земля оказывается сама по себе, от природы, землей, монополизированной известным количеством земельных собственников. Как в капитале и капиталисте,—который в самом деле есть не что иное, как персонифицированный капитал,—продукты становятся самостоятельной силой по отношению к производителям, так и в земельном собственнике персонифицируется земля, которая тоже становится на дыбы и, как самостоятельная сила, требует своей доли в произведенном с ее помощью продукте; так что не земля получает подобающую ей часть продукта для восстановления и повышения ее производительности, а вместо нее земельный собственник получает долю этого продукта на свое пользование и расточение. Ясно, что капиталом труд предполагается как наемный труд. Но не менее ясно, что если исходить из труда как наемного труда, так что тожество труда вообще с наемным трудом представляется самоочевидным, то капитал и монополизированная земля, в свою очередь, должны представляться природной формой условий труда, по отношению к труду вообще. Бытие в форме капитала представляется теперь природной формой средств труда, а потому представляется свойством их просто как вещи, возникающим из их функции в процессе труда вообще. Таким образом капитал и произведенное средство производства становятся выражениями тождественными. Точно так же земля и монополизированная частной собственностью земля становятся тождественными выражениями. Таким-то способом средства труда как таковые, являясь капиталом от природы, становятся источником прибыли, а земля как таковая—источником ренты.

Труд как таковой, в его простом определении целесообразной производительной деятельности, ставится в отношении к средствам производства, взятым не в их определенной общественной форме, а в их материальной субстанции, к средствам производства как материалу и средству труда, различающимся между собою тоже лишь материально, как потребительные стоимости: земля как произведенное средство труда, остальные—как произведенные средства труда. Следовательно, если труд совпадает с наемным трудом, то та определенная общественная форма, в которой условия труда противостоят теперь труду,

в свою очередь, тождественна с их материальным бытием. В таком случае средства труда как таковые суть капитал, и земля как таковая есть земельная собственность. Тогда формальное обособление этих условий труда от труда, и та особая форма этого обособления, которой они обладают по отношению к наемному труду, оказывается свойством, неотделимым от них как от вещей, как от материальных условий производства, оказывается свойством, необходимо принадлежащим им, имманентно сросшимся с ними просто как с элементами производства. Их определяемый исторической эпохой определенный социальный характер при капиталистическом процессе производства оказывается их вещественным характером, естественно и, так сказать, искони прирожденным им, как элементам процесса производства. В таком случае кажется, что соответственное участие, которое земля как первоначальная сфера деятельности труда, как царство природных сил, как готовый арсенал всех предметов труда, и то другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материалы и т. д.) принимают в процессе производства вообще, как раз и находит себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности—т.-е. их социальным представителям—в форме прибыли (процента) и ренты, как для рабочего то участие, которое его труд принимает в процессе производства, выражается в заработной плате. Таким образом кажется, как будто рента, прибыль, заработная плата порождаются той ролью, которую земля, произведенные средства производства и труд играют в простом процессе труда, даже если бы мы рассматривали этот процесс труда как процесс просто между человеком и природой и абстрагировались от всякой исторической определенности его формы. Перед нами выступает опять то же самое, только в иной форме, когда говорят: продукт, в котором воплощается труд наемного рабочего на себя самого, воплощается его выручка, его доход, это как раз заработная плата, плата за труд, та часть стоимости (а потому и общественного продукта, измеряемого этой стоимостью), которая представляет его заработную плату, его заработок. Следовательно, если наемный труд тождествен с трудом вообще, то и заработная плата тождественна с продуктом труда, и та часть стоимости, которая представлена заработной платой, тождественна со стоимостью, вообще созданною трудом. Но благодаря этому и другие части стоимости, прибыль и рента, столь же самостоятельно противопоставляются заработной плате и, в свою очередь, должны получить такое объяснение, будто они возникают из собственных источников, специфически отличных и независимых от труда; их приходится выводить из соучаствующих элементов производства, владельцам которых

они достаются, следовательно, прибыль приходится выводить из средств производства, материальных элементов капитала, а ренту из земли или природы, представляемой земельным собственником (Рошер).

Поэтому из источников дохода в том смысле, что капитал притягивает в форме прибыли к капиталисту часть той прибавочной стоимости, которую он извлекает из труда, монополия на землю притягивает к земельному собственнику другую часть в форме ренты, а труд дает в форме заработной платы последнюю еще остающуюся часть стоимости рабочему,—из источников дохода, при посредстве которых одна часть стоимости превращается в форму прибыли, другая в форму ренты и третья в форму заработной платы, из таких источников земельная собственность, капитал и наемный труд превращаются в действительные источники, из которых возникают сами эти части стоимости и те соответственные части продукта, в которых существуют или на которые могут быть обменены эти части стоимости, в источники, из которых в последнем счете происходит сама стоимость продукта ⁵¹⁾.

Когда мы говорили уже о простейших категориях капиталистического способа производства, и даже товарного производства, о товаре и деньгах, мы уже указали тот мистифицирующий характер, благодаря которому общественные отношения, для которых при производстве материальные элементы богатства служат носителями, превращаются в свойства самих этих вещей (товар) и, что еще ярче, само производственное отношение—в вещь (деньги). Все формы общества, поскольку они доходят до товарного производства и денежного обращения, в той или иной мере характеризуются таким искажением действительных отношений. Но при капиталистическом способе производства и при капитале, который является его господствующей категорией, ее определяющим отношением производства, этот заколдованный и извращенный мир получает несравненно большее развитие. Если мы будем рассматривать капитал прежде всего в непосредственном процессе производства,—рассматривать как силу, выкачивающую прибавочный труд,—то это отношение еще очень просто; и действительная внутренняя связь еще прямо навязывается носителям этого процесса, капиталистам, и еще сознается ими. Это убедительно доказывается упорной борьбой из-за границ рабочего дня. Но даже внутри этой непосредственной сферы,—сферы непосредственного процесса между трудом и капиталом, дело не остается столь простым.

⁵¹⁾ «Заработная плата, прибыль и рента суть три первоначальных источника всякого дохода, равно как и всей меновой стоимости» (A. Smith).—«Таким образом причины материального производства суть в то же время источники всех существующих основных доходов» (Storch, I, p. 259).

С развитием относительной прибавочной стоимости при собственно специфически капиталистическом способе производства, параллельно с которым развиваются общественные производительные силы труда, эти производительные силы и общественные отношения труда представляются в таком виде, как будто из труда они перенесены в капитал. Уже благодаря этому капитал становится очень таинственной сущностью, так как все общественные производительные силы труда представляются таким способом, как будто они принадлежат ему, а не труду как таковому, и порождаются в его собственных недрах. А потом вмешивается процесс обращения, в который, именно в его обмен веществ и превращение формы, втягиваются все части капитала, даже земледельческого капитала, в той мере, как развивается специфически капиталистический способ производства. Это—сфера, в которой отношения первоначального производства стоимости отступают совершенно на задний план. Уже в непосредственном процессе производства капиталист действует одновременно и как товаропроизводитель, как руководитель товарного производства. Этот процесс производства поэтому отнюдь не представляется ему просто процессом производства прибавочной стоимости. Но, какова бы ни была та прибавочная стоимость, которую капитал в непосредственном процессе производства выкачивает и воплощает в товарах, реализация стоимости и прибавочной стоимости, заключающейся в товарах, предстает лишь в процессе обращения. И дело представляется таким образом, как будто стоимость, возмещающая стоимости, авансированные на производство, и в особенности заключающаяся в товарах прибавочная стоимость не просто реализуется в обращении, но возникает из него; эту иллюзию в особенности укрепляют два обстоятельства: во-первых, прибыль, получаемая при отчуждении, зависит от обмана, хитрости, знания дела, ловкости и тысячи рыночных конъюнктур; а во-вторых, то обстоятельство, что здесь на ряду с рабочим временем выступает второй определяющий элемент, время обращения. Хотя оно функционирует только как отрицательная граница по отношению к образованию стоимости и прибавочной стоимости, но получается такая внешняя видимость, как будто оно—столь же положительная причина их образования, как сам труд, и как будто оно привносит определение, происходящее из природы капитала, независимое от труда. В книге II нам, естественно, пришлось изображать эту сферу обращения лишь в ее отношении к определениям формы, которые она порождает, указывать на дальнейшее развитие структуры капитала, которое совершается в этой сфере. Но в действительности эта сфера есть сфера конкуренции, над которой, если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно,

внутренний закон, находящий осуществление среди этих случайностей и регулирующий их, становится заметным лишь при том условии, если соединить эти случайности в крупные массы, и в которой он остается поэтому незаметным и непонятым для самих отдельных агентов производства. Но, далее: действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые образования, в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают взаимно самостоятельное существование, и составные части стоимости фиксируются в самостоятельных одна по отношению к другой формах.

Как мы видели, превращение прибавочной стоимости в прибыль определяется как процессом обращения, так и процессом производства. Прибавочная стоимость, в форме прибыли, относится уже не к затраченной на труд части капитала, из которой она происходит, а ко всему капиталу. Норма прибыли регулируется собственными законами, которые делают возможным и даже обуславливают ее изменение, несмотря на неизменность нормы прибавочной стоимости. Все это дальше и больше закутывает истинную природу прибавочной стоимости, а потому и действительный механизм капитала. В еще большей мере совершается это вследствие превращения прибыли в среднюю прибыль и стоимостей в цены производства, в регулирующие средние рыночных цен. Здесь вмешивается сложный общественный процесс,—процесс уравнения капиталов, который отрывает относительные средние цены товаров от их стоимостей, и средние прибыли в различных сферах производства (совершенно не говоря уже об индивидуальных затратах капитала в каждой особой сфере производства) от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами. Здесь не только так кажется, но и действительно средняя цена товаров отлична от их стоимости, следовательно, от реализованного в них труда, и средняя прибыль отдельного капитала отлична от прибавочной стоимости, которую этот капитал извлек из занятых им рабочих. Стоимость товаров проявляется непосредственно лишь в том влиянии, которое изменения производительной силы труда оказывают на понижение и повышение цен производства, на их движение, а не на их конечные пределы. Прибыль, как кажется, определяется эксплуатацией труда лишь между прочим, лишь постольку, поскольку последняя дает капиталисту возможность при наличии регулирующих рыночных цен, существующих, повидимому, независимо от этой эксплуатации, реализовать прибыль, отклоняющуюся от средней прибыли. Что же касается нормальных средних прибылей, они кажутся имманентными капиталу, независимыми от эксплуатации; отклоняющаяся от нормальной эксплуатация,

а также средняя эксплуатация при благоприятных исключительных условиях, как представляется, обуславливает лишь отклонения от средней прибыли, а не самую прибыль. Распадение прибыли на предпринимательский доход и процент (не говоря уже о вмешательстве торговой прибыли и прибыли от торговли деньгами, потому что та и другая, как представляется, основываются на обращении и всецело возникают из него, а не из процесса самого производства) завершает обособление формы прибавочной стоимости, фиксирование ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности. Одна часть прибыли, в противоположении другой, совершенно отрывается от капиталистического отношения, как такового и представляется в таком виде, как будто она возникает не из функции эксплуатации наемного труда, а из наемного труда самого капиталиста. В противоположность этому процент представляется тогда в таком виде, как будто он возникает, независимо от наемного труда рабочего и от собственного труда капиталиста, из капитала как своего собственного независимого источника. Если первоначально, на поверхности обращения, капитал казался капиталом-фетишем, стоимостью, порождающей стоимость, то теперь, в форме капитала, приносящего проценты, он выступает в своей форме, наиболее далекой от действительных отношений и наиболее своеобразной. А потому форма «капитал—процент», как третий член к «земля—рента» и «труд—заработная плата», много последовательнее, чем «капитал—прибыль», потому что в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении, которое в проценте не только изглажено, но и фиксировано в форме, противоположной этому происхождению.

Наконец, рядом с капиталом как самостоятельный источник прибавочной стоимости выступает земельная собственность, которая играет роль ограничения средней прибыли и передает часть прибавочной стоимости такому классу, который и сам не работает, и не эксплуатирует рабочих непосредственно, и, в противоположность капиталу, приносящему проценты, не может предаваться морально назидательным соображениям, напр., о риске и жертвах, как при ссуде капитала. Так как здесь часть прибавочной стоимости, как представляется, связана непосредственно не с общественными отношениями, а с природным элементом, землей, то этим завершается форма обособления и фиксирования различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно закрываются именно взаимным обособлением отношений производства, которые теперь связываются с различными материальными элементами процесса производства.

В капитал—прибыль или, еще лучше, капитал—процент, земля—земельная рента, труд—заработная плата, в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства вообще с его источниками, оказывается завершенной мистификация капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращение материальных отношений производства с их исторически-общественной формой: замороженный, искаженный и на голову поставленный мир, в котором *monsieur le Capital* и *madame la Terre* как социальные характеры и в то же время непосредственно как просто вещи совершают свой шабаш. Великая заслуга классической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и фиксирование различных общественных элементов богатства один от другого, эту персонификацию вещей и овеществление отношений производства, эту религию повседневной жизни,—разрушила тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения как простой метаморфоз форм и, наконец, в непосредственном процессе производства свела стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду. Однако даже лучшие из ее представителей,—да иначе оно и быть не может при буржуазной точке зрения,—в большей или меньшей мере остаются захваченными тем миром внешней видимости, который они критически разрешили, и потому все в большей или меньшей мере впадают в непоследовательность, половинчатость и неразрешимые противоречия. Не менее естественно с другой стороны, что действительные агенты производства чувствуют себя совершенно как дома среди этих отрешенных от действительных отношений и иррациональных форм: капитал—процент, земля—рента, труд—заработная плата, потому что они живут и каждый день имеют дело ведь как раз с этими формами внешней видимости. Не менее естественно поэтому, что вульгарная экономия, которая есть не что иное, как дидактический, более или менее доктринерский перевод повседневных представлений действительных агентов производства, и которая лишь вносит известный разумный порядок в эти представления, что она именно в этом триединстве, в котором изглажена всякая внутренняя связь, находит естественный, стоящий выше всяких сомнений базис для своей пустой претенциозности. В то же время эта формула соответствует интересам господствующих классов, так как она прокламирует и возводит в догму естественную необходимость и вечное оправдание источников их дохода.

Описывая, как отношения производства объективируются и приобретают самостоятельное по отношению к агентам производства су-

ществование, мы не останавливаемся на том, как благодаря мировому рынку, его конъюнктурам, движению рыночных цен, периодам кредита циклам промышленности и торговли, сменам процветания и кризиса, внутренние связи представляются деятелям производства как непреодолимые, стихийно господствующие над ними законы природы, и проявляются по отношению к ним как слепая необходимость. Не останавливаемся потому, что действительное движение конкуренции лежит вне нашего плана, и что мы теперь должны описывать только внутреннюю организацию капиталистического способа производства, его, так сказать, идеальную среднюю.

В прежних общественных формах эта экономическая мистификация выступает преимущественно по отношению к деньгам и приносящему проценты капиталу. По самой природе дела она исключена, во-первых, там, где преобладает производство ради потребительной стоимости, для непосредственного собственного потребления; во-вторых, там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образует широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и подчинения, которые являются и выступают как непосредственные движущие пружины производственного процесса. В первобытных общинах, в которых господствует примитивный коммунизм, и даже в древних городских общинах сама эта коммуна с ее условиями является базисом производства, равно как воспроизводство этого базиса—ее конечная цель. Даже в средневековых цехах труд и капитал не являются несвязанными, напротив, их взаимоотношения определяют корпорации и стоящий в связи с ними строй отношений и соответствующие им представления о профессиональном долге, положении мастера и т. д. Только при капиталистическом способе производства...

Глава сорок девятая.

К анализу процесса производства.

В предстоящем нам теперь исследовании мы можем оставить в стороне различие между ценой производства и стоимостью; так как различие это вообще отпадает, если, как мы делаем в данном случае, рассматривать стоимость всего годового продукта труда, т.-е. продукта всего общественного капитала.

Прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента суть не что иное, как своеобразные формы, которые принимают отдельные части прибавочной стоимости товаров. Величина прибавочной стои-

мости является пределом общей величины частей, на которые она может распадаться. Средняя прибыль плюс рента равняются поэтому прибавочной стоимости. Возможно, что часть заключающегося в товарах прибавочного труда, а потому и прибавочной стоимости, не участвует непосредственно в уравнении прибыли в среднюю прибыль, так что часть товарной стоимости вообще не получает выражения в цене соответственного товара. Но, во-первых, это компенсируется или тем, что норма прибыли возрастает, если товар, проданный ниже его стоимости, образует элемент постоянного капитала, или тем, что прибыль и рента выражаются в большем количестве продукта, если товар, проданный ниже его стоимости, входит в качестве предмета личного потребления в часть стоимости, потребляемую как доход. А во-вторых, эти колебания в среднем взаимно уничтожаются. Во всяком случае, если даже часть прибавочной стоимости, не получившая выражения в цене товара, не принимает участия в образовании цены, сумма средней прибыли плюс рента в своей нормальной форме никогда не может быть больше всей прибавочной стоимости, хотя и может быть меньше последней. Ее нормальная форма предполагает заработную плату, соответствующую стоимости рабочей силы. Даже монополярная рента, поскольку она не является вычетом из заработной платы, т.-е. не образует особой категории, косвенно всегда неизбежно образует часть прибавочной стоимости; если она и не образует части избытка цены над ценой производства того самого товара, составную часть которого образует (как при дифференциальной ренте), или если она и не образует избыточной части прибавочной стоимости того самого товара, составной частью которого она служит, над частью ее собственной прибавочной стоимости, измеряемой среднюю прибылью (как при абсолютной ренте), то все же она образует часть прибавочной стоимости других товаров, т.-е. товаров, обмениваемых на этот товар, обладающий монополярной ценой. — Сумма средней прибыли плюс земельная рента никогда не может превышать величины, частями которой являются эти прибыль и рента, и которая уже дана до этого разделения. Поэтому для нашего исследования безразлично, реализуется ли в цене товаров вся прибавочная стоимость товаров, т.-е. весь заключающийся в товарах прибавочный труд, или нет. Прибавочный труд уже потому не реализуется целиком, что при постоянном изменении количества труда, общественно необходимого для производства данного товара, изменении, вытекающем из постоянного изменения производительности труда, часть товаров всегда производится в ненормальных условиях, а потому их приходится продавать ниже их индивидуальной стоимости. Во всяком случае прибыль плюс рента равны всей реализованной прибавочной стоимости (прибавочному труду) и для иссле-

дования, о котором здесь идет речь, реализованную прибавочную стоимость можно считать равной всей прибавочной стоимости, потому что прибыль и рента суть реализованная прибавочная стоимость, следовательно, та прибавочная стоимость, которая вообще входит в цены товаров, следовательно, практически вся та прибавочная стоимость, которая является составной частью этой цены.

С другой стороны заработная плата, образующая третью своеобразную форму дохода, всегда равна переменной составной части капитала, т.-е. той составной части, которая затрачивается не на средства труда, а на покупку живой рабочей силы, на уплату рабочим. (Труд, оплачивающийся при расходовании дохода, оплачивается из заработной платы, прибыли или ренты и потому не составляет части стоимости товаров, которыми он оплачивается. Таким образом он не принимается во внимание при анализе стоимости товаров и составных частей, на которые она распадается.) Стоимость переменного капитала, а следовательно, и цена труда воспроизводится в известной части всего овеществленного рабочего дня рабочих, в той части товарной стоимости, в которой рабочий воспроизводит стоимость своей собственной рабочей силы или цену своего труда. Весь рабочий день рабочего распадается на две части. Одна часть та, во время которой он выполняет количество труда, необходимое для воспроизводства стоимости средств его собственного существования: оплаченная часть всего его труда, та часть, которая необходима для его собственного сохранения и воспроизводства. Вся остальная часть рабочего дня, все избыточное количество труда, которое он совершает сверх труда, реализованного в стоимости его заработной платы, есть прибавочный труд, неоплаченный труд, который воплощается в прибавочной стоимости всех произведенных им товаров (и потому в избыточном количестве товара), в прибавочной стоимости, которая, в свою очередь, распадается на части с различными наименованиями, на прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и ренту.

Итак, вся часть стоимости товаров, в которой реализуется весь труд рабочих, присоединяемый в продолжение одного дня или одного года, вся стоимость годового продукта, которую создает этот труд, распадается на стоимость заработной платы, прибыль и ренту. Потому что весь этот труд распадается на необходимый труд, посредством которого рабочий создает ту часть стоимости продукта, которою он сам оплачивается, т.-е. заработную плату, и на неоплаченный прибавочный труд, посредством которого он создает ту часть стоимости продукта, которая представляет прибавочную стоимость и впоследствии распадается на прибыль и ренту. Кроме этого труда, рабочий не совершает никакого иного труда, и кроме всей стоимости продукта, ко-

торам принимает формы заработной платы, прибыли, ренты, он не создает никакой стоимости. Стоимость годового продукта, в которой представляется труд, вновь присоединенный им в продолжение года, равняется заработной плате или стоимости переменного капитала плюс прибавочная стоимость, которая, в свою очередь, распадается на формы прибыли и ренты.

Итак, вся часть стоимости годового продукта, создаваемая рабочим в продолжение года, выражается в годовой сумме стоимости трех доходов: стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Очевидно поэтому, что в создаваемой за год стоимости продукта стоимость постоянной части капитала не воспроизводится, так как заработная плата равна лишь стоимости переменной части капитала, авансированной на производство, а рента и прибыль равны лишь прибавочной стоимости, произведенному излишку стоимости над всей стоимостью авансированного капитала, равной стоимости постоянного капитала плюс стоимость переменного капитала.

По отношению к тому затруднению, которое предстоит разрешить здесь, совершенно безразлично то обстоятельство, что часть прибавочной стоимости, превращенной в форму прибыли и ренты, не потребляется в качестве дохода, а служит для накопления. Та ее часть, которая собирается как фонд накопления, служит для образования нового, дополнительного капитала, но не для возмещения старой составной части прежнего капитала, израсходованной на рабочую ли силу, на средства ли труда. Следовательно, в целях упрощения здесь можно принять, что доходы целиком пошли на личное потребление. Затруднение представляется двоякое. С одной стороны: стоимость годового продукта, в виде которого потребляются эти доходы,—заработная плата, прибыль, рента,—содержит в себе известную часть стоимости, равную стоимости, вошедшей в него постоянной части капитала. Она содержит в себе эту часть стоимости кроме части стоимости, которая сводится к заработной плате, и той части, которая разлагается на прибыль и ренту. Следовательно, стоимость годового продукта = заработной плате + прибыль + рента + С, при чем последнее представляет постоянную часть его стоимости. Каким же образом произведенная за год стоимость, равная лишь заработной плате + прибыль + рента, может купить продукт, стоимость которого = (заработной плате + прибыль + рента) + С? Каким образом произведенная за год стоимость может купить продукт, обладающий большей стоимостью, чем она сама?

С другой стороны, если мы оставим в стороне ту часть постоянного капитала, которая не вошла в продукт, и которая поэтому, хотя и с уменьшившеюся стоимостью, попрежнему существует и после го-

дового производства; следовательно, если мы на время абстрагируемся от примененного в производстве, но не потребленного основного капитала, то окажется, что постоянная часть авансированного капитала в форме сырых и вспомогательных материалов целиком вошла в новый продукт, тогда как часть средств труда целиком потреблена, другая же лишь отчасти использована, так что только часть соответствующей стоимости потреблена в производстве. Вся эта потребленная в производстве часть постоянного капитала должна быть возмещена *in natura*. Предполагая, что все прочие условия, а именно производительная сила труда, не изменились, для ее возмещения потребуются то же самое количество труда, как и прежде, т.-е. она должна быть возмещена эквивалентом стоимости. Если же этого не произойдет, то само воспроизводство не может совершаться в прежнем масштабе. Но кто должен производить эти работы и кто их производит?

Что касается первого затруднения: кто должен оплатить заключающуюся в продукте постоянную часть стоимости и чем?—то предполагается, что стоимость постоянного капитала, потребленного в производстве, снова появляется как часть стоимости продукта. Это не противоречит предпосылкам второго затруднения, так как уже в книге I, глава V (процесс труда и процесс увеличения стоимости) было показано, каким образом посредством простого присоединения нового труда, хотя и не воспроизводящего старой стоимости, а создающего лишь добавление к ней, создающего лишь добавочную стоимость, все же тем самым сохраняется в продукте старая стоимость; но в то же время было показано, что это совершается благодаря труду не постольку, поскольку он производит стоимость, т.-е. является трудом вообще, а поскольку он функционирует в качестве определенного производительного труда. Таким образом не требуется добавочного труда для того, чтобы сохранить стоимость постоянной части в том продукте, на который расходуется доход, т.-е. вся созданная в течение года стоимость. Но, разумеется, требуется новый добавочный труд для того, чтобы возместить стоимость и потребительную стоимость постоянного капитала, потребленного в истекшем году. Без такого возмещения воспроизводство вообще невозможно.

Весь вновь присоединяемый труд представлен во вновь созданной в продолжение года стоимости, которая, в свою очередь, целиком превращается в три вида дохода: заработную плату, прибыль и ренту.—Следовательно, с одной стороны, не остается избыточного общественного труда для возмещения потребленного постоянного капитала, подлежащего восстановлению частью *in natura* и в его стоимости, частью только в его стоимости (поскольку дело идет просто о сращивании основного капитала). С другой стороны, стоимость, созданная

годовичным трудом и распадается на формы заработной платы, прибыли и ренты и в этом виде подлежащая расходованию, представляется недостаточной для того, чтобы оплатить или купить постоянную часть капитала, которая тоже должна находиться в продукте сверх вновь созданной стоимости.

Мы видим, что поставленная здесь проблема уже решена при исследовании воспроизводства всего общественного капитала, книга II, отдел III. Здесь мы возвращаемся к этому предмету прежде всего потому, что там прибавочная стоимость еще не была нами развернута в тех ее формах, которые она принимает как доход: прибыль (предпринимательский доход плюс процент) и рента, а потому и не могла быть исследована в этих формах; затем также и потому, что как раз к форме заработной платы, прибыли и ренты примыкает невероятный промах в анализе, проходящий через всю политическую экономию, начиная с А. Смита.

Мы разделили там весь капитал на два больших класса: класс I, производящий средства производства, и класс II, производящий средства индивидуального потребления. То обстоятельство, что некоторые продукты могут так же точно служить в качестве предметов личного пользования, как и в качестве средств производства (лошадь, зерновой хлеб и т. д.), отнюдь не уничтожает абсолютной правильности этого разделения. В самом деле, оно не гипотеза, а лишь выражение факта. Возьмем годовой продукт какой-либо страны. Часть продукта, хотя бы она и могла служить средством производства, входит в индивидуальное потребление. Это—продукт, на который расходуется заработная плата, прибыль и рента. Продукт этот представляет продукт определенного подразделения общественного капитала. Возможно, что этот же самый капитал производит и продукты, входящие в класс I. Поскольку это так, производителю потребляемые продукты, относящиеся к классу I, доставляются не той частью этого капитала, которая потреблена на продукт класса II, на такой продукт, который действительно достается на долю индивидуального потребления. Весь продукт II, который входит в индивидуальное потребление и на который поэтому расходуется доход, представляет потребленный на него капитал плюс произведенный излишек. Таким образом это—продукт капитала, вложенного только в производство средств потребления. II в этом же смысле подразделение I годового продукта, которое служит в качестве средства воспроизводства,—сырого материала и орудий труда,—какова бы ни была вообще способность этого продукта naturaliter служить в качестве средства потребления, является продуктом капитала, вложенного исключительно в производство средств производства. Несравненно большая часть продуктов, образующих постоян-

ный капитал, находится в такой материальной форме, в которой они не могут войти в индивидуальное потребление. Поскольку это для нее возможно, поскольку, например, крестьянин может съесть свою семенную рожь или заколоть свой рабочий скот, экономическое ограничение по отношению к этой части достигает в действительности того же, как если бы эта часть существовала в форме, непригодной для потребления.

Как уже сказано, при рассмотрении обоих классов мы оставляем в стороне основную часть постоянного капитала, которая продолжает существовать *in natura* и по своей стоимости, независимо от годового продукта обоих классов.

В классе II, на продукты которого расходуются заработная плата, прибыль и рента, коротко говоря, потребляются доходы, продукт по своей стоимости, в свою очередь, состоит из трех составных частей. Одна составная часть равна стоимости потребленной в производстве постоянной части капитала; другая составная часть равна стоимости той авансированной на производство переменной части капитала, которая затрачена на заработную плату; наконец, третья составная часть равна произведенной прибавочной стоимости, т. е. = прибыли + рента. Первая составная часть продукта класса II, стоимость постоянной части капитала, не может быть потреблена ни капиталистами, ни рабочими класса II, ни земельными собственниками. Она не образует какой бы то ни было части их дохода, по должна быть возмещена *in natura*, а чтобы это могло произойти, она должна быть продана. Напротив, две остальные составные части этого продукта равны стоимости произведенных в этом классе доходов, = заработной плате + прибыль + рента.

В классе I продукт состоит по форме из таких же составных частей. Но та часть, которая образует здесь доход, заработная плата + прибыль + рента, короче, переменная часть капитала + прибавочная стоимость, потребляется здесь не в натуральной форме продуктов этого класса I, а в продуктах класса II. Следовательно, стоимость доходов класса I должна быть потреблена в виде той части продукта класса II, которая представляет подлежащий возмещению постоянный капитал этого класса. Часть продукта класса II, которая должна возместить соответственный постоянный капитал, потребляется в ее натуральной форме рабочими, капиталистами и земельными собственниками класса I. Они расходуют свои доходы на этот продукт II. С другой стороны, продукт класса I, поскольку он представляет доход класса I, производительно потребляется в его натуральном виде классом II, постоянный капитал которого он возмещает *in natura*. Наконец, потребленная часть постоянного капитала класса I возмещается собственными про-

дуктами этого класса, которые и состоят как раз из средств труда сырых и вспомогательных материалов и т. д., частью возмещается посредством обмена капиталистов I между собою, частью же тем, что некоторая часть этих капиталистов может непосредственно снова применить свой собственный продукт, как средство производства.

Возьмем прежнюю схему (книга II, гл. XX, II) простого воспроизводства:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I. } 4.000c + 1.000v + 1.000m = 6.000 \\ \text{II. } 2.000c + 500v + 500m = 3.000 \end{array} \right\} = 9.000$$

Но ней в II производителями и земельными собственниками потребляется как доход $500v + 500m = 1.000$; остается возместить $2.000c$. Это потребляется рабочими, капиталистами и получателями ренты класса I, доход которых $= 1.000v + 1.000m = 2.000$. Потребленный продукт II потребляется как доход классом I, а часть дохода класса I, представленная в не подлежащем потреблению продукте, потребляется в качестве постоянного капитала II. Следовательно, остается дать отчет относительно $4000c$ класса I. Это возмещается из собственного продукта I $= 6.000$, или, вернее, $= 6.000 - 2.000$, так как эти 2.000 уже превращены в постоянный капитал для II. Следует заметить, что числа, конечно, взяты произвольно, а потому отношение между стоимостью дохода I и стоимостью постоянного капитала II представляется произвольным. И однако же очевидно, что если процесс воспроизводства совершается нормально и при прочих равных условиях, т.-е. оставляя в стороне накопление, сумма стоимости заработной платы, прибыли и ренты класса I должна равняться стоимости постоянной части капитала класса II. Иначе либо у класса II не будет возможности возместить свой постоянный капитал, либо у класса I — возможности превратить свой доход из непотребимой в потребимую форму.

Итак, стоимость годового товарного продукта, равно как и стоимость товарного продукта отдельной затраты капитала, и стоимость каждого единичного товара распадается на две составные части: на одну А, возмещающую стоимость авансированного постоянного капитала, и другую В, выступающую в форме дохода: заработной платы, прибыли и ренты. Последняя составная часть стоимости, В, в том отношении представляет противоположность первой, А, что эта последняя, при прочих равных условиях, 1) никогда не принимает формы дохода, 2) постоянно возвращается в форме капитала, и притом постоянного капитала. Однако другая составная часть В свою очередь в себе самой содержит противоположные друг другу части. Прибыль и рента имеют то общее с заработной платой, что все они образуют три формы дохода. Несмотря на это они существенно отличаются одна от другой

тем, что в прибыли и ренте представлена прибавочная стоимость, т.-е. неоплаченный труд, в заработной плате — оплаченный труд. Часть стоимости продукта, которая представляет затраченную заработную плату, т.-с. возмещает заработную плату, и которая при нашем предположении, согласно которому воспроизводство совершается в том же масштабе и при тех же условиях, снова превращается в заработную плату, — эта часть притекает обратно сначала как переменный капитал, как составная часть капитала, который должен быть снова авансирован на производство. Эта составная часть функционирует двойным образом. Она существует сначала в форме капитала и обменивается как таковой на рабочую силу. В руках рабочего она превращается в доход, который он извлекает из продажи своей рабочей силы, обменивается как доход на средства существования и потребляется. Этот двойной процесс проявляется при посредстве денежного обращения. Переменный капитал авансируется деньгами, выплачивается в виде заработной платы. Это — его первая функция как капитала. Он обменивается на рабочую силу и превращается в проявление этой рабочей силы, в труд. Это — процесс в его отношении к капиталисту. Но во вторых: на эти деньги рабочие покупают часть своего товарного продукта, измеряемую этими деньгами, и потребляют ее как доход. Если мы мысленно отрешимся от денежного обращения, то часть продукта рабочего находится в руках капиталиста в форме имеющегося в наличности капитала. Эту часть он авансирует как капитал, дает ее рабочему за новую рабочую силу, тогда как рабочий потребляет ее как доход непосредственно или посредством обмена ее на другие товары. Таким образом часть стоимости продукта, предназначенная при воспроизводстве к тому, чтобы превратиться в заработную плату, в доход для рабочих, прежде всего притекает обратно в руки капиталиста в форме капитала, точнее, переменного капитала. То обстоятельство, что она возвращается в этой форме, является существенным условием постоянно возобновляющегося воспроизводства труда как наемного труда, средств производства как капитала и самого процесса производства как капиталистического процесса производства.

Если мы не хотим создавать себе бесполезных затруднений, то мы должны отличать валовую выручку и чистую выручку от валового дохода и чистого дохода.

Валовая выручка или валовой продукт это — весь воспроизведенный продукт. За вычетом авансированной, но непотребленной части основного капитала, стоимость валовой выручки или валового продукта равняется стоимости авансированного и потребленного в производстве капитала, постоянного и переменного, плюс прибавочная стоимость, которая разлагается на прибыль и ренту. И если рассматривать про-

дукт не единичного капитала, а всего общественного капитала, то валовая выручка равняется вещественным элементам, образующим постоянный и переменный капиталы, плюс вещественные элементы прибавочного продукта, в которых представлены прибыль и рента.

Валовой доход, это—та часть стоимости и измеряемая ею часть продукта брутто или валового продукта, которая остается за вычетом той части стоимости и измеряемой ею той части продукта всего производства, которая возмещает авансированный и потребленный в производстве постоянный капитал. Следовательно, валовой доход равняется заработной плате (или той части продукта, назначение которой— снова стать доходом рабочего) $+$ прибыль $-$ рента. Напротив, чистый доход, это—прибавочная стоимость, а следовательно, прибавочный продукт, остающийся за вычетом заработной платы; следовательно, он представляет в действительности прибавочную стоимость, которая реализована капиталом и должна быть поделена с земельным собственником, и измеряемый этой прибавочной стоимостью прибавочный продукт.

Далее, мы видели, что стоимость каждого отдельного товара и стоимость всего товарного продукта каждого отдельного капитала распадается на две части: одну, которая просто возмещает постоянный капитал, и другую, которая,—хотя некоторая доля ее и возвращается как переменный капитал, а потому возвращается и в форме капитала,—тем не менее предназначена к тому, чтобы целиком превратиться в валовой доход и принять форму заработной платы, прибыли и ренты, сумма которых составляет валовой доход. Мы видели далее, что то же самое наблюдается и по отношению к стоимости всего годового продукта общества. Различие между продуктом единичного капиталиста и продуктом общества заключается лишь в следующем: с точки зрения, отдельного капиталиста, чистый доход отличается от валового дохода тем, что последний включает в себе заработную плату, первый же исключает ее. Если рассматривать доход всего общества, то национальный доход состоит из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т.-е. из валового дохода. Однако и это является абстракцией в том смысле, что все общество, на основе капиталистического производства, становится на капиталистическую точку зрения и потому чистым доходом считает лишь доход, сводящийся к прибыли и ренте.

Напротив, фантазия, как, например, у г. Сэя, будто вся выручка, весь валовой продукт превращается для нации в чистую выручку и не отличается от нее, следовательно, будто различие это, с национальной точки зрения, перестает существовать,—эта фантазия есть лишь необходимое и крайнее выражение абсурдной догмы, проходящей через

всю политическую экономию с А. Смита и заключающейся в том, что стоимость товаров в конечном счете без остатка разлагается на доходы: заработную плату, прибыль и ренту⁵¹⁾.

Разумеется, ничего не стоит понять, когда дело идет о каждом отдельном капиталисте, что часть его продукта должна снова превратиться в капитал (даже оставляя в стороне расширение воспроизводства или накопление), и при том не только в переменный капитал, назначение которого, в свою очередь, опять превратиться в доход для рабочего, т.-е. в форму дохода, но и в постоянный капитал, который никогда не может превратиться в доход. Самое поверхностное наблюдение процесса производства делает это очевидным. Затруднение начинается лишь тогда, когда процесс производства рассматривается в общем и целом. Стоимость всей части продукта, потребляемой как доход, в форме заработной платы, прибыли и ренты (при чем совершенно безразлично, будет ли то личное или производительное потребление), при анализе действительно целиком покрывается суммой стоимости, составленной из заработной платы плюс прибыль, плюс рента, т.-е. всей стоимостью трех доходов, хотя стоимость этой части продукта совершенно так же, как той, которая не входит в доход, содержит часть стоимости = C , равную стоимости заключающегося в этих частях постоянного капитала, следовательно, *prima facie* не может исчерпываться стоимостью дохода. Это обстоятельство является с одной стороны практически бесспорным фактом, с другой стороны столь же бесспорным теоретическим противоречием. Через такое затруднение проще всего перескакивают, утверждая, что товарная стоимость лишь по внешней видимости, с точки зрения отдельного капиталиста, включает в себе какую-то другую часть стоимости, отличную от существующей в форме дохода. Фраза: то, что для одного является

⁵¹⁾ Рикардо делает следующее весьма удачное замечание относительно бессмысленного Сэя: „О чистом и валовом продукте г. Сэй говорит следующее: „Вся произведенная стоимость есть валовая стоимость; эта стоимость за вычетом из нее издержек производства есть чистый продукт“ (Vol. II, p. 491). Следовательно, чистого продукта быть не может, потому что издержки производства по г. Сэю состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: „Следовательно, стоимость продукта, стоимость производительных услуг, стоимость издержек производства — все это однородные стоимости, если только вещи предоставляются их естественному течению“. Если из всего вычесть все, то в результате ничего не останется“ (Ricardo, Principles, chap. XXII, p. 512, примечание). Впрочем, мы позже увидим, что и Рикардо нигде не опроверг неправильного анализа товарной цены у Смита, сведения цены к сумме стоимости доходов. Он не помышляет об анализе и в своем исследовании признает его правильным постольку, поскольку „абстрагируется“ от постоянной части стоимости товаров. От времени до времени он сам подпадает под власть такого же способа представления.

доходом, для другого составляет капитал, избавляет от необходимости какого бы то ни было дальнейшего размышления. Каким образом, если стоимость всего продукта подлежит потреблению в виде доходов, может быть возмещен старый капитал; каким образом стоимость продукта каждого индивидуального капитала может быть равна сумме стоимости трех доходов плюс C , постоянный капитал, а вся сумма стоимости продуктов всех капиталов равна сумме стоимости трех доходов плюс O ,—все это, конечно, представляется при этом неразрешимой загадкой, все это приходится тогда объяснять тем, что анализ; вообще неспособный вскрыть простые элементы цены, должен довольствоваться вращением в порочном кругу и отодвиганием задачи до бесконечности. Таким образом то, что представляется в виде постоянного капитала, может быть разложено на заработную плату, прибыль, ренту: товарные же стоимости, в которых представлены заработная плата, прибыль, рента, в свою очередь, определяются заработной платой, прибылью, рентой и так далее до бесконечности⁵²⁾.

Ложная в своей основе догма, будто стоимость товаров в последнем счете может быть разложена на заработную плату + прибыль + рента, получает еще и такое выражение, будто потребитель в последнем счете должен оплатить всю стоимость всего продукта; или будто денежное обращение между производителями и потребителями в последнем счете должно равняться денежному обращению между самими производителями (Тооке), положения, которые так же точно неправильны, как то основное положение, на которое они опираются.

Затруднения, которые приводят к этому ошибочному и prima facie абсурдному анализу, в основных чертах следующие:

1) Непонимание основного отношения между постоянным и переменным капиталом, а потому и природы прибавочной стоимости, а

52) „Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к одной или другой, или ко всем этим трем частям [т.-е. заработной плате, прибыли, ренте]... Четвертая часть, как можно было предположить, необходима для возмещения капитала фермера или снашивания и починки и для восстановления рабочего скота и других орудий земледелия. Но следует заметить, что цена какого бы то ни было сельскохозяйственного орудия, например, лошади, в свою очередь, состоит из этих же трех частей: ренты с той земли, на которой она выращена, труда, затраченного на уход за нею и на ее возвращение, и прибыли фермера, который авансирует и ренту за землю и заработную плату за труд. Поэтому хотя цена хлеба и покрывает как цену так и содержание лошади, тем не менее вся цена распадается непосредственно или в конечном счете на те же три части: ренту, труд [следует сказать заработную плату] и прибыль“ (А. Смит). Мы покажем впоследствии, что А. Смит сам понимает всю противоречивость и недостаточность этой уловки, так как что же иное как не удивка отсылать нас от Понтия к Пилату, нигде не показывая нам действительной затраты капитала, при которой цена продукта в конечном счете, без дальнейшего отодвигания вдале, без остатка разлагается на эти три части.

вместе с тем и всего базиса капиталистического способа производства. Стоимость каждого отдельного продукта капитала, каждой единицы товара включает в себе часть стоимости = постоянному капиталу, часть стоимости = переменному капиталу (превращенному в заработную плату рабочих) и часть стоимости = прибавочной стоимости (позднее разделится на прибыль и ренту). Итак, каким же образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли, ренты, следовательно, всех трех источников дохода вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые кроме этих трех составных частей стоимости содержат в себе еще одну лишнюю составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Каким образом могут они на стоимость, заключающую в себе три составных части, купить такую, которая включает в себе четыре составных части? ⁵³⁾

Мы дали анализ в книге II, отдел III.

2) Непонимание способа, посредством которого труд, присоединяя новую стоимость, сохраняет старую стоимость в новой форме, не производя этой последней стоимости вновь.

⁵³⁾ Прудон обнаруживает полную неспособность понять это в своей ограниченной формуле: *l'ouvrier ne peut pas racheter son propre produit* (рабочий не может выкупить своего собственного продукта), потому что в продукте содержится процент, который прибавляется к *prix-de-revient*. Но как получает его г. Eugène Forcade: «Если бы возражение Прудона было правильно, оно касалось бы не только *profits du capital* (прибылей с капитала), но уничтожило бы самую возможность промышленности. Если рабочий должен платить 100 за вещь, за которую он получил всего 80, если заработная плата в состоянии выкупить в продукте лишь стоимость, вложенную в него ею самой, то это равносильно утверждению, что рабочий не может ничего выкупить, что заработная плата ничего не может оплатить. Действительно, в покупной цене всегда заключается нечто большее, чем заработная плата рабочего, а в продажной цене нечто большее, чем прибыль предпринимателя, например, цена сырого материала, часто заплаченная за границей... Прудон забыл о непрерывном росте национального капитала; он забыл, что этот рост совершается для всех рабочих. для рабочих предприятий так же, как для ремесленников» (*Revue des deux Mondes*, 1848, t. 24, p. 998). Мы имеем здесь перед собою образчик оптимизма буржуазного бессмыслия в наиболее соответствующей ему форме глубокомыслия. Во-первых, г. Forcade полагает, что рабочий не мог бы жить, если бы не получал, кроме стоимости, которую производит, более высокой стоимости, тогда как, наоборот, капиталистический способ производства был бы невозможен, если бы рабочий действительно получал стоимость, которую он производит. Во-вторых, он правильно обобщает затруднение, высказанное Прудоном лишь с известной ограниченной точки зрения. Цена товара содержит в себе не излишек только над заработной платой, но также и над прибылью, а именно постоянную часть

3) Непонимание общей связи процесса воспроизводства, как она представляется не по отношению к единичному капиталу, а по отношению ко всему капиталу; непонимание затруднения, заключающегося в том, каким образом продукт, в котором реализуется заработная плата и прибавочная стоимость, т.-е. вся стоимость, созданная всем вновь присоединенным в течение года трудом, может возмещать свою постоянную часть стоимости и еще в то же время состоять из стоимости, сводящейся к одним доходам; каким образом, далее, потребленный в производстве постоянный капитал может быть материально и по стоимости возмещен новым, хотя вся сумма вновь присоединенного труда реализуется лишь в заработной плате и в прибавочной стоимости и вполне выражается в сумме стоимости обонх. Главное затруднение как раз и заключается в этом, в анализе воспроизводства и отношения его различных составных частей, со стороны как их вещественного характера, так и отношений их стоимости.

4) Но сюда присоединяется новое затруднение, которое еще увеличивается, как только различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных один по отношению к другому доходов. Затруднение это заключается в том, что определенные назначения дохода и капитала взаимно меняются, меняют свое место, так что кажутся лишь относительными назначениями с точки зрения единичного капиталиста, которые исчезают, едва лишь мы посмотрим на весь процесс производства. Например, доход рабочих и капиталистов класса I, производящего постоянный капитал, возмещает стоимость и вещество постоянного капитала класса капиталистов II, производящего средства потребления. Таким образом можно обойти затруднение посредством того представления, что то, что для одного—доход, для другого—капитал, а потому эти определения не имеют никакого отношения к действительному обособлению составных частей стоимости товара. Далее, товары, предназначенные в конце-концов к тому, чтобы образовать вещественные элементы, на которые расходуется доход, т.-е. составить средства потребления, проходят в продолжение года различные ступени, например, шерстяная пряжа, сукно.

стоимости. Таким образом и капиталист, согласно рассуждению Прудона, не мог бы выкупить товары не свою прибыль. Как же разрешает Forcade загадку? Бессмысленной фразой о росте капитала. Итак, постоянный рост капитала должен, между прочим, выражаться и в том, что анализ товарной цены, невозможный для экономиста при капитале в 100, делается излишним при капитале в 10.000. Что сказали бы мы о химике, который на вопрос: чем объясняется, что в сельскохозяйственном продукте содержится больше углерода, чем в самой почве,—ответил бы: это объясняется постоянным ростом сельскохозяйственного производства. Благонамеренное желание раскрыть в буржуазном мире лучший из возможных миров заменяет в вульгарной экономии всякую любовь к истине и стремление к научному исследованию.

На одной стороне они образуют часть постоянного капитала, на другой они служат личному потреблению, следовательно, целиком входят в состав дохода. Можно, следовательно, вообразить себе вместе с А. Смитом, что постоянный капитал есть лишь мнимый элемент товарной стоимости, исчезающий в общей связи. Таким же образом происходит далее обмен переменного капитала на доход. Рабочий покупает на свою заработную плату часть товаров, составляющую его доход. Вместе с тем он возмещает этим самым для капиталиста денежную форму переменного капитала. Наконец: часть продуктов, образующих постоянный капитал, возмещается или *in natura*, или посредством обмена между самими производителями постоянного капитала,—процесс, к которому потребителям нет никакого касательства. Если упустить это из виду, то может возникнуть ложное представление, что доход потребителей возмещает весь продукт, следовательно, и постоянную часть стоимости.

5) Кроме путаницы, которую вносит превращение стоимостей в цены производства, возникает другая вследствие превращения прибавочной стоимости в различные специфические формы дохода, самостоятельные по отношению одна к другой и относящиеся к различным элементам производства, в прибыль и ренту. При этом забывается, что стоимости товаров являются основой, и что распадение этой товарной стоимости на различные составные части и дальнейшее развитие этих составных частей стоимости в формы дохода, их превращение в отношения различных владельцев различных факторов производства к этим отдельным составным частям стоимости, их распределение между этими владельцами сообразно определенным категориям и титулам, решительно ничего не изменяет в самом определении стоимости и ее законе. Так же мало изменяется закон стоимости тем обстоятельством, что уравнение прибыли, т.-е. распределение всей прибавочной стоимости между различными капиталами, и препятствия, которые отчасти (в абсолютной ренте) ставятся землевладением на пути к этому уравнению, производят отклонение регулирующих средних цен товаров от их индивидуальных стоимостей. Это оказывает влияние опять-таки только на надбавку прибавочной стоимости к ценам наличных товаров, но не уничтожает самой прибавочной стоимости и всей стоимости товаров как источника этих различных составных частей цены.

Здесь перед нами *quid pro quo*, которое мы рассматриваем в следующей главе, и которое неизбежно связано с плюзией, будто бы стоимость возникает из ее собственных составных частей. А именно, различные составные части стоимости товара приобретают в доходах самостоятельные формы, и в качестве таковых доходов их относят к отдельным вещественным элементам производства как к их источникам,

вместо того, чтобы отнести их как к их источнику к стоимости товара. Они действительно относятся к упомянутым особым источникам, но не как составные части стоимости, а как доходы, как составные части стоимости, достигающиеся этим определенным категориям агентов производства: рабочему, капиталисту, земельному собственнику. Тем не менее все же можно представить себе, что эти составные части стоимости не происходят от разложения товарной стоимости, а, наоборот, образуют ее лишь своим соединением; тогда-то и получается великолепный порочный круг: стоимость товаров возникает из суммы стоимости заработной платы, прибыли, ренты, а стоимость заработной платы, прибыли, ренты, в свою очередь, определяется стоимостью товаров и т. д. ⁵⁴).

При нормальном состоянии производства только часть вновь присоединенного труда употребляется на производство и, следовательно,

⁵⁴) «Оборотный капитал, затраченный на материалы, сырой материал и законченные произведения, сам состоит из товаров, необходимая цена которых составлена из тех же элементов, так что, рассматривая совокупность товаров страны, было бы излишним причислять эту часть оборотного капитала к элементам необходимой цены» (Storch, Cours d'Éc. Pol. II, p. 140). Под этими элементами оборотного капитала Шторх разумеет (основной—это только измененная форма оборотного) постоянную часть стоимости. «Правда, что заработная плата рабочего так же как и часть прибыли предпринимателя, которая состоит из заработных плат, если рассматривать их как часть средств существования, в свою очередь составляются из товаров, купленных по рыночной цене и тоже заключающих в себе заработные платы, ренты на капиталы, земельные ренты и предпринимательские (прибыли... наблюдение это доказывает лишь невозможность разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» (ib. примечание). В своих *Considérations sur la nature du revenu national* (Paris 1824) Шторх в своей полемике с Сзем, правда, понимает всю пеленость, к которой приводит ошибочный анализ товарной стоимости, разлагающей ее без остатка только на доходы, и правильно оценивает всю бессмыслицу этих выводов—с точки зрения не единичных капиталистов, а нации,—но сам он не делает ни шага вперед в анализе *prix nécessaire*, необходимой цены, относительно которой он, вместо того, чтобы отодвигать решение задачи до бесконечности, заявляет в своем «Cours», что необходимую цену невозможно разложить на ее действительные элементы. «Ясно, что стоимость годового продукта разделяется частью на капиталы, частью на прибыли, и что каждая из этих частей стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, необходимые нации как для сохранения ее капитала, так и для обновления ее потребительского фонда» (p. 134, 135)... «Может ли она (работаящая самостоятельно рабочая семья) жить в своих ригах и конюшнях, питаться своими семенами и травой, одеваться в свой рабочий скот, расходовать свои земледельческие орудия? Согласно положению, высказанному г. Сзем, следовало бы ответить положительно на все эти вопросы» (135, 136)... «Если признать, что доход нации равняется всему ее продукту, т.-е. что из него не приходится вычитать капитала, то придется также признать, что она может непроизводительно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не принеся ни малейшего ущерба своему будущему доходу» (147). «Продукты, составляющие капитал нации, не подлежат потреблению» (p. 150).

на возмещение постоянного капитала; именно, как раз та часть, которая возмещает постоянный капитал, израсходованный в производстве средств потребления, вещественных элементов дохода. Это уравнивается тем, что эта постоянная часть класса II не стбит добавочного труда. Но постоянный капитал, который (если рассматривать весь процесс воспроизводства, в который, следовательно, включено и то уравнение классов I и II, о котором только что говорилось) не представляет продукта вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него,—этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить. (Но если рассматривать его со стороны стоимости, то и в этом отношении он может обесцениться, вследствие изменения в производительной силе труда; однако же это относится лишь к единичным капиталистам). Вследствие этого часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного продукта, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) получает себе выражение лишь вновь присоединенный труд, служит страховым фондом. При этом дело несколько не изменяется от того, управляется ли этот страховой фонд страховым обществом как отдельное предприятие или нет. Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как таковой и не служит непременно фондом накопления. Служит ли она фактически фондом накопления или лишь покрывает недочеты воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а следовательно, и прибавочного труда, которая на ряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна сохраниться и по уничтожении капиталистического способа производства. Конечно, это предполагает, что часть, регулярно потребляемая непосредственными производителями, не останется в своем теперешнем минимальном уровне. Оставляя в стороне прибавочный труд на тех, которые благодаря своему возрасту еще не могут или уже не могут принимать участия в производстве, какой бы то ни было труд отпадет на содержание тех, кто не работает. Если мы представим себе общество при его возникновении, то мы увидим, что здесь нет еще произведенных средств производства, следовательно, нет постоянного капитала, стоимость которого входит в продукт и который при воспроизводстве в том же масштабе должен возмещаться *in natura* из продукта в размере, определяемом его стоимостью. Природа непосредственно доставляет здесь средства существования, их не приходится производить. Но поэтому она оставляет дикарю, которому приходится удовлетворять лишь очень малые потребности, время,—не на то, чтобы

использовать еще не существующие в наличности средства производства для дальнейшего производства, а на то, чтобы, кроме труда, которого стоит присвоение существующих в природе средств существования, затрачивать труд на превращение других продуктов природы в средства производства: лук, каменный нож, лодку и т. д. Процесс этот, если рассматривать его только с вещественной стороны, совершенно соответствует у дикаря обратному превращению прибавочного труда в новый капитал. В процессе накопления непрерывно совершается превращение такого продукта избыточного труда в капитал; и то обстоятельство, что всякий новый капитал происходит из прибыли, ренты или других форм дохода, т.-е. из прибавочного труда, ведет к ошибочному представлению, будто вся стоимость товаров возникает из дохода. Это обратное превращение прибыли в капитал при ближайшем анализе показывает, напротив, что добавочный труд,—который всегда выступает в форме дохода,—служит не для сохранения или воспроизводства прежней капитальной стоимости, а—поскольку она не потребляется как доход—для создания нового дополнительного капитала.

Все затруднение вытекает из того, что весь вновь присоединенный труд, поскольку созданная им стоимость не сводится к заработной плате, является в виде прибыли,—понимаемой здесь как форма прибавочной стоимости вообще,—т.-е. в виде стоимости, которая ничего не стоила капиталисту, а следовательно, которую ему не приходится возмещать ничего авансированного, никакого капитала. Поэтому стоимость эта существует в форме свободного, добавочного богатства, или, говоря короче, с точки зрения отдельного капиталиста, в форме его дохода. Но эту вновь созданную стоимость одинаково можно потребить как производительно, так и для личного потребления, одинаково и как капитал, и как доход. Часть ее уже по своей натуральной форме должна быть потреблена производительно. Таким образом ясно, что ежегодно присоединяемый труд создает как капитал, так и доход; это проявляется в процессе накопления. Но та часть рабочей силы, которая употребляется на то, чтобы вновь произвести капитал (следовательно, по аналогии та часть рабочего дня, которую дикарь употребляет не на то, чтобы присваивать пищу, а на то, чтобы изготовить орудие, посредством которого он присваивает пищу), уже потому нельзя распознать, что весь продукт прибавочного труда прежде всего выступает в форме прибыли,—определенне, которое в действительности не имеет ничего общего с самой этой прибавочной стоимостью, а касается только частного отношения капиталиста к полученной им прибавочной стоимости. В действительности прибавочная стоимость, создаваемая рабочим, распадается на доход и капитал, т.-е. на средства потребления и добавочные средства производства. Но прежний, остав-

нийся от прошлого года постоянный капитал (кроме той части, которая повреждена и, следовательно, pro tanto уничтожена, а потому прежний капитал, поскольку он не нуждается в воспроизводстве,—а такие нарушения процесса воспроизводства относятся к сфере страхования), рассматриваемый со стороны его стоимости, не воспроизводится посредством вновь присоединенного труда.

Мы видим, далее, что часть вновь присоединенного труда постоянно поглощается в процессе воспроизводства и возмещения потребленного постоянного капитала, хотя этот вновь присоединенный труд разлагается только на доходы: заработную плату, прибыль и ренту. Но при этом упускается из виду, 1) что часть стоимости продукта этого труда представляет из себя не продукт этого вновь присоединенного труда, а уже существовавший и потребленный постоянный капитал; что поэтому та часть продуктов, в которой выражается эта часть стоимости, тоже не превращается в доход, а возмещает in natura средства производства этого постоянного капитала; 2) что та часть стоимости, которая действительно представляет этот вновь присоединенный труд, не потребляется in natura как доход, а возмещает постоянный капитал в другой сфере, где она превращается в такую натуральную форму, в которой она может быть потреблена как доход, но которая, в свою очередь, опять-таки не является исключительно продуктом вновь присоединенного труда.

Поскольку воспроизводство совершается в неизменном масштабе, каждый потребленный элемент постоянного капитала должен возмещаться in natura посредством нового экземпляра соответствующего рода, если не того же самого количества и формы, то такой же способности. Если производительная сила труда остается прежняя, то это возмещение in natura предполагает возмещение той самой стоимости, какую постоянный капитал имел в своей прежней форме. Если же производительная сила труда увеличивается так, что те же самые вещественные элементы можно воспроизвести меньшим трудом, то меньшая часть стоимости продукта окажется в состоянии вполне возместить in natura постоянную часть. Избыток может в таком случае послужить для образования нового добавочного капитала, или можно будет более значительную часть продукта превратить в форму средств потребления, или же уменьшить прибавочный труд. Напротив, если производительная сила труда уменьшится, то на возмещение прежнего капитала потребуется более значительная часть продукта; прибавочный продукт уменьшится.

Обратное превращение прибыли или вообще какой бы то ни было формы прибавочной стоимости в капитал показывает,—если мы отвлечемся от исторически-определенной экономической формы и будем

рассматривать это превращение просто с точки зрения образования новых средств производства, — что все еще сохраняется то положение, когда рабочий, кроме труда, направленного на приобретение собственно средств существования, затрачивает труд на производство средств производства. Превращение прибыли в капитал равносильно лишь применению части избыточного труда на образование новых, добавочных средств производства. То обстоятельство, что это совершается в форме превращения прибыли в капитал, означает лишь, что не рабочий, а капиталист распоряжается избыточным трудом. Что этот избыточный труд должен сначала пройти стадию, в которой он выступает как доход (в то время как, напр., у дикаря он носит характер труда, непосредственно направленного на производство средств производства), это означает лишь, что этот труд или его продукт присваивается не тем, кто работает. Но в действительности в капитал превращается не прибыль как таковая. Превращение прибавочной стоимости в капитал означает лишь, что прибавочная стоимость и прибавочный продукт не потребляются капиталистом как доход, индивидуально. Такое превращение в действительности испытывает стоимость, овеществленный труд, или продукт, в котором непосредственно воплощается эта стоимость или на который она обменивается после предварительного превращения в деньги. Точно так же, когда прибыль превращается в капитал, не эта определенная форма прибавочной стоимости, не прибыль составляет источник нового капитала. Прибавочная стоимость при этом только превращается из одной формы в другую. Но не это превращение формы делает ее капиталом. В качестве капитала с этого момента функционируют товар и его стоимость. Но то обстоятельство, что стоимость товара не оплачена — а только вследствие этого она и становится прибавочной стоимостью, — не имеет никакого значения для овеществления труда, для самой стоимости.

Недоразумение выражается в различных формах. Например, в том, что товары, из которых состоит постоянный капитал, также заключают в себе элементы заработной платы, прибыли и ренты. Или в том, что то, что составляет для одного доход, для другого составляет капитал, и потому это суть просто субъективные отношения. Так, пряжа прядильщика содержит часть стоимости, которая представляет для него прибыль. Следовательно, ткач, покупая пряжу, реализует прибыль прядильщика, для него же самого эта пряжа лишь часть его постоянного капитала.

Кроме того, что уже раньше было сказано об отношении дохода и капитала, следует заметить: то, что по своей стоимости входит вместе с пряжею как составная часть в капитал ткача, есть именно стоимость пряжи. Каким образом части этой стоимости разлагаются

для самого прядильщика на капитал и доход, другими словами, на оплаченный и неоплаченный труд,—это совершенно безразлично для определения самой стоимости товара (если отвлечься от изменений, обуславливаемых средней прибылью). Но здесь на заднем плане постоянно подстерегает представление, будто прибыль, вообще прибавочная стоимость является таким избытком над стоимостью товара, который образуется лишь благодаря надбавке, взаимному надувательству, барышу от продажи. Раз оплачивается цена производства или даже стоимость товара, оплачиваются, конечно, и составные части стоимости товара, которые представляются продавцу последнего в форме дохода. О монопольных ценах здесь, разумеется, нет речи.

Во-вторых, совершенно справедливо, что составные части товаров, из которых состоит постоянный капитал, сводятся, подобно всякой другой товарной стоимости, к частям стоимости, которые для производителей и собственников средств производства разлагаются на заработную плату, прибыль и ренту. Это есть лишь капиталистическая форма, в которой выражается тот факт, что всякая товарная стоимость является лишь мерой заключающегося в товаре общественно-необходимого труда. Но уже в первой книге было показано, что это ничуть не препятствует распадению товарного продукта всякого капитала на отдельные части, из которых одна представляет исключительно постоянную часть капитала, другая—переменную часть капитала и третья только—прибавочную стоимость.

Шторх выражает не только свое мнение, но и мнение многих других, когда говорит: «Продукты, подлежащие продаже, составляющие национальный доход, в политической экономии следует рассматривать двояким образом: как стоимости по отношению к лицам и как блага по отношению к нации; потому что доход нации определяется не таким образом, как доход отдельного индивидуума, не по его стоимости, а по его полезности и тем потребностям, которые он может удовлетворить» (*Consid. sur le revenu national*, p. 19).

Во-первых, совершенно ложная абстракция: нацию, способ производства которой основан на стоимости, далее, которая организована капиталистически, рассматривать как собирательный организм, работающий только для удовлетворения национальных потребностей.

Во-вторых, по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости попрежнему продолжает господствовать в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было.

Глава пятидесятая.

Кажущаяся роль конкуренции.

Как уже было показано, стоимость товаров, или регулируемая всею их стоимостью цена производства, распадается на:

1) Часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал или прежний труд, в форме средств производства потребленный при изготовлении товара; другими словами, стоимость или цену средств производства, вошедших в процесс производства товара. Здесь мы имеем всегда в виду не отдельные товары, а товарный капитал, т.-е. ту форму, в которой представляется продукт капитала за определенный период, напр., за год; отдельный товар образует один лишь из элементов товарного капитала. при чем, однако, по своей стоимости распадается на те же самые составные части, что и этот последний.

2) Часть стоимости, которая составляет переменный капитал, измеряющий собою доход рабочего и превращающийся для последнего в его заработную плату,—эту заработную плату рабочий должен, следовательно, воспроизвести в этой переменной части стоимости капитала; короче, это—та часть стоимости, в которой выражается оплаченная часть труда, вновь присоединенного в производстве товара к первой, постоянной части стоимости.

3) Прибавочная стоимость, т.-е. та часть стоимости товарного продукта, в которой воплощается неоплаченный или прибавочный труд. Эта последняя часть стоимости принимает, в свою очередь, самостоятельные формы, которые в то же время являются формами дохода: форму прибыли на капитал (процент на капитал как таковой и предпринимательский доход с капитала как капитала, действительно функционирующего) и форму земельной ренты, которая причитается собственнику земли, участвующей в процессе производства. Составные части 2) и 3), т.-е. та составная часть стоимости, которая всегда принимает форму дохода—в виде заработной платы (при этом она во всяком случае предварительно должна принять форму переменного капитала), прибыли и ренты—отличается от постоянной составной части 1) тем, что в ней заключается вся та стоимость, в которой овеществляется труд, вновь присоединенный к этой постоянной части, к средствам производства товара. Если оставить в стороне постоянную часть стоимости, то окажется справедливым утверждение, что стоимость товара, поскольку она таким образом представляет вновь присоединенный труд, всегда разлагается на три части, образующие три формы до-

хода—на заработную плату, прибыль и ренту⁵⁵⁾; при чем соответствующие величины стоимости, т.-е. те доли, которые эти величины составляют от всей стоимости, определяются различными, специфическими, указанными выше законами. Но было бы неверно обратное утверждение, что стоимость заработной платы, норма прибыли и норма ренты образуют самостоятельные, конституирующие элементы стоимости, путем соединения которых получается,—если оставить в стороне постоянную составную часть,—стоимость товара; одним словом, неверно было бы утверждение, что они образуют слагающие составные части товарной стоимости или цены производства⁵⁶⁾.

Легко заметить, в чем тут разница.

Допустим, что стоимость продукта некоторого капитала, равного 500, будет $400 c + 100 v + 150 m = 650$; при чем эти 150 m распадутся, в свою очередь, на 75 прибыли + 75 ренты. Допустим далее, чтобы устранить ненужные трудности, что это—капитал среднего состава, так что его цена производства совпадает с его стоимостью; совпадение это всегда имеет место, раз продукт этого отдельного капитала может рассматриваться как продукт соответствующей его величине части всего капитала.

Здесь заработная плата, измеряемая переменным капиталом, составляет 20% авансированного капитала; прибавочная стоимость 30%

35) В результате распада стоимости, присоединенной к постоянной части капитала, на заработную плату, прибыль и земельную ренту получаются, само собою разумеется, части стоимости. Их можно, конечно, представить себе воплощенными в непосредственном продукте, в котором выражается эта стоимость, т.-е. в непосредственном продукте, который произвели рабочие и капиталисты данной особой сферы производства, напр., бумагопрядения, следовательно, в этом случае в приже. Однако, в действительности, этот продукт служит их выражением не хуже и не лучше, чем всякий другой товар, всякая другая часть вещественного богатства той же самой стоимости. Ведь на практике заработная плата, так же как процент на капитал и рента, уплачивается деньгами, представляющими выражение стоимости в ее чистом виде. И в самом деле, для капиталиста превращение его продукта в чистое выражение стоимости имеет крупное значение; оно является предпосылкой самого распределения. Превращаются ли эти стоимости обратно в тот же самый продукт, в тот же самый товар, из производства которого они возникли, покупает ли рабочий обратно часть непосредственно произведенного им продукта, или же он покупает продукт другого и качественно отличного труда,—все это не имеет отношения к рассматриваемому вопросу. Г-н Родбертус обнаруживает совершенно излишнее рвение в этом направлении.

36) „Достаточно заметить, что те же самые общие правила, которые регулируют стоимость сырого продукта и мануфактурных товаров, приложимы также и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы, не от ренты, выплачиваемой за рудники, но от всего количества труда, необходимого для того, чтобы добыть металл и доставить его на рынок“ (Ricardo, Princ., chap. III, p. 77).

всего капитала, а именно 15% прибыли и 15% ренты. Вся та составная часть стоимости товара, в которой овеществляется вновь присоединенный труд, равна $100 v + 150 m = 250$. Величина ее не зависит от того, в какой пропорции распадается она на заработную плату, прибыль и ренту. Соотношение этих последних частей показывает нам, что рабочая сила, оплаченная сотнею, скажем, фунтов стерлингов, доставила количество труда, выражающееся в сумме денег, равной 250 £ . Мы видим отсюда, что рабочий произвел прибавочного труда в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем труда для самого себя. Если рабочий день $= 10$ часам, он работал 4 часа для себя и 6 часов для капиталиста. Итак, труд рабочего, оплаченного 100 £ , выражается в денежной стоимости 250 £ . За исключением этой стоимости в 250 £ . ничто не поступает в раздел между рабочим и капиталистом, между капиталистом и земельным собственником. Такова вся стоимость, присоединенная к стоимости средств производства, равной 400 . Поэтому произведенная указанным образом и определяемая количеством объектированного в ней труда товарная стоимость в 250 составляет предел той суммы дохода, которую рабочий, капиталист и земельный собственник могут извлечь из этой стоимости в форме заработной платы, прибыли и ренты.

Пусть капитал с тем же самым органическим составом, т. е. с тем же самым отношением между затраченной живой рабочей силой и приведенным в движение постоянным капиталом, вынужден при новых условиях платить 150 £ вместо 100 £ за ту же самую рабочую силу, приводящую в движение постоянный капитал, равный 400 ; пусть, далее, прибавочная стоимость распадается опять-таки в новом отношении на прибыль и ренту. Так как предполагается, что теперь переменный капитал в 150 £ приводит в движение ту же самую массу труда, какая раньше приводилась в движение капиталом в 100 £ , то вновь произведенная стоимость будет попрежнему $= 250$, и стоимость всего продукта попрежнему $= 650$, но ее отдельные части будут иные: $400 c + 150 v + 100 m$; при чем эти $100 m$ распадаются, скажем, на 45 прибыли и 55 ренты. Пропорция, в которой вся вновь произведенная стоимость распределяется теперь между заработной платой, прибылью и рентой, совершенно не та, что раньше; совершенно иной является также величина всего авансированного капитала, хотя он приводит в движение ту же самую массу труда, что и раньше. Заработная плата составляет теперь $27\frac{3}{11}\%$, прибыль $8\frac{2}{11}\%$, рента 10% на авансированный капитал; следовательно, вся прибавочная стоимость несколько более 18% .

Вследствие повышения заработной платы изменилась величина, оплаченной части всего труда, а следовательно, и величина прибавочной

стоимости. При десятичасовом рабочем дне рабочему приходится теперь 6 часов работать на себя и лишь 4 часа на капиталиста. Изменилось также отношение между прибылью и рентой; уменьшенная прибавочная стоимость в новой пропорции делится между капиталистом и земельным собственником. Наконец, вследствие того, что стоимость постоянного капитала осталась неизменной, а стоимость авансированного переменного капитала возросла, пониженная прибавочная стоимость выражается в еще более пониженной валовой норме прибыли, при чем под последней мы разумеем здесь отношение всей прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу.

Изменение стоимости заработной платы, нормы прибыли и нормы ренты, каково бы ни было действие законов, регулирующих взаимное отношение этих частей, может совершаться лишь в границах, определяемых величиной вновь созданной товарной стоимости = 250. Исключение могло бы иметь место лишь в том случае, если бы рента покоплась на монопольной цене. Это не изменило бы закона, но лишь усложнило бы исследование. В самом деле, если бы мы в этом последнем случае стали рассматривать только самый продукт, то изменение обнаружилось бы лишь в распределении прибавочной стоимости; если же мы стали бы рассматривать относительную стоимость этого продукта по сравнению с другими товарами, то мы нашли бы лишь ту особенность, что часть прибавочной стоимости последних переносится на этот специфический товар.

Стоимость продукта.	Вновь созданная стоимость.	Норма прибавочной стоимости.	Норма валовой прибыли.
Первый случай: $400c + 100v + 150m = 650$	250	150%	30 ⁰ / ₀
Второй случай: $400c + 150v + 100m = 650$	250	66 ¹ / ₃ %	18 ² / ₁₁ %

Прежде всего прибавочная стоимость понизилась на одну треть своей прежней величины, с 150 по 100. Норма прибыли понизилась несколько более, чем на одну треть, с 30% до 18%, так как уменьшенная прибавочная стоимость исчисляется теперь на возросший авансированный капитал. Но и она упала далеко не в том отношении, как норма прибавочной стоимости. Эта последняя с $\frac{150}{100}$ понизилась до $\frac{100}{150}$ с 150% до 66¹/₃%, в то время как норма прибыли понизилась лишь с $\frac{150}{500}$ до $\frac{100}{550}$, или с 30% до 18²/₁₁%. Таким образом относительное понижение нормы прибыли больше, чем уменьшение

массы, но меньше, чем понижение нормы прибавочной стоимости. Далее мы видим, что стоимость и масса продукта остается неизменной, раз применяется то же самое количество труда, и это несмотря на то, что авансированный капитал вследствие увеличения его переменной составной части увеличился. Это возрастание авансированного капитала отозвалось бы, конечно, очень чувствительно на капиталисте, начинающем новое предприятие. Но с точки зрения воспроизводства в целом возрастание переменного капитала означает лишь одно, — что более значительная часть стоимости, вновь созданной при помощи вновь присоединенного труда, превращается в заработную плату, т.-е. прежде всего в переменный капитал, вместо того чтобы превращаться, как это было раньше, в прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Следовательно, стоимость продукта остается неизменной, так как она ограничена с одной стороны стоимостью постоянного капитала = 400; с другой стороны — числом 250, в котором выражается вновь присоединенный труд. Но обе эти величины остались неизменными. Продукт этот, поскольку он сам снова входит в постоянный капитал, в данной величине стоимости воплощает ту же, что и прежде, массу потребительной стоимости; следовательно, та же самая масса элементов постоянного капитала сохраняет ту же самую стоимость. Иначе обстоит бы дело в том случае, если бы заработная плата повысилась не потому, что рабочий стал получать большую долю своего собственного труда, но если бы он стал получать большую долю своего собственного труда потому, что упала производительность труда. Тогда вся стоимость, в которой выражается то же самое количество труда — оплаченного и неоплаченного — осталась бы неизменной; но масса продукта, в которой выражается это количество труда, уменьшилась бы и, следовательно, возросла бы цена каждой данной части продукта, так каждая такая часть представляет теперь большее количество труда. Повышенная заработная плата в 150 представляла бы не более продукта, чем старая заработная плата в 100; пониженная прибавочная стоимость в 100 представляла бы лишь $\frac{2}{3}$ прежнего продукта, $66\frac{2}{3}\%$ той массы прибавочных стоимостей, которая прежде выражалась в 100. В этом случае вздорожал бы и постоянный капитал, поскольку в него входит этот продукт. Но это не было бы следствием повышения заработной платы, — наоборот, повышение заработной платы было бы следствием вздорожания товаров и следствием пониженной производительности того же самого количества труда. Здесь возникает иллюзия, будто повышение заработной платы удорожает продукт; в действительности повышение это является не причиной, а результатом изменения стоимости товаров вследствие пониженной производительности труда.

Далее, если при прочих равных условиях,—т.-е. при том условии, что прежнее количество затраченного труда выражается, как и раньше, в 250,—повысится или упадет стоимость затраченных средств производства, то и стоимость данной массы продукта повысится или упадет на ту же самую величину. $450\ c + 100\ v + 150\ m$ составляет стоимость продукта $\equiv 700$, тогда как $350\ c + 100\ v + 150\ m$ дает для стоимости той же самой массы продукта лишь 600, вместо прежних 650. Следовательно, когда растет или уменьшается авансированный капитал, приводимый в движение тем же самым количеством труда, тогда, при прочих равных условиях, растет или уменьшается и стоимость продукта,—раз увеличение или уменьшение авансированного капитала происходит вследствие изменения величины стоимости постоянной части капитала. Наоборот, она не изменяется, если увеличение или уменьшение авансированного капитала происходит вследствие изменения величины стоимости переменной части капитала при неизменной производительности труда. Увеличение или уменьшение стоимости постоянного капитала не компенсируется никаким противоположным движением. Напротив, увеличение или уменьшение переменного капитала при неизменяющейся производительности труда компенсируется обратным движением прибавочной стоимости, так что стоимость переменного капитала плюс прибавочная стоимость, т.-е. стоимость, вновь присоединенная трудом к средствам производства и вновь созданная в продукте, остается неизменной.

Напротив, если стоимость переменного капитала или заработной платы увеличивается или уменьшается вследствие вздорожания или понижения цены товаров, т.-е. вследствие уменьшения или увеличения производительности труда, затраченного в данной сфере приложения капитала, то это отразится на стоимости продукта. Но повышение или понижение заработной платы является здесь не причиной, а только следствием.

Напротив, если бы в вышеприведенном примере, при неизменном постоянном капитале $\equiv 400\ c$, изменение $100\ v + 150\ m$ в $150\ v + 100\ m$, т.-е. возрастание переменного капитала явилось следствием понижения производительной силы труда не в данной отрасли производства, напр., в бумагопрядении, но, скажем, в земледелии, доставляющем рабочему пищевые продукты,—следовательно, явилось результатом вздорожания этих пищевых продуктов, то стоимость продукта не изменилась бы. Стоимость в 650 и теперь, как прежде, выражалась бы в той же самой массе хлопчатобумажной пряжи.

Из соображений, только что развитых нами, вытекает, далее, следующее: если благодаря экономии и т. п. уменьшаются затраты постоянного капитала в тех отраслях производства, продукты которых

входят в потребление рабочего, то это в такой же степени, как и непосредственное возрастание производительности самого затрачиваемого труда, может привести к уменьшению заработной платы, так как удешевляет средства существования рабочего,—может привести, следовательно; к повышению прибавочной стоимости; таким образом норма прибыли возрастает здесь по двум причинам: во-первых, потому, что уменьшается стоимость постоянного капитала, во-вторых, потому, что увеличивается прибавочная стоимость. Рассматривая превращение прибавочной стоимости в прибыль, мы предполагали, что заработная плата не понижается, а остается постоянной, так как там нам предстояло исследовать колебания нормы прибыли, не зависящие от изменения нормы прибавочной стоимости. Кроме того, установленные нами там законы имеют общий характер, они применимы также, и к тем затратам капитала, продукты которых не входят в потребление рабочего. изменение стоимости продукта которых не оказывает поэтому влияния на заработную плату.

Итак, обособление и разложение стоимости, ежегодно присоединяемой вновь к средствам производства или постоянному капиталу при помощи вновь прилагаемого труда,—обособление этой вновь созданной стоимости и разложение ее на различные формы дохода: на заработную плату, прибыль и ренту, несколько не изменяет границы самой стоимости, той суммы стоимости, которая распределяется между этими различными категориями. Ведь само собою разумеется, изменение отношения между этими отдельными частями не может изменить их суммы, этой данной величины стоимости. Данное число 100 остается всегда тем же самым, разложим ли мы его на $50 + 50$, или на $20 + 70 + 10$, или на $40 + 30 + 30$. Та часть стоимости продукта, которая распадается на эти доходы, определена, как и постоянная часть стоимости капитала, стоимостью товаров, т.-е. количеством труда, объективированного в них в каждом данном случае. Таким образом, во-первых, дана величина товарной стоимости, распределяющаяся между заработной платой, прибылью и рентой,—дана, следовательно, абсолютная граница суммы отдельных частей стоимости этих товаров. Во-вторых, что касается самих этих категорий, то даны их средние и регулирующие границы. Заработная плата образует базис этого последнего ограничения. Она, с одной стороны, регулируется естественным законом; ее минимальная граница дана физическим минимумом средств существования, необходимых рабочему для поддержания и воспроизводства своей рабочей силы,—дана, следовательно, как определенное количество товаров. Стоимость этих товаров определяется рабочим временем, необходимым для их воспроизводства, т.-е. той частью

труда, вновь присоединяемого к средствам производства, или той частью каждого рабочего дня, которую рабочий употребляет для производства и воспроизводства эквивалента стоимости этих необходимых средств существования. Если, например, средняя стоимость его средств существования за день равняется 6 часам среднего труда, то он должен в среднем работать на себя 6 часов в день. Действительная стоимость его рабочей силы отклоняется от этого физического минимума; она изменяется в зависимости от климата и уровня общественного развития; она зависит не только от физических, но и от исторически развившихся общественных потребностей, которые становятся второю природой. Но в каждой стране и в каждый данный период эта регулирующая средняя заработная плата является данной величиной. Таким образом стоимость всех остальных доходов получает определенную границу. Она всегда равна стоимости, в которой воплощается весь рабочий день (который здесь совпадает с средним рабочим днем, как как он охватывает всю массу труда, приведенную в движение всем общественным капиталом), минус та часть его, которая воплощается в заработной плате. Следовательно, ее граница дана границей той стоимости, в которой выражается неоплаченный труд, т.-е. количеством этого неоплаченного труда. Если та часть рабочего дня, которую рабочий затрачивает на воспроизводство стоимости своей заработной платы, находит свою крайнюю границу в физическом минимуме заработной платы, то другая часть рабочего дня,—та, в которой выражается прибавочный труд, а следовательно, и та часть стоимости, которая выражает собою прибавочную стоимость,—находит свою границу в физическом максимуме рабочего дня, т.-е. в том максимальном количестве ежедневного рабочего времени, которое рабочий вообще может дать при условии сохранения и воспроизводства своей рабочей силы. Так как в настоящем исследовании дело идет о распределении той стоимости, в которой выражается весь труд, вновь присоединяемый в течение года, то рабочий день может рассматриваться здесь как величина постоянная, и мы рассматриваем его таким образом, независимо от того, насколько он фактически отклоняется от своего физического максимума. Абсолютная граница той части стоимости, которая образует прибавочную стоимость и разлагается на прибыль и земельную ренту, таким образом дана; она определяется величиной неоплаченной части рабочего дня, остающейся за вычетом оплаченной его части, следовательно, той частью стоимости всего продукта, в которой реализуется этот прибавочный труд. Если мы назовем, как я это сделал, прибылью прибавочную стоимость, ограниченную этими пределами и исчисленную на весь авансированный капитал, то прибыль эта, рассматриваемая со стороны ее абсолютной величины, равна при-

бавочной стоимости и, следовательно, границы ее определены столь же строго, как и границы этой последней. С другой стороны высота нормы прибыли также представляет величину, включенную в границы, определяемые стоимостью товаров. Она есть отношение всей прибавочной стоимости ко всему общественному капиталу, авансированному на производство. Если этот капитал = 500 (скажем, миллионов), а прибавочная стоимость = 100, то 20% являются этой абсолютной границей нормы прибыли. Распределение общественной прибыли согласно этой норме между капиталами, затраченными в различных сферах производства, создает отклоняющиеся от стоимостей товаров цены производства, которые и являются действительно регулирующими средними рыночными ценами. Но отклонение это не уничтожает ни определения цен стоимостями, ни закономерных границ прибыли. Если стоимость товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс заключающаяся в нем прибавочная стоимость, то цена производства товара равна потребленному при его производстве капиталу k плюс прибавочная стоимость, причитающаяся на его долю согласно общей норме прибыли, напр., 20% на капитал, авансированный для производства этого товара, как на действительно потребленный, так и просто вложенный в дело. Но эта надбавка в 20% сама определяется прибавочной стоимостью, созданной всем общественным капиталом, и ее отношением к стоимости этого капитала; именно поэтому она составляет 20%, а не 10 или 100. Таким образом превращение стоимостей в цены производства не уничтожает границ прибыли, но только изменяет распределение последней между различными отдельными капиталами, из которых состоит общественный капитал, — распределяет ее между ними равномерно, пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению ко всему капиталу. Рыночные цены то поднимаются выше, то падают ниже этой регулирующей цены производства, но такие колебания взаимно уничтожаются. Если мы рассмотрим таблицы цен за более или менее продолжительный период, устранив те случаи, когда вследствие изменения производительности труда изменяется действительная стоимость товаров, а также те случаи, когда процесс производства нарушается какими-либо естественными или общественными бедствиями, то мы будем поражены прежде всего относительной узкостью пределов отклонений и затем той регулярностью, с которой такие отклонения уравниваются. Мы найдем здесь то господство регулирующих средних, которое Кетлэ указал для общественных явлений. Если уравнение товарных стоимостей и превращение их таким образом в цены производства не наталкивается ни на какие препятствия, то рента сводится к дифференциальной ренте, т.-е. ограничивается уравнением тех до-

бавочных прибылей, которые регулирующая цена производства оставила бы известной части капиталистов, и которые теперь присваивает земельный собственник. Следовательно, здесь граница стоимости ренты определяется теми отклонениями индивидуальных норм прибыли, которые вызываются регулированием цен производства общей нормой прибыли. Если земельная собственность создает препятствия уравнению товарных стоимостей по ценам производства и таким образом возникает абсолютная рента, то эта последняя ограничена избытком стоимости земледельческих продуктов над их ценой производства, следовательно, избытком заключающейся в них прибавочной стоимости по сравнению с прибылью, выпадающей на долю отдельных капиталов соответственно общей норме прибыли. Эта разница образует здесь границу ренты, которая теперь, как и раньше, составляет лишь определенную часть данной и заключающейся в товарах прибавочной стоимости.

Наконец, если бы уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, то даже и в этом случае не были бы уничтожены границы, определяемые стоимостью товаров. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой. Косвенным образом возникло бы местное нарушение той пропорции, в которой распределяется между различными сферами производства прибавочная стоимость, но граница самой этой прибавочной стоимости осталась бы неизменной. Если товар с такой монопольной ценой входит в число предметов необходимого потребления рабочего, то должна повыситься заработная плата, и, следовательно, понизиться прибавочная стоимость, раз рабочему попрежнему выплачивают всю стоимость его рабочей силы. В этом случае возможно также понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, но последнее лишь при том условии, если заработная плата превышает границу ее физического минимума. Здесь монопольная цена уплачивается при помощи вычета из реальной заработной платы (т.-е. из суммы потребительных стоимостей, получаемых рабочим путем данного количества труда) и из прибыли других капиталистов. Таким образом границы, в пределах которых монопольная цена может нарушить нормальное регулирование товарных цен, поддаются строгому определению и точному учету.

Итак, подобно тому, как распределение всей вновь присоединенной к товарам стоимости и вообще стоимости, разлагающейся на до-

ходы, находит свои объективные и регулирующие границы в соотношении между необходимым и прибавочным трудом, заработной платой и прибавочной стоимостью, точно так же и разделение самой прибавочной стоимости на прибыль и земельную ренту подчинено законам, регулирующим уравнение норм прибыли в общую норму прибыли. Что касается распада на процент и предпринимательский доход, то пределы их обобщения, вместе взятых, образует средняя прибыль. Она дает ту определенную сумму стоимости, в границах которой это разделение должно произойти, и в границах которой оно только и может произойти. Пропорция, в которой происходит разделение, здесь носит случайный характер, т.-е. определяется исключительно условиями конкуренции. В то время как в других случаях равновесие спроса и предложения уничтожает отклонения рыночных цен от регулирующих их средних цен, т.-е. уничтожает влияние конкуренции, здесь оно является единственно определяющим. Но почему? Потому что здесь один и тот же фактор производства, капитал, должен распределить причитающуюся на его долю прибавочную стоимость между двумя владельцами этого самого фактора производства. Но то обстоятельство, что здесь нет определенной закономерной границы для отдельных частей средней прибыли, не уничтожает границ для нее самой как части товарной стоимости, — так же не уничтожает, как границы прибыли данного предприятия не затрагивает тот факт, что два его компаньона по каким-либо внешним соображениям разделяют между собой эту прибыль не поровну.

Таким образом, если та часть товарной стоимости, в которой выражается труд, вновь присоединенный к стоимости средств производства, распадается на различные части, приобретающие затем в форме доходов самостоятельный характер друг по отношению к другу, то отсюда еще отсюда на следует, что заработную плату, прибыль и ренту надо рассматривать как конститuentные элементы, из соединения или суммирования которых возникает регулирующая цена (*natural price, prix nécessaire*) самих товаров, при таком взгляде на дело уже не товарная стоимость — по вычете из нее постоянной части стоимости — была бы первоначально данной единицей, которая разделяется на указанные три части, а, наоборот, цена каждой из этих трех частей представляла бы величину, определяемую, самостоятельно, и лишь из сложения этих трех независимых величин получалась бы цена товара. В действительности стоимость товара есть величина, заранее данная, как совокупность стоимости заработной платы, прибыли и ренты, каковы бы ни были относительные величины этих последних. Наоборот, при указанном ложном взгляде заработная плата, прибыль и рента суть три самостоятельные величины

сумма которых создает, ограничивает и определяет величину товарной стоимости.

Прежде всего очевидно, что если бы заработная плата, прибыль и рента конституировали цену товаров, то это в равной степени должно было бы относиться как к постоянной части товарной стоимости, так и к другой ее части, в которой выражается переменный капитал и прибавочная стоимость. Эта постоянная часть может быть поэтому здесь оставлена в стороне, так как стоимость товаров, из которых она состоит, точно так же сводится к сумме стоимости заработной платы, прибыли и ренты. Как уже было показано, этот взгляд отрицает самое существование такой постоянной части стоимости.

Очевидно далее, что здесь отпадает всякое понятие стоимости. Остается только представление цены, в том смысле, что владельцам рабочей силы, капитала и земли уплачивается известная сумма денег. Но что такое деньги? Деньги не вещь, а определенная форма стоимости, следовательно, в свою очередь, предполагают стоимость. Итак, пусть определенное количество золота или серебра уплачивается за эти элементы производства или приравнивается им мысленно. Но ведь золото и серебро (и просвещенный экономист гордится этим открытием) сами являются товарами, как всякие другие товары. Следовательно, цена золота и серебра также определяется заработной платой, прибылью и рентой. Следовательно, мы не можем заработную плату, прибыль и ренту определять тем, что они приравниваются известному количеству золота и серебра, так как стоимость этого золота и серебра, которою мы хотим измерять их как их эквивалентом, в свою очередь, определяется, по нашему предположению, как раз ими, независимо от золота и серебра как таковых, т. е. независимо от стоимости всякого вообще товара, которая сама есть продукт указанных трех факторов. Итак, сказать, что стоимость заработной платы, прибыли и ренты состоит в том, что они равны известному количеству золота и серебра, значит лишь сказать, что они равны известному количеству заработной платы, прибыли и ренты.

Возьмем прежде всего заработную плату. Потому что труд и с этой точки зрения является исходным пунктом. Итак, чем определяется регулирующая цена заработной платы, та цена, около которой колеблются ее рыночные цены?

Скажем, спросом и предложением рабочей силы. Но о каком спросе на рабочую силу идет здесь речь? О спросе капитала. Следовательно, спрос на труд равносильен предложению капитала. Чтобы говорить о предложении капитала, мы должны знать предварительно, что такое капитал. Из чего состоит капитал? В самой простой его форме: из денег и товаров. Но деньги лишь форма товара. Значит,

из товаров. Но стоимость товаров, по нашему предположению, определяется в первую очередь ценою производящего их труда, заработной платой. Заработная плата является здесь предпосылкой и рассматривается как элемент, конституирующий цену товаров. Таким образом эта цена должна быть определена отношением предложения труда к капиталу. Цена самого капитала равна цене товаров, из которых он состоит. Спрос капитала на труд равен предложению капитала. Но предложение капитала равно предложению суммы товаров данной цены, а эта цена в первую очередь регулируется ценою труда, а цена труда равна, в свою очередь, той части товарной цены, из которой состоит переменный капитал, поступающий в руки рабочего в обмен на его труд; а цена товаров, из которых состоит этот переменный капитал, в первую очередь определяется опять-таки ценою труда, так как она определяется ценой заработной платы, прибыли и ренты. Следовательно, определяя заработную плату, мы не можем исходить из капитала как из предпосылки, так как в определении стоимости самого капитала принимает участие заработная плата.

Кроме того, привлечение к делу конкуренции нисколько не помогает нам. Конкуренция заставляет рыночные цены труда повышаться или падать. Но допустим, что спрос и предложение труда взаимно покрываются. Чем будет определяться в этом случае заработная плата? Конкуренцией? Но ведь мы как раз предположили, что конкуренция перестала действовать, что путем равновесия ее обеих противоположно направленных сил ее влияние устранено. Ведь мы как раз хотим найти естественную цену заработной платы, т.-е. не ту цену труда, которая регулируется конкуренцией, а ту, которая, наоборот, регулирует ее.

Не остается ничего другого, как определить необходимую цену труда необходимыми средствами существования рабочего. Но эти средства существования—товары, имеющие определенную цену. Следовательно, цена труда определяется ценою необходимых средств существования, а цена средств существования, как и всех других товаров, определяется прежде всего ценою труда. Следовательно, определенная ценою средств существования цена труда определяется в конце-концов ценою труда. Цена труда определяет самое себя. Другими словами, мы не знаем, чем определяется цена труда. Труд имеет здесь вообще цену, потому что он рассматривается как товар. Следовательно, чтобы говорить о цене труда, мы должны знать, что такое вообще цена. Но что такое цена вообще, мы этим путем как раз и не можем узнать.

Но допустим, что этим, столь утешительным методом, мы определили необходимую цену труда. Как же обстоит дело с средней при-

былью, с прибылью каждого капитала при нормальных условиях, образующей второй элемент цены товара? Средняя прибыль определяется средней нормой прибыли; а чем определяется эта последняя? Конкуренцией между капиталистами? Но конкуренция уже предполагает существование прибыли. Она предполагает различные нормы прибыли, а следовательно, и различные прибыли в тех же самых или различных отраслях производства. Конкуренция может воздействовать на норму прибыли лишь постольку, поскольку она влияет на цены товаров. Конкуренция может достигнуть лишь того, чтобы производители в пределах данной сферы производства продавали свои товары по одинаковым ценам, а в пределах различных отраслей производства по ценам, дающим им одинаковую прибыль, т.-е. ту же самую пропорциональную надбавку к цене товара, уже определенной в остальной своей части заработной платой. Конкуренция может поэтому лишь уравнивать различия в норме прибыли. Для того, чтобы возможно было уравнивать неодинаковые нормы прибыли, прибыль как элемент товарной цены должна уже иметься налицо. Конкуренция ее не создает. Она повышает или понижает ее, но не создает того уровня, который устанавливается, раз равенство действительно наступило. И когда мы говорим о необходимой норме прибыли, мы хотим узнать как раз эту норму прибыли, которая независима от движения конкуренции, а, напротив, сама регулирует конкуренцию. Средняя норма прибыли реализуется, когда наступает равновесие между силами конкурирующих капиталистов. Конкуренция может создать это равновесие, но не ту норму прибыли, которая при этом равновесии осуществляется. И вопрос заключается именно в том, почему общая норма прибыли 10 или 20, или 100%, когда такое равновесие уже достигнуто. Вследствие конкуренции? Но как раз наоборот, конкуренция устранила причины, вызывавшие отклонения от 10 или 20, или 100%. Она привела к установлению товарной цены, при которой каждый капитал дает одинаковую прибыль пропорционально своей величине. Но величина самой этой прибыли независима от конкуренции. Последняя лишь все снова и снова приводит все отклонения к данной величине. Один человек конкурирует с другими, и конкуренция заставляет его продавать свои товары по той же самой цене, как и эти другие. Но почему же эта цена 10 или 20, или 100?

Следовательно, не остается ничего другого, как видеть в норме прибыли, а потому и в самой прибыли, определяемую каким-то непонятным образом надбавку к цене товара, которая до этого пункта определялась заработной платой. Эта норма прибыли должна быть данной определенной величиной, — вот все, что говорят нам конкуренция. Но это мы знали и раньше, без этого

мы не могли бы и говорить об общей норме прибыли и о «необходимой цене» прибыли.

Нет никакой необходимости запово проследивать этот бестолковый процесс рассуждений в применении к земельной ренте. И без того ясно, что, проведенный сколько-нибудь последовательно, он приводит лишь к тому, что прибыль и рента оказываются просто надбавкой, определяемой совершенно непостижимыми законами, к цене товаров, определяемой в первую очередь заработной платой. Одним словом, фактически конкуренция берет на себя труд объяснить всю бессодержательность построений экономистов, тогда как, казалось бы, наоборот, экономисты должны поставить своей задачей объяснить конкуренцию.

Если оставить в стороне ту фантазию, что прибыль и рента, как составные части цены, создаются обращением, т.-е. продажей,—ведь в действительности обращение может дать лишь то, что ему самому было предварительно дано,—то весь вопрос сведется просто к следующему:

Пусть цена товара, определяемая заработной платой, = 100; норма прибыли 10% на заработную плату и рента 15% на заработную плату. Тогда цена товара, определяемая суммой заработной платы, прибыли и ренты, = 125. Эти 25 надбавки не могут создаваться продажей товара. Потому что все, продающие друг другу товары, продают за 125 единиц то, что каждому из них стоило 100 единиц заработной платы; результат получается тот же, как если бы все они продавали по 100. Следовательно, операция эта должна рассматриваться независимо от процесса обращения.

Если три лица, извлекающие различные категории дохода, делят самый товар, который теперь стоит 125,—дело несколько не изменится, если капиталист сначала продаст товар за 125, а потом уплатит рабочему 100, себе самому 10 и землевладельцу 15,—то рабочий получает $\frac{4}{5} = 100$ стоимости и продукта. Капиталист получает $\frac{2}{25}$ стоимости и продукта, землевладелец $\frac{3}{25}$. Продав за 125 вместо 100, капиталист отдает рабочему лишь $\frac{4}{5}$ того продукта, в котором выразился труд последнего. Следовательно, результат получился бы тот же самый, как если бы он дал рабочему 80, удержав 20, из которых 8 пришлось бы на его долю и 12 на долю земельного собственника. В этом случае он продал бы товар по его стоимости, так как надбавка к цене представляет повышение, действительно независимое от стоимости товара, которая при допущенном выше предположении определяется стоимостью заработной платы. Таким образом окольным путем это привело бы к тому выводу, что при данном представлении, заработная плата, 100, равна стоимости продукта, т.-е. = сумме денег

в которой выражается определенное количество труда, но что стоимость эта отлична от реальной заработной платы и, следовательно, дает некоторый избыток. Избыток этот, согласно рассматриваемой теории, реализуется при помощи номинальной надбавки к цене. Следовательно, если бы заработная плата была 110 вместо 100, то прибыль должна бы быть $= 11$, и земельная рента $= 16\frac{1}{2}$, следовательно, цена товара $= 137\frac{1}{2}$. Отношения остались бы при этом без изменения. Но так как при таком предположении разделение стоимости на составные элементы осуществлялось бы всегда путем номинальной надбавки определенных процентов к заработной плате, то цена повышалась бы и падала бы вместе с заработной платой. Заработная плата сначала приравнивается здесь стоимости товара и затем снова отделяется от этой последней. В действительности же подобного рода теории приводят бессознательным обходным путем к тому выводу, что стоимость товара определяется количеством заключенного в нем труда, а стоимость заработной платы ценою необходимых средств существования, при чем избыток стоимости над заработной платой образует прибыль и ренту.

Распадение стоимости товаров за вычетом стоимости потребленных при их изготовлении средств производства; распадение этой стоимости, количественно данной, определенной количеством труда, объективированного в товарном продукте, на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты самостоятельный вид независимых друг от друга форм дохода,— это распадение представляется в совершенно извращенном виде на открытой для всех поверхности капиталистического производства, а следовательно, и в головах участников последнего.

Пусть вся стоимость какого-либо товара $= 300$, из которых 200 составляют стоимость потребленных при его изготовлении средств производства, или элементов постоянного капитала. Остающиеся 100 представляют сумму новой стоимости, присоединенной к этому товару в процессе его производства. Эта новая стоимость в 100 исчерпывает собою все, что может подлежать разделению между тремя формами дохода. Если заработная плата $= x$, прибыль $= y$, земельная рента $= z$, то в рассматриваемом случае сумма $x + y + z$ всегда будет равна 100. Но в представлении промышленников, купцов и банкиров, как и в представлении вульгарных экономистов, это принимает совершенно другой вид. Для них не стоимость товара за вычетом стоимости потребленных на его изготовление средств производства представляет величину данную $= 100$, которая распадается затем на x , y и z . Напротив, для них цена товара складывается просто из стоимости заработной платы, стоимости прибыли и стоимости ренты, величины

которых определяются независимо от стоимости товара и друг от друга, так что x , y , z даны и определены каждый самостоятельно, и лишь из суммы этих величин, которая может быть меньше и больше 100, получается величина стоимости товара, как результат сложения этих составных частей его стоимости. Такое *quid pro quo* неизбежно вследствие целого ряда причин:

Во-первых. Три составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы и как таковые относятся к трем совершенно отличным друг от друга факторам производства, труду, капиталу и земле, вследствие чего кажется, что они возникают из этих последних. Собственность на рабочую силу, капитал и землю есть причина того, что эти различные составные части стоимости товаров выпадают на долю соответственных собственников и потому превращаются для них в доходы. Но стоимость не возникает из превращения в доход, она должна быть уже налично, прежде чем она получит возможность превратиться в доход, принять эту форму. Иллюзия противоположного характера укрепляется тем сильнее, что определение относительной величины этих трех частей друг по отношению к другу совершается по различным законам, связь которых с самой стоимостью товаров и ограничение которых этой стоимостью отнюдь не обнаруживается на поверхности явлений.

Во-вторых. Как мы уже видели, общее повышение или понижение заработной платы, вызывая при прочих равных условиях движение общей нормы прибыли в противоположном направлении, изменяет цены производства различных товаров, повышает одни из них, понижает другие в зависимости от среднего состава капитала в соответственных сферах производства. Таким образом здесь, по крайней мере в отдельных отраслях производства, опыт действительно показывает, что средняя цена товара повышается вследствие повышения заработной платы и понижается вследствие ее понижения. Но «опыт» не показывает, что независимая от заработной платы стоимость товаров скрыто регулирует эти изменения. Между тем, если повышение заработной платы является местным, если оно происходит лишь в отдельных отраслях производства под влиянием особых условий, то может иметь место соответственное номинальное повышение цен данной категории товаров. Повышение относительной стоимости одного сорта товаров по сравнению с другими, для которых заработная плата остается неизменной, является тогда лишь реакцией против местного нарушения равномерности в распределении прибавочной стоимости между различными сферами производства, средством уравнивания единичных норм прибыли в общую норму. Тот «опыт», который здесь имеет место, свидетельствует опять о том, что цена определяется заработной

платой. Итак, опыт в обоих случаях показывает одно,—что заработная плата определяет товарные цены. Скрытая причина этой зависимости,—вот то, чего не показывает опыт. Далее: средняя цена труда, т.-е. стоимость рабочей силы, определяется ценой производства необходимых средств существования. Если повышается или понижается первая, то повышается или понижается и вторая. Опыт обнаруживает здесь опять-таки лишь существование зависимости между заработной платой и ценой товаров; но причина может принять вид следствия, следствие вид причины, как это имеет место, напр., при наблюдении внешней картины движения рыночных цен, где повышению заработной платы выше средней соответствует связанное с периодом расцвета повышение рыночных цен выше цен производства, а следующему затем падению заработной платы ниже средней соответствует падение рыночных цен ниже цен производства. Если оставить в стороне колебательное движение рыночных цен, то зависимости цен производства от стоимости товаров должен бы соответствовать в непосредственном опыте *prima facie* тот факт, что при повышении заработной платы понижается норма прибыли и наоборот. Но мы уже видели, что норма прибыли может определяться изменениями в стоимости постоянного капитала, независимыми от изменений заработной платы; так что заработная плата и норма прибыли могут изменяться не в противоположном, а в одном и том же направлении, могут одновременно повышаться или падать. Если бы норма прибыли непосредственно совпадала с нормой прибавочной стоимости, это было бы невозможно. Равным образом, при повышении заработной платы, вызванном ростом цен средств существования, норма прибыли может остаться неизменной или даже повыситься вследствие большей интенсивности труда или удлинения рабочего дня. Все эти данные опыта подтверждают иллюзию, вызванную самостоятельной, искаженной формой частой стоимости,—иллюзию, будто одна заработная плата или заработная плата вместе с прибылью определяют стоимость товаров. Раз такая иллюзия имеет место по отношению к заработной плате, раз цена труда кажется тождественной со стоимостью, произведенной трудом, то, само собой разумеется, это имеет место также по отношению к прибыли и ренте. Их цены, т.-е. их денежные выражения, должны в этом случае регулироваться независимо от труда и созданной последним стоимости.

В-третьих. Допустим, что стоимость товара или цена его производства,—лишь повидимому независимая от стоимости,—в непосредственном опыте всегда совпадает с рыночной ценой товара, а не осуществляется лишь как регулирующая средняя цена путем постоянного уравнивания непрерывных колебаний рыночных цен. Допустим далее,

что воспроизводство совершается всегда при одних и тех же неизменных условиях, т.-е. производительность труда во всех подразделениях капитала остается постоянной. Допустим, наконец, что та часть стоимости товарного продукта, которая в каждой данной отрасли производства образуется путем присоединения к стоимости средств производства новой затраты труда, следовательно, новой стоимости,—что эта часть в неизменной пропорции распадается на заработную плату, прибыль и ренту, так что действительно выплаченная заработная плата непосредственно совпадает всегда со стоимостью рабочей силы, фактически реализованная прибыль—с той частью всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю каждой самостоятельно функционирующей части всего капитала согласно средней норме прибыли, наконец, фактическая рента всегда ограничена пределами, в которые *normaliter* заключена земельная рента на данном базисе. Допустим, одним словом, что распределение произведенной обществом стоимости и регулирование цен производства совершается на капиталистическом базисе, но с устранением конкуренции.

Следовательно, при этих предположениях, согласно которым стоимость товаров является и кажется величиной постоянной, часть стоимости товарного продукта, разлагающаяся на доходы, остается неизменной и именно таковой и представляется, наконец, эта данная и постоянная часть стоимости распадается на заработную плату, прибыль и ренту всегда в неизменной пропорции,—даже при таких предположениях действительное движение неизбежно должно было бы восприниматься в извращенном виде: не как разложение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе составляющих ее элементов заработной платы, прибыли и земельной ренты. Эта иллюзия возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их товарных продуктов не стоимость товара предполагается как данное при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, выступают как предпосылка стоимости товаров. Прежде всего, для отдельного капиталиста, как мы уже видели, величина издержек производства товара является данной и, как таковая, выражается всегда в действительной цене производства. Но издержки производства равны стоимости постоянного капитала, авансированных средств производства, плюс стоимость рабочей силы, которая, однако, в глазах участника производства принимает иррациональную форму цены труда, так что заработная плата представляется в то же время доходом рабочего. Средняя цена труда есть величина данная, так как

стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее воспроизводства. Что же касается той части стоимости товаров, которая составляет заработную плату, то она порождается не тем, что принимает эту форму заработной платы, не тем, что капиталист авансирует рабочему в форме заработной платы его долю на его собственном продукте, но тем, что рабочий производит эквивалент, соответствующий его заработной плате, т.-е. в течение известной части своего ежедневного или годового труда производит стоимость, содержащуюся в цене его рабочей силы. Но заработная плата устанавливается контрактом раньше, чем произведен соответствующий ей эквивалент стоимости. Как элемент цены, величина которого дана раньше, чем произведен товар и товарная стоимость, как составная часть издержек производства, заработная плата представляется не частью всей стоимости товара, отрывающейся от своего целого в самостоятельной форме, а, наоборот, величиной данной и определяющей собою эту совокупную стоимость, представляется, следовательно, фактором, создающим стоимость и цену. Роль, аналогичную той, какую заработная плата играет в издержках производства товара, средняя прибыль играет в цене его производства, так как цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. Эта средняя прибыль входит в практические соображения и расчеты самого капиталиста, как регулирующий элемент,—и не только в том смысле, что она определяет собою выгодность или невыгодность перенесения капитала из одной сферы приложения в другую, но и вообще при всяких покупках и контрактах, охватывающих процесс воспроизводства за более или менее продолжительный период. Но поскольку это так, постольку средняя прибыль является заранее данной величиной и действительно не зависит от стоимости и прибавочной стоимости, создаваемой в каждой определенной отрасли производства, тем более при каждой отдельной затрате капитала в пределах каждой такой отрасли. Таким образом средняя прибыль в своем внешнем проявлении кажется не результатом распада стоимости товарного продукта, а скорее величиной, независимой от стоимости товарного продукта, заранее данной в процессе производства товаров и притом определяющей среднюю цену товаров, т.-е. фактором, создающим стоимость. При этом прибавочная стоимость, вследствие распада ее на части, принимающие совершенно независимые друг от друга формы, представляется в еще более конкретной форме предпосылкой создания стоимости товаров. Часть средней прибыли, принимающая форму процента, становится в глазах функционирующего капиталиста самостоятельным элементом, предпосылкой производства товаров и их стоимости. Как бы ни колебалась величина процента, в каждый дан-

ный момент и для каждого данного капиталиста она есть величина определенная, входящая в состав издержек производства производимых им товаров. Такую же роль в глазах земледельческого капиталиста играет земельная рента в форме установленной контрактом арендной платы и рента в форме наемной платы за промышленные здания в глазах других предпринимателей. Так как эти части, на которые в действительности распадается прибавочная стоимость, для каждого отдельного капиталиста являются данными элементами его издержек производства, то неизбежно возникает иллюзия, что они создают прибавочную стоимость, создают одну часть товарной цены, подобно тому как заработная плата создает ее другую часть. Процесс, вследствие которого эти продукты разложения товарной стоимости кажутся, наоборот, предпосылками создания стоимости,—этот таинственный, загадочный процесс состоит просто в том, что капиталистический способ производства, как и всякий другой, непрерывно воспроизводит не только материальный продукт, но и общественно-экономические отношения, экономически определенные формы его образования. Поэтому результат этого процесса производства столь же необходимо принимает вид его предпосылок, как его предпосылки вид его результата. И как раз это непрерывное воспроизводство тех же самых отношений антиципируется отдельным капиталистом как сам собою разумеющийся, не подлежащий никакому сомнению факт. Пока продолжает существовать капиталистическое производство как таковое, одна часть вновь присоединенного труда постоянно превращается в заработную плату, другая—в прибыль (процент и предпринимательский доход), третья—в ренту. При заключении контрактов между собственниками различных элементов производства это является предпосылкой, и эта предпосылка правильна, как бы ни колебалась в каждом частном случае относительная величина указанных трех частей. Та определенная форма, в которой противостоят друг другу части стоимости, является предпосылкой, так как она постоянно воспроизводится, и она постоянно воспроизводится, так как является неизменно предпосылкой.

Правда, опыт и внешняя поверхность явлений показывают также, что рыночные цены, влияние которых в глазах капиталиста является, действительно, единственным фактором, определяющим стоимость,—что эти рыночные цены, рассматриваемые со стороны их величины, отнюдь не зависят от антиципаций капиталиста, отнюдь не соотнобразуются с тем, высок или низок процент, высока или низка рента, обусловленные контрактом. Но рыночные цены постоянны лишь в изменении, и их средняя за более или менее продолжительный период как раз и дает соответственные средние для заработной платы, прибыли и ренты,

как величины постоянные и, следовательно, в последнем счете господствующие над рыночными ценами.

С другой стороны, весьма простой и естественной кажется следующая мысль: раз заработная плата, прибыль и рента создают стоимость, потому что они представляются предпосылками производства стоимости и в глазах отдельного капиталиста входит в качестве таких предпосылок в издержки производства и цену производства, то на том же самом основании создает стоимость и постоянная часть капитала, стоимость которой входит в производство каждого товара как величина данная. Но постоянная часть капитала есть не что иное, как сумма товаров и, следовательно, товарных стоимостей. Получается таким образом плоская тавтология, что товарная стоимость создает товарную стоимость и есть причина ее.

Если же капиталист найдет какой-либо интерес поразмыслить над этим вопросом, — а его размышления как капиталиста определяются исключительно его интересами и вытекающими из этих интересов мотивами, — то опыт тотчас же покажет ему, что продукт, произведенный им, входит в другие сферы производства как постоянная часть капитала и, наоборот, продукты этих других сфер производства входят в его продукт в качестве постоянной части капитала. Так для него, поскольку в его предприятии имеет место изготовление новых продуктов, вновь образованная стоимость складывается, повидному, из трех величин — заработной платы, прибыли и ренты, — то это представление переносится им также и на постоянную часть, состоящую из продуктов других капиталистов. Таким образом цена постоянной части капитала, а вместе с тем и вся стоимость товаров сводится этим, правда, не совсем последовательным путем в последнем счете к сумме стоимости, получающейся от сложения заработной платы, прибыли и ренты, как трех совершенно самостоятельных факторов стоимости, регулируемых различными законами, проистекающих из различных источников.

В-четвертых. Для отдельного капиталиста совершенно безразлично, продаются или нет товары по их стоимостям; следовательно, для него совершенно безразличен самый процесс определения стоимости. Процесс этот представляет, очевидно, нечто, совершающееся за его спиной, под влиянием независимых от него условий, так как не стоимости товаров, а отличные от них цены производства образуют регулирующие средние цены в каждой отрасли производства. Определение стоимости как таковое возбуждает интерес отдельного капиталиста в каждой данной отрасли производства и служит для него определяющим моментом лишь постольку, поскольку повышение или падение производительности труда требует для изготовления товара уменьшенного

или увеличенного количества труда; в первом случае перед капиталистом открывается возможность получить избыточную прибыль при данных рыночных ценах, во втором случае он вынужден поднять цены на товары, так как теперь на каждую единицу продукта или на каждый отдельный товар падает больше заработной платы, больше постоянного капитала, а следовательно, больше процента. Определение стоимости интересует его лишь постольку, поскольку повышает или понижает для него самого издержки производства товара, поскольку, следовательно, ставит его в исключительное положение.

Напротив, заработная плата, процент и рента представляются ему границами, регулируемыми не только ту цену, при которой он может реализовать часть прибыли, предпринимательский доход, причитающийся на долю его, как функционирующего капиталиста, но регулируемыми вообще ту цену, за которую он должен продавать товары, чтобы мог непрерывно продолжаться процесс воспроизводства. Для него совершенно безразлично, реализует он или нет при продаже стоимость и прибавочную стоимость, заключающуюся в товаре, если только он выручает из продажной цены товара обычный или более чем обычный предпринимательский доход сверх издержек производства, индивидуально данных для него величиной заработной платы, процента и ренты. Следовательно, если оставить в стороне постоянную часть капитала, то заработная плата, процент и рента представляются ему ограничивающими, а потому творческими, определяющими элементами товарной цены. Если ему удастся, например, понизить заработную плату ниже стоимости рабочей силы, т.-е. ниже ее нормальной высоты, получить капитал по пониженному проценту и уплачивать арендную плату в размерах, не достигающих нормального уровня ренты, то для него совершенно безразлично, продает ли он товар ниже его стоимости, ниже, быть может, даже общей цены производства, так что часть содержащегося в товаре прибавочного труда отдается при этом даром. Это относится и к постоянной части капитала. Если, например, промышленник покупает сырой материал ниже его цены производства, то это гарантирует его от убытка даже и в том случае, когда ему приходится в свою очередь продавать этот материал в готовом продукте ниже цены производства. Его предпринимательский доход может остаться неизменным и даже возрасти, если только остается неизменным или возрастает избыток товарной цены над теми ее элементами, которые должны быть оплачены, возмещены эквивалентом. Но кроме стоимости средств производства, которые входят в производство его товаров как количественно данные элементы цены, как раз заработная плата, процент и рента являются такими ограничивающими и регулирующими элементами цены, входящими в это про-

изводство. Поэтому они представляются ему элементами, определяющими цену товаров. С этой точки зрения предпринимательский доход определяется или тем избытком, который имеется в рыночной цене, зависящей от случайных условий конкуренции, по сравнению с имманентной стоимостью товаров, определяемой вышеуказанными элементами цены; или же, поскольку сам предпринимательский доход оказывает определяющее влияние на рыночные цены, он сам представляется, в свою очередь, зависящим от конкуренции между продавцами и покупателями.

Как в конкуренции между отдельными капиталистами, так и в конкуренции на мировом рынке данные и заранее предположенные величины заработной платы, процента и ренты входят в расчеты как величины постоянные и регулирующие,—постоянные не в том смысле, что величины эти не изменяются, а в том, что они в каждом частном случае даны и образуют постоянную границу для непрерывно изменяющихся рыночных цен. Так, например, при конкуренции на мировом рынке дело идет исключительно о том, чтобы при данной заработной плате, данном проценте и данной ренте продать товар по господствующей на рынке общей цене с выгодой, т.-е. реализовав при этом соответственный предпринимательский доход. Если в одной стране заработная плата и цена земли низки, а процент на капитал высок, так как капиталистический способ производства здесь вообще недостаточно развит, в то время как в другой стране заработная плата и цена земли номинально высоки, а процент на капитал низок, то капиталист в первой стране употребляет больше труда и земли, во второй—сравнительно больше капитала. При учете того, в какой степени возможна конкуренция между обоими этими капиталистами, оба указанные фактора должны быть приняты во внимание как определяющие элементы. Таким образом опыт показывает здесь теоретически, а заинтересованные расчеты капиталиста показывают практически, что цены товаров определяются заработной платой, процентом и рентой, ценой труда, капитала и земли, и что эти элементы цены действительно являются регулирующими, создающими цену факторами.

Само собой разумеется, при этом всегда остается один элемент, который является не предпосылкой, а результатом рыночной цены товаров,—именно избыток над издержками производства, образующимся путем сложения указанных выше элементов,—заработной платы, процента и ренты. Этот четвертый элемент в представлении капиталиста определяется в каждом частном случае конкуренцией, а в среднем выводе из отдельных случаев—средней прибылью, которая опять-таки регулируется той же самой конкуренцией, но только за более продолжительный период.

В-пятых. На базисе капиталистического способа производства разложение стоимости, воплощающей вновь присоединенный труд, на доходы в форме заработной платы, прибыли и земельной ренты представляется настолько естественным и само собою разумеющимся, что этот метод применяется даже там, где совершенно отсутствуют самые предпосылки существования этих форм дохода (мы не говорим уже о прежних исторических периодах, которые в качестве примера мы приводили при исследовании земельной ренты). Это значит, что под данные формы дохода подводится все, что угодно, путем аналогии.

Если самостоятельный работник, —возьмем мелкого крестьянина, так как здесь применимы все три формы дохода,—работает на самого себя и продает свой собственный продукт, то он рассматривается, во-первых, как свой собственный работодатель (капиталист), который употребляет самого себя в качестве рабочего; во-вторых, как свой собственный земельный собственник, который пользуется собою как своим арендатором. Как рабочему он выплачивает себе заработную плату, как капиталисту выдает себе прибыль, как земельному собственнику платит себе ренту. Предполагая, что капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения являются общим социальным базисом, такое подведение следует признать правильным постольку, поскольку самостоятельный работник не своему труду, а своей собственности на средства производства,—вообще говоря, уже принявшие форму капитала,—обязан тем, что он в состоянии присвоить свой собственный прибавочный труд. И кроме того, поскольку он производит свой продукт в качестве товара и, следовательно, зависит от цены последнего (а если даже этого и нет, то цена все же должна быть принята во внимание), масса прибавочного труда, которую он может реализовать в виде стоимости, зависит не от ее собственной величины, а от общей нормы прибыли; равным образом, тот излишек, который он получает по сравнению с величиной прибавочной стоимости, определяемой общей нормой прибыли, зависит опять-таки не от количества затраченного им труда, но может быть присвоен им лишь в силу того, что он является собственником земли. Так как подобного рода формы производства, совершенно не отвечающие капиталистическому способу производства, могут быть подведены—и не без известной правильности—под капиталистические формы дохода, то тем сильнее упрочивается иллюзия, что капиталистические отношения являются естественными отношениями всякого способа производства.

Сведем заработную плату к ее общей основе, т. е. к той части продукта собственного труда, которая входит в личное потребление рабочего; освободим эту долю от капиталистических ограничений и

расширим размеры потребления до тех пределов, которые, с одной стороны допускаются наличной производительной силой общества (т.-е. общественной производительной силой собственного труда как действительно общественного), которых, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; сведем далее прибавочный труд и прибавочный продукт к тем размерам, которые при данных общественно-производственных условиях необходимы, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства сообразно общественной потребности; присоединим, наконец, к необходимому и прибавочному труду то количество труда, которое работоспособные члены общества должны затратить в пользу еще или уже неработоспособных его членов. Произведя эти операции, мы действительно устраним все специфически капиталистические черты как в заработной плате, так и в прибавочной стоимости, как в необходимом, так и в прибавочном труде,—и перед нами окажутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства.

Надо, впрочем, сказать, что такого рода подведение было свойственно и прежним господствующим способам производства, например, феодальному. Производственные отношения, совершенно не отвечавшие ему, стоявшие совершенно вне его, подводились под феодальные отношения, напр., в Англии *tenures in common socage* (в противоположность *tenures in knight's service*), хотя они предполагали исключительно денежные обязательства и лишь по имени были феодальными.

Глава пятьдесят первая.

Распределительные отношения и производственные отношения.

Итак, стоимость, ежегодно создаваемая вновь при помощи вновь затрачиваемого труда,—а следовательно, и часть годового продукта, в которой выражается эта стоимость и которая может быть выделена из всего продукта производства,—распадается на три части, принимающие формы трех различных доходов, формы, при помощи которых выражается тот факт, что одна часть этой стоимости принадлежит или вообще достается владельцу рабочей силы, другая—владельцу капитала, третья—владельцу земельной собственности. Следовательно, это—отношения или формы распределения, так как они выражают те отношения, в которых вся вновь произведенная стоимость распределяется между владельцами различных факторов производства.

Согласно обычному взгляду, эти отношения распределения являются естественными отношениями, отношениями, вытекающими из природы всякого общественного производства, из законов человеческого производства вообще. А так как нет возможности отрицать, что до-капиталистические общества обнаруживают иные способы распределения, то эти последние истолковываются как перазвитые, несовершенные и замаскированные, не достигшие своего наиболее чистого и законченного выражения, а потому своеобразно окрашенные разновидности этих естественных распределительных отношений.

В таком представлении правильно лишь одно: раз дано общественное производство какого бы то ни было рода (например, естественно выросшая индийская община или более искусственно развившийся перуанский коммунизм), то всегда может быть проведено различие между той частью труда, продукт которой входит в непосредственное личное потребление производителей и их семей и,—оставляя в стороне труд, затрачиваемый в целях производительного потребления,—той частью труда, которая всегда представляет прибавочный труд, продукт которой всегда служит удовлетворению общих общественных потребностей, как бы ни распределялся этот прибавочный продукт, кто бы ни функционировал в качестве представителя этих общественных потребностей. Следовательно, тождество различных способов распределения сводится лишь к тому, что они тождественны, поскольку мы отвлекаемся от их различий и специфических форм и фиксируем внимание только на их общих чертах в противоположность различиям.

Ум более развитой, более критический, признает⁵⁶⁾, правда, исторически изменчивый характер распределительных отношений, но с тем большим упорством держится за неизменный, вытекающий из человеческой природы, следовательно, независимый от всякого исторического развития характер самих отношений производства.

Напротив, научный анализ капиталистического способа производства показывает, что последний представляет способ производства особого рода, специфически историческую определенность; что он, как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и данные формы их развития, как свое историческое условие,—условие, которое само является исторически сложившимся результатом и продуктом предшествующего процесса, и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически определенному способу производства производственные отношения,—т.-е. отношения, в которые становятся люди в своем

⁵⁶⁾ J. Stuart Mill: Some Unsettled Questions in Polit. Econ. London 1844.

общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни,—имеют также специфический, исторический, преходящий характер; что, наконец, отношения распределения существенно тождественны с производственными отношениями, представляют лишь обратную сторону последних, так что те и другие носят один и тот же исторически преходящий характер.

При рассмотрении отношений распределения исходят обыкновенно из того мнимого факта, что годовой продукт распределяется в виде заработной платы, прибыли и земельной ренты. Но сформулированный таким образом этот факт не верен. Продукт распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, заработная плата, сам принимает форму дохода—дохода рабочего—лишь после того, как он противостоял тому же самому рабочему в форме капитала. Тот факт, что произведенные условия труда и продукты труда противопоставляются вообще как капитал непосредственным производителям, уже предполагает определенный общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим, следовательно, предполагает определенное отношение их к владельцам условий труда и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий труда в капитал предполагает в свою очередь экспроприацию земли, принадлежащей непосредственным производителям, предполагает, следовательно, определенную форму земельной собственности.

Если бы одна часть продукта не превращалась в капитал, то другая не могла бы принять форму заработной платы, прибыли или ренты.

С другой стороны, если капиталистический способ производства предполагает этот определенный общественный характер условий производства, то он в то же время непрерывно воспроизводит его. Он не только производит материальные продукты, но и непрерывно воспроизводит и те производственные отношения, в которых эти продукты производятся, воспроизводит, следовательно, и соответственные распределительные отношения.

Можно, конечно, сказать, что самое существование капитала (и земельной собственности, которую он включает в себя, как свою противоположность) уже предполагает известные формы распределения: экспроприацию у рабочего условий его труда, концентрацию этих условий в руках меньшинства членов общества, исключительную собственность на землю других лиц,—одним словом, все те отношения, которые были изложены в отделе о первоначальном накоплении (книга I, глава XXIV). Но это распределение совершенно отлично от того, что разумеют под распределительными отношениями, когда приписывают

этим последним исторический характер в противоположность производственным отношениям. При этом имеют в виду различные титулы, на основании которых присваивается доля продукта, предназначенная для личного потребления. Напротив, те формы распределения, о которых мы только что говорили, являются базисом особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его деятелей в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфически общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства.

Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых. Оно производит свои продукты в виде товаров. Не самый факт производства товаров составляет особенность, отличающую его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов превращение в товары является господствующей и определяющей чертой. Это предполагает прежде всего, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, в качестве свободного наемного рабочего, а следовательно, труд вообще в качестве наемного труда. После всего того, что было изложено нами до сих пор, излишне было бы снова доказывать здесь, что отношение капитала к наемному труду определяет весь характер данного способа производства. Главные деятели самого этого способа производства, капиталист и наемный рабочий, представляют как таковые лишь воплощение, персонификацию капитала и наемного труда; это—определенные общественные характеры, которые налагает на индивидуумы общественный процесс производства, продукты данных определенных общественных производственных отношений.

Характер, во-первых, продукта как товара, во-вторых, товара как продукта капитала уже предполагает всю совокупность отношений обращения, т.-е. предполагает определенный общественный процесс, который должны проделать продукты и в котором они принимают определенный общественный характер; в то же время здесь предполагаются не менее определенные отношения между деятелями производства, которыми определяется употребление их продукта и его обратное превращение в средства ли существования, или в средства производства. Но, даже оставляя это в стороне, из указанных выше двух характерных особенностей продукта как товара или товара как капиталистически произведенного товара, вытекает все определение стоимости и регулирование стоимостью всего производства. В этой совершенно специфической форме стоимости труд имеет значение, с одной стороны, только как общественный труд; с другой стороны, рас-

пределение этого общественного труда и его взаимное довершение, обмен веществ между его продуктами, его подчинение ходу общественного механизма и включение в этот последний,—все это предоставлено случайным взаимно уничтожающимся стремлениям единичных капиталистических производителей. Так как эти последние противостоят друг другу лишь как товаро-владельцы, при чем каждый старается продать свой товар возможно дороже (и даже при регулировании производства руководствуется как будто только своим произволом), то внутренний закон пробивает себе дорогу лишь при посредстве их конкуренции, их взаимного давления друг на друга, благодаря которому взаимно уничтожаются все отклонения. Лишь как внутренний закон, как слепой закон природы выступает здесь в глазах отдельных деятелей производства закон стоимости и осуществляет общественное равновесие производства среди случайных колебаний.

Далее, уже товар как таковой, и в еще большей степени товар как продукт капитала, предполагает овеществление общественно-производственных определений и олицетворение материальных основ производства, что и является характерною особенностью всего капиталистического способа производства.

Вторая особенность, специально характеризующая капиталистический способ производства, это — производство прибавочной стоимости, как прямая цель и определяющий мотив производства. Капитал производит прежде всего капитал и достигает этого лишь постольку, поскольку производит прибавочную стоимость. При исследовании относительной прибавочной стоимости и, далее, превращения прибавочной стоимости в прибыль мы уже видели, что на этом основывается характерный для капиталистического периода способ производства,—особая форма развития общественных производительных сил труда, принимающих, однако, по отношению к рабочему вид самостоятельных сил капитала и находящихся поэтому в прямом противоречии с собственным его, рабочего, развитием. Производство ради стоимости и прибавочной стоимости предполагает, как показали наши дальнейшие исследования, непрерывно действующую тенденцию, стремящуюся свести рабочее время, необходимое для производства товара, т.-е. стоимость последнего к существующей в данный момент общественной средней. Стремление свести издержки производства к их минимуму становится сильнейшим орудием повышения общественной производительной силы труда, что, однако, в данном случае представляется лишь непрерывным повышением производительной силы капитала.

Тот авторитет, которым пользуется капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная

функция, которою он облечен как руководитель и властелин производства, существенно отлична от авторитета, вырастающего на базисе рабского, крепостнического и т. д. производства.

На базисе капиталистического производства массе непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства как строжайше регулирующийся авторитет, как развившийся в совершенно законченную иерархию общественный механизм их трудового процесса,—при чем, однако, авторитетом этим носители его пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства. Среди самих носителей авторитета, среди самих капиталистов, которые противостоят друг другу лишь как товаровладельцы, господствует полнейшая анархия, в рамках которой общественная связь производства осуществляется лишь как мощный закон природы подчиняющий себе индивидуальный произвол.

Только вследствие того, что даны как предпосылка труд в форме наемного труда и средства производства в форме капитала—следовательно, только вследствие этого специфически общественного строения этих двух важных факторов производства—часть стоимости (продукта) превращается в прибавочную стоимость, и эта прибавочная стоимость—в прибыль (ренту), в доход капиталиста, в добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство. Но только потому, что она превращается таким образом в его прибыль, добавочные средства производства, предназначенные для расширения воспроизводства и образующие часть прибыли капиталиста, превращаются в добавочный капитал и расширение процесса воспроизводства вообще в процесс капиталистического накопления.

Хотя наемный труд является формой труда, имеющей решающее значение для строения всего процесса и для специфического характера самого производства, тем не менее не наемным трудом определяется стоимость. При определении стоимости дело идет об общественном рабочем времени вообще, о количестве труда, которым вообще может располагать общество, и поглощение которого в различных пропорциях различными продуктами определяет, так сказать, удельный общественный вес последних. Та определенная форма, в которой общественное рабочее время осуществляется в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, находится, конечно, в связи с наемным трудом как формой труда и капиталом, как соответствующую формую средств производства, постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства.

Рассмотрим однако так называемые распределительные отношения сами по себе. Заработная плата предполагает наемный труд, прибыль— капитал. Следовательно, эти определенные формы распределения предполагают определенный общественный характер условий производства и определенные общественные отношения деятелей производства. Следовательно, определенное распределительное отношение лишь отражает в себе исторически определенное производственное отношение.

А теперь возьмем прибыль. Эта определенная форма прибавочной стоимости есть предпосылка того, что создание новых средств производства будет совершаться в форме капиталистического производства; следовательно, это есть отношение, господствующее над воспроизводством, хотя отдельному капиталисту и кажется, что он мог бы проесть всю свою прибыль в качестве дохода. Он наталкивается, однако, в этом своем стремлении на границы, которые встанут перед ним в форме фонда страхования, резервного фонда, закона конкуренции и т. д. и практически доказывают ему, что прибыль не есть просто категория распределения продукта, предназначенного для личного потребления. Далее, весь капиталистический процесс производства регулируется только при посредстве цены продуктов. Но регулирующие цены производства, в свою очередь, регулируются процессом уравнивания норм прибыли и соответственным распределением капитала между различными отраслями общественного производства. Таким образом прибыль является здесь главным фактором не распределения продукта, но самого его производства, фактором распределения капиталов и самого труда между различными сферами производства. Расщепление прибыли на предпринимательский доход и процент представляется разделением одного и того же дохода. Но оно порождается прежде всего развитием капитала как стоимости самовозрастающей, создающей прибавочную стоимость,— развитием этого определенного общественного образования господствующего процесса производства. Оно развивает из себя кредит и кредитные учреждения, а следовательно, вообще данное строение производства. В виде процента и т. п. мнимые формы распределения входят в состав цены как определяющие производственные моменты.

Что касается земельной ренты, то могло бы показаться, что она является чисто распределительной формой, так как земельная собственность как таковая не выполняет в самом процессе производства никакой—по крайней мере никакой нормальной—функции. Но то обстоятельство, что 1) рента ограничивается избытком над средней прибылью, что 2) земельный собственник из руководителя и властелина процесса производства, а следовательно, и всего общественного

жизненного процесса низводится до роли простого сдатчика земли в аренду, земельного ростовщика, простого получателя ренты,— обстоятельство это есть специфический исторический продукт капиталистического способа производства. То явление, что земля получила форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого способа производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера этого способа производства. Доход земельного собственника и при других формах общества можно было бы назвать рентой. Но оно было бы существенно отлично от ренты, какой она является при этом способе производства.

Итак, так называемые распределительные отношения создаются исторически определенными, специфически общественными формами процесса производства и теми отношениями, в которые вступают между собой люди в процессе воспроизводства своей человеческой жизни, и соответствуют этим формам и отношениям. Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, иную сторону которых они только и выражают собой. Капиталистическое распределение отлично от тех форм распределения, которые возникают из других способов производства, и каждая форма распределения исчезает вместе с определенной формой производства, в которой она коренится и которой она соответствует.

Взгляд, согласно которому лишь распределительные, а не производственные отношения должны рассматриваться как исторически данные, есть, с одной стороны, взгляд только что пробудившейся, но еще связанной критики буржуазной экономии. С другой стороны, он покоится на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен был бы совершать и ненормально изолированный человек, очутившийся вне всякого содействия со стороны общества. Поскольку процесс труда есть только процесс между человеком и природой, его простые элементы общи всем формам общественного развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Достигнув известной степени зрелости, данная историческая форма совлекается и уступает место более высокой. Момент наступления такого кризиса обнаруживается в том, что приобретает особенную широту и глубину противоречие и противоположность между распределительными отношениями,—а следовательно, и исторически определенной формой соответствующих им отношений производства—с одной стороны и производительными

силами, производительной способностью и развитием ее факторов—с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой⁵⁷⁾.

Глава пятьдесятая вторая.

К л а с с ы.

Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, соответственными источниками доходов которых являются заработная плата, прибыль и земельная рента, таким образом наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники, образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства.

В Англии современное общество в своей экономической структуре достигло бесспорно наиболее высокого классического развития. Однако и здесь это классовое расчленение не выступает еще в совершенно чистом виде. Даже и здесь средние и переходные ступени везде затемняют пограничные линии (правда, в деревне несравненно менее, чем в городах). Впрочем, это не имеет значения для нашего исследования. Мы уже видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все более и более отделяются от труда, что раздробленные средства производства все более концентрируются в значительных массах, что таким образом, труд превращается в наемный труд, а средства производства в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельный процесс отделения земельной собственности от капитала и труда⁵⁸⁾, т.-е. превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства.

Ближайший вопрос, на который мы должны ответить, таков: что образует класс? при чем ответ этот получится сам собою, раз мы ответим на другой вопрос: что делает наемных рабочих, капиталистов и земельных собственников элементами, образующими три великие общественные класса?

⁵⁷⁾ См. работу о Competition and Cooperation (1832?).

⁵⁸⁾ Ф. List правильно замечает: „Преобладание самопотребляющего хозяйства в крупных поместьях свидетельствует только о недостатке цивилизации, средств сообщения, отечественных промыслов, богатых городов. Потому-то мы и находим его повсеместно в России, Польше, Венгрии, Мекленбурге. Прежде оно господствовало и в Англии; с развитием торговли и промышленности на его место стало разделение на хозяйства средней величины, сдача в аренду“. (Die Ackerfassung, die Zwergwirtschaft und die Auswanderung. 1842, p. 10).

На первый взгляд, это—тожество доходов и источников дохода. Перед нами три большие общественные группы, члены которых или образующие их индивидуумы живут соответственно заработной платой, прибылью и земельной рентой, при помощи использования своей рабочей силы, своего капитала и своей земельной собственности.

Но с этой точки зрения пришлось бы отнести к двум классам, напр., врачей и чиновников, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, при чем члены каждой из этих групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же самое имело бы место и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда как среди рабочих, так и среди капиталистов и земельных собственников,—последние распадаются, напр., на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных ловель.

[Здесь рукопись обрывается].